This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4341.1.394(1)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ первый,

съ 4-мя фототипіями и 3-мя цинкографіями.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1907.

Slav 4341.1.394 (1)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1907 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ постановило выпустить всѣ отпечатанные подъ общею редакціею своего покойнаго сочлена ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго — листы сборника *Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя*, чтобы не задерживать появленія помѣщенныхъ въ нихъ матеріаловъ и статей. Къ печатанію же слѣдующаго, 2-го выпуска уже приступлено и редакція его поручена орд. академику А. И. Соболевскому.

Отдѣленіе приноситъ глубокую признательность сыну поэта *П. В. Жуковскому* за любезное предоставленіе, для провѣрки при печатаніи текста Дневниковъ 1814—5 годовъ, подлинныхъ рукописей, что было необходимо въ виду оказавшейся неполноты и неточности копіи съ нихъ, сдѣланной владѣльцемъ бумагъ А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго *А. Ѳ. Онѣгинымъ*, и присланной имъ для изданія въ настоящемъ выпускѣ.

4008

Содержаніе I-го выпуска.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ[1]:

Стран.

I. **Письма В. А. Жуковскаго** къ Императору **Николаю I** и къ Императрицѣ **Александрѣ Θеодоровнѣ** 1821—1852 гг.—Съ приложеніемъ **4-хъ фототипическихъ снимковъ съ портретовъ В. А. Жуковскаго** (описаніе коихъ см. на стран. V—VI предисловія).

Предисловіе А. А. Θомина . . . . . I—VI

Письма . . . . . 1—107

Примѣчанія къ письмамъ . . . . . 108—129

Перечень извѣстныхъ въ печати **писемъ В. А. Жуковскаго** къ Императору Николаю Павловичу и къ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ **съ 1817 г. по 1852 г.** . . . . . 131—7

Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій . . . 138—140

II. **Письма-Дневники В. А. Жуковскаго 1814 и 1815 годовъ** (числомъ пять), приготовленные къ печати **П. К. СИМОНИ** . . . . . 143—213

Предисловіе акад. **А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО** 143

Письма-Дневники 1814 г. 145

Іюнь 145

Іюль 159

[Сентябрь] 176

Письмо-Дневникъ **1815 г.** (?) . . . . . 188—211

Апрѣль . . . . . —

Внѣшность дневниковъ (съ 2-мя **снимками** на отд. листѣ) . . . 212—3

Дневникъ за Май 1814 (?) г. (отрывочныя записи) . . . . . —

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ:

I. **К. Я. ГРОТЪ: В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году.** (Новые матеріалы) . . . . . 1—46

II. **В. А. ФРАНЦЕВЪ: — Чешскіе переводы произведеній В. А. Жуковскаго** и статьи о его жизни и литературной дѣятельности . . 47—51

III. **ЕГО-ЖЕ: — Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ.** (Съ приложеніемъ **снимк.** къ страницѣ 74-ой) . . . . . 52—88

1) Въ I-мъ и во II-мъ отдѣлахъ — самостоятельный счетъ страницъ.

ПИСЬМА

Василія Андреевича Жуковскаго

къ

Императору Николаю I и къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ

1821 — 1852 гг.

Въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ[1]) хранится пакетъ съ письмами Василія Андреевича Жуковскаго къ Императору Николаю Павловичу и его супругѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, бывшей ученицѣ нашего поэта, а потомъ его другу и покровительницѣ.

Значеніе этихъ писемъ въ историко-литературномъ отношеніи обусловливается ролью самихъ корреспондентовъ въ русской исторіи и литературѣ. Главный интересъ сосредоточивается, конечно, на тѣхъ данныхъ, которыя даютъ эти письма для біографіи самого Жуковскаго, личность котораго въ исторіи литературы и въ исторіи общественныхъ отношеній была весьма замѣчательна, не только для своего времени и своего кружка, но и для всей послѣдующей эпохи и для послѣдующихъ поколѣній.

Всѣхъ писемъ 23; изъ нихъ 2 — адресованы Императору, а 21 — Императрицѣ.

Оба письма къ Императору на русскомъ языкѣ, а изъ писемъ къ Императрицѣ 13 на русскомъ и 8 на французскомъ языкѣ.

Письма обнимаютъ періодъ съ 1821 г. по 1852 г.

Послѣднее письмо (№ 23) написано даже не самимъ Жуковскимъ, который вслѣдствіе болѣзни глазъ не могъ уже писать, а подъ его диктовку, по всей вѣроятности[2]), однимъ изъ братьевъ его жены и только подписано имъ самимъ.

---

1) № 130/86 шк. 13. Карт. 3.

2) Согласно предположенію сына поэта—П. В. Жуковскаго.

Изъ переписки В. А. Жуковскаго съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и его супругой Александрой Ѳеодоровной въ нашей литературѣ до сихъ поръ уже были изданы слѣдующія письма В. А. Жуковскаго: три письма къ Императору 1830 и 1832 годовъ, напечатанные въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 года; одно письмо и три записки, напечатанныя въ Собраніи сочиненій Жуковскаго, изданныхъ подъ редакціей А. Д. Алферова (1902 г.); четыре письма къ Императору (1829 и 1830 гг.) появились въ «Русской Старинѣ» 1902 года. Кромѣ того указаніе на одно письмо къ Императору (1850 года) было сдѣлано И. А. Бычковымъ въ его описаніи «бумагъ Жуковскаго».

Что касается до писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, то изъ этой переписки были до сихъ поръ напечатаны слѣдующія письма Жуковскаго:

1) 20 писемъ (съ 1826 года по 1840 годъ) въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 и 1874 годъ.

2) Одно письмо (1840 г.) въ XI томѣ (посмертномъ) «Собранія сочиненій Жуковскаго», начатомъ печатаніемъ еще при жизни автора. А отсюда оно было перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ.

3) 6 писемъ (1821 и 1830 гг.) въ «Русской Старинѣ» за 1901 и 1902 годъ.

4) Одно письмо въ «Русскомъ Архивѣ» за 1900 годъ.

5) Одно письмо въ Собр. Соч. Жуковскаго, изд. подъ ред. А. Д. Алферова.

На нѣкоторыя письма или черновики ихъ или даже только наброски писемъ есть указанія въ описаніи Бумагъ В. А. Жуковскаго, сдѣланномъ И. А. Бычковымъ, и въ другихъ изданіяхъ (см. въ концѣ перечень писемъ В. А. Ж.).

Такимъ образомъ письма, хранящіяся въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ, являются весьма цѣннымъ матеріаломъ для характеристики отношеній Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Они пополняютъ два

значительныхъ пробѣла (между 1821—1827 и 1839—1852 годами, т. е. до конца жизни поэта), которые до сихъ поръ не могли быть ничѣмъ заполнены, такъ какъ къ характеристикѣ отношеній этихъ корреспондентовъ главнымъ матеріаломъ могутъ служить только ихъ письма. И тотъ фактъ, что эти письма были почему-то выдѣлены (и потому, конечно, не попали до сихъ поръ въ печать), можно, мнѣ кажется, объяснить ихъ интимнымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, характеромъ, а это обстоятельство тѣмъ болѣе увеличиваетъ ихъ цѣнность.

Письма печатаются съ оригиналовъ съ точнымъ сохраненіемъ орѳографіи и описокъ подлинниковъ.

Примѣчанія къ письмамъ помѣщены послѣ ихъ текста.

За примѣчаніями слѣдуетъ указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій, встрѣчающихся въ письмахъ.

Приложенный въ концѣ перечень всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ писемъ Жуковскаго выяснитъ значенія печатаемыхъ нынѣ и въ то же время послужитъ справочнымъ указателемъ для лицъ, интересующихся вопросомъ.

Для удобства всѣ письма датированы однообразно въ началѣ каждаго. При этомъ, если датировка сдѣлана не самимъ Жуковскимъ, то данныя, касающіяся времени и мѣста отправленія, заключены въ прямыя скобки.

Къ письмамъ В. А. Жуковскаго прилагаются снимки съ неизданныхъ до сихъ поръ портретовъ его, хранящихся въ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

Всѣ они прекрасно исполнены акварелью въ величину почти точно передаваемую фотографіей.

Первый изъ нихъ, работы извѣстнаго въ то время портретиста П. Ѳ. Соколова, изображаетъ Жуковскаго приблизительно въ 1823—1825-хъ годахъ, когда ему было 40 или 42 года, т. е.

*

передъ тѣмъ, какъ онъ былъ назначенъ наставникомъ великаго князя Александра Николаевича.

Съ этимъ портретомъ много сходства представляетъ очень рѣдкая гравюра, работы, вѣроятно, того же Соколова. Она извѣстна мнѣ лишь по двумъ экземплярамъ, находящимся въ собраніяхъ П. А. Ефремова и Е. Е. Рейтерна, — самыхъ полныхъ коллекціяхъ портретовъ В. А. Жуковскаго.

Второй и третій портреты принадлежатъ кисти тестя В. А. Жуковскаго Е. Рейтерна. Они исполнены, согласно помѣткѣ на одномъ изъ нихъ, въ 1832 году. Какъ тотъ, на которомъ Жуковскій изображенъ на диванѣ, такъ и другой, гдѣ онъ представленъ стоящимъ за рабочимъ столомъ, являются очень для него характерными по словамъ сына художника, Е. Е. Рейтерна, который видѣлъ нашего поэта, будучи 14 — 16-ти лѣтнимъ юношей.

Первые три портрета хранятся всѣ вмѣстѣ въ одномъ изъ альбомовъ въ библіотекѣ Императора Александра II.

Четвертый портретъ, работы неизвѣстнаго художника (можетъ быть, кисти Гау), находится въ альбомѣ за 1823—1837 г. съ портретами преподавателей и свиты Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича.

Считаю долгомъ упомянуть съ признательностью имя покойнаго завѣдующаго Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекой Р. А. Гримма, съ предупредительностью и вниманіемъ отнесшагося къ поискамъ необходимыхъ мнѣ матеріаловъ, а также выразить мою благодарность завѣдующему Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекой, В. В. Щеглову, за его любезное содѣйствіе при моемъ пользованіи печатаемыми нынѣ письмами Жуковскаго, и его помощнику Н. К. Леману за сличеніе набраннаго текста съ подлинниками.

А. Ѳоминъ.

В. А. Жуковскій въ 1820 — 1825 г.

Съ акварели П. Ѳ. Соколова, хранящейся въ Собственной Е. И. В. Библіотекѣ.

В. А. Жуковскій въ 1882 году.

Съ акварели Е. Рейтерна, хранящейся въ Собственной Е. И. В. Библіотекѣ.

В. А. Жуковскій въ 1832 году.

Съ акварели Е. Рейтерна, хранящейся въ Собственной Е. И. В. Библіотекѣ.

В. А. Жуковскій въ 1835 — 1840 г.

Съ акварели (можетъ быть Гау), хранящейся въ Собственной Е. И. В. Библіотекѣ.

1821 годъ.

№ 1.

Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Берлинъ] *[26 Ноября/8 Декабря 1821 года[1])].*

Я располагался пробыть въ Берлинѣ не болѣе недѣли, но вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я здѣсь: прошу у вашего Императорскаго Высочества прощенія за эту невольную медлительность[2]). Полуздоровый, полубольной боюсь пускаться въ путь: теперь нѣтъ дороги, дожди безпрестанныя; я принужденъ пробыть здѣсь нѣсколько дней лишнихъ, чтобы не остановиться долѣе, въ какомъ-нибудь незнакомомъ мѣстѣ на дорогѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ покинулъ свою комнату[3]), провожу время свое пріятно; бываю часто у m-e Kleist[4]), m-elle Wildermeth[5]), у Гуфланда[6]). Нѣсколько разъ имѣлъ честь обѣдать у Его Величества короля[7]). На прошедшей недѣлѣ въ день рожденія герцога Карла[8]) былъ въ palais Louis балъ: я видѣлъ въ знакомомъ мѣстѣ, знакомыя лица, слышалъ знакомую музыку: но отсутствіе вашего высочества все перемѣнило, а о моей шестимѣсячной отлучкѣ особенно напоминала мнѣ Принцесса Луиза[9]); она очень выросла и похорошѣла. Все прочее совершенно по старому. — Не могу изъяснить вашему высочеству моей благодарности къ его высочеству кронпринцу[10]): онъ оказываетъ мнѣ самую трогательную для меня благосклонность, за

которую плачу ему сердечною привязанностію. Я нѣсколько разъ имѣлъ честь у него обѣдать въ его маленькомъ обществѣ и провелъ вмѣстѣ съ нимъ два пріятнѣйшихъ вечера у m-elle Wildermeth. Въ оба раза читали клейстову[11]) трагедію der Prinz von Homburg[12]). Было много спору и смѣху. — На прошедшей недѣлѣ, въ то время когда король вмѣстѣ съ принцами Вильгельмомъ и Карломъ находился въ Потсдамѣ, принцъ Альбрехтъ[13]) давалъ въ своихъ комнатахъ обѣдъ, на который и я имѣлъ честь быть приглашенъ. Онъ прекрасно игралъ ролю хозяина и съ большою важностію засѣдалъ на почетномъ мѣстѣ. Кронъ-принцъ предложилъ пить здоровье des angenehmen Wirths[14]), и ему громко прокричали Hoh!

Какъ ни радуюсь мыслію возвратиться на родину, но покину Берлинъ съ сожалѣніемъ; я благодаренъ ему за многія счастливыя минуты и въ немъ есть люди, о которыхъ воспоминаніе навсегда останется драгоцѣнностію. Несмотря на то нетерпѣливо жду возможности отъѣзда. Надѣюсь выѣхать черезъ недѣлю или дней черезъ десять. Какое будетъ для меня счастіе опять увидѣть ваше Императорское высочество и снова приняться за исполненіе своей должности[15]).

Его Императорскому высочеству Государю великому князю приношу глубочайшее почтеніе.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ
Вашего Императорскаго Высочества
покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

Берлинъ, 26 ноября/8 декабря.

1823 годъ.

№ 2.

Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дерптъ]. *[25 Марта, 1823 года[1])].*

Je supplie votre Altesse Impériale de me permettre de rester une dixaine de jours à Dorpat[2]). Ma presence ici sans etre une consolation, est une espece de soulagement. Ils[3]) ont été surs que je viendrai, ils ont même revé que j'arrive, quoique ils ne m'ont pas invité. (J'ai tout su à Petersburg par un etranger). Je ne puis pas exprimer à Votre Altesse ma situation. Quel voyage et par quel chemin! par le même que j'ai fait[4]) il y a si peu de jours avec Alexandrine[5]) tous les deux heureux de revoir une soeur et une amie[6])! Il y a si peu d'intervalle entre mon dernier tranquille sejours ici et ce deplorable retour, que je suis a present comme demireveillé. Ils ont tous vu mourir, ils ont dit adieu, ils ont pleuré sur le cercueil—moi je suis de nouveau au milieu d'eux, je n'ai été témoin de rien, il me semble même que je n'ai pas fait d'absence et pourtant tout est bouleversé. A chaque instant il faut se rappeller de quelque chose d'affreux. J'entends la voix de sa fille[7]), je la vois jouer et courir comme il y a dix jours en presence de sa mere — ce n'est pas un souvenir, c'est une attente involontaire, continuellement trompée d'une maniere douloureuse. A chaque instant il faut revenir a soi avec un serrement de coeur inexprimable. L'enterrement a eu lieu deux jours avant mon arrivée[8]); je n'ai pas même cru arriver assez à tems. C'était une douleur pour toute la ville. Connu et inconnu ont envoyé des fleurs pour orner la table sur la quelle étaient couchés et la mere et le pauvre enfant[9]) qui lui a couté la vie (Son accouchement ne *pauvait* pas etre heureux: elle etait d'avance condamnée à mourir). Jeune et vieux l'on pleuré; tous ont conduit son cercueil; même les etudiant se sont donné le mot pour honorer ses chers depouil-

les. Le chemin de Petersburg passe près du cimetiere, ou elle repose: ma premiere visite a été a elle. Le soleil eclairait tranquillement ce morceau de terre sous le quel elle se derobait a mes yeux. Il regnait la un calme je ne dirai pas effrayant mais inconcevable et desesperant [10]). Maintenant nous pleuront tous ensemble, cela ne console pas, cela ne changera rien; on voudroit avoir recours a quelque chose, on l'essaie dans l'idee, on reconnai de nouveau que cela est inutile, que tout est fini, et les larmes coulent encore. Pauvre Alexandrine! Sa soeur a tout emporté avec elle. Je ne puis pas exprimer tout le malheur de sa situation a Votre Altesse mais vous me permettrez de vous en parler. Je demande pardon à Votre Altesse du desordre de cette lettre et de ce que j'y parle trop de moi même. Il est si naturel de vouloir epancher devant Vous son ame. Je n'ai pas ecrit à la grande Duchesse, mais a un etre ami, dont l'existence est deja une consolation. Que Dieu Vons conserve.

Je suis avec le plus profond et sincere devouement
de Votre Altesse Imperial
le tres humble
et le tres obeissant serviteur

Joucovscy.

Dorpat, 25 Mars.

№ 2.

Переводъ:

[Дерптъ]. *[25 Марта 1823 года [1])].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

Прошу, Ваше Императорское Высочество, позволить мнѣ пробыть дней десять въ Дерптѣ [2]). Мое присутствіе здѣсь, не будучи утѣшеніемъ, все-же служитъ нѣкоторымъ облегченіемъ.

Они[3]) были увѣрены, что я пріѣду, имъ даже снилось, что я пріѣзжаю, хотя они не приглашали меня (я узналъ обо всемъ въ Петербургѣ отъ посторонняго человѣка). Не могу описать Вашему Высочеству моего состоянія. Какое путешествіе и по какой дорогѣ! по той-же самой[4]), по которой еще такъ недавно я проѣзжалъ вмѣстѣ съ Александрой[5]): оба счастливые, что увидимъ снова сестру и друга[6])! Промежутокъ между моимъ послѣднимъ, спокойнымъ пребываніемъ здѣсь и этимъ прискорбнымъ возвращеніемъ такъ еще малъ, что мнѣ кажется, что я нахожусь какъ-бы въ полу-снѣ. — Всѣ они видѣли, какъ она умирала, всѣ простились, всѣ плакали надъ гробомъ — я же снова среди нихъ, но я не былъ свидѣтелемъ всего этого; мнѣ даже кажется, что я не уѣзжалъ, а между тѣмъ все перевернулось вверхъ дномъ. Каждую минуту приходится вспоминать о чемъ-то ужасномъ. Я слышу голосъ ея дочери[7]), я вижу ее играющей и бѣгающей, какъ десять дней тому назадъ въ присутствіи матери. — Это не воспоминаніе, это невольное ожиданіе, въ которомъ безпрестанно обманываешься самымъ ужаснымъ образомъ. Каждую минуту приходится возвращаться къ дѣйствительности съ невыразимой болью въ сердцѣ. Погребеніе состоялось за два дня до моего пріѣзда[8]); я даже и не предполагалъ пріѣхать во время. Это было горемъ для всего города. Знакомые и незнакомые присылали цвѣты для украшенія стола, на которомъ лежали мать и бѣдное дитя[9]), стоившее ей жизни (ея роды *не могли* пройти благополучно: она заранѣе была приговорена къ смерти). И молодые и старые оплакивали ее; всѣ шли за ея гробомъ; даже студенты сговорились придти почтить ея дорогіе останки. — Петербургская дорога проходитъ мимо кладбища, гдѣ она покоится; прежде всего я былъ у нея. Солнце мирно освѣщало этотъ клочекъ земли, который скрылъ ее отъ моихъ взоровъ. Тамъ царила тишина, не скажу ужасная, но непостижимая и доводящая до отчаянія[10]). —Теперь мы плачемъ всѣ вмѣстѣ. — Это не утѣшаетъ, это ничего не измѣнитъ; хотѣлось бы найти какой-нибудь исходъ, мысленно даже пытаешься найти его, но снова сознаешь,

что это безполезно, что все кончено, и снова льются слезы. — Бѣдная Александра! ея сестра все унесла съ собой. Я не могу описать Вашему Высочеству всю силу ея горя, но Вы мнѣ позволите разсказать Вамъ о немъ. Прошу прощенія у Вашего Высочества за безпорядочность этого письма и за то, что я въ немъ слишкомъ много говорю о себѣ — такъ естественно желаніе излить передъ Вами свою душу: я писалъ не Великой Княгинѣ, но другу, одно существованіе котораго уже служитъ утѣшеніемъ. — Да хранитъ Васъ Богъ.

Остаюсь съ глубочайшей и искреннѣйшей преданностью
Вашего Имераторскаго Высочества
нижайшій и покорнѣйшій слуга
Жуковскій.

Дерптъ, 25 Марта.

1826 годъ.

№ 3.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Эмсъ] *[15/27 Іюня 1826 года].*

Madame.

Arrivé a ma destination je m'empresse de profiter de la gracieuse permission, que Votre Majesté Imperiale a bien voulu me donner d'ecrire à Elle. Je commence par ce qui m'est le plus cher: par exprimer de nouveau les sentiments profonds de reconnaissance pour la bonté que Vous Madame et sa Majesté l'Empereur m'avez témoignés au moment de mon départ. C'est un souvenir ineffaçable et je le porte comme un trezor dans mon ame. Que la Providence accorde à mes Souverains tous les biens que leur coeur mérite: ce voeu de ma reconnaissance en est aussi un pour le bonheur de ma Patrie.

Je suis à Ems depuis quelques jours. Grand Dieu! Quelle nouvelle m'attendait à mon arrivée ici. Karamsine n'existe plus[1]). Mon pressentiment ne m'a pas trompé! Encore un ange de moins sur la terre! Oui! un ange! ce nom lui appartient. Jamais un être plus pur n'a orné le monde! Il nous a quitté! Quelle perte pour la Russie! Quelle perte pour le souverain de la Russie! Oui, madame! Vous avez perdu en lui un sujet dont la probité était à toute epreuve; un conseiller sage, dont les idées étaient grandes sans exagération, qui aimait Son pays, qui le connaissait, qui pouvait etre utile au trone par sa sagesse, un homme, dont le caractere respectable faisait respecter la dignité humaine, car il était une preuve vivante que la vertu pure existe et qu'on peut aimer le bien pour le bien, sans aucune vue d'interet ni d'egoisme. Les benedictions de sa patrie, à la gloire de la quelle il a tant contribué par ses ecrits, le suivront dans la tombe et rendront sacrée la place, ou reposent ses cendres. Avec quels sentiments de reconnaissance et d'attendrissement j'ai lu dans la la mince feuille publique qui m'a annoncé ma perte douloureuse, ce qu'a fait mon Souverain auguste pour lui et pour sa famille[2]). L'Empereur lui a rendu justice d'une manière digne du Chef d'un grand peuple: il a reçu sa recompense sans l'avoir reclamée; elle est venue à lui d'elle même, directement du coeur de son Souverain. Son ame qui etait profondement religieuse, ne s'est pas trompée dans Sa confience en Dieu: l'avenir de sa femme et de ses enfants, quoiqu'incertain, ne l'a jamais inquieté: il l'abandonnait tranquillement à la Providence divine.... Eh bien! cette Providence s'est declarée à lui au moment ou il allait descendre dans la tombe. L'Empereur peut se dire: j'ai réjouis les derniers moments d'un etre vertueux. Et certainement l'Image du bienfaiteur de sa famille dans ces moments solemnels s'est presentée à lui avec ceux qu'il aimait et qu'il quittait pour toujours; en les benissant il a aussi beni son Souverain et son Regne: une telle benediction ne reste jamais sans effet. Et tout coeur vraiment russe a du etre rempli de reconnaissance pour cette justice ecla-

tante, rendue à un merite si universellement reconnu: on sent dans des cas pareils que le Chef d'une nation est le vrai representant de la morale publique, que c'est lui qui en est l'organe, qui lui donne la sanction, qui la conserve intacte, comme le feu sacré de Vesta, symbole du salut de la Patrie. Rien ne rejouit tant lescoeurs, que cette conformité du Souverain avec l'opinion generale toujour juste et incorruptible en ce qui regarde le vrai merite. Alors toutes les bonnes idées son sanctionnées, le vice est decouragé, les hommes vertueux sont rassurés dans tout ce qu'ils aiment et qu'ils respectent, et le peuple acquiert un nouveau stimulant pour le bien, en voyant que son Chef l'approuve, le respecte et le proclame par ses recompenses.

Votre Majesté me permettra d'entrer ici dans quelques détails sur moi même. Mon voyage par mer à été singulierement heureux: par un temps constamment beau je suis arrivé en dix jour à Elseneur. J'ai cru partir sans delai; mais le bateau à vapeur qui va chaque semaine une fois de Coppenhague à Lubeck a été pris par le prince royal de Danemark[3]), ce qui m'a forcé de rester cinq jours à Coppenhague. D'ici a Lubek on fait le trajet en 24 heures. Apres avoir resté a Hambourg trois jours pour m'acheter et arranger un equipage, je suis parti pour ma destination; mais j'ai du voyager très lentement: ma faiblesse, seul reste de ma maladie, me forçait a m'arreter chaque nuit. Enfin je suis à Ems[4]). Je puis dire que le voyage seul m'a deja fait un grand bien. Le tems m'a eté toujours favorable pendant que j'ai eté en route: je n'ai pas souffert ni de la chaleur ni du froid. Les grandes chaleurs d'été n'ont commencé qu'à mon arrivée à Ems. Il fait apresent un tems magnifique, très favorable aux malades qui sont ici rassemblés. J'ai commencé à me traitér et vraiment je sens deja un bienetre interieur qui me promet qu'à la fin de la cure je serai complettement restoré. On vent que je reste ici jusqu'à la fin de Juillet nouveau stile. Après il faudra se reposer une semaine (Je veux employer ce tems à voir les bords du Rhin) et puis partir pour Egra, ou il faudra encore rester quatre se-

maines. D'Egra j'irai par Dresde à Berlin ou je compte etre au commencement de Septembre nouveau stile, et d'ou, apres une semaine de sejour, j'irai tout droit à Petersbourg, ou je pourrai arriver, si Dieu le permet, vers la fin de Septembre ou au commencement d'Octobre notre stile [5]). Je demande seulement la permission de passer 3 ou 4 jours à Dorpat.

Tel est mon plan, Madame! que Dieu me permette à le remplir; qu'il benisse les bienfaits, dont j'ai eté comblé par mon Souverain. Je ne lui demande qu'autant de vie, qu'autant de forces qu'il me sera nessessaire pour accomplir mon devoir: ce devoir est maintenant l'unique but de mon existence, c'est en lui seul que se reunissent maintenant toutes mes idées de bonheur ici bas, tous mes projets d'avenir, toutes mes plus cheres esperences. Je n'ai qu'une seule crainte—Madame, je ne le dis pas pour debiter une phrase — et cette crainte est bien grave: c'est celle de mon incapacité et de mou peu d'experience, mais Dieu qui voit ma Sincerité, me comptera pour quelque chose mon desir ardent de bien faire et mon devouement complet à ma vocation; il me soutiendra; il m'aidera à trouver les lumieres nessessaires. — Que fait il maintenant mon eleve bien aimé? Cher ange! Que Dieu le conserve pour notre Bonheur! Je ne puis penser sans attendrissement au congé, que j'ai pris de lui. Aprés avoir quitté Votre Majesté, je suis dessendu dans notre chambre d'étude, ou il se trouvait seul avec Moerder [6]). Il a commencé a pleurer à chaudes larmes lorsque je l'ai embrassé. Etant sorti, je me suis arreté avec Moerder dans le vestibule. Voila qu'il accourt et se jette sur moi tout en larmes. *Простu!* fut le seul mot qu'il a pu dire. Mais l'accent avec le quel il a prononcé ce seul mot était si touchant; il y avait quelque chose de si sonore, de si *partant du coeur* dans cet accent, que jamais il ne s'effacera de mon souvenir. C'est une ame bien née! Que la Providence veille sur ce trezor. J'espere, que les etudes, d'après les dispositions, qui ont eté faites à mon départ, vont leur train sans interruption. J'ose ici demander à Votre Majesté la grace de ne pas faire aucun change-

ment dans leur cours. Le plan, une fois adopté, doit etre suivi sans variation et strictement. Surtout je supplie Votre Majesté de ne pas vous hater dans le choix de l'Ecclesiastique, qui devra donner au Grand Duc l'instruction religieuse: cet objet est trop essentiel et demande une grande circonspection. Il nous faut un homme, qui puisse entrer complettement dans notre plan. La Religion n'est pas une science detachée qu'on etudie comme les mathematiques, elle n'est pas uniquement un objet *d'instruction*; elle est plutôt un moyen *d'education*; elle doit entrer dans tout, elle doit s'identifier avec tous les sentiments, avec toutes les idées pour pouvoir devenir *la regle de la vie*: autrement son influence sera peu de chose. Tout depend du choix du maitre. Si nous ne pourrons pas trouver *ce qu'il nous faut*, au moins emparons nous de ce *qu'il y a de mieux*. J'espere, qu'à mon retour j'aurai le moyen de Vous presenter un homme, digne de Votre confience.

En un mot je prie instamment Votre Majesté Impériale, que jusqu'à mon arrivée rien ne soit ni changé, ni diminué, ni augmenté dans les études de son Altesse; Veuillez bien sur cet objet soumettre mes très humbles prières à Sa Majesté L'Empereur.

J'ai eu le bonheur d'etre ici presenté à Son Altesse Madame la princesse Royale de Prusse[7]). Elle est infiniment gracieuse, elle charme par sa franche bienveillance; Sa phisionomie a un attrait particulier. Elle a eu la bonté de me dire, qu'elle attendait ici l'arrivée de Mademoiselle Wildermeth, mais qu'elle craignait un peu les distractions qui peuvent lui faire oublier ce projet. Le Prince Royal n'est pas ici; il ne viendra qu'à la fin de Juillet pour deux jours, pour repartir tout de suite avec son epouse. J'aurai toujour le bonheur de le voir un moment à Ems en attendant celui de le revoir à Berlin. J'ai eu aussi l'honneur de rencontrer le Prince Frederic[8]) qui à eu la bonté de m'acquellir comme une encienne connaissance avec une cordialité tout à fait aimable: il n'est venu à Ems que pour voir la princesse Royale; maintenant il se trouve à Dusseldorf. J'ai trouvé ici plusieurs connaissance de Berlin, eutre autres le general Klausevitz[9]) avec

Son aimable femme, la comtesse de Perponcher[10]), la comtesse de Reede, qui accompagne la princesse Royale, le comte de Bernsdorf et le major de Thümplink[11]). On attend ici pour le 26 Juillet n. s. l'arrivée de Madame la grande Duchesse Marie[12]). Elle arrive d'abord (le 8) à Schlanguenbad, ou je comte aller la saluer. J'ai appris cette agreable nouvelle par la comtesse Egloffstein[13]), qui est ici ma voisine. Sa santé parait etre beaucoup melleure qu'à Petersbourg. Il y a ici quelques familles Russes: La Princesse Meschtchersky[14]) avec son fils, Madame Doctoroff[15]) avec ses filles, La princesse Galitzine née Souvoroff[16]); La famille Stourdza[17]) et le comte Edelink[18]): je suis bien heureux d'avoir trouvé ici ces derniers; c'est une reunion d'etres bien respectables. La jeune M-e Stourdza[19]) a recu avec la plus vive reconnaissance les compliments, dont Votre Majesté a eu la bonté de me charger pour elle. Enfin pour couronner tout, le Comte Capod'Istrias[20]) se trouve aussi à Ems: j'ai revu avec attendrissement celui qui a eté aimé par l'Empereur Alexandre, et qui l'a aimé avec un si fidele devouement. C'est une belle ame, jeune de sentiments, mure d'experience. Il a ete l'ami de Karamsine et il est bien digne de ce titre respectable. Pour moi je jouis du bonheur de le voir et de l'entendre. Il aime la Russie; il a une affection franche pour Son Souverain. Sa santé me parait etre dans un très bon etat.

Je dois finir, en demandant pardon à Votre Majesté de l'enorme longueur de ma lettre. Elle trouvera Votre Majesté encore à Petersbourg; mais votre depart pour Moscou sera deja prochain. C'est pour moi une perte vraiment irreparable que d'etre privé du bonheur d'assister à Votre entrée dans la ville natale de notre cher Ange[21]) et de ne pas être temoin de Votre couronnement[22]). Mes voeux ardents vous suivront de loin. Je n'ai qu'une priere à adresser au ciel pour mon bien aimé Souverain: Que Dieu, en couronnant sa tete de la puissance Suprême, couronne aussi Son regne du bonheur de ses peuples. Que nous faut il pour trouver en Lui notre salut! Dès les premiers jours Il nous a prouvé qu'il

est capable de *S'oublier* pour la chose publique en sacrifiant même un trone[23]), et qu'il a le *courage* nessessaire pour soutenir ce trone, lorsqu'une fois il est devenu son partage. Il veut le bien de bonne foi et il a la force de caractere indispensable pour executer ce qu'il veut. Que nous reste-t-il à demander au Ciel pour un tel Monarque, afin que nos cheres esperences en Lui et ses propres belles resolutions ne soient jamais trompées? Des Hommes! Des hommes, capables de concevoir avec Lui, que le bonheur du Souverain est celui de la patrie, que servir leur pays est en meme tems servir leur Prince et que les separer l'un de l'autre c'est les trahir tous les deux. Les evenements derniers[24]) ont trop prouvés, que plus le Souverain reste isolé dans la toute puissance de sa volonté, plus il depend de ceux, par qui sa volonté est executée. Le regne passé etait celui d'Alexandre, d'une belle ame, dont le caractere etait l'humanité. Nous en avons pourtant vu les resultats. Malheur si les ministres de la puissance souveraine ne sont qu'esclaves de leur interet: ils se cachent alors sous le masque d'un devouement servile, qui n'est que trahison, ils deviennent tyrans de la volonté du maitre, qu'ils denaturent, et les vrais revolutionnaires, qui arment contre lui le mecontentement general, en faisant tomber sur lui seul le blame, qui n'est du qu'à leur trahison mercenaire. Eh bien! que Dieu en couronnant mon Souverain, le guide et l'eclaire dans le choix de ceux qui entoureront sa personne sacrée et qui en devenant les intermediaires entre Lui et ses sujets, deviendront nessessairement ses representants. Tels sont les voeux que je forme pour lui, comme un sujet devoué, en pensant au moment solemnel qui mettra la couronne de Pierre le grand sur sa tete. Et je renouvelle ici, par attachement pour sa personne, le serment de fidelité que j'ai prononcé par devoir dans le temple. J'ai eté temoins — et je benis le ciel da l'avoir été — que son ame est grandement genereuse et maintenaut je suis intimement persuadé, que toute voix qui parte du coeur, en proclamant le juste et le beau, sera complettement comprise par le sien et toujours en recevra

une belle reponse. Que ne fera-t-il pour ma patrie, secondé par des hommes capables de l'aimer et de l'entendre!

Pour vous, Madame! jouissez de votre belle destination! votre caractere est fait pour repandre autour de Vous la serenité et la paix. Et jouissant calmement du bonheur domestique, qui est votre ouvrage — bonheur, qui soulagera Votre auguste Epoux dans ses travaux penibles et qui developpera dans le coeur de vos enfants toutes les vertus humaines—vous remplirez complettement votre haute vocation et la prophetie de Votre Mere sera realisée.

Je suis avec le plus profond respect et le plus fidele devouement

Madame

De Votre Majesté Imperiale

le très humble et le très fidele sujet

Jukoffsky.

Ce 15/27 Juin 1826, Ems.

№ 3.

Переводъ:

[Эмсъ] *[15/27 Іюня 1826 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

Прибывъ на мѣсто своего назначенія, я спѣшу воспользоваться милостивымъ разрѣшеніемъ писать Вамъ, которое Вы, Ваше Императорское Величество, пожелали мнѣ дать. — Начну съ того, что мнѣ всего дороже: т. е. съ выраженія чувствъ глубочайшей благодарности за доброту, которую Вы, Всемилости-

вѣйшая Государыня, и Его Величество Государь Императоръ оказали мнѣ въ минуту моего отъѣзда. Это неизгладимое воспоминаніе, и я ношу его, какъ сокровище въ моей душѣ. Пусть Провидѣніе даруетъ моимъ покровителямъ всѣ блага, которыхъ достойно ихъ сердце: это желаніе, вызванное моею личной благодарностью, есть въ то-же время и желаніе счастія для моего отечества. Я уже нѣсколько дней въ Эмсѣ. Великій Боже! Какое извѣстіе ожидало меня при моемъ прибытіи сюда! Карамзина нѣтъ болѣе[1])! Мое предчувствіе не обмануло меня! На землѣ еще однимъ ангеломъ меньше! да! ангеломъ! Это настоящее его названіе. Никогда еще существо болѣе чистое не украшало міръ! Онъ покинулъ насъ! Какая потеря для Россіи! Какая потеря для Повелителя Россіи! Да, Всемилостивѣйшая Государыня! Въ лицѣ его Вы лишились подданнаго вполнѣ испытанной честности, мудраго совѣтника, идеи котораго были велики безъ преувеличенія; который любилъ свою страну, который зналъ ее, который могъ быть полезнымъ трону своей мудростью; человѣкъ достойный уваженія и заставлявшій уважать человѣческое достоинство, потому что и онъ самъ былъ живымъ доказательствомъ, что на свѣтѣ существуетъ истинная добродѣтель и что можно любить добро ради добра, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ и эгоистичныхъ видовъ на него. Благословенія родины, прославленію которой онъ такъ много содѣйствовалъ своими сочиненіями, послѣдуютъ за нимъ въ могилу и сдѣлаютъ священнымъ мѣсто, гдѣ покоятся его останки. — Съ какими чувствами признательности и умиленія, прочелъ я въ маленькой газеткѣ, возвѣстившей объ этой горестной для меня утратѣ, о томъ, что сдѣлалъ мой августѣйшій Покровитель для него и для его семьи[2]). Императоръ воздалъ ему должное—образомъ, достойнымъ вождя великаго народа: онъ получилъ свою награду не прося ея; она пришла къ нему сама собою, непосредственно отъ сердца его Государя. Онъ былъ глубоко религіозенъ, и душа его не обманулась въ своемъ упованіи на Бога: будущее его жены и дѣтей, хотя было не обезпечено, никогда его не безпокоило; онъ предостав-

лялъ его совершенно спокойно божественному Провидѣнію... И Провидѣніе явило себя ему въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ сойти въ могилу. Императоръ можетъ сказать себѣ: я усладилъ послѣднія минуты добродѣтельнаго существа. И, конечно, образъ благодѣтеля его семьи предсталъ предъ нимъ въ эти торжественныя минуты вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ онъ любилъ и покидалъ навсегда; благословляя ихъ, онъ также благословлялъ своего Государя и его царствованіе: такое благословеніе никогда не остается безъ послѣдствій. И всякое дѣйствительно русское сердце должно было быть исполнено благодарности за блистательный актъ справедливости, оказанный человѣку, достоинство котораго признано всѣмъ міромъ; въ такихъ случаяхъ чувствуешь, что Глава народа есть истинный представитель общественной нравственности, что онъ служитъ ея выразителемъ, санкціонируетъ ее, сохраняетъ ее неприкосновенной, подобно священному огню Весты, символу спасенія родины.—Ничто такъ не радуетъ сердца всѣхъ, какъ это согласіе Государя съ общимъ мнѣніемъ, которое всегда непогрѣшимо и неподкупно въ томъ, что касается истинныхъ заслугъ.—Тогда всѣ добрыя идеи утверждаются, порокъ обезоруживается; люди добродѣтельные получаютъ поддержку въ томъ, что они любятъ и что они уважаютъ, а у народа является новое побужденіе къ добру, когда онъ видитъ, что его Глава одобряетъ его, уважаетъ и награждаетъ по его заслугамъ.

Ваше Величество, разрѣшите мнѣ войти въ нѣкоторыя подробности относительно меня самого. Мое путешествіе моремъ было удивительно счастливо: при постоянно прекрасной погодѣ я прибылъ на 10-й день въ Эльзиноръ. Я разсчитывалъ продолжить путь безъ замедленія, но пароходъ, отходящій разъ въ недѣлю изъ Копенгагена въ Любекъ, былъ уже занятъ Датскимъ кронпринцемъ [3]), что и принудило меня пробыть пять дней въ Копенгагенѣ. Переѣздъ отсюда до Любека совершается въ 24 часа. Пробывъ въ Гамбургѣ три дня, чтобы купить и устроить экипажъ, я отправился къ мѣсту моего назначенія, но я долженъ

былъ ѣхать очень медленно: слабость, единственный остатокъ моей болѣзни, заставляла меня останавливаться на ночь. Наконецъ я въ Эмсѣ [4]). Я могу сказать, что уже само путешествіе принесло мнѣ большую пользу. Погода все время, пока я былъ въ дорогѣ, была благопріятна: я не страдалъ ни отъ жары, ни отъ холода. Сильныя лѣтнія жары начались лишь съ моимъ пріѣздомъ въ Эмсъ.—Теперь погода великолѣпная, очень благопріятная для собравшихся здѣсь больныхъ. Я началъ лѣчиться и, право, уже чувствую улучшеніе, которое обѣщаетъ мнѣ, что къ концу лѣчебнаго курса здоровье мое будетъ вполнѣ возстановлено. Желательно, чтобы я пробылъ здѣсь до конца Іюля новаго стиля. Послѣ этого надо будетъ отдохнуть одну недѣлю (я хочу употребить это время для обозрѣнія береговъ Рейна), а затѣмъ ѣхать въ Эгеръ, гдѣ надо будетъ пробыть еще четыре недѣли. Изъ Эгера я поѣду черезъ Дрезденъ въ Берлинъ, куда я разсчитываю прибыть въ началѣ сентября новаго стиля [5]), а откуда послѣ недѣльнаго пребыванія отправлюсь прямо въ Петербургъ, куда могу пріѣхать, если Богъ дастъ, къ концу сентября или къ началу октября нашего стиля. Я только прошу разрѣшенія пробыть въ Дерптѣ три, четыре дня.

Таковъ мой планъ, Всемилостивѣйшая Государыня! Да поможетъ Господь мнѣ выполнить его! да благословитъ Онъ тѣ благодѣянія, которыми осыпалъ меня мой Государь. Я прошу у Него лишь столько жизни и силъ, сколько мнѣ будетъ нужно для выполненія моихъ обязанностей: эти обязанности служатъ теперь единственной цѣлью моего существованія; въ нихъ въ однихъ соединяются всѣ мои помыслы о земномъ счастіи, всѣ планы будущаго, всѣ мои драгоцѣннѣйшія надежды.—У меня одно только опасеніе, Всемилостивѣйшая Государыня,—говорю это не для того, чтобы сказать фразу,—и опасеніе это очень серьезно: я боюсь, что у меня нѣтъ способностей и опытности, но Богъ, видящій мою искренность, зачтетъ мнѣ мое страстное желаніе хорошо выполнить свои обязанности и мою полнѣйшую преданность моему призванію; Онъ поддержитъ меня; Онъ поможетъ мнѣ

найти необходимыя знанія.—Что дѣлаетъ теперь мой любимѣйшій ученикъ? Дорогой Ангелъ! Богъ да сохранитъ его для нашего счастья! Не могу вспомнить безъ умиленія о нашемъ прощаніи. Выйдя отъ Вашего Величества, я спустился въ нашу классную комнату, гдѣ Онъ былъ одинъ съ Мердеромъ[6]). Онъ заплакалъ горькими слезами, когда я обнялъ его. Выйдя изъ классной, я остановился съ Мердеромъ въ вестибюлѣ, и вотъ онъ прибѣжалъ весь въ слезахъ и бросился ко мнѣ. «*Прости!*»—вотъ все, что онъ могъ сказать, но тонъ, которымъ онъ произнесъ это единственное слово, былъ такъ трогателенъ, въ немъ было что-то такое звучное, *исходящее отъ сердца*, что никогда это «прости» не изгладится изъ моей памяти. Это благородная душа! Провидѣніе да хранитъ это сокровище!—Надѣюсь, что занятія идутъ своимъ чередомъ, безъ перерыва, по тому плану, который былъ составленъ передъ моимъ отъѣздомъ. Осмѣливаюсь просить у Вашего Величества великой милости не дѣлать никакихъ измѣненій въ планѣ занятій. Надо строго и безъ измѣненій придерживаться разъ принятаго плана. Особенно умоляю Ваше Величество не торопиться выборомъ духовнаго лица, которое должно будетъ дать Великому Князю религіозное образованіе: это предметъ слишкомъ серьезный и требуетъ большой осмотрительности. Намъ нуженъ человѣкъ, который могъ бы вполнѣ раздѣлять нашъ планъ. Религія не отдѣльная наука, которую изучаютъ, какъ напримѣръ, математику; она не можетъ быть разсматриваема только, какъ предметъ *обученія*; она скорѣе служитъ *средствомъ воспитанія*, она должна входить во все, должна сливаться со всѣми чувствами, со всѣми мыслями, чтобы стать *жизненнымъ правиломъ*, иначе, вліяніе ея будетъ очень ничтожно. Все зависитъ отъ выбора учителя. Если мы не будемъ въ состояніи найти *то, что намъ нужно*, по крайней мѣрѣ возьмемъ то, *что есть лучшаго*. Надѣюсь, что по возвращеніи моемъ, я буду имѣть возможность представить Вамъ человѣка, достойнаго Вашего довѣрія. Однимъ словомъ, я убѣдительно прошу Ваше Императорское Величество, чтобы до моего пріѣзда ничто не было ни из-

мѣнено, ни убавлено, ни прибавлено въ занятіяхъ Его Высочества. Соблаговолите представить Его Величеству Государю Императору мою покорнѣйшую просьбу относительно этого.

Я имѣлъ счастіе быть представленнымъ здѣсь Ея Высочеству кронпринцессѣ Прусской[7]). Она безконечно прелестна и очаровываетъ своей искренней благосклонностью; ея лицо отличается особенной привлекательностью. Она была такъ добра, что сказала мнѣ, что ожидаетъ здѣсь пріѣзда M-elle Vildermeth, но нѣсколько опасается развлеченій, изъ за которыхъ она можетъ забыть объ этомъ проектѣ. Кронпринца здѣсь нѣтъ. Онъ пріѣдетъ лишь въ концѣ Іюля на два дня, чтобы тотчасъ-же уѣхать со своей супругой.—Я все-же буду имѣть счастіе видѣть его на минуту въ Эмсѣ, въ ожиданіи свиданія въ Берлинѣ.—Я имѣлъ также честь встрѣтить Принца Фридриха[8]), который принялъ меня, какъ стариннаго знакомаго, крайне любезно и радушно: онъ пріѣзжалъ въ Эмсъ лишь для свиданія съ Наслѣдной Принцессой; теперь онъ въ Дюссельдорфѣ.—Я засталъ здѣсь нѣсколькихъ знакомыхъ изъ Берлина; между прочимъ Генерала Клаузевицъ[9]) съ его милой женой, графиню Перпонше[10]), графиню де Рееде, которая сопровождаетъ Принцессу, графа Бернсдорфъ и маіора Тюмплингъ[11]). — Здѣсь ожидаютъ къ 26 Іюля н. с. прибытія Великой Княгини Маріи[12]). Она пріѣдетъ сначала (8-го) въ Шлангенбадъ, куда я думаю отправиться, чтобы привѣтствовать ее. Я узналъ эту пріятную новость отъ графини Эглофштейнъ[13]), моей здѣшней сосѣдки. Ея здоровье повидимому гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь живетъ нѣсколько русскихъ семействъ: Княгиня Мещерская[14]) съ сыномъ, г-жа Докторова[15]) съ дочерьми, княгиня Голицына, урожденная Суворова[16]), семейство Стурдза[17]) и графъ Эделингъ[18]). Я очень радъ, что встрѣтилъ здѣсь послѣднихъ: это общество весьма почтенныхъ людей. Молодая M-e Стурдза[19]) приняла съ величайшей благодарностью привѣтъ, который я передалъ ей по милостивому порученію Вашего Величества.—Наконецъ, какъ бы вѣнцомъ всего, служитъ графъ Каподистріа[20]), тоже находящійся въ Эмсѣ. Съ умиленіемъ уви-

дѣлъ я снова того, кто былъ любимъ Императоромъ Александромъ и кто его любилъ съ такой глубокой преданностью. Это чудная душа, молодая по чувствамъ и зрѣлая по опытности. Онъ былъ другомъ Карамзина и вполнѣ достоинъ этого почетнаго названія. Что касается меня, то я наслаждаюсь счастіемъ видѣть и слушать его. Онъ любитъ Россію, искренно преданъ Государю. — Мнѣ кажется, что здоровье его очень хорошо.

Я долженъ кончить, попросивъ извиненія у Вашего Величества за непомѣрно длинное письмо. Оно еще застанетъ Ваше Величество въ Петербургѣ, но отъѣздъ Вашъ въ Москву будетъ уже близокъ. Для меня дѣйствительно не вознаградится утрата, что я буду лишенъ счастія присутствовать при Вашемъ въѣздѣ въ родной городъ нашего дорогого Ангела[21]), и не буду свидѣтелемъ Вашего коронованія[22]). Мои пламенныя пожеланія послѣдуютъ за Вами издали. У меня одна лишь молитва къ небу за моего горячо любимаго Государя: чтобы Господь, вѣнчающій его главу высшей властью, увѣнчалъ бы и его царствованіе счастьемъ его народовъ. Что-же намъ нужно, чтобы найти въ Немъ наше спасеніе! Уже съ первыхъ дней Онъ показалъ намъ, что способенъ *забывать о себѣ* ради общественнаго дѣла, принося ему въ жертву даже тронъ[23]), и что у него есть достаточно *мужества* для поддержанія этого трона, разъ онъ сталъ его удѣломъ.— Онъ искренно желаетъ добра, и у него есть сила характера, необходимая для выполненія того, чего онъ хочетъ. Чего же еще просить намъ у Бога для такого Монарха какъ не того, чтобы наши дорогія упованія на Него, а также его собственныя прекрасныя намѣренія никогда не обманули насъ.

Людей! Людей, способныхъ понять, что счастіе Государя,— это счастіе отечества, что служить родинѣ значитъ въ тоже время служить и ея Государю, что отдѣлять одно отъ другого,— значитъ измѣнять и тому, и другому. Послѣднія событія[24]) доказали слишкомъ достаточно, что, чѣмъ уединеннѣе стоитъ Государь во всемогуществѣ своей воли, тѣмъ болѣе зависитъ Онъ отъ тѣхъ, кто исполняетъ его волю. Царствованіе Александра было цар-

ствованіемъ человѣка прекрасной души и гуманнаго характера, который былъ сама гуманность; мы видѣли однако результаты этого.—Горе, если министры самодержавнаго Государя только рабы своихъ выгодъ: тогда они скрываются подъ маской рабской преданности, которая есть не что иное, какъ предательство, они становятся тиранами воли господина, которую извращаютъ, и дѣлаются настоящими революціонерами, которые вооружаютъ противъ него всеобщее недовольство, подводя его одного подъ то осужденіе, которое было вызвано исключительно ихъ корыстолюбивымъ предательствомъ.—И такъ! пусть Господь, коронуя моего Государя, направитъ и вразумитъ Его при выборѣ тѣхъ лицъ, которые будутъ окружать Его священную особу и которые, сдѣлавшись посредниками между Нимъ и Его подданными, станутъ въ силу необходимости Его представителями. Таковы пожеланія, которыя для Него слагаются въ моихъ мысляхъ, какъ преданнаго Ему подданнаго, думающаго о томъ торжественномъ мгновеніи, когда корона Петра Великаго будетъ возложена на Его главу. И здѣсь, изъ преданности Ему, я снова приношу клятву вѣрности, которую уже далъ по чувству долга въ храмѣ. Я былъ свидѣтелемъ — и благодарю за это Бога — его великодушія, и теперь глубоко убѣжденъ, что всякій голосъ, идущій отъ сердца и стоящій за справедливость и прекрасное, всегда будетъ Имъ понятъ и найдетъ откликъ въ Его сердцѣ. Чего не сдѣлаетъ онъ для моей родины при помощи людей способныхъ полюбить и понять его!

Что касается Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, наслаждайтесь Вашимъ прекраснымъ назначеніемъ! Вашъ характеръ созданъ для того, чтобы распространять вокругъ себя счастье и миръ. Наслаждаясь покойно домашнимъ счастьемъ, Вами созданнымъ—счастьемъ, которое облегчитъ Вашему Августѣйшему Супругу Его тяжелые труды и разовьетъ въ сердцахъ Вашихъ дѣтей всѣ человѣческія добродѣтели—Вы вполнѣ выполните Ваше высокое призваніе, и предсказаніе Вашей Матери исполнится.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и искреннѣйшей преданности,

Всемилостивѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга

Жуковскій.

15/27 Іюня 1826. Эмсъ.

№ 4.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Эмсъ] *[22 Іюля (3 Августа) 1826 года].*

Madame!

Pourrai-je dans un pareil jour ne pas exprimer devant Votre Majesté Impériale les sentiments qui remplissent toute mon ame. Je me transporte en imagination à Moscou. J'y vois Votre entree solemnelle [1]), je vois l'Empereur acqueilli avec amour et enthousiasme, je vois à Vos cotés Votre fils, representant des beaux jours, que Vous apportez à sa patrie — ce tableau enflamme mon coeur et je regrette avec amertume de ne pas pouvoir jouir d'un spectacle dont le souvenir resterait ineffaçable dans l'ame. Toutefois de loin, dans ma pensee, je Vous accompagne de voeux les plus ardents. Que Dieu benisse ce grand moment et que Votre couronnement soit le symbole de la felicité de ma patrie! Le regne de l'Empereur Nicolas doit etre heureux: la Providence est toujours du parti d'une ame pure. Madame, veuillez bien agréer ces voeux d'un coeur qui vous est devoué sans bornes. Il m'est doux de repeter dans un moment comme celui-ci, que tous les instants de ma vie, sans aucune restriction, appartiendront desormais à l'accomplissement du devoir sacré, dont votre auguste confiance m'a chargée.

Je suis encore à Ems mais je le quitte dans deux jours pour me rendre à petites journées a Egra, ou je compte etre le 15 Aout nouveau stile. C'est Egra, qui determinera le sort de ma maladie, et je prendrai la liberte d'écrire à Votre Majesté sur ce qui sera décidé sur mon compte.

J'ai eu le bonheur de voir ici la princesse Guillaume[2]) et c'est à Votre Majesté que je dois etre reconnaissant pour ce bonheur; son Altesse n'est restée ici que quelques heures[3]), mais Elle a bien voulu me faire la grace de m'apeller chez Elle et m'a communiquée les nouvelles, qu'elle a reçu de Votre Majesté le même jour. Elle a lu Votre lettre sur le pont de Mayence et en a jetté l'enveloppe dans le Rhin, en sacrifice reconnaissant au venerable Dieu du fleuve. J'ai été touché profondement de sa bienveillance. Elle est toujours telle que je l'ai vue jadis: belle et bonne, faite pour enflammer la lyre d'un poete et d'enthousiamer de loyaux chevaliers. Son Altesse le prince Royal[4]) n'est resté à Ems qu'un jour et demi: j'ai eu le bonheur de le voir deux fois[5]) chez Lui et de passer dans sa societé une soirée chez la comtesse de Perponcher: Il m'a acquelli avec une bonté si amicale, que le souvenir en restera toujours gravé dans mon ame. Pourtant il m'a paru etre triste dans les moments que j'ai passé avec lui: certainement ma vue a reveillé dans son coeur des souvenirs et des regrets; moi même, en le voyant, j'ai pensé a celui, que nous avons perdu. Maintenant Son Altesse Imperiale madame la grande Duchesse Marie[6]) se trouve à Ems. Votre Majesté peut concevoir le sentiment qu'a du produire dans mon ame l'entrevue avec Son Altesse. Je ne m'etendrai pas sur cet objet. Je dirai seulement qu'en la voyant si doucement bienveillante, si tranquillement resignée, on devine avec un profond attendrissement ce qui se passe dans son ame, et on se sent penetré de quelque chose de religieux qui remue l'ame et l'elève[7]). Sa santé parait etre ameilleurée. On est persuadé que les eaux d'Ems lui fairont un bien decidé.

Madame, je mes aux pieds de Votre Majesté Imperiale les

expressions du profond respect et de l'attachement sans bornes avec les quels j'ai l'honneur d'etre

Madame,
de Votre Majesté Imperiale
le tres fidele sujet

Joukoffsky.

Ems 22 Juillet 3 Aout 1826.

№ 4.

Переводъ.

[Эмсъ]. *[22 Іюля (3 Августа) 1826 г.].*

Всемилостивѣйшая Государыня!

Могу ли я не высказать въ такой день передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ тѣхъ чувствъ, которыми переполнена душа моя? Я переношусь мысленно въ Москву, вижу Вашъ торжественный[1]) въѣздъ, вижу, съ какою любовью, съ какимъ восторгомъ встрѣчаютъ Императора, рядомъ съ Вами вижу Вашего сына, служащаго залогомъ прекрасныхъ дней, которые Вы даруете его родинѣ.—Эта картина воспламеняетъ мое сердце, и я горько сожалѣю, что не могу наслаждаться зрѣлищемъ, воспоминаніе о которомъ оставило бы неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ. Во всякомъ случаѣ издали я мысленно сопровождаю Васъ лучшими пожеланіями. Богъ да благословитъ эту великую минуту, и пусть Ваше коронованіе будетъ символомъ благоденствія моей родины!—Царствованіе Императора Николая должно быть счастливо: Провидѣніе всегда на сторонѣ человѣка съ чистою душой.

Соблаговолите, Государыня, милостиво принять эти пожеланія сердца, безгранично Вамъ преданнаго. — Въ минуту,

подобную настоящей мнѣ пріятно повторить, что всѣ мгновенія моей жизни будутъ отнынѣ всецѣло посвящены выполненію священной обязанности, которую возложило на меня Ваше августѣйшее довѣріе.

Я все еще въ Эмсѣ, но черезъ два дня покину его, чтобы небольшими переѣздами добраться до Эгера, гдѣ я разсчитываю быть 15-го августа новаго стиля.—Въ Эгерѣ будетъ рѣшенъ вопросъ о моей болѣзни; и тогда я возьму на себя смѣлость написать Вашему Величеству о томъ, что будетъ рѣшено относительно меня.

Я имѣлъ счастіе видѣть здѣсь супругу принца Вильгельма[2]) и за это счастіе я долженъ быть признателенъ Вашему Величеству. Ея Высочество пробыла здѣсь всего нѣсколько часовъ[3]), но ей угодно было оказать мнѣ милость, позвавъ меня къ себѣ и сообщивъ мнѣ извѣстія, полученныя ею въ тотъ день отъ Вашего Величества. Она прочла Ваше письмо на майнцскомъ мосту и бросила конвертъ въ Рейнъ, какъ благодарственную жертву почтенному богу рѣки.—Я былъ глубоко тронутъ ея расположеніемъ. Она все та-же, какой я нѣкогда видѣлъ ее: прекрасная и добрая, созданная для вдохновенія лиры поэта и для восторговъ истинныхъ рыцарей. Его Высочество кронпринцъ[4]) пробылъ въ Эмсѣ всего полтора дня. Я имѣлъ счастіе видѣть его два раза[5]) у него и провести въ его обществѣ вечеръ у графини Перпонше. Онъ принялъ меня съ такой дружеской добротой, что память объ этомъ навсегда запечатлѣется въ моей душѣ.—Мнѣ однако показалось, что онъ былъ грустенъ въ то время, когда я былъ у него: вѣроятно, видъ мой пробудилъ въ его душѣ воспоминанія и сожалѣнія; я самъ, увидя его, подумалъ о томъ, кого мы лишились. Въ настоящее время въ Эмсѣ живетъ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія[6]). Ваше Величество поймете, какое чувство вызвало въ моей душѣ свиданіе съ Ея Высочествомъ. Я не буду распространяться объ этомъ. Скажу лишь, что видя ее столь кротко-благосклонной, такъ тихо покорной — угадываешь съ глубокимъ умиленіемъ, что́ происходитъ въ ея душѣ, ощущаешь, какъ что-то религіозное

охватываетъ душу и поднимаетъ ее[7]).—Здоровье ея повидимому улучшилось. Увѣряютъ, что Эмскія воды принесутъ ей несомнѣнную пользу.—

Всемилостивѣйшая Государыня, повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства глубочайшаго почтенія и безграничной преданности, съ какими имѣю честь быть

Вашего Императорскиго Величества
искреннѣйшимъ вѣрноподданнымъ
Жуковскій.

Эмсъ. 22 Іюля 3 Августа. 1826.

№ 5[1]).

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Франценсбруннъ]. *[18/30 Августа 1826 года].*

Madame!

Le sacre[2]) de Votre Majesté Imperiale m'impose l'obligation de mettre à Ses pieds mes felicitations les plus respectueuses et les plus sinceres à l'occasion de cette sainte ceremonie. Vous connaissez, Madame, les voeux que je formais dans tous les tems pour Vous, pour le bonheur de notre Auguste et bienaimé Souverain ainsi que de notre chere patrie. Mais aujourd'hui ces voeux penetrent plus que jamais mon ame, pleine de gratitude et de devouement. Puissen-t-ils etre exaucées! Ils doivent l'etre: la pureté du coeur que l'Empereur a porté au temple, qui a vu couronner Ses grands ayeux, Ses belles et magnanimes intentions, Son desir ardent de rendre Ses peuples heureux, attireront sur Sa tete la benediction celeste. Que Dieu soutienne Son courage, qu'il l'aide des lumieres de Sa Grace. La Russie se repose sur son Monarque: elle ne sera point trompée ni dans son amour ni dans ses esperances.

Eloigné de ma patrie dans ces augustes moments et n'en ayant reçu jusqu'ici aucune nouvelle directe, je soulage mon ennui par mon imagination; je lis dans les feuilles publiques ce que me refusent mes amis, qui m'oublient. Dans le dernier № du Journal de Francfort j'ai lu une courte description de l'arrivée de Vos enfants à Moscou et j'ai eté attendri jusqu'aux larmes par cette lecture. Cette ardeur, que le peuple montre à voir le fils de son Souverain, son arrivée, qui precede celle de .son Pere auguste et qui pour notre antique et fidele Moscou est comme un presage des biens qui resulteront du regne de son pere, l'image de cet etre innocent, entouré du bon peuple qui le benit et l'acqueille par des acclamations d'amour, son entrée avec Vous dans la capitale — quel moment pour le coeur d'une Mere! tout cela se presente vivement a mon imagination et je regrette amerement de n'avoir pas pu etre temoin de ces scenes de bonheur, qui laisseraient un tresor de souvenir à l'ame.

Je suis seul à Franzensbrunn pres d'Eger; je ne connais ici personne et ne suis occupé, qu'à soigner tristement ma santé delabrée. Je suis ici depuis le 18 Aout nouveau stile et je partirai le 3 ou 4 septembre. Je me rendrai à Dresde, d'ou je compte retourner à Petersbourg par Weimar et Berlin. Mais avant de prendre cette derniere resolution, j'ose entrer sur l'etat de ma santé dans quelques details que je soumets à l'indulgeante attention de Votre Majesté Imperiale.

Les voici: l'usage des eaux d'Ems m'a restoré interieurement; j'ai presque perdu cette paleur, qui a été la marque la plus saillante de ma maladie; mais il m'est resté une faiblesse dans les jambes telle que tout mouvement, un peu prolongé me fatigue, pas autant qu'à l'epoque de mon depart de Petersbourg, mais encore tres sensiblement. Il y a donc du mieux dans mon etat, mais ce mieux n'est ni complet, ni durable.

Voici ce que m'a dit le Docteur Diel[3]), qui m'a traité à Ems et ce que m'ont confirmé tous les medecins consultés plus tard: «toute cure au moyen des eaux minerales a ses trois periodes

qui doivent indispensablement se suivre pour produire une guerison complette. La premiere periode que l'on pourrait appeller preparatoire, est celle du premier usage des eaux, qui alors agissent directement sur la maladie et commencent à la combattre. Mais une seule cure ne suffit pas: il en faut absolument deux; la premiere commence la guerison, la seconde seule l'acheve. Et cela ne suffit pas encore: l'action des eaux, employées pendant la premiere cure, ne se declare que quelques mois après; pour que cette action ne soit pas arretée dans sa marche, et que rien ne produise une rechute, qui, en detruisant tous les bienfaits de la cure, rendrait l'etat du malade beaucoup plus grave et la guerison plus douteuse, le concours de plusieurs circonstances est nessessaire, comme: l'influence d'un climat chaud ou du moins temperé, l'observation d'un regime severe et l'absence de toute fatigue, tant corporelle qu'intellectuelle. Telle est la seconde periode, qui remplit tout l'intervalle entre la premiere cure et la seconde. Celle ci forme la troisieme periode et, devant achever la guerison, est par cela même la plus decisive. Or, pous arriver à ce resultat il faut absolument parcourir toutes les trois periodes: la premiere cure toute seule serait inutile, la seconde même ne le serait point si l'une n'etait appuiée et l'autre preparée par l'influence de tout ce qui est nessessaire dans l'intervalle. Toutes les trois periodes sont donc indispensables et doivent former un tout pour que la guerison soit possible».

Tel est l'arret d'Esculape à mon egard. D'abord l'idée de ne pas revenir à mon poste et de retarder de plusieurs mois mes occupations cheries ne pouvait pas entrer dans ma tete, etant trop incompatible avec mes plus ardens desirs: j'etais resolu de retourner, coute qui coute, à Petersbourg et c'est avec cette resolution que j'ai quitté Ems. Mais pendant mon voyage j'ai reflechi plus murement sur ma situation et voici le resultat de mes reflexions en faveur duquel je prends la liberté d'invoquer l'attention bienveillante de Votre Majesté Imperiale.

Pourquoi ai-je quitté la Russie? Pour me rendre *complette-*

ment une santé, sans laquelle il me serait tout à fait impossible de remplir la tache eminamment honorable dont je suis chargé. *Retablissement complet!* hors de la point de salut. Un paillatif ne serait bon à rien. Il me ramenerait un peu plus tard au meme point, d'ou je suis parti et je redeviendrais de nouveau un etre inutile. Mais ce retablissement serait arreté dans sa marche si je revenais a present a Petersbourg dans la plus mauvaise saison et tout à fait impossible si je ne retournais pas de nouveau à Ems. D'abord *le voyage*. Je ne puis pas me mettre tout de suite en route, après avoir fini a Eger: il faut absolument plusieurs jours de repos; il faudra ensuite s'avancer lentement pour ne pas trop se fatiguer coucher toutes les nuits — ce qui prolongerait extremement le voyage et par consequent il tomberait dans la plus mauvaise saison, très dangereuse pour un corp ouvert à toutes les influences de l'atmosphere et precisement à l'epoque, ou l'effet des eaux doit ce developper: il faut ajouter les mauvaises routes de cette partie de l'Allemagne que je dois traverser ce qui augmenterait la fatigue et toutes les chances qui peuvent amener une rechute. *Le Retour*. A mon arrivée à Petersbourg je pourrais facilement garder le regime prescrit. Mais l'action du climat sera toujours contraire aux effets de la premiere cure et les arretera dans tout l'intervalle, qui doit s'ecouler jusqu'à la seconde. L'etoffe du mal (comme l'expliquent les medecins) apres avoir été excitée par les eaux, resterait repandue dans le corp au lieu d'en sortir par les bienfaits d'un climat favorable. Enfin, arrivé à Petersbourg, je dois me remettre tout de suite à mon travail et le poursuivre avec des efforts redoublés, ce qui dans l'état de convalescence ou de demimaladie, ou je me trouverais, pourrait avoir pour moi des suites facheuses. Et il me serait impossible de moderer ces efforts, car je ne pourrais ni ne voudrois etre en arriere du chemin que ferait le Grand Duc dans son instruction, d'autant plus que durant tout mon sejour en Allemagne, je n'ai pas pu faire aucun preparatif pour mes leçons, tout travail penible m'ayant été rigoureusement defendu. Ainsi il faudrait redoubler d'efforts, ce

qui avec l'influence pernicieuse du climat me ramenerait probablement au point d'ou je suis parti et rendrait mon voyage tout à fait inutile. Enfin *le second voyage.* Il est indispensable car une seule cure ne suffit pas. Mais je ne pourrais l'entreprendre qu'au mois de Mai; il durerait à peu près un mois; je ne serais à Ems que vers le commencement de Juin; je devrais y rester jusqu'à la moitié de Juillet et ne pourrais me retrouver à Eger qu'à la fin du même mois; apres les trois semaines à Eger et le repos indispensable après la cure, je me mettrais en route au commencement de Septembre, encore une fois dans la mauvaise saison, et je reviendrais à Petersbourg dans le fort de l'automne. Il faut ajouter à cela qu'au lieu d'un voyage j'en devrais faire trois bien penibles dans ma situation; celui du retour present à Petersbourg, celui du nouveau retour à Ems et celui du second retour en Russie. Si au contraire je restais cet hivers en Allemagne, je pourrais me trouver a Ems deja au commencement de Mai, y rester jusqu'à la moitié de Juin, Etre à Eger dans les derniers jours du meme mois, quitter Eger dans la moitié de Juillet, se mettre tout de suite en route pour retourner à Petersbourg et voyager tres commodement, sans craindre les effets du mauvais tems. Je serais alors de retour dans les premiers jours d'Aout nouveau stile et j'aurais au moins un mois de la belle saison pour m'acclimater, ce qui completterait les effets de la double cure, et je pourrai alors compter sur une guerison radicale.

Votre Majesté Imperiale s'etonnera peut etre de ma trop grande sollicitude pour ma pauvre santé. Oui, madame, elle est maintenant pour moi un tresor inappreciable: je la cheris comme le principal moyen d'agir avec quelque utilité dans la carriere qui m'est a present ouverte. Je dois la posseder avant tout pour pouvoir etre, selon ma capacité et mon ardeur, ce que je dois etre dans le poste que j'occupe. Si je la perds—je dois dire un adieu eternel à ma plus chere activité et avec elle au bonheur de la vie. Je crois donc qu'il est de mon devoir de faire tout pour la conserver et l'affermir. Il vaut mieux sacrifier à cette conser-

vation quelques mois, au *commencement* de ma carriere, que de risquer de s'arreter *au milieu* d'elle et de tout abandonner dans un moment ou il serait nessessaire que tout marchat sans interruption et selon un plan uniforme. Je crois donc qu'il m'est indispensable de passer cet hiver hors de la Russie. Les raisons de santé étant detaillées, j'en presente encore a Votre Majesté une qui regarde directement *mon affaire*. Mon sejour en Allemagne durant cet hivers ne serait pas un sejours de repos et d'inaction. Au contraire je me serais voué à une solitude parfaite et me serais occupé sans distraction, sous l'influence d'un climat bienfaisant des preparatifs pour les leçons, qui devront m'occuper à mon retour. D'un coté j'atteindrais le but principal de mon voyage: j'affermirais solidement ma santé par la cure du climat tout aussi nessessaire que celle des eaux; d'un autre coté j'eloignerais de moi les principales entraves qui m'ont rendu jusqu'ici l'accomplissement de mon devoir très difficile, sans pourtant y mettre d'empechement. Ceci demande explication. Il est connu à Votre Majesté que j'entrepris la direction de l'instruction de Monseigneur sans avoir eu le tems de faire aucun preparatif prealable. A votre dernier depart de la Russie Votre Majesté a bien voulu me charger de m'occuper tout simplement avec le Grand Duc. Ce sont ces occupations mêmes qui m'ont donné l'idée du plan que j'ai developpé depuis: a present l'experience m'a demontré que ce plan est parfaitement simple et que par cela même il peut etre très profitable à notre eleve. Mais pour qu'il le soit tout à fait, il est nessessaire que tout repose sur un seul homme et que les autres maitres ne fassent, que conpletter les travaux du principal: sans cela il n'y aurait pas d'unité et d'ensemble. Mais pour que l'instruction s'avance d'un pas ferme, il faut avoir fait, d'après le plan adopté, de grands preparatifs. N'ayant pas eu le tems de les faire d'avance, j'ai du m'en occuper dans le cours même des leçons qui allaient leur train. Elles n'ont pas été arretés jusqu' ici, mais j'ai eu beaucoup de difficultés à combattre, n'ayant pas le loisir nessessaire. Apresent notre horizont va s'etendre, il

faudra faire de plus grands preparatifs, et le loisir me manquant toujours les difficultés s'accumuleront nessessairement. C'est de ce coté, Madame, que mon sejour pendant cet hiver en Allemagne, amené par la nessessité de retablir ma santé, pourrait etre d'une vraie utilité à l'acomplissement de mon devoir comme instituteur de Monseigneur. Je devancerais d'une demi année entiere les leçons que je devrai donner à Monseigneur lors de mon retour; j'aurais gagné un avantage immense *pour tout le cours* de l'instruction preparatoir. Je serois toujours en avant et en occupant Monseigneur de ce qui est deja preparé à temps, j'aurais toujour le loisir, pendant les leçons courantes, de preparer commodement et avec plus de solidité les leçons, qui doivent les suivres. Tout cela me donnerait une grande liberté d'agir et en me preservant de cette inquietude d'esprit qui avec d'autres causes a produit ma maladie, faciliterait l'instruction meme, qui alors pourrait proceder plus fermement et sans aucune interruption. Les preparatifs que j'aurais a faire, durant mon sejour de convalessence en Allemagne, sont assez considerables: il s'agit de former des cahiers d'Histoire, de composer les tableaux et les cartes Historiques, les tableaux de genealogie: ce travail, d'après mon plan embrasse et reunit beaucoup d'objets differents, demande beaucoup de lecture, surtout beaucoup de travail mecanique. J'espere achever tout ce qui regarde *l'histoire ancienne* durant les mois de repos qui ne seront pas employés à ma cure. L'ayant une fois achevé j'aurai les mois libres pour tout le reste de la première periode de l'instruction de Monseigneur. Cet avantage est inappreciable. En même tems, etant ici à la portée de tout ce qui peut etre nessessaire à l'instruction, j'en aurais pu faire une collection complette en fait de livres, cartes, plans, gravures etc.

Tels seraient, Madame, les avantages de mon sejours en Allemagne pendant cet hiver: avantages personnels à moi par rapport à ma santé et aussi très réelles pour l'affaire de l'instruction de Monseigneur. Mais il en faut aussi considerer le desavantage: *L'interruption des occupations du Grand Duc.* Il aurait été très grand

et son effet seroit vraiment pernicieux, si je ne pouvais pas etre remplacé. Mais je vous supplie, Madame, de reflechir que cette interruption doit se faire au commencement de la premiere periode de l'instruction, lorsque nous ne sommes qu'à son abc. Les objets dont Monseigneur s'occupe apresent ne sont pas encore tres considerables; il ne s'agit encore que des premieres notions; une partie des preparatifs sont faits, les autres sont faciles à faire; le plan est fixé et nous possedons dans Gilles un homme, qui s'en est deja emparé, qui est deja parfaitement entré dans ma methode et qui est tres capable de l'executer sur tout dans les objets qui devront occuper le Grand Duc dans mon absence. Le seul mal consiste dans ce que Monseigneur, dans cet intervalle, devra recevoir ses principales leçons en langue etrangere; d'un coté c'est un inconvenient, de l'autre c'est un avantage: il fera de plus grands progrès dans le français et dans l'allemand. Quant à la langue Russe, comme il ne s'agit pas encore de ses *principes*, il n'en pourra pas oublier *l'usage*: et Mörder est toujours la pour recapituler en langue russe ce qui serait enseigné en Français et repeté en Allemand. Et à mon retour je ferais moi-même cette recapitulation, ce qui ne prendrait pas beaucoup de tems et nous servirait à nous remettre en marche de front.

C'est sur tout cela que j'ai cru devoir attirer l'attentiom de Votre Majesté Imperiale. Malgré le chagrin reel que me cause la malheureuse, nessessité de retarder mon retour à Petersbourg, malgré ma repugnance à me soumettre à cette nessessité, j'ai enfin pensé que ce sacrifice m'est indispensable *non pas pour mon interet personnel*, mais pour la reussite de la seule affaire qui m'interesse et exclusivement remplit mon ame. Je le repete: je ne demande au ciel qu'autant de vie et de force, qu'il me faut pour arriver à la fin de cette belle carriere, dans la quelle je suis entré. Tout ce qui est au dela m'est indifferent. J'ose esperer, que Votre Majesté croit à la lettre à la verité de ce que je dis. Je pense donc remplir un devoir de conscience, en Vous communiquant en detail mes considerations. Daignez, Madame, les

honorer de Votre attention; veuillez bien les communiquer à Sa Majesté l'Empereur. J'attendrai à Dresde Sa decision supreme pour m'y conformer sans aucun delai. Je regrette de n'avoir pas pu adresser cette lettre à mon depart d'Ems, pour savoir plutot les intentions de mon auguste Souverain; mais alors je n'avais qu'une seule idée: celle de retourner à Petersbourg, ce n'est que peu a peu et apres plusieures consultations que l'idée contraire s'est developpé et s'est affermie dans mon esprit. J'ose vous supplier, Madame, de ne pas tarder à me signifier les ordres de Sa Majesté, pour que, si Elle juge plus convenable que je revienne à Petersbourg, je puisse me mettre sans delai en route et retourne au tems prescrit à mon poste. En attendant, dans la supposition que Votre Majesté daignera approuver les raisons que j'ai enoncées dans cette lettre, je m'occuperai à tracer un plan d'après lequel Gilles pourrait s'occuper avec Son Altesse pendant mon absence pour qu'il n'y aie aucune interruption dans les etudes et pour qu'à mon retour je puisse tout de suite commencer la ou je trouverai arreté Gilles. Je repete ici de nouveau la tres humble priere que j'ai mis aux pieds de Votre Majesté Imperiale dans ma premiere lettre: c'est que rien ne soit ni changé, ni augmenté, ni retranché dans les etudes de Monseigneur jusqu'à mon arrivée. Le plan une fois adopté doit etre poursuivi strictement; tout changement nuirait aux succes des études.

Je suis avec le plus profond respect et le devouement le plus sincère

Madame
de Votre Majesté Imperiale
le tres fidele sujet

Joukoffsky.

Franzensbrunn pres d'Eger ce 18/30 Aout 1826.

№ 5[1].

Переводъ:

[Франценсбруннъ]. *[18/30 Августа 1826 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня!

Коронованіе[2]) Вашего Императорскаго Величества возлагаетъ на меня обязанность повергнуть къ стопамъ Вашимъ мои почтительнѣйшія и искреннѣйшія поздравленія по поводу этого священнаго обряда. Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, извѣстно, чего я всегда желалъ для Васъ, для счастія нашего августѣйшаго и возлюбленнаго Государя и нашей дорогой родины. Но сегодня эти желанія глубже, чѣмъ когда-либо, проникаютъ въ мою душу, полную благодарности и преданности. Да будутъ они услышаны! Они должны быть услышаны: чистое сердце, съ которымъ Императоръ вошелъ въ храмъ, гдѣ короновались Его великіе предки, Его благородныя и великодушныя намѣренія, Его горячее желаніе осчастливить подвластные Ему народы, все это ниспошлетъ на Его главу благословеніе Божіе. Господь да поддержитъ Его мужество, да поможетъ Ему Своей Милостью. Россія уповаетъ на своего Монарха: она не обманется ни въ своей любви, ни въ своихъ надеждахъ.

Будучи въ эти священныя минуты вдали отъ родины и до сихъ поръ не получая никакихъ прямыхъ извѣстій, я облегчаю мою печаль воображеніемъ; читаю въ газетахъ о томъ, о чемъ мнѣ не сообщаютъ мои друзья, которые забываютъ меня. Въ послѣднемъ № Journal de Francfort я прочелъ краткое описаніе пріѣзда Вашихъ дѣтей въ Москву и былъ до слезъ тронутъ этимъ чтеніемъ. Этотъ энтузіазмъ, проявляемый народомъ при видѣ сына Государя, его пріѣздъ, который предшествуетъ пріѣзду августѣйшаго Отца и который служитъ для нашей древней и вѣрной Москвы какъ-бы предзнаменованіемъ тѣхъ благъ, которыя будутъ ре-

зультатомъ царствованія его Отца, образъ этого невиннаго созданія, окруженнаго добрымъ народомъ, который его благословляетъ и привѣтствуетъ съ любовью, его въѣздъ съ Вами въ столицу— какія все это минуты для сердца Матери! Все это рисуется живо моему воображенію, и я горько сожалѣю, что не могъ быть свидѣтелемъ этихъ сценъ счастія, которыя оставили бы въ душѣ моей цѣлое сокровище воспоминаній.

Я одинъ во Франценсбруннѣ близъ Эгера; я здѣсь никого не знаю и занятъ только тѣмъ, что печально забочусь о своемъ разстроенномъ здоровьи. Я здѣсь съ 18-го августа новаго стиля и уѣду 3-го или 4-го сентября. Я отправлюсь въ Дрезденъ, откуда надѣюсь вернуться въ Петербургъ черезъ Веймаръ и Берлинъ. Но, прежде чѣмъ принять это послѣднее рѣшеніе, осмѣливаюсь войти относительно состоянія моего здоровья въ нѣкоторыя подробности, которыя и повергаю на милостивое благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Вотъ онѣ: пользованіе водами Эмса укрѣпило меня внутренне; блѣдность, бывшая самымъ выдающимся признакомъ моей болѣзни, почти совсѣмъ исчезла, но осталась такая слабость въ ногахъ, что всякое болѣе или менѣе продолжительное движеніе утомляетъ меня, хотя и не въ такой степени, какъ во время моего отъѣзда изъ Петербурга, но во всякомъ случаѣ еще весьма чувствительно. Итакъ въ состояніи моего здоровья есть улучшеніе, но оно и не полное и не прочное.

Вотъ что сказалъ мнѣ докторъ Диль[3]), лѣчившій меня въ Эмсѣ, и что мнѣ подтвердили всѣ доктора, съ которыми я совѣтовался позднѣе: «всякое лѣченіе минеральными водами состоитъ изъ трехъ періодовъ, которые необходимо должны слѣдовать одинъ за другимъ, чтобы выздоровленіе было полное. Первый періодъ, который можно было бы назвать подготовительнымъ, это періодъ перваго пользованія водами, дѣйствующими тогда непосредственно на болѣзнь и начинающими бороться съ ней. Но одного курса недостаточно: безусловно необходимы два, съ первымъ начинается выздоровленіе и только во второмъ

доканчивается. Но и этого еще недостаточно: дѣйствіе водъ, которыя употреблялись на первомъ курсѣ лѣченія, обнаруживается лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; для того, чтобы это дѣйствіе не остановилось въ своемъ вліяніи и чтобы ничто не могло вызвать возврата болѣзни, который, уничтоживъ всѣ благія слѣдствія лѣченія, сдѣлалъ бы состояніе больного болѣе серьезнымъ, а выздоровленіе болѣе сомнительнымъ, необходимо содѣйствіе еще нѣсколькихъ условій, какъ-то: вліяніе теплаго, или по крайней мѣрѣ болѣе умѣреннаго климата, соблюденіе строгаго образа жизни и отсутствіе всякаго утомленія, какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Таковъ второй періодъ, заполняющій весь промежутокъ между первымъ и вторымъ курсомъ лѣченія. Этотъ послѣдній составляетъ третій періодъ, которымъ должно закончиться излѣченіе, а потому это періодъ наиболѣе важный. Но чтобы достичь такого результата, необходимо пройти черезъ всѣ три періода: одинъ первый курсъ лѣченія былъ бы безполезенъ, второй также, если бы первый не опирался на второй, а этотъ не подготовлялся всѣмъ тѣмъ, что необходимо сдѣлать въ промежуткѣ. И такъ, всѣ три періода необходимы и должны составить одно цѣлое, чтобы выздоровленіе было возможно».

Таковъ относительно меня приговоръ эскулапа. Сначала мысль о томъ, чтобы не возвращаться къ моему посту и отсрочить на нѣсколько мѣсяцевъ мои излюбленныя занятія, не могла придти мнѣ въ голову, такъ какъ была слишкомъ несовмѣстима съ моими самыми страстными желаніями: я рѣшился во что бы то ни стало вернуться въ Петербургъ и съ этимъ рѣшеніемъ уѣхалъ изъ Эмса. Но во время пути я серьезнѣе поразмыслилъ о своемъ состояніи и пришелъ къ слѣдующему выводу, на который и осмѣливаюсь обратить милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества.

Зачѣмъ уѣхалъ я изъ Россіи? Чтобы *вполнѣ* возстановить здоровье, безъ котораго мнѣ было бы совершенно невозможно исполнить порученное мнѣ, въ высшей степени почетное дѣло:

Выздоровленіе полное! безъ этого нѣтъ спасенія. Палліативъ ни на что бы не годился, нѣсколько позднѣе онъ привелъ бы меня къ той-же точкѣ отправленія, съ которой я началъ, и я снова сталъ бы существомъ безполезнымъ. Но мое выздоровленіе пріостановилось бы, если бы я вернулся въ Петербургъ теперь, въ самое плохое время года, и оно сдѣлалось бы совсѣмъ невозможнымъ, еслибъ я снова не вернулся въ Эмсъ. — Прежде всего *о путешествіи.* Я не могу тотчасъ же отправиться въ путь по окончаніи курса въ Эгерѣ: нужно непремѣнно нѣсколько дней отдыха; ѣхать надо будетъ медленно, чтобы не слишкомъ утомляться, ночевать каждую ночь, что чрезвычайно затянуло бы путешествіе, а слѣдовательно оно пришлось бы въ самое дурное время года, очень опасное для тѣла, подверженнаго всѣмъ вліяніямъ атмосферы и именно въ такую пору, когда должно уже проявиться дѣйствіе водъ; прибавьте къ этому плохія дороги въ той части Германіи, которую мнѣ придется проѣзжать, что увеличило бы и усталость и всѣ шансы, которые могутъ повлечь за собой возвратъ болѣзни. *Возвращеніе*: вернувшись въ Петербургъ, я могъ бы легко соблюдать предписанный образъ жизни, но вліяніе климата все же будетъ неблагопріятно дѣйствію перваго лѣченія и даже остановитъ его на все время, которое должно пройти до второго. Матерія болѣзни, какъ объясняютъ доктора, будучи возбуждена водами, осталась бы въ организмѣ, вмѣсто того, чтобы выйти изъ него отъ благодѣтельнаго вліянія хорошаго климата. Наконецъ, прибывъ въ Петербургъ, я долженъ сейчасъ же приняться за свой трудъ и работать съ удвоенными усиліями, что въ томъ положеніи выздоровленія или полуболѣзни, въ какомъ я находился бы, могло бы имѣть для меня печальныя послѣдствія. И мнѣ было бы невозможно умѣрить эти усилія, ибо я не могъ-бы, да и не захотѣлъ бы отстать на томъ пути, по которому пойдетъ обученіе Великаго Князя, тѣмъ болѣе, что во время моего пребыванія въ Германіи я не могъ подготовиться къ моимъ урокамъ, такъ какъ всякая трудная работа была мнѣ

строго запрещена. Такимъ образомъ нужно было-бы удвоить усилія, что́ вмѣстѣ съ вреднымъ вліяніемъ климата привело бы меня вѣроятно къ той же точкѣ, съ которой я началъ, и сдѣлало бы мою поѣздку совершенно безполезной. Наконецъ—*вторая поѣздка*. Она необходима, потому что одного курса лѣченья недостаточно, но предпринять ее я могъ-бы не раньше мая и продолжилась бы она около мѣсяца; я пріѣхалъ бы въ Эмсъ лишь къ началу іюня, долженъ былъ бы остаться тамъ до половины іюля и не могъ бы попасть въ Эгеръ раньше конца тогоже мѣсяца. Пробывъ три недѣли въ Эгерѣ и отдохнувъ, что необходимо послѣ лѣченья, я тронулся бы въ дорогу въ началѣ сентября, опять таки въ дурное время года, и вернулся бы въ Петербургъ въ глухую осень. Къ этому нужно еще прибавить, что вмѣсто одной поѣздки мнѣ пришлось бы сдѣлать три, очень тяжелыхъ въ моемъ положеніи: первую—возвращеніе въ Петербургъ въ настоящее время; вторичную поѣздку въ Эмсъ и вторичное же возвращеніе въ Россію. — Если же, наоборотъ, я провелъ бы эту зиму въ Германіи, то могъ бы прибыть въ Эмсъ уже въ началѣ мая, прожить тамъ до половины іюня, быть въ Эгерѣ въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца, выѣхать оттуда въ половинѣ іюля, сейчасъ же пуститься въ обратный путь въ Петербургъ и ѣхать совсѣмъ покойно, не боясь вліянія дурной погоды. Въ такомъ случаѣ я вернулся бы въ первыхъ числахъ августа новаго стиля и могъ бы воспользоваться по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ прекрасной погодой, чтобы привыкнуть къ климату; это довершило бы вліяніе двойного лѣченія, и я могъ бы тогда разсчитывать на радикальное излѣченіе.

Ваше Императорское Величество удивитесь, быть можетъ, моей слишкомъ большой заботѣ о своемъ здоровьѣ. Да, Ваше Величество, оно стало для меня теперь неоцѣнимымъ сокровищемъ: я дорожу имъ, какъ главнѣйшимъ средствомъ дѣйствовать съ нѣкоторой пользой на томъ поприщѣ, которое въ настоящее время открыто предо мной. — Я долженъ обладать имъ прежде всего для того, чтобы, сообразно съ своими способностями и

усердіемъ, быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть на томъ посту, который занимаю. Если я потеряю его, то долженъ сказать вѣчное прости моей любимѣйшей дѣятельности, а вмѣстѣ съ ней и счастію жизни. И такъ я думаю, что моя прямая обязанность сохранить и укрѣпить его. Лучше пожертвовать для его сохраненія нѣсколькими мѣсяцами въ *началѣ* моего поприща, чѣмъ рисковать остановиться *по срединѣ* и покинуть все въ такую минуту, когда было бы необходимо, чтобы все шло безъ перерыва и согласно общему плану. И такъ я думаю, что мнѣ необходимо провести эту зиму внѣ Россіи. — Доводы относительно здоровья изложены очень подробно, я представляю Вашему Величеству еще одинъ, непосредственно касающіеся *моей дѣятельности*. Мое пребываніе въ Германіи въ продолженіе этой зимы не было бы отдыхомъ и бездѣйствіемъ. Напротивъ, я предался бы совершенному уединенію и занялся бы, не отвлекаясь, при вліяніи благодѣтельнаго климата, подготовленіемъ къ урокамъ, которыми буду занятъ по возвращеніи. Съ одной стороны я достигъ бы главной цѣли моей поѣздки: прочно укрѣпилъ бы свое здоровье, лѣчась климатомъ, что столь же необходимо, какъ и лѣченіе водами; съ другой стороны удалилъ бы главныя препятствія, которыя до сихъ поръ очень затрудняли выполненіе моей обязанности, хотя и не мѣшали ему. Это требуетъ объясненія. Вашему Величеству извѣстно, что я принялъ на себя руководство обученіемъ Его Высочества, не имѣя времени для какой-бы то ни было предварительной подготовки. При послѣднемъ отъѣздѣ изъ Россіи Вашему Величеству было угодно поручить мнѣ просто заниматься съ Великимъ Княземъ. Вотъ эти занятія и внушили мнѣ мысль о томъ планѣ, который я съ тѣхъ поръ выработалъ; теперь опытъ доказалъ мнѣ, что планъ этотъ совершенно простъ и, поэтому именно, можетъ быть весьма пригоденъ для нашего ученика. Но, дабы онъ былъ вполнѣ пригоденъ, необходимо, чтобы все было возложено на одного человѣка и чтобы другіе учителя только дополняли труды главнаго: безъ этого не будетъ единства, не будетъ цѣльности. А чтобы занятія шли

ровнымъ шагомъ, нужно, сообразуясь съ одобреннымъ планомъ, имѣть большую подготовку. Не имѣя времени подготовиться заранѣе, я принужденъ былъ заниматься этимъ тогда, когда уроки уже шли своимъ чередомъ. Они не прекращались, но мнѣ пришлось преодолѣть много затрудненій за неимѣніемъ необходимаго свободнаго времени. Теперь нашъ горизонтъ расширится, потребуется бо́льшая подготовка, а такъ какъ свободнаго времени будетъ недостаточно, то затрудненія будутъ, по необходимости, накопляться. — Вотъ именно съ этой стороны, Всемилостивѣйшая Государыня, пребываніе мое въ продолженіи нынѣшней зимы въ Германіи, вызванное необходимостью возстановить здоровье, могло бы быть дѣйствительно полезно для выполненія моей обязанности въ качествѣ наставника Его Высочества. Я приготовилъ бы на цѣлые полгода впередъ уроки, которые буду давать Его Высочеству по возвращеніи; и пріобрѣлъ бы очень много для *всего курса* предварительнаго обученія. Я былъ бы постоянно впереди и, занимая Великаго Князя тѣмъ, что было приготовлено заблаговременно, имѣлъ бы достаточно свободнаго времени въ теченіи уроковъ приготовить спокойно и съ большей основательностью слѣдующіе. Все это дало бы мнѣ большую свободу дѣйствій, предохраняя меня отъ того безпокойнаго состоянія духа, которое вмѣстѣ съ другими причинами вызвало мою болѣзнь; это облегчило бы и самое обученіе, которое пошло бы тогда съ большей увѣренностью и безъ всякихъ перерывовъ. Подготовительныя работы, которыми я занялся бы во время моего пребыванія, въ качествѣ выздоравливающаго, въ Германіи, довольно значительны: надо составить записки по исторіи, историческія картины и карты и генеалогическія таблицы. Эта работа, сообразно съ моимъ планомъ, должна обнять и соединить много различныхъ предметовъ, потребуетъ большихъ чтеній и особенно много механическаго труда. Я надѣюсь окончить все, что относится къ *древней исторіи*, въ продолженіи тѣхъ мѣсяцевъ, которые будутъ употреблены мною на отдыхъ, а не на лѣченье. По-

кончивъ съ этимъ, я посвящу свободные мѣсяцы всему остальному, что имѣетъ отношеніе къ первому періоду обученія Его Высочества. Эта выгода неоцѣнима. Въ то-же время, имѣя здѣсь подъ руками все, что необходимо для обученія, я могъ бы составить полную коллекцію книгъ, картъ, плановъ, гравюръ и т. д.

Таковы, Всемилостивѣйшая Государыня, были бы выгоды моего пребыванія въ Германіи въ продолженіи нынѣшней зимы: личныя выгоды, касающіяся моего здоровья, и не менѣе важныя — для дѣла обученія Его Высочества. Но надо также обратить вниманіе и на невыгодную сторону дѣла: *это — перерывъ въ занятіяхъ Великаго Князя*. Эта невыгода могла бы быть очень велика и послѣдствія ея были бы дѣйствительно опасны, если бы нельзя было замѣнить меня. Но прошу Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, принять во вниманіе, что этотъ перерывъ произойдетъ въ самомъ началѣ перваго періода обученія, когда мы еще только что начали, такъ сказать, съ азбуки. Предметы, которыми Его Высочество занимается въ настоящее время, пока еще не такъ существенны, дѣло идетъ о первыхъ понятіяхъ; часть подготовительныхъ работъ уже сдѣлана, остальное не трудно сдѣлать; планъ выработанъ и, въ лицѣ Жилля, мы имѣемъ человѣка, уже овладѣвшаго имъ, вполнѣ усвоившаго себѣ мою методу и способнаго провести ее, особенно по тѣмъ предметамъ, которыми Великій Князь долженъ заниматься въ мое отсутствіе. Единственное неудобство заключается въ томъ, что въ этотъ промежутокъ времени Его Высочество долженъ будетъ изучать свои главные предметы на иностранныхъ языкахъ; съ одной стороны это имѣетъ свои неудобства, но съ другой и преимущества: онъ сдѣлаетъ больше успѣховъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Что до русскаго языка, то, такъ какъ пока еще дѣло не касается его *правилъ*, можно быть увѣреннымъ, что онъ не забудетъ его *употребленія*, да и Мердеръ всегда можетъ воспроизводить по русски то, что будетъ преподаваться по французски и повторяться по нѣмецки. По

моемъ возвращеніи я самъ повторю все пройденное, что займетъ не много времени и поможетъ намъ идти впередъ.

На все это я считаю своей обязанностью обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества. Несмотря на искреннее огорченіе, которое причиняетъ мнѣ несчастная необходимость отложить мое возвращеніе въ Петербургъ, несмотря на все неудовольствіе подчиниться этой необходимости, я въ концѣ концовъ разсудилъ, что эта жертва неизбѣжна, не для *моей личной пользы*, но для успѣха единственнаго дѣла, которое меня интересуетъ и одно исключительно наполняетъ мою душу. Повторяю: я прошу у Бога лишь столько жизни и силъ, сколько мнѣ будетъ нужно, чтобы дойти до конца того прекраснаго поприща, на которое я вступилъ. Все, что находится внѣ его, для меня безразлично. Смѣю надѣяться, что Ваше Величество вполнѣ повѣритъ, что все сказанное мною — правда. И такъ я думаю, что исполняю долгъ совѣсти, сообщая Вамъ подробно мои соображенія. Соблаговолите, Всемилостивѣйшая Государыня, почтить ихъ Своимъ вниманіемъ; соблаговолите сообщить ихъ Государю Императору. Я буду ждать въ Дрезденѣ Его Высочайшаго рѣшенія, чтобы сообразоваться съ нимъ безъ всякаго промедленія. Сожалѣю, что не могъ отправить этого письма при моемъ отъѣздѣ изъ Эмса, чтобы скорѣе узнать намѣренія моего Августѣйшаго Государя; но тогда у меня была лишь одна мысль: вернуться въ Петербургъ, и только мало по малу и послѣ многихъ консультацій развилась и укрѣпилась въ умѣ противоположная мысль. Осмѣливаюсь просить Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, сообщить мнѣ приказанія Его Величества безъ промедленія, дабы, если Онъ найдетъ болѣе удобнымъ мое возвращеніе въ Петербургъ, я могъ немедленно отправиться въ путь и прибыть къ назначенному сроку на свой постъ. Пока, предполагая, что Ваше Величество соблаговолите одобрить доводы, которые я высказалъ въ этомъ письмѣ, я займусь составленіемъ плана, по которому Жилль могъ бы заниматься съ Его Высочествомъ во время моего отсутствія, для того, чтобы не было перерыва въ занятіяхъ и

чтобы по моемъ возвращеніи я могъ тотчасъ начать съ того, на чемъ остановился Жилль. Снова повторяю здѣсь свою покорнѣйшую просьбу, которую уже повергалъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества въ моемъ первомъ письмѣ: чтобы до моего пріѣзда ничто не было ни измѣнено, ни увеличено, ни сокращено въ занятіяхъ Его Высочества. Надо строго держаться разъ принятаго плана; всякая перемѣна повредитъ успѣхамъ въ занятіяхъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и самой искренней преданности,

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный Жуковскій.

Франценсбруннъ близь Эгера. 18/30 Августа 1826 г.

1839 годъ.

№ 6.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Гага] *[17/29 Апрѣля 1839 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

Нынѣ въ двадцать первый разъ празднуемъ день рожденія нашего милаго Великаго Князя[1]): приношу Вашему Императорскому Величеству мое сердечное поздравленіе, какъ одинъ изъ самыхъ старшихъ знакомцевъ его на здѣшнемъ свѣтѣ! Кажется, теперь вижу Императрицу Марію Ѳеодоровну, выходящую съ нимъ на рукахъ изъ той горницы, гдѣ онъ родился, дабы перенести его въ ту, гдѣ онъ провелъ первые дни жизни. И какъ въ это

время торжествовала Москва вдругъ два праздника и общій земной[2]) и общій русскій[3])! Чудный день! Одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ жизни[4])! и сколько въ немъ заключалось пророческаго, чему еще никакое событіе не измѣнило! Благослови Богъ будущее, какъ благословилъ прошедшее! Благослови Богъ тѣ чувства, которыя теперь наполняютъ сердце нашего двадцатиодних-лѣтняго новорожденнаго; пускай изъ нихъ выйдетъ то же для него что вышло для Отца его на всю его жизнь, и что долго будетъ отзываться въ жизни нашего отечества[5]).

Ваше Величество на письмо мое изъ Франкфурта[6]), въ которомъ я съ чувствомъ счастія говорю о Дармштатской встрѣчѣ[7]) отвѣчаете мнѣ черезъ Великаго Князя однимъ словомъ, которое признаюсь укололо мнѣ сердце. Вы полагаете, что я только буду хмуриться и горевать о новомъ неудачномъ путешествіи, при полученіи приказанія ѣхать въ Англію. Правда, мнѣ жаль, очень жаль, что мы пробудемъ въ ней такъ недолго. Но великій князь читалъ мнѣ письмо къ нему Государя и графъ Орловъ[8]) такъ же читалъ свое и смѣю Васъ увѣрить, что я способенъ понимать ту прелесть высокой души, которая въ нихъ выражается. При этомъ чтеніи, мнѣ ничто другое не приходило въ голову, кромѣ Государева характера, столь чисто возвышеннаго въ рѣшительныя минуты. Его не всегда угадаешь, но именно въ тѣхъ случаяхъ, когда удивляешься его поступку, этотъ поступокъ кажется столь простымъ и естественнымъ, что самому непонятно, какъ могъ его не предвидѣть. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что я никому не уступлю въ живости чувства, производимаго Царскими качествами нашего Государя. — Мы были въ Сардамѣ[9]). При взглядѣ на лачужку гдѣ жилъ Петръ великій, слезы полились изъ глазъ моихъ и мнѣ въ эту минуту стало понятно, почему между чувствами, проходящими по душѣ человѣческой, одно изъ самыхъ сладкихъ есть благодарность Государю *за отечество*; оно именно потому такъ сладко, что оно совершенно безкорыстное: благодаришь не за себя а за *всѣхъ*, не за *одно* благотворное дѣло, а за пожертвованіе *цѣлой жизни* святому долгу и радуешься

тому, что находишь себя способнымъ чувствовать такого рода благодарность. Петра великаго давно нѣтъ и его Сардамскій домикъ чуть держится, но это мѣсто для Русскаго имѣетъ очарованіе невыразимое

Работникомъ простымъ [10])
Въ сардамской хижинѣ великой Царь таился,
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Тамъ мыслію его корабль застроенъ тотъ [11])—
На коемъ по волнамъ временъ и поколѣній,
Неизмѣняемый [12]) средь бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Указаннымъ путемъ плыветъ подъ флагомъ славы [13])
Корабль великія Россійскія державы.

и повѣрите мнѣ, что въ этой избушкѣ, гдѣ я провелъ *одинъ* незабвенные полчаса (ибо пришелъ туда прежде великаго князя [14])) думая о Петрѣ я живо вспомнилъ Государя, о которомъ вообще какъ то чаще думается здѣсь, гдѣ такъ много слѣдовъ могучаго Сардамскаго плотника.

Не смѣя безпокоить Его Величество особеннымъ письмомъ, беру смѣлость просить Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, передать Ему мое усердное поздравленіе съ нынѣшнимъ днемъ.

Завтра мы покидаемъ Гагу и черезъ двое сутокъ будемъ уже въ той огромной безднѣ, которая называется — Лондонъ [15]).

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

В. Жуковскій.

Гага 17/29 Апрѣля 1839.

1840 годъ.

№ 7.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дармштадтъ]. *[23 Апрѣля, 1840 года].*

Вчера былъ день истинно счастливый. Рано по утру явился Будбергъ[1]) и принесъ святое благословеніе тому счастію[2]) которое за годъ передъ симъ мы здѣсь такъ неожиданно встрѣтили. *Такое* благословеніе должно его упрочить. Чтобы мнѣ самому вполнѣ понять, усилить и освятить то чувство, которое теперь наполняетъ мое сердце, надобно было мнѣ прочитать тѣ письма, которые Государь и Ваше Величество написали къ великому князю. Въ нихъ выражено *все*, что только можетъ высокая, нѣжная, чистая душа, на высшемъ мѣстѣ здѣшняго свѣта, чувствовать въ лучшую, блаженнѣйшую свою минуту. Дай Богъ, чтобы эти письма были предисловіемъ къ начинающейся семейной жизни милаго нашего жениха: изъ нея прекрасно выльется и его жизнь государственная. Я наконецъ поздравилъ вслухъ нашу прелестную невѣсту. Прежде, я уже, одинъ разъ подошедши къ ней, сказалъ: Faut il faire semblant de rien, madame, et ne vous dire rien de clair? Она вспыхнула и ея глаза—необыкновенно выразительные, полные чувства и тонкаго, зоркаго ума—потемнѣли. Я прибавилъ: sans vous dire rien, j'espere que vous comprenez le sentiment qui doit me remplire en ce moment. Отвѣта не было, но въ самомъ ея молчаливомъ замѣшательствѣ было что то значительное. Вчера наконецъ я поздравилъ ее яснымъ словомъ. Я сказалъ ей между прочимъ: quelle lettre le grand Duc a reçu de son Pere un jour vous la lirez dans *l'original*. Въ этой послѣдней фразѣ, какъ Ваше Величество замѣтите, выразился и теперешній учитель ея русскаго языка[3]). Мнѣ услади-тельна мысль быть первымъ близкимъ русскимъ знакомцемъ ея;

эта судьба досталась мнѣ и при Васъ и дай Богъ, чтобы я здѣсь нашелъ на вѣчную память сердце то же, что въ первомъ столь счастливомъ для меня знакомствѣ. Мое дѣло будетъ состоять не въ одномъ приготовленіи ея къ русской грамотѣ, но и въ приготовленіи къ тому чтобы понять нашу Русь въ *оригиналѣ* какъ несравненное письмо Отца Россіи къ своему наслѣднику въ рѣшительную минуту его жизни. И *вчера*[4]) она мнѣ такъ же понравилась какъ въ другіе дни. Эта dignité — qui n'est ni roideur ni secheresse, mais simplement une noble nature неизмѣнилась ни на минуту; глаза ея были темнѣе обыкновеннаго, молодыя щеки живѣе, но во всемъ прочемъ совершенное спокойствіе: это качество царское. Завтра или послѣ завтра[5]) надѣюсь начать съ нею свои занятія; буду стараться не наскучить; но дѣло довольно затруднительное и скучное *само по себѣ*. Она однако, какъ всѣ увѣряютъ любитъ занятіе, несмотря на свою молодость. Великое счастіе по моему мнѣнію, что она встрѣтится съ Вашимъ Величествомъ до пріѣзда своего въ Россію: переходъ изъ одного положенія въ другое, столь трудное, будетъ для нея нечувствителенъ. Вообще, сколько могу судить по одному поверхностному взгляду, ея характеръ твердый; она властна сдѣлать изъ себя все что *должно*. Прекрасное же всему основаніе дала сама добрая природа наградивъ ее прекраснымъ сердцемъ, котораго никакая воля создать не можетъ. Но главнымъ правиломъ въ обращеніи съ нею, какъ мнѣ кажется, должна быть спокойная, терпѣливая, кроткая къ ней довѣренность. Эту молодую, свѣтлую душу, такъ самобытно и чисто развивающуюся, надобно предоставить ей самой, надобно дѣйствовать на нее безъ принужденія, одною полною къ ней вѣрою, одною дружескою къ ней привязанностію и ожидать спокойно того, что изъ нея выйдетъ; она этого ожиданія не обманетъ; и сдѣлается *всѣмъ чѣмъ должна быть*, и безъ всякаго, иногда труднаго, перелома, безъ всякой утраты своей самобытности, приметъ то направленіе, тѣ привычки, кои необходимо ей принять на томъ мѣстѣ, которое теперь указало ей провидѣніе.

Но я долженъ кончить. Курьеръ сію минуту отправляется. Счастіе увидѣть Ваше Императорское Величество радуетъ всѣхъ насъ несказанно[6]).

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподданный

Жуковскій.

Дармштатъ, Апрѣль 23, 1840 г.

№ 8.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дармштадтъ]. *[1/13 Мая 1840 года].*

Имѣю счастіе извѣстить Ваше Императорское Величество, что въ прошедшую среду, 24 апрѣля, я началъ свои занятія съ Ея Высочествомъ Принцессою Маріею[1]). Этотъ первый урокъ не могъ быть покоенъ, ибо вмѣсто одного учителя, было ихъ два и изъ этихъ двухъ одинъ женихъ[2]): легко вообразить каковъ былъ порядокъ лекціи. Однако началось очень мило и весело. Я невольно вспомнилъ то что было за двадцать три года передъ этимъ[3]): мое явленіе къ Вашему Величеству въ губернскомъ мундирѣ и въ пудрѣ; это происходило въ Аничковскомъ дворцѣ; при нашей первой лекціи присутствовала съ своей добродушною важностію графиня Ливенъ[4]); было что то принужденное. Но эта принужденность изчезла передъ веселою, свѣтлою душою моей ученицы, которая своимъ характеромъ отвѣчала моему идеалу. Этотъ идеалъ не изчезъ; прошли годы; тогдашняя свѣтлая душа, съ которою въ то время такъ было мнѣ сладко встрѣтится, такъ же свѣтла и теперь; вся ея молодость сохранилась; годы не на-

вели на нее ни одной морщины. Благодарю за это мою судьбу, которая въ нашей Русской Императрицѣ (видимой другими изъ отдаленія, слѣдовательно не всегда въ настоящемъ свѣтѣ) дала мнѣ найти то, что на свѣтѣ встрѣчается такъ рѣдко, что украшаетъ жизнь, что бережетъ поэзію жизни. И вотъ теперь на старости лѣтъ, я какъ будто опять очутился на прежнемъ мѣстѣ; и передо мною опять милое, чистое созданіе, конечно иного рода, но не менѣе привлекательное для моей не совсѣмъ еще устарѣлой души. Я сообщилъ, при началѣ нашей лекціи, свое воспоминаніе великому князю, замѣтивъ однако, что въ то время онъ не могъ присутствовать при ней какъ теперь и что тогда мнѣ и въ мысли не могло придти, чтобы этотъ случай могъ *такимъ образомъ* повториться въ моей жизни. Этотъ первый часъ нашихъ занятій прошелъ очень весело и разомъ сблизилъ меня съ моею ученицею. Но въ заключеніе его я попросилъ великаго князя, чтобы онъ, для соблюденія строгаго порядка въ нашемъ ученіи, одинъ разъ на всегда избавилъ насъ отъ своего нѣсколько неугомоннаго присутствія, на что онъ и благоволилъ смиренно согласиться; и теперь часы, опредѣленные для моихъ лекцій, посвящаетъ онъ или верховой ѣздѣ или охотѣ; что весьма выгодно для моей грамматики. Не могу выразить Вашему Величеству, какъ была для меня трогательна смиренная покорность моей ученицы ея новому, скучному долгу. Надобно признаться, что ей предстоитъ тяжелый трудъ: языкъ совершенно непохожій ни на одинъ ей знакомый, ни слухъ не привыкъ къ звукамъ, ни глаза къ чтенію, ни языкъ къ выговору; прежде нежели можно ожидать какого нибудь успѣху, надобно чтобы время произвело эти три привычки; а какъ пріобрѣсти ихъ, занимаясь одинъ только часъ въ день [6])? Не смотря на эту скучную трудность, она рѣшительно принялась за дѣло. И даромъ что сердце и мысли ея были полны другимъ, она была такъ искренно внимательна, съ такимъ умнымъ любопытствомъ входила во все, что послѣ нашего занятія осталось во мнѣ не одно удовольствіе, но и благодарность. Это чистая, младенческая натура при умѣ дѣльномъ и важномъ,

при характерѣ твердомъ; я не замѣтилъ въ ней тѣни неистиннаго; она непритворно весела, добросердечна и ни мало не легкомысленна. Правда, ей еще надобно пріобрѣтать; но основаніе прекрасное; дай Богъ чтобы привычки, коими довершится ея естественный характеръ, соотвѣтствовали этому прекрасному основанію и чтобы эти привычки пріобрела она безъ всякаго насилія и съ полнымъ сохраненіемъ своей самобытности. Но материнское Ваше сердце и Вашъ рѣдко здравый умъ будутъ лучшими охранителями этого сокровища: лучшія средства для того любовь и прямодушная довѣренность; никто не владѣетъ ими такъ какъ Вы.—Первый день моихъ занятій былъ для меня вполнѣ днемъ воспоминанія. Поутру я въ воображеніи посѣтилъ Аничковскій дворецъ[6]); а вечеръ возобновилъ въ моей памяти мою первую жизнь Берлинскую[7]). Давали Спонтиніеву оперу Нурмагалъ[8]). Я не зналъ этой музыки прежде. Когда-жъ я услышалъ ее, то Дармштатъ пропалъ изъ глазъ моихъ и я очутился на праздникѣ Лалла Рукъ[9]). Это прекрасное тогдашнее видѣніе такъ живо пролетѣло передъ моею памятью, что какъ будто сама молодость en personne навѣстила меня;

Und manche liebe Schatten standen auf[10]).

Странное, непонятное очарованіе въ звукахъ: они не имѣютъ ничего существеннаго, но въ нихъ живетъ и воскресаетъ прошедшее. Я не думалъ никого произвольно вспоминать; но вслѣдъ за этою картиною праздника, именно тѣ, которыя тогда были и которыхъ теперь нѣтъ, какъ будто сами слетѣлись со всѣхъ сторонъ на поминки и тѣнями мимо меня провѣяли. Наша идеальная пери[11]) съ своимъ прекраснымъ ангеломъ[12]), ея несравненная мать, наша добрая Клейстъ[13]), меня тогда усыновившая, наша Вильдерметъ[14]) которую никогда мое сердце не забудетъ, и многіе, многіе другіе и вслѣдъ за ними моя Александрина Воейкова которой я тогда описалъ этотъ праздникъ, которая тогда была во всемъ цвѣтѣ жизни, а теперь въ далекой могилѣ, подъ небомъ Италіи[15]) свѣтлымъ какъ была она сама. Очнувшись отъ этаго

видѣнія, мнѣ показалось, что другой міръ поднялся около меня; онъ мнѣ не чуждъ, и я ему не чужой, но онъ какъ будто не имѣетъ будущаго; глаза болѣе оборачиваются назадъ; а то что впереди, какъ будто стоитъ уже за границею жизни, какъ будто задернуто занавѣсомъ. Поэзія не измѣнила, но она перемѣнила одежду. Она не обманъ; напротивъ она верховная правда жизни; но въ первыя, свѣжія лѣта она сливается со всѣмъ, что насъ окружаетъ. Позже она становится съ одной стороны воспоминаніемъ съ другой вѣрою; въ промежуткѣ же между этими двумя образами, опустѣвшая сцена жизни; видишь вблизи декораціи, кулисы, машины и веревки. Хотя прежней картины нѣтъ, но ея дѣйствіе все было истинное. А въ жизни вѣрно только одно прошедшее ибо оно неизмѣнно; вѣрное же будущее принадлежитъ къ другому разряду.—Коснувшись до этого будущаго, я однако долженъ вспомнить и о моемъ здѣшнемъ, матеріальномъ будущемъ. При отъѣздѣ своемъ я представилъ Вашему Величеству то письмо, которое было мною написано Великому Князю [16]). Если Вы прочитали его, то знаете теперь совершенно, въ чемъ состоитъ моя главная забота. Собственно *для меня* не будетъ никакой потери если воздушный замокъ [17]) въ этомъ письмѣ описанный останется не построеннымъ; но драгоцѣннѣйшая, хотя посторонняя цѣль моя останется недостигнутою. Было бы самымъ желаннымъ счастіемъ на весь остатокъ моей жизни, если бы я могъ, доживая его, говорить себѣ: всѣмъ что есть у меня добраго обязанъ я заботливому, произвольному благотворенію тѣхъ, къ кому было привязано сердце.—Это письмо будетъ послѣднимъ къ Вашему Величеству изъ заграницы; скоро будемъ имѣть счастіе Васъ самихъ увидѣть; это ожиданіе всѣхъ насъ радуетъ несказанно.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный В. Жуковскій.

Дармштатъ, 1/13 мая, 1840.

№ 9.[3])

Императору Николаю Павловичу.

[Эмсъ]. *[9/21 Іюня 1840 г.]*

Всемилостивѣйшій Государь!

Наступила для меня минута, въ которую я долженъ прибѣгнуть къ Вамъ, какъ къ отцу и предать въ Вашу волю все свое счастіе. Если Вы захотите, что бы оно было, — то оно будетъ. Но могу ли смѣть и имѣю ли право надѣяться, чтобы Вы удостоили обратить на него вполнѣ Вашу милостивую заботливость?

Государь, я хочу испытать семейнаго счастія, хочу кончить свою одинокую, никому неприсвоенную жизнь. Я уже отказался было отъ всякой подобной надежды, которая теперь въ мои лѣта можетъ показаться безразсудностію, но обстоятельства меня рѣшившія похожи на опредѣленіе свыше. Мнѣ кажется, что я нашелъ себѣ товарища надежнаго, который можетъ оживить и осчастливить мои остальные годы. Правда, та, которую я выбралъ, по своимъ лѣтамъ, могла бы быть моею дочерью, но по своему образованію, по своему характеру она способна довольствоваться просто семейнымъ счастіемъ, основаннымъ на согласіи мыслей и чувствъ и на взаимномъ сердечномъ уваженіи, не смотря на разность лѣтъ. Могу быть, увѣреннымъ, что съ нею найду это счастіе, и что оно будетъ постоянно, если самъ его не разрушу, на что буду просить помощи свыше.

Но я не здѣлалъ ни одного шагу для того, чтобы узнать положительно, согласится ли она дать мнѣ руку; я даже не позволилъ себѣ ничего такого, чтобы могло обнаружить мое намѣреніе; ибо не имѣю на то права, не получивъ напередъ полнаго убѣжденія, что вмѣстѣ съ своею рукою дамъ женѣ своей и безнужную жизнь, убѣжденія, безъ котораго семейное счастіе для

меня несбыточно. Въ молодыхъ лѣтахъ можно еще ввѣряться будущему и надѣяться собственною дѣятельностію устроить благоденствіе семьи своей. Съ моими лѣтами такая отважная надежда не совмѣстна и окруживъ себя семьею я долженъ знать навѣрное есть ли у нее кусокъ хлѣба нынѣ, и будетъ ли она имѣть его завтра. Но эти же самые лѣта не позволяютъ мнѣ болѣе откладывать: если теперь не схвачу того, что провидѣніе представляетъ мнѣ, то завтра будетъ поздно и завтра уже надобно будетъ навсегда сказать себѣ, что собственное семейное счастіе не должно быть здѣшнимъ моимъ удѣломъ.

Вы одни, Государь, можете рѣшить мою участь и въ Вашу руку, какъ въ руку провидѣнія, предаю ее. Почти за годъ передъ симъ, по возвращеніи нашемъ изъ заграницы было написано мною къ Государю Наслѣднику письмо[2]) довольно подробное о собственныхъ моихъ обстоятельствахъ; это письмо находится теперь въ рукахъ Государыни Императрицы, которой я осмѣлился передать его какъ завѣщаніе, при поспѣшномъ нашемъ отъѣздѣ изъ Россіи: въ немъ я позволилъ себѣ изложить надежды свои на Вашу Царскую милость и представить средство устроить мое будущее на прочномъ основаніи. Позволите ли всемилостивѣйшій Государь, повергнуть это письмо къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества?

Но я долженъ прибавить, что обстоятельства, въ которыхъ было написано это письмо, были совсѣмъ не тѣ въ какихъ я нахожусь теперь; тогда совсѣмъ иная цѣль была передъ глазами моими. Теперь надлежитъ рѣшить долженъ ли произойти совершенный переворотъ въ моей жизни и рѣшить не откладывая, дабы послѣ не обвинять себя и не разкаяваться горько. Это побуждаетъ меня войти въ слѣдующія необходимыя объясненія: Первымъ и необходимымъ условіемъ моей семейной жизни должна быть и совершенная перемѣна въ ея образѣ. На первыхъ порахъ мнѣ невозможно будетъ остаться въ Петербургѣ: это лишитъ меня средства устроиться такъ какъ должно; во-первыхъ не буду имѣть на то способовъ матеріальныхъ, ибо надобно будетъ

всѣмъ заводиться съ начала, что введетъ въ величайшія издержки и долги неоплатные; во-вторыхъ надобно будетъ вести образъ жизни, который съ достаткомъ моимъ не будетъ совмѣстенъ, возпрепятствуетъ устроить тотъ бытъ семейный, въ которомъ я полагаю свое счастіе и наконецъ будетъ въ совершенномъ противорѣчіи со всѣми привычками жены моей, которая созрѣла въ уединеніи и не можетъ (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) занять никакого мѣста въ томъ кругѣ, къ которому я принадлежу въ теперешнемъ моемъ положеніи.

Но будетъ ли это согласно съ волею Вашего Императорскаго Величества? Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вамъ, принимая съ глубочайшею благодарностію Ваше повелѣніе заняться надзоромъ за ученіемъ ихъ Высочествъ Великихъ Князей [3]), я осмѣлился всеподданнѣйше замѣтить, что не почитаю себя для сего дѣла необходимымъ: хорошее начало для него уже положено (въ чемъ по Волѣ Вашего Величества и я принялъ участіе) и все идетъ надлежащимъ порядкомъ, ибо наблюденіе за ученіемъ поручено людямъ надежнымъ, которые исполняютъ его какъ должно подъ непосредственнымъ надзоромъ своихъ начальниковъ. Главное же дѣло мое, то есть надзоръ за ученіемъ Наслѣдника, уже съ нѣкотораго времени совершенно кончено; Богъ дозволилъ дойти съ нимъ неразлучно до той эпохи, которая такъ рѣшительна въ его жизни [4]) — этого счастія для меня слишкомъ достаточно на всѣ мои остальные годы. Касательно же преподаванія русскаго языка Ея Высочеству Принцессѣ Маріи [5]), то я полагалъ, что мое назначеніе къ ея особѣ относится только къ одному *началу* преподаванія; я самъ желалъ этого счастія, ибо для меня было дорого однимъ изъ первыхъ русскихъ приблизиться къ невѣстѣ моего несравненнаго великаго князя, котораго я же изъ первыхъ встрѣтилъ у его колыбели. Касательно же *полнаго* преподаванія русскаго языка которое должно продолжаться годы, я, приступая къ своему настоящему временному дѣлу, предупредилъ Государыню Императрицу что буду ходатайствовать у Вашего Величества о позволеніи представить на мое мѣсто человѣка, который могъ бы

заняться своею должностію съ надлежащимъ умѣніемъ и соединилъ съ нимъ надежный нравственный характеръ. Но повторяю, все это будетъ ли согласно съ волей Вашего Императорскаго Величества? Хотя и смѣю думать, что вы съ вашимъ рѣдко милостивымъ сердцемъ и не останетесь равнодушнымъ къ судьбѣ моей, но можетъ быть Вамъ въ тоже время будетъ угодно повелѣть, чтобы я не покидалъ занимаемаго мною мѣста. Въ такомъ случаѣ мнѣ останется безпрекословно повиноваться вашей Волѣ и навсегда отказаться отъ того, въ чемъ теперь мнѣ видится мое счастіе, къ которому бросаюсь не какъ молодой человѣкъ, увлекаемый страстію, въ мои лѣта смѣшною, а съ полнымъ убѣжденіемъ, что оно возможно, если только исполнятся тѣ условія, которыя для основанія его необходимы.

Если Богу угодно будетъ благословить мое желаніе, если Ваше Величество благоволите подтвердить его Вашимъ соизволеніемъ и не откажете мнѣ въ отеческомъ участіи, то я позволю себѣ сдѣлать рѣшительный шагъ. Удастся ли онъ, получу ли согласіе, не знаю, хотя и имѣю нѣкоторыя причины думать, что отказа не будетъ[6]). Приступить же ни къ чему я до сихъ поръ не могъ, ибо надлежало напередъ узнать Вашу волю, узнать что Вамъ благоугодно будетъ рѣшить со мною. Если все устроится по моему желанію, то буду просить у Вашего Величества сдѣлать мнѣ милость позволить, чтобы я по отъѣздѣ отъ сюда Ея Высочества Принцессы Маріи (съ которою буду заниматься во всѣ тѣ минуты, кои она будетъ имѣть свободными) остался на мѣсяцъ здѣсь: въ это время я все для себя устрою. Потомъ, возвратясь въ Россію, всю зиму и осень и начало весны употреблю на занятія съ принцессою и на окончательное приведеніе въ порядокъ того, что будетъ нужно для преподаванія наукъ ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ. Послѣ того уже буду просить благословенія у Васъ, у Государыни и у Великаго Князя на новую жизнь, того благословенія, которымъ такъ освящена и осчастливлена была моя прежняя.

Въ заключеніе письма моего я долженъ назвать свою (мо-

жетъ быть) невѣсту: это старшая дочь Рейтерна [7]); если она захочетъ подать мнѣ руку, то она будетъ мнѣ вмѣсто ангела спутника жизни. Но называя ее, осмѣливаюсь просить Васъ Всемилостивѣйшій Государь, сохранить мое, сдѣланное Вамъ признаніе въ тайнѣ, ибо я еще не имѣю права произносить имени той, которую выбралъ одною только надеждою, которая и не подозрѣваетъ моего выбора и можетъ еще его не одобрить. Само по себѣ разумѣется, что сказанное Вашему Величеству не должно остаться тайною ни для Государыни Императрицы, моего постояннаго ангела покровителя, ни для Великаго Князя, которому первому принадлежитъ всякое участіе въ судьбѣ моей. Но и отъ нихъ прошу тайны до тѣхъ поръ, пока мнѣ самому позволено будетъ обо всемъ сказать вслухъ, если только сбудется моя надежда [8]).

Государь, неоткажите мнѣ въ Вашемъ святомъ отеческомъ благословеніи.

Жуковскій.

9/21 іюня 1840.
Эмсъ.

№ 10.

Императору Николаю Павловичу.

[Эмсъ] *[Начало Іюля 1840 г.].*

Всемилостивѣйшій Государь!

Отъѣзжая изъ Эмса въ самую рѣшительную для меня минуту, Ваше Величество благоволили позволить мнѣ объяснить Вамъ то, что осталось неяснымъ, въ письмѣ мною Вамъ представленномъ и чего, за краткостію времени, я не могъ досказать словесно [1]). Повергаю къ стопамъ Вашимъ всѣ мои надежды съ

невольнымъ трепетомъ но болѣе съ упованіемъ, ибо Вы теперь для меня видимый представитель Провидѣнія: одно Ваше слово рѣшитъ мою участь на весь остатокъ моей жизни. Прошу Ваше Величество великодушно простить меня, что осмѣливаюсь обременять вниманіе Ваше столь многими подробностями; почитаю необходимымъ высказать Вамъ все, какъ есть, въ смѣлой надеждѣ, что Вы, по благости своей, неоткажетесь истратить одинъ часъ на прочтеніе длиннаго письма моего: въ этомъ одномъ часѣ вашемъ заключается теперь все мое будущее. Чувствую, сколь затруднительно мнѣ ходатайствовать за самаго себя; но въ моемъ положеніи я долженъ прибѣгнуть къ Вамъ, какъ къ отцу; и знаю что самая вѣрная дорога къ Вамъ есть прямая.

Сущность дѣла уже Вашему Величеству извѣстна; но я долженъ здѣсь повторить, что я не могу навѣрное ручаться, буду ли имѣть успѣхъ въ своемъ исканіи: я имѣю одно согласіе родителей, но не знаю получу ли его отъ дочери, которой не имѣю права сдѣлать никакого предложенія, не узнавъ напередъ въ чемъ будетъ состоять Ваша воля и не устроивъ самымъ яснымъ образомъ моего будущаго, которое теперь все въ рукѣ Вашей. Если буду такъ счастливъ, что Вы, Государь,—соизволите обратить милостивый взглядъ на мою просьбу и ее не отринете, то позволю себѣ дѣйствовать открыто; но и въ такомъ случаѣ не могу напередъ поручиться за успѣхъ, хотя и имѣю нѣкоторый поводъ его надеяться.

Государь, чтобы имѣть какое-нибудь счастіе въ семьѣ своей, самое необходимое для того условіе, есть убѣжденіе, что она имѣетъ вѣрный кусокъ хлѣба на *нынѣшній день* и будетъ его вѣрно имѣть *на будущее время*. Этого убѣжденія я *теперь* не имѣю.

Вотъ теперешнее мое состояніе[2]):

1. По мѣсту моему при Государѣ Наслѣдникѣ получаю жалованья:

   Отъ Вашего Императорскаго Величества . . . 4000

От Государя Наслѣдника 2000

2. Продолжаю пользоваться жалованьемъ, прежде назначеннымъ мнѣ отъ Государыни Императрицы, которое составляетъ 4000

3. Сверхъ того имѣю квартиру, столъ и экипажъ, на которые мнѣ выдается деньгами:

На квартиру 5000

На столъ 9000

На экипажъ 4000

Весь мой окладъ 28,000

Кромѣ того:

Мнѣ пожалована аренда на двадцать пять лѣтъ и по смерть въ 3000 серебромъ, что составляетъ ежегоднаго дохода 10,500

Имѣю въ Лифляндіи помѣстье.

Покойный Государь Александръ Павловичъ пожаловалъ мнѣ пенсіонъ въ 4000

Моего *годоваго оклада* слишкомъ достаточно для меня *одинокаго*, но онъ есть мое личное достояніе, временное, соединенное съ моею жизнію; достояніемъ семьи моей онъ быть не можетъ. Что же касается до другихъ доходовъ моихъ, то я долженъ здѣсь замѣтить, что доходомъ отъ аренды своей я не пользуюсь: я продалъ ее на 12 лѣтъ (въ 1839 году) и полученныя деньги употребилъ на то, чтобы обезпечить состояніе сиротъ Воейковыхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ теперь капиталъ въ 40,000 рублей; слѣдственно этотъ источникъ дохода въ продолженіе цѣлыхъ девяти лѣтъ для меня не существуетъ. Лифляндское же мое имѣніе[3]) такъ же теперь не даетъ мнѣ никакого дохода. Оно могло бы быть прекраснымъ со временемъ; но теперь совершенно раззорено отъ долгаго неприсмотра; сверхъ того оно заложено въ Лифляндскую кредитную систему и весь доходъ съ

него (въ теперешнемъ его разстроенномъ положеніи) идетъ на уплату процентовъ, за коею не только не остается ничего, но въ послѣднее время, я долженъ былъ еще употребить собственныя деньги, чтобы помочь имѣнію, приходящему безпрестанно въ упадокъ. При имѣніи есть каменный домъ, который могъ бы быть весьма удобенъ для житья, но въ немъ цѣлы однѣ только стѣны; все остальное въ развалинахъ; на перестройку его нужна значительная сумма.

Изъ всего вышесказаннаго Ваше Величество изволите усмотрѣть, что, пользуясь однимъ только годовымъ окладомъ, я долженъ вдругъ начать новую жизнь, заводить домъ, такъ сказать съ фундамента, закупать все, что въ немъ нужно отъ плошки до экипажа и все это долженъ завести разомъ (если не перемѣню образа жизни) и уже не для одного себя. Прибавлю къ этому еще и то, что не могу и подумать о томъ, чтобы жена моя принесла мнѣ какое-нибудь приданое: ея честный отецъ не имѣетъ на то никакого средства; это приданое я долженъ буду сдѣлать отъ себя, что будетъ для меня истиннымъ счастіемъ, ибо въ замѣну получу въ женѣ своей величайшее богатство: она воспитана въ привычкахъ къ умѣренности, знаетъ порядокъ жизни домашней, будетъ умѣть довольствоваться малымъ и изъ малаго сдѣлаетъ большое. Но въ настоящихъ своихъ обстоятельствахъ, при теперешнемъ образѣ жизни моей, не вижу никакого средства положить хорошее основаніе моему домашнему быту; осмѣливаюсь представить на милостивое усмотрѣніе Ваше тотъ способъ, который полагаю самымъ вѣрнымъ для утвержденія благосостоянія моего на все будущее время.

Я желалъ бы, чтобы, при увольненіи меня отъ настоящей моей должности, не было мнѣ опредѣлено никакого пенсіона, ни отъ Вашего Величества, ни отъ Государыни Императрицы, ни отъ Государя Наслѣдника, чтобы такъ же не было мнѣ сохранено никакого другого оклада, а вмѣсто всего этого была бы пожалована *единовременно сумма на выкупъ моего Лифляндскаго имѣнія* и чтобы въ то же время, для перваго обзаведенія, даны

были *заимообразно 150,000 рублей на 25 лѣтъ безъ процентовъ* съ тѣмъ чтобы въ первые пять лѣтъ не платить ничего, а въ продолженіе слѣдующихъ 20-ти лѣтъ уплачивать по 7500 рублей въ годъ [4]). Если бы при этомъ была мнѣ оказана величайшая милость *сохранить мнѣ весь мой теперешній годовой окладъ на первые три года семейной жизни*, то я могъ бы, по сдѣланному мною подробному разсчету, въ теченіе десяти лѣтъ, ограничивъ сколько возможно свои издержки, устроить мое будущее если не блестящимъ образомъ, то безбѣднымъ и прочнымъ: домъ былъ бы исподоволь построенъ, все нужное въ немъ было бы безъ всякаго раззорительнаго усилія заведено, имѣніе мало по малу было бы выкуплено и приведенно въ лучшее состояніе; между тѣмъ къ концу означеннаго срока освободилась бы моя аренда и тогда упрочился бы для меня и для семьи моей вѣрный доходъ, который конечно и тогда не составилъ бы для меня болѣе двухъ третей того, что получаю теперь одинъ, но былъ бы совершенно достаточенъ, ибо былъ бы чистый.

Но для достиженія сей цѣли главное, необходимое условіе, безъ исполненія котораго ничто не будетъ для меня возможно, есть, при увольненіи меня отъ моей настоящей должности, всемилостивѣйшее *позволеніе, поселиться на первые три года тамъ, гдѣ будетъ для меня удобнѣе*, тамъ, гдѣ я могъ бы вмѣстѣ съ женою прожить половиною того, чѣмъ живу теперь одинъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ о такого рода ограниченности (не говоря о другихъ препятствіяхъ) нельзя и думать: ибо тамъ не могу столько отдѣлиться отъ общества сколько это будетъ необходимо на первое время; какъ бы я это не расположилъ въ мысляхъ, напередъ знаю, что на дѣлѣ этого не могу исполнить. Я желаю на эти три года поселиться гдѣ нибудь въ Германіи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ дешевле, вмѣстѣ съ семействомъ Рейтерна, вдали отъ всякаго другого общества, дабы, дѣля съ ними свой достатокъ и тѣмъ самымъ облегчая для самого себя способъ жизни, въ эти три года самою умѣренною экономіею положить основаніе будущему скромному довольству. Если не сдѣлаю этого въ самомъ

началѣ, то въ послѣдствіи не буду въ состояніи ничего уладить: вмѣсто того, чтобы найти покой домашній и начать на просторѣ готовить свое будущее, я найду только душевную тревогу, разстрою настоящее и ничего для будущаго не упрочу. Если Ваше Величество, какъ добрый, милостиво-заботливый отецъ, не благоволите войти въ это мое положеніе и не соизволите позволить мнѣ выбрать на первое время этотъ образъ жизни (принявъ благосклонно въ разсужденіе, что счастіемъ моимъ можетъ быть только то, что согласно съ моими обстоятельствами и съ моимъ образомъ чувствовать), то всякое другое милостивое пособіе Ваше остается для меня безъ дѣйствія; въ этомъ я убѣжденъ внутренно.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: что должно выйти изъ того труда, который мною начатъ по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества для учебнаго образованія Ихъ Высочествъ Великихъ Князей? Почитаю необходимымъ возобновить въ памяти Вашего Величества то, что было сказано мною въ запискѣ, всеподданнѣйше представленной Вамъ, и Вами одобренной. Я осмѣлился тамъ замѣтить: «что гораздо будетъ простѣе и удобнѣе, если дѣло *воспитанія* и надзоръ за *ученіемъ* великихъ князей будутъ поручены не *двумъ* а *одному* (и то и другое ввѣрены съ одной, стороны Литке [5]), съ другой Философову [6]), что для завѣдывающихъ собственно *ученіемъ* Ихъ Высочествъ (тогда только *Гримма* [7]), а теперь и Гельмерсена [8]) не можетъ быть нуженъ *особенный* начальникъ въ такомъ дѣлѣ, которое они должны исполнять самобытно, подъ наблюденіемъ тѣхъ, кои на своемъ мѣстѣ должны быть ихъ полными, непосредственными начальниками; что ученіе Великихъ Князей началось и продолжается безъ моего непосредственнаго участія, ибо въ послѣдніе годы я былъ въ безпрестанной отлучкѣ (принятъ былъ за основаніе только мой планъ). Что отношеніе между преподавателями и ихъ начальниками утверждено, что все идетъ желаннымъ порядкомъ и что, въ слѣдствіе всего вышесказаннаго, здѣсь не только не можетъ быть нужно новое лицо, но что оно, (не будучи необходимо) по

тому именно можетъ быть лишнимъ и даже помѣхою, вмѣстившись съ своею неопредѣленною властію между подчиненнымъ и его настоящимъ начальникомъ». — Я далѣе всеподданнѣйше изъявилъ въ запискѣ своей: «что, не желая отклонять отъ себя счастливой обязанности содѣйствовать пользѣ воспитанія Ихъ Высочествъ, прошу только, чтобы мнѣ въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ было назначено — не принимая *участія* въ надзорѣ за ученіемъ Великихъ Князей въ званіи главнаго наставника, ни *отвѣтственности* съ симъ званіемъ соединенной (что все должно вполнѣ принадлежать главнымъ воспитателямъ, отъ коихъ и всѣ учители должны зависѣть), имѣть дѣло съ одними только Гриммомъ и Гельмерсеномъ, дабы вмѣстѣ съ ними заняться первою приготовительною половиною курса наукъ по методѣ, которая употреблена была для Государя Наслѣдника, послѣ чего особенный трудъ мой можетъ быть признанъ совершенно кончаннымъ». — Все это всеподданнѣйше было представлено мною Вашему Величеству въ такое время, когда еще у меня и мысли не было заводиться своею семьею. Теперь обстоятельства мои перемѣнились; въ мои лѣта я не могу откладывать, или отъ всего долженъ навѣки отказаться. Но такая тяжелая жертва не есть въ настоящемъ случаѣ необходима; я бы ни минуты не задумался принести ее; но къ счастію, и не принося ее, могу исполнить главное, существенное въ возлагаемомъ на меня дѣлѣ. Вотъ мой планъ, о утвержденіи коего всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество. Во первыхъ благоволите позволить мнѣ теперь (по отъѣздѣ отъ сюда Государыни Императрицы и Ея Высочества принцессы Маріи) остаться здѣсь на два мѣсяца, то есть до половины будущаго октября: въ это время, дождавшись въ Дюссельдорфѣ разрѣшенія участи моей отъ Вашего Величества, я все бы надлежащимъ образомъ устроилъ: судьба моя рѣшилась бы такъ или иначе. Потомъ благоволите позволить, чтобы я, возвратясь въ Петербургъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, то есть до половины апрѣля 1841 года занялся возложеннымъ на меня дѣломъ: уроками русскаго языка съ прин-

цессою Маріею и приготовленіемъ всего нужнаго для курса ученія Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ (ибо съ Гриммомъ это уже не нужно; онъ ушелъ уже далеко, воспользовавшись моею методою, но дѣйствуя и по собственному плану). Въ это время, надѣюсь все главное вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ кончить и пустить въ ходъ, для продолженія коего мое содѣйствіе нисколько не будетъ нужно, ибо Гельмерсенъ свое дѣло знаетъ. Что же касается до обученія Русскому языку Ея Высочества Принцессы Маріи, то я и прежде не предполагалъ, чтобы это дѣло могло быть мнѣ навсегда предоставлено; по окончаніи шести мѣсяцевъ буду просить у Вашего Величества позволенія представить на мѣсто мое преподавателя, котораго уже имѣю въ виду, и съ которымъ вмѣстѣ приготовилъ бы все къ продолженію обученія Ея Высочества по начатой мною методѣ. Здѣсь долженъ однако замѣтить, что занятіи мои съ Ея Высочествомъ, до сихъ поръ продолжавшіяся, не могутъ представить еще никакого успѣха: обстоятельства тому совершенно противились. Мы могли имѣть не болѣе *пятнадцати* непрерывныхъ уроковъ — они остановлены были поѣздкою Принцессы въ Мюнхенъ и потомъ безпрестанными переѣздами поминутно перерывались, отъ чего нѣсколько сдѣланныхъ впередъ шаговъ сдѣлались совершенно безполезными, несмотря на добрую волю моей ученицы, умной, исполненной высокихъ качествъ и вполнѣ понимающей свое назначеніе. Въ послѣднія три недѣли, кои остается мнѣ провести въ Дармштатѣ наши занятія будутъ непрерывны, почему и надѣюсь нѣкотораго успѣха.

Возвращаясь къ главному содержанію письма моего, прошу всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество позволить мнѣ надѣяться, что по истеченіи означенныхъ шести мѣсяцевъ, мое дѣло признано будетъ конченнымъ и что я тогда получу разрѣшеніе начать семейную жизнь мою. Но дабы не жить заграницею безъ особеннаго, полезнаго назначенія и имѣть хотя нѣкоторое право пользоваться въ теченіе трехъ лѣтъ моимъ тепе-

решнимъ содержаніемъ (если Ваше Величество благоволите милостиво мнѣ сохранить его), я осмѣливаюсь просить Васъ, Государь, возложить на меня слѣдующій трудъ, который въ своемъ родѣ можетъ имѣть и государственную пользу [9]). До сихъ поръ я съ особеннымъ участіемъ обращалъ вниманіе на изящныя искусства, предпочтительно же на живопись и скульптуру. Въ продолженіе предполагаемаго трехлѣтняго пребыванія въ Германіи, имѣя возможность входить въ сношеніе съ лучшими художниками и способъ обозрѣвать какъ академіи, такъ и приготовительныя школы искусства, я могъ бы собрать всѣ лучшія свѣдѣнія о тѣхъ способахъ, кои въ разныхъ мѣстахъ Германіи (въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Дюссельдорфѣ даже и въ сѣверной Италіи) употребляются для ихъ успѣшнаго образованія. Изъ этихъ матеріаловъ я могъ бы подъ конецъ составить полный отчетъ, коего содержаніе могло бы обнять три предмета: 1-е самое искусство въ его теоріи; 2-е положеніе искусства въ Германіи и способъ его образованія и распространенія (обученіе въ школахъ и академіяхъ, управленіе разными заведеніями, ихъ статистика, способы поощренія художествъ и художниковъ) и наконецъ 3-е—примѣненіе всѣхъ собранныхъ свѣдѣній и замѣчаніе къ тому, какъ употребить ихъ въ пользу въ Россіи. Такого практическаго взгляда на искусства еще у насъ нѣтъ; и онъ можетъ быть сдѣланъ надлежащимъ образомъ только въ Германіи. Я могъ бы употребить себя на это въ теченіи трехъ лѣтъ и надѣюсь, что нашелъ бы для этого хорошихъ сотрудниковъ и богатыя пособія. Если бы въ послѣдствіи Вашему Величеству благоугодно меня же употребить и на приведеніе въ дѣло собранныя мною свѣдѣнія, то такое назначеніе я принялъ бы съ глубочайшею благодарностію.

Впрочемъ, Государь, и безъ того уединенные дни мои не будутъ праздны и не пройдутъ безъ пользы для отечества. Новая жизнь, которой жду изъ благотворной руки Вашей, дастъ новую силу душѣ, и я могу надѣяться, что не безъ успѣха примусь опять за прежніе труды, давно оставленные для высшаго

назначенія. Если до сихъ поръ я могъ заслужить доброе имя, какъ писатель, которому всегда святое было свято, то и теперь, осчастливленный Вами, сойдя съ того пути, на который Ваша Царская воля привела меня, на которомъ столько чистыхъ благъ я встрѣтилъ и съ котораго въ свое уединеніе унесу столько благодарныхъ воспоминаній, могу надѣяться, что найду въ себѣ еще столько способностей, чтобы написать еще что нибудь достойное Вашего вниманія, полезное отечеству, на добрую память потомству обо мнѣ и объ Вашемъ вѣкѣ.

Если суждено мнѣ испытать еще на землѣ то счастіе, о которомъ я такъ напрасно мечталъ во всѣ годы жизни, отъ котораго наконецъ совсѣмъ было отказался и которое вдругъ мнѣ представляется, такъ неожиданно (и въ какую минуту! когда подобное совершается въ жизни наслѣдника). Если это счастіе устроится для меня такъ, какъ его желаетъ и понимаетъ сердце, то одна изъ главныхъ прелестей его будетъ та, что оно есть Ваше даяніе, и что я буду имѣть право съ каждымъ добромъ, которое встрѣчу въ будущемъ, слить воспоминаніе о Васъ и о Вашемъ семействѣ, благотворныхъ создателяхъ всего, чѣмъ были украшены лучшіе мои годы.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Жуковскій.

Эмсъ, 1840 г. Іюля.

№ 11.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дармштадтъ] *[27 Іюля (8 Августа) 1840 года].*

Votre Majesté Impériale m'a daigné permettre d'ecrire à elle et m'a ordonné d'être court[1]). Que puis-je dire? Je suis parti d'Ems, plein de bonheur, ne doutant pas de l'interet que prendrait à mon sort l'Empereur et jouissant d'avance de l'ardeur que mettra le Grand Duc à devenir le bienfaiteur de ma vie; et la conversation que Vous avez daigné m'accorder quelques moments avant mon départ, m'avait rendu tellement heureux, que je ne pouvais y penser sans verser des larmes d'attendrissement.

Je me voyais deja, à cette heure suprême, qui devait changer toute ma destinée, entouré de mes anges terrestres qui étaient la pour me benir et surtout j'y voyais Vous, qui etiez toujours mon ange de choix, l'être ideal dominant la principale periode de ma vie. Je vous assure, Madame, qu'a cette seule idée tout mon coeur se fondait de bonheur. — A presant quelle chute! La lettre du Grand Duc, tant attendue, est arriveé, glaciale et seche; L'Empereur m'a accordé le congé de deux mois, sans daigner rien prononcer sur mon avenir; Le grand Duc me fait sentir que j'ai outrepassé la mesure dans mes demandes[2]), et par ce mot qu'il n'aurait jamais du pouvoir m'adresser, (resultat d'une erreur, comme je le pense d'apres tout ce que j'ai entendu de Vous) il me rejette dans la foule des hommes avides qui ne revent qu'argent; enfin la conversation avec Votre Majesté, qui etait ma planche de salut dans ce nauffrage de mes plus cheres esperances, n'a eu d'autre resultat pour moi que celui de me persuader, que Vous aussi, de qui l'opinion etait pour moi l'equivalant de ma consience, à qui mon ame a toujours appartenu en entier, quand meme, que Vous aussi partagiez cette opinion si injuste sur mon compte. Cette conversation — Vous l'avez brusquement

interrompue, sans me jetter l'aumone d'un mot consolant, sans même penser à l'etat de decouragement et même d'humiliation dans lequel Vous m'abandoniez ainsi dans le moment le plus decisif de ma vie. Et demain Vous partez sous l'influence de l'impression, que cette conversation a du laisser dans Votre coeur; et cette impression Vous restera, car je n'aurai plus la possibilité de Vous approcher et je n'oserai pas même le tenter, car je sens que dès ce moment je suis devenu pour Vous importun. C'est ainsi que je dois partir pour Dusseldorff, sans avoir entendu un mot de benediction de Votre part; et lorsque le moment[4]) viendra, je serai seul, je n'oserai pas même en ideé Vous invoquer d'y assister: Votre opinion sur moi est changée. Et pourtant je ne merite pas, que cela soit ainsi.... raison de plus de se cramponner à un coeur ami, pour trouver près de lui et la paix de l'ame et la valeur réelle de la vie. Que Dieu daigne me l'ouvrir; Après arrive ce qui pourra. — Ma lettre est devenue de nouveau très longue, Daignez me le pardonner, Madame: la cruelle situation de mon ame à la suite de ce fatal entretient doit me servir d'excuse. Sur le reste je ne dis rien; je m'expliquerai avec le grand Duc. Que Dieu benisse la route et le retour de Votre Majesté!

27 Juillet / 8 Aout 1840.
Darmstatt.

Joukovsky[5]).

№ 11.

Переводъ:

[Дармштадтъ]. *[27 Іюля / 8 Августа 1840 г.].*

Всемилостивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество соблаговолили разрѣшить мнѣ писать Вамъ и приказали быть краткимъ[1]). Что мнѣ ска-

зать? Я уѣхалъ изъ Эмса, исполненный счастья, не сомнѣваясь въ участіи, которое приметъ Императоръ въ моей судьбѣ, и заранѣе наслаждаясь при мысли, съ какою горячностью примется Великій Князь за благоустроеніе моей жизни. И разговоръ, которымъ Вы удостоили меня за нѣсколько минутъ до моего отъѣзда, такъ осчастливилъ меня, что я не могъ думать о томъ безъ слезъ умиленія. Мысленно я уже видѣлъ себя въ торжественный часъ, который долженъ измѣнить мою судьбу, окруженнымъ моими земными ангелами, благословляющими меня, видѣлъ главнымъ образомъ Васъ, которая всегда была моимъ ангеломъ хранителемъ, идеальнымъ существомъ, руководившимъ мною въ самый важный періодъ моей жизни. Увѣряю Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, что при одной этой мысли сердце мое было преисполнено счастья. — Теперь — какой ударъ! Письмо Великаго Князя, столь желанное, пришло, холодное и сухое; Императоръ даровалъ мнѣ двухъ-мѣсячный отпускъ, но не соблаговолилъ высказаться о моемъ будущемъ. Великій князь даетъ мнѣ понять, что мои просьбы превысили мѣру, и эти слова, съ которыми ему никогда не слѣдовало бы обращаться ко мнѣ (слѣдствіе заблужденія, какъ я полагаю, судя по всему тому, что я слышалъ отъ Васъ), смѣшиваютъ меня съ толпой людей алчныхъ, которые только и думаютъ, что о деньгахъ; наконецъ бесѣда съ Вашимъ Величествомъ привела меня къ убѣжденію, что и Вы, которая была моимъ якоремъ спасенія въ этомъ крушеніи моихъ завѣтныхъ надеждъ, чье мнѣніе было для меня равносильно голосу моей совѣсти, кому всегда принадлежала вся моя душа, что и Вы тоже раздѣляете это мнѣніе, столь несправедливое по отношенію ко мнѣ. Эту бесѣду Вы рѣзко прервали [3]), не кинувъ мнѣ даже, какъ милостыню, ни одного утѣшительнаго слова, даже не подумавъ о томъ уныніи и униженіи, въ которомъ Вы покидали меня въ самую рѣшительную минуту моей жизни. А завтра Вы уѣзжаете подъ впечатлѣніемъ, которое долженъ былъ оставить въ Вашемъ сердцѣ этотъ разговоръ; и это впечатлѣніе такъ и останется, потому что я не буду

больше имѣть возможности приблизиться къ Вамъ и не посмѣю даже сдѣлать къ тому попытки, ибо чувствую, что съ этой минуты я сдѣлался Вамъ докучливъ. И вотъ въ такомъ то состояніи я долженъ ѣхать въ Дюссельдорфъ, не получивъ отъ Васъ благословенія. И когда настанетъ та минута [4]), я буду одинокъ, не посмѣю даже мысленно обратиться къ Вамъ съ просьбой присутствовать при ней: Вы измѣнили свое мнѣніе обо мнѣ. А я всетаки не заслуживаю того; тѣмъ болѣе у меня причинъ прилѣпиться къ дружескому сердцу, чтобы подлѣ него найти и душевный миръ и истинную цѣну жизни. Да отверзнетъ мнѣ его Господь; а потомъ будь, что будетъ. — Мое письмо опять вышло очень длиннымъ... Соблаговолите простить мнѣ это, Всемилостивѣйшая Государыня! Ужасное состояніе моей души послѣ того рокового разговора, да послужитъ мнѣ извиненіемъ. Объ остальномъ не скажу ничего; объясняюсь съ Великимъ княземъ.—Да благословитъ Богъ путь и возвращеніе Вашего Величества!

Жуковскій [5]).

Дармштатъ, 27 $\frac{\text{27 Іюля.}}{\text{8 Августа}}$ 1840 г.

№ 12. [1])

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дармштатъ [2])]. *[8 Августа 1840 года].*

Non [3]), Madame, je ne puis pas me refuser la jouissance de vous exprimer ce que je sens, ce qui me remplit tout ce jour, depuis le moment ou la Providence (oui, la Providence elle meme) vous a amenée à ma rencontre. Je ne sais pas au reste ce que je dois vous dire—ce sont de ces situations ineffables qu'on peut comprendre, mais qu'on ne dit pas, qui s'emparent de l'ame comme une musique celeste, pour la quelle on ne trouve pas de mots. Cette

apparition d'un moment à été magnifique: tout le bonheur, tout le calme interieur dont j'ai joui solitairement tout ce dernier temps, avant la reception de la lettre [4]) du Grand Duc et que dorenavant j'apellerai *bonheur avant la lettre*, est revenu. De nouveau je suis rempli de courage, de serenité—et tout cela grace à Vous, grace à cette apparition providentielle, grace a ce regard si touchant, si profond, si vrai, si inexprimable que vous avez daigné jetter sous moi, grace à cette main amie que j'ai senti dans les miennes, grace a cette benediction que cette main cherie a daigneé poser sur ma tete—je voudrai bien pouvoir vous remercier a genoux pour tout cela, mais ce n'est que mon ame seule qui est devant vous a genoux. Oui, jamais, dans le courant de ma vie, je n'ai rencontré personne, qui put se comparer a vous dans les moments ou l'on vous trouve telle que vous etes, ou vous vous donnez au coeur qui s'ouvre pour vous recevoir, telle, que Dieu vous a créé, telle que vous etes toujours en Sa presence et telle que vous serer à jamais sans avoir la possibilité de changer. J'ouvre dans ce moment le petit album, que vous m'avez donné jadis à votre depart de Berlin pour Ems et j'y trouve entre autres ces vers ecrits de la main du Prince Royal:

Beseeligend war ihre Nähe,
Und alle Herzen wurden weit;
Sie brachte Blumen mit und Früchte
Gereift auf einer andern Flur,
In einem andern Sonnenlichte,
In einer glücklichen Natur.

d. 28 May 1821 nach dem Wunche meines theuren Schukowsky F.W. [5]).

Oui, *beseeligend* dans toute la force de ce terme. Les vers ont été ecrites dans les tems de Lalla Rookh. Dans le lointain audessus de la foule, m'apparut alors une vision; elle a passé devant mes yeux comme un bon genie; et depuis, ce genie est toujours resté le mien, il est toujour *le même*; le tems n'a rien changé en

lui; et chaque fois que je le revois il m'apporte avec soi le charme de la Vie.

Je vous dis adieu, Madame, avec un sentiment inexprimable de reconnaissance. Vous avez fait ma paix avec le grand Duc et j'ai même apresent le bonheur de croire que j'ai eu tort d'accuser son coeur. Avec quel charme apresent je me mettrai en route, avec quelle serenité j'irai au devant de ce bonheur que peut etre Dieu dans sa bonté me destine, sans m'inquieter de l'avenir que je remets avec confiance entre les mains de l'Empereur et les Votres [5]). Que Dieu vous guide dans votre route et qu'il vous ramene à l'Empereur, vous, qui etes l'ange de sa vie.

Joukowsky [6]).

Ce 8 Aout 1840.

№ 12. [1])

Переводъ:

[Дармштатъ] [2]). *[8 Августа 1840 года].*

Нѣтъ [3]), Всемилостивѣйшая Государыня, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выразить Вамъ то, что я чувствую, что наполняетъ сегодня все мое существо съ той самой минуты, когда Провидѣніе (да, само Провидѣніе!) привело Васъ мнѣ на встрѣчу. Въ сущности я даже не знаю, что мнѣ сказать Вамъ: это одно изъ тѣхъ невыразимыхъ состояній, которыя можно понять, но нельзя высказать, которыя овладѣваютъ душой подобно небесной музыкѣ, для которой нельзя найти словъ. Это мимолетное явленіе было восхитительно: все счастіе, весь душевный покой, которымъ я одиноко наслаждался въ послѣднее время, до полученія письма [4]) отъ Великаго князя, и которое я впредь буду называть счастіемъ avant la lettre, — все это вернулось ко мнѣ.

Я снова полонъ мужества и ясности духа — и все это благодаря Вамъ, благодаря этому чудесному явленію, благодаря этому взгляду, столь трогательному, столь глубокому, столь правдивому, столь невыразимому взгляду, которымъ Вы удостоили меня; благодаря этой дружеской рукѣ, которую я ощутилъ въ своихъ; благодаря этой дорогой рукѣ, соблаговолившей осѣнить меня своимъ благословеніемъ. Мнѣ хотѣлось бы на колѣняхъ благодарить Васъ за все это, но я могу только душей преклониться передъ Вами. Да, никогда еще, въ теченіи всей моей жизни, я не встрѣчалъ никого, кто могъ бы сравняться съ Вами въ тѣ минуты, когда видишь Васъ такою, какою Вы есть на самомъ дѣлѣ, когда Вы отдаетесь сердцу, открывающемуся для воспріятія Васъ, такою, какою создалъ Васъ Господь, какой Вы всегда бываете предъ Нимъ и какой останетесь навсегда, не будучи въ состояніи измѣниться. — Въ эту минуту я открываю маленькій альбомъ, который Вы мнѣ дали при отъѣздѣ Вашемъ изъ Берлина въ Эмсъ, и между прочимъ нахожу въ немъ стихи, написанные рукою кронпринца:

«Присутствіе ея дѣлало счастливымъ,
Всѣ сердца раскрывались передъ ней;
Она несла съ собою цвѣты и плоды,
Созрѣвшіе на иной нивѣ,
Въ лучахъ иного солнца,
Среди счастливой природы.

28-го мая 1821 г. по желанію моего дорогого Жуковскаго.
F. W.[5])»

Да, *дѣлала счастливымъ* — въ полномъ смыслѣ этого слова. Эти стихи были написаны во времена Лаллы Рукъ. Тогда вдали, высоко надъ толпой, предстало предо мной видѣніе; оно пронеслось передъ моими очами, какъ добрый геній; и съ тѣхъ поръ этотъ геній всегда оставался моимъ, онъ *все тотъ же*, время ничего не измѣнило въ немъ; и каждый разъ, когда я снова вижу его, онъ приноситъ съ собой прелесть жизни.

Прощаюсь съ Вами, Всемилостивѣйшая Государыня, съ невыразимымъ чувствомъ благодарности: Вы примирили меня съ Великимъ Княземъ, и теперь я даже счастливъ при мысли, что былъ неправъ, обвиняя его сердце. Съ какимъ восторгомъ отправлюсь я теперь въ путь, съ какимъ спокойствіемъ пойду на встрѣчу счастію, которое, быть можетъ, Господь, по своей благости, посылаетъ мнѣ, пойду, не безпокоясь о будущемъ, которое съ полнымъ довѣріемъ вручаю Государю и Вамъ!

Да направитъ Васъ Господь на Вашемъ пути, и да сохранитъ Онъ Васъ для Государя, Васъ, ангела хранителя Его жизни.

8 Августа 1840 г. Жуковскій [6]).

№ 13.[1])

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ]. *[15/27 Сентября 1840 года].*

Je n'ai pas osé importuner Votre Majesté Imperiale par mes lettres dans le courant de Votre voyage, ni dans les premiers jours de Votre arrivée à Petersbourg. Apresent Vous devez etre rentrée dans le cours habituel de Votre vie et peut etre aurez Vous un instant libre à donner à la lecture de ces lignes, que j'ose et que j'ai besoin d'adresser à Votre Majesté, parceque je suis persuadé que Vous ne les lirez pas avec indifference.

Cet ange qui m'a apparu dans le moment decisif, ou je devais quitter Darmstatt, cet ange de paix, qui a rendu le calme à mon coeur alors attristé, qui m'a beni avec cette bonté, qui date du Ciel, ne m'a pas abandonné depuis et la serenité qu'il a fait rentrer dans mon ame y est restée. Avec quel charme j'ai pensé au court moment, ou je l'ai vu devant moi, tel qu'il est, tel qu'il m'a apparu dans les meilleurs heures de ma vie, tel que je porte dans le fond de mon ame; et quelle reconnaissance ne lui dois-je pas

d'etre venu si a temps pour m'apporter joie et tranquillité, qui m'etaient alors si nessessaires pour accepter avec pleine jouissance l'humble bonheur qui m'attendait. Oui, Madame, de nouveau je mets aux pieds de Votre Majesté Imperiale ma reconnaissance pour ce bienfait, qui ne pouvait venir que de Vous. Comme par un coup de baguette ma destinée s'est transformée entierement: j'ai trouvé ce qu'il me faut, je l'ai trouvé au moment ou j'etais deja resigné à ne plus le chercher et je suis d'autant plus sur de le posseder, que je ne fais-ici autre chose, que l'accepter avec une humble reconnaissance de Dieu, qui a daigné lui même me le proposer sans ma participation. Voila depuis 6 semaines que je suis fiancé à Elisabeth de Reutern. Je dois sa main à son coeur, qui depuis longtems deja m'appartenait, et qui, au moment ou je me suis adressé à lui, s'est prononcé librement, sans aucune influance etrangere. Avec cette intime persuasion, je fixe d'oeil tranquille mon avenir. Je ne demande à Dieu que de daigner me conserver cette vie, à la quelle par Sa grace j'attache apresent une aussi grande valeur. Quant à Vous, Madame, j'ose Vous demander une grace d'un autre genre, c'est de vouloir bien plaider ma cause près de Sa Majesté l'Empereur. Mais il ne s'agit pas ici de le solliciter de daigner proteger mon avenir, il s'agit de me redresser dans son estime: l'idée de ne pas la posseder entiere gaterait complettement ma vie; et par malheur je suis forcé de croire (d'après les expressions qui m'ont tant chagrinés dans la lettre de Monseigneur le grand Duc) que l'Empereur a trouvé dans la lettre, que j'ai osé adresser à Sa Majesté, l'expression d'un homme interessé, dont les désirs passent toute mesure. Une telle opinion sur mon compte de la part de Mon Souverein serait pour moi le comble de malheur. Mais j'ose affirmer, que je ne la mérite pas: de tous les défauts, que l'homme peut avoir, la cupidité est celui qui est le plus eloigné de mon caractere. J'ai osé adresser deux demandes à Sa Majesté: dans l'une j'ai exprimé le desir *qu'à la place du pension*, qu'après ma retraite (nessessitée apresent par les circonstances) j'aurais pu esperer de conserver,

il me fut donnée une somme equivalante pour que je pusse liberer mon bien hipothequé et y reparer ma maison, maintenant inhabitable. La seconde priere n'est autre chose que la demande d'un *secours* qui a souvent eté accordé à ceux qui ont eu occasion de le solliciter, la demande *de me preter* une somme pour 25 ans, sans interet, avec condition *de la payer graduellement* pendant les dernieres vingt années, ce qui me mettrait dans l'etat de baser mon bien-etre present et d'assurer l'avenir de ma famille. En adressant ma trop longue lettre a Sa Majesté je suis entré dans trop de détails (ich war zu umständlich comme Votre Majesté me l'a dit avec tant de justesse); j'aurais du au contraire ne rien ecrire et m'abandonner sans aucune inquiètude à la magnanimité de l'Empereur. Mon excuse est dans ma franchise: j'ai parlé à Sa Majesté comme à un pere, sans aucune arrière pensée, sans la moindre apprehension de paraitre à ses-yeux sous un mauvais jours. C'est de ce dernier malheur que je Vous supplie encor de me sauver, Madame. Je ne puis pas supporter l'idée de finir ma carriere près de Votre famille, après 23 années de fidele attachement sans tache par perdre dans l'estime de Celui dont l'opinion est pour moi le plus grand tresor et ma suprême recompense.

Aujourd'hui doit etre l'entrée de notre auguste Fiancée à Petersbourg: que Dieu benisse ce moment pour l'avenir du grand Duc et pour le notre; et puissent l'Empereur et Vous Madame jouir de ses suites heureuses pendant de longues années.

De Votre Majesté Imperiale

le très fidele sujet

Joukovsky.

Dusseldorff, 15/27 Septembre 1840.

№ 13.[1])

Переводъ.

[Дюссельдорфъ]. *[15/27 Сентября 1840 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

Я не смѣлъ безпокоить Ваше Императорское Величество своими письмами ни во время Вашего путешествія, ни въ первые дни Вашего прибытія въ Петербургъ. Теперь жизнь Ваша, вѣроятно, идетъ уже своимъ обычнымъ путемъ, и у Васъ, быть можетъ, найдется свободная минута, чтобы прочесть эти строки, съ которыми я осмѣливаюсь и съ которыми мнѣ необходимо обратиться къ Вашему Величеству, такъ какъ я убѣжденъ, что Вы не прочтете ихъ равнодушно.

Ангелъ, явившійся мнѣ въ рѣшительную минуту, когда я долженъ былъ уѣхать изъ Дармштата, этотъ ангелъ мира, вернувшій покой моему огорченному сердцу, благословившій меня съ небесной добротой, не покинулъ меня съ тѣхъ поръ, и спокойствіе, которое онъ вернулъ моей душѣ, живетъ въ ней. Съ какимъ восторгомъ думалъ я о томъ краткомъ мгновеніи, когда я видѣлъ его передъ собой такимъ, каковъ онъ есть и какимъ являлся мнѣ въ лучшіе часы моей жизни, какимъ я ношу его въ глубинѣ моей души; и какова же должна быть моя благодарность за то, что онъ такъ во время принесъ мнѣ радость и спокойствіе, которыя тогда были мнѣ такъ необходимы, дабы я могъ съ полнымъ наслажденіемъ принять скромное счастіе, меня ожидавшее! Да, Всемилостивѣйшая Государыня, я снова повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою благодарность за то благодѣяніе, которое и могло явиться только отъ Васъ. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла судьба моя совершенно измѣнилась: я нашелъ то, что мнѣ нужно, и нашелъ тогда, когда уже рѣшилъ не искать его болѣе,

и я тѣмъ болѣе увѣренъ въ обладаніи имъ, что я лишь принимаю его со смиренной благодарностью отъ Господа, которому было угодно даровать его мнѣ.—Вотъ уже шесть недѣль, какъ я обрученъ съ Елизаветой Рейтернъ. Ея руку отдало мнѣ ея сердце, которое уже съ давнихъ поръ принадлежало мнѣ и которое, какъ только я обратился къ нему, отозвалось свободно и безо всякаго посторонняго вліянія. Въ этомъ искреннемъ убѣжденіи я спокойно смотрю на свое будущее. Я прошу лишь одного у Господа: сохранить мнѣ жизнь, которой, по Его благости, я придаю теперь такую высокую цѣну.

Что касается Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, то я осмѣливаюсь просить у Васъ милости иного рода, именно ходатайствовать за меня предъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ. Дѣло не въ томъ, чтобы онъ соблаговолилъ быть покровителемъ моей будущности, а въ томъ, чтобы онъ вернулъ мнѣ свое уваженіе: мысль, что я не пользуюсь имъ вполнѣ, совершенно испортила бы мою жизнь; къ несчастію, я принужденъ вѣрить (судя по нѣкоторымъ словамъ, столь огорчившимъ меня, въ письмѣ Его Высочества Великаго Князя), что Императоръ нашелъ въ письмѣ, съ которымъ я осмѣлился обратиться къ Его Величеству, выраженіе человѣка корыстолюбиваго, желанія котораго переходятъ всякую мѣру. Такое мнѣніе обо мнѣ со стороны моего государя было бы верхомъ несчастія для меня. Но я осмѣливаюсь утверждать, что не заслуживаю его: изъ всѣхъ недостатковъ, которые могутъ быть у человѣка, корыстолюбіе менѣе всего свойственно моему характеру. Я осмѣлился обратиться къ Его Величеству съ двумя просьбами: въ одной я высказалъ желаніе, *чтобы вмѣсто пенсіи*, которую послѣ моей отставки (вынужденной теперь обстоятельствами) я могъ надѣяться сохранить, мнѣ дали соотвѣтствующую сумму, дабы я могъ выкупить мое заложенное имѣніе и поправить домъ, теперь непригодный для житья. Вторая просьба не что иное, какъ просьба о *помощи*, которую часто оказывали тѣмъ, у кого былъ случай ходатайствовать о томъ, просьба *о дарованіи* мнѣ без-

процентной ссуды на 25 лѣтъ, съ условіемъ *выплачивать ее постепенно* въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, что дало бы мнѣ возможность упрочить мое настоящее благосостояніе и обезпечить будущее моей семьи. Обратясь съ моимъ слишкомъ длиннымъ письмомъ къ Его Величеству, я вошелъ въ излишнія подробности (я былъ слишкомъ обстоятеленъ, какъ Ваше Величество мнѣ совершенно справедливо сказали); мнѣ слѣдовало поступить совершенно обратно: совсѣмъ не писать объ этомъ, а положиться безъ малѣйшаго безпокойства на великодушіе Императора. Извиненіемъ мнѣ можетъ послужить моя откровенность: я говорилъ съ Государемъ, какъ съ отцемъ, безо всякой задней мысли, безъ малѣйшаго опасенія явиться въ его глазахъ въ дурномъ свѣтѣ. И вотъ я умоляю Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, спасти меня отъ этого несчастія. Я не могу примириться съ мыслью, что служеніе мое Вашей семьѣ, послѣ 23-хъ лѣтней вѣрной и безупречной привязанности, завершится тѣмъ, что я лишусь уваженія Того, чье мнѣніе является для меня величайшимъ сокровищемъ и высшей наградой.

Сегодня долженъ состояться въѣздъ нашей августѣйшей Невѣсты въ Петербургъ. Да благословитъ Господь эту минуту на будущее для Великаго Князя и для насъ и да насладится Государь и Вы, Всемилостивѣйшая Государыня, ихъ счастіемъ на долгіе годы.

Вашего Императорскаго Величества

преданнѣйшій подданный

Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 15/27 Сентября 1840 года.

1841 годъ.

№ 14.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ]. *[7/19 Августа 1841 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, когда я имѣлъ счастіе прощаться съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, вамъ угодно было позволить мнѣ написать къ Вамъ о томъ, что будетъ со мною; но Вы тогда же приказали, чтобы я написалъ не иначе, какъ по прошествіи нѣкотораго времени, дабы мнѣ можно было говорить съ вами о новой жизни своей не съ горяча, а познакомившись съ нею коротко и осмотрѣвшись около себя безъ всякаго предубѣжденія. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ [1]) какъ я женатъ; я знаю коротко судьбу свою и теперь съ большимъ убѣжденіемъ нежели въ первыя минуты благодарю Бога, который ее самъ, безъ моего вѣдома, для меня устроилъ и мнѣ даровалъ безъ моего ожиданія и исканія. Не могу придумать ничего, чтобы я теперь пожелалъ прибавить къ моему смиренному, ясному счастію: оно полное. И мнѣ особенно радостно сказать это Вашему Величеству, ибо никто лучше васъ не знаетъ цѣны такого блага; а мое сверхъ того есть Ваше созданіе. Теперь изъ семейнаго моего пріюта, котораго покоемъ и вѣрностію обязанъ я благотворительности тѣхъ, коимъ лучшее время жизни моей посвящено было съ любовію, смотрю съ благодарностію на мое прошедшее и съ особеннымъ чувствомъ воспоминаю тѣ свѣтлые

дни, въ которые вы были ко мнѣ такъ милостивы, вы мой идеалъ доброты, прелести и величія. Этотъ идеалъ, старый любимый другъ души, никогда не покинетъ меня и будетъ добрымъ геніемъ моей домашней жизни. Не стану обременять вниманіе вашего Величества подробнымъ описаніемъ того, что со мною было въ послѣднее время: если эти обстоятельства будутъ для васъ любопытны, то онѣ всѣ описаны въ письмѣ моемъ къ Государю Наслѣднику [1]). Но для меня необходимо сообщить Вамъ, всемилостивѣйшая Государыня, продолженіе того письма [2]), которое вамъ угодно было прочитать въ Петербургѣ; необходимо потому, что оно познакомитъ Васъ съ тѣмъ добрымъ созданіемъ, которое Богъ теперь соединилъ со мною. Изъ него увидите како(го) рода счастіе мнѣ теперь въ удѣлъ досталось (Это письмо получено мною въ Берлинѣ; то, что не было читано Вашимъ Величествомъ начинается, кажется, съ 7 страницы. Осмѣливаюсь просить о его мнѣ возвращеніи). Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ ввѣряю и ее, мою добрую жену, Вамъ, какъ моему провидѣнію: увѣряю васъ, что вѣра въ вашу къ ней милость есть одно изъ необходимыхъ благъ, входящихъ въ составъ моего семейнаго счастія. Но это счастіе будетъ весьма просто. Что ожидаетъ меня впереди, я не знаю—будь что угодно Богу. Моя же цѣль состоитъ теперь въ томъ, чтобы обратить все свое вниманіе, всѣ свои желанія единственно на то, что здѣсь *одно на потребу*: и для достиженія къ этой цѣли имѣю въ женѣ своей надежнаго помощника; ея простая, неиспорченная душа, хотя и не богатая знаніями, исполнена высокаго просвѣщенія. И дай Богъ чтобы въ остающіяся мнѣ годы я, при этомъ главномъ, могъ совершить что нибудь и такое, что и послѣ меня осталось бы добрымъ обо мнѣ воспоминаніемъ.

Оканчиваю письмо мое, повтореніемъ моей глубочайшей благодарности передъ вами всемилостивѣйшая Государыня, за всѣ благотворенія, коими такъ щедро вы осыпали меня въ прошедшемъ: однимъ изъ главныхъ или главнѣйшимъ изъ сихъ благотвореній почитаю *возможность*, которую вы даровали мнѣ *знать*

близко вашу высокую душу. Это знаніе всегда было и на всегда останется моимъ любезнымъ сокровищемъ. Сохрани Богъ Васъ, Государя и все милое Царское семейство въ неизмѣнномъ счастіи, на радость и благоденствіе нашего общаго отечества.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

В. Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 7/19 Августа 1841 г.

1842 годъ.

№ 15.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ]. *[22 Іюня / 4 Іюля 1842 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше поздравить Ваше Императорское величество со днемъ Вашего рожденія, благословеннымъ днемъ, съ которымъ Провидѣніе соединило столько добра для моего отечества и съ праздникомъ который въ этотъ день вмѣстѣ съ вами одной семьей торжествуетъ вся Россія. Двадцать пять лѣтъ чистаго домашняго счастія, счастія простаго, ничѣмъ непомраченнаго на тронѣ, посреди тревогъ Царской жизни, посреди тревогъ нашего смутнаго времени! Много ли государей представитъ намъ исторія, которымъ было бы дано такое благословеніе Божіе. Поздравляя ваше Величество со днемъ заклю-

чающимъ двадцатипятилѣтіе этого счастія, я чувствую что мой привѣтъ, привѣтъ души, принадлежащей вамъ совершенно и знающей тайну вашей прекрасной души будетъ для васъ пріятенъ: вы имѣете право радоваться нашими поздравленіями ибо вы спокойно можете оглянуться на свое прошедшее: ваша жизнь свѣтла и ваше сердце безъ упрека; а Россія благословляетъ васъ за домашнее счастіе Царя ея и за вашихъ дѣтей, на коихъ лежатъ надежды будущаго времени.

Несказанно горестно для меня выражать нынѣ чувства мои на письмѣ и быть на чужѣ въ такой день, который и для меня лично выражаетъ самую важную и счастливую эпоху моей жизни. Я не могъ рѣшиться оставить жену въ ея теперешнемъ положеніи, будучи напуганъ тѣмъ, что съ нею случилось прежде. Смѣю надѣяться, что хотя на одно мгновеніе воспоминаніе обо мнѣ представится вашему величеству въ этотъ день, въ который около васъ все будетъ такъ торжественно, и въ который я въ самомъ тихомъ уединеніи, посреди семьи моей и вмѣстѣ съ нею буду молиться за васъ благодарнымъ сердцемъ съ полною вѣрою, что наша молитва будетъ услышана, ибо она соединена съ молитвою вѣрнаго и благодарнаго народа русскаго.

При письмѣ своемъ къ Государю Императору я осмѣлился приложить мои стихи[1]), служащія изъясненіемъ той картины, которая была написана моимъ тестемъ Рейтерномъ и всеподданнѣйше поднесена Государю и Вашему величеству: мы хотѣли вмѣстѣ, разными языками, онъ кистію, я перомъ, сказать одно. Чувствую что мнѣ не удалось всего выразить такъ, какъ оно было у меня на сердцѣ: слова заупрямились согласиться съ тѣмъ, что было въ мысли. Благоволите принять милостиво приношеніе моей уже устарѣлой музы: вы были всегда ея самымъ свѣтлымъ вдохновеніемъ. Дай Богъ, чтобы послѣднія строки стиховъ[2]), теперь ею подсказанныхъ мнѣ, были пророчествомъ. Но если это пророчество исполнится, то уже поэта на свѣтѣ не будетъ. Ваше величество и тогда объ немъ вспомните съ привычнымъ благоволеніемъ. Но пока онъ живъ, лучшимъ его сокровищемъ бу-

детъ благодарная память о своей милостивой Императрицѣ, которой да пошлетъ Богъ всѣ свои благословенія на долгія годы.

Вашего Императорскаго величества

вѣрноподданный

В. Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 4 Іюля / 22 Іюня 1842 г.

№ 16.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ]. *[15/19 Ноября 1842 года].*

J'ose esperer, que Votre Majesté Imperiale, daignera prendre part au bonheur, dont le Seigneur a beni ma vie: il m'a rendu pere; une fille [1]) vient de me naitre. Je la mets aux pieds de Votre Majesté en invoquant sur sa tete Votre protection auguste. Il y a deja 8 (huit) jours qu'elle existe, etant née le 30 oct. 11 nov. et hier j'ai eu le bonheur de la faire baptiser; elle est apresent introduite dans la famille du Sauveur. Le même eclesiastique [2]) qui a beni mon mariage sur le Rothenberg [3]) dans l'Eglise greque de la S-te Catherine, est venu administrer le baptême à mon enfant. Elle a reçu le nom d'Alexandra....

En lui donnant ce nom j'ai exprimé les meilleurs voeux que j'ai à former pour son bonheur ici-bas tel que je l'entends. Que le bon ange de celle qui le porte, à la quelle j'ai pensé, en nommant par son nom ma fille, qui a eu tant d'influence bienfaisante sur ma propre vie, a la quelle enfin mon coeur gardera jusqu'a son dernier battement son culte, que son bon ange parle a celui de mon enfant et lui donne le secret de l'ame de celle que Dieu

lui a confié, pour que celle de ma fille cherie puisse un jour developper en elle ce qui fait le charme ideal de l'autre.

Il y a quelque chose d'ineffable dans ces mots: *ma fille*; et mon coeur tressaille d'attendrissement lorsque j'appelle ma fille Alexandra.

N'osant pas importuner Sa Majesté L'Empereur par une lettre particulière, j'ose prier Votre Majesté d'avoir la grace d'etre mon interpret près de mon auguste souverain: la science que mon enfant aprendra un jour le mieux sera celle de benir en Lui et en Vous les bienfaiteurs de ses parents. Comme sa sujette elle n'aura d'autre tribut à porter aux pieds de son trone que ses prieres pour son bonheur et sa gloire: ces prieres seront ferventes comme celles de son père et de son coeur.

De Votre Majesté Imperiale

le très humble sujet

Joukovsky.

Dusseldorff, 7/19 Novembre 1842.

№ 16.

Переводъ:

[Дюссельдорфъ]. *[7/19 Ноября 1842 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

Смѣю надѣяться, что Ваше Императорское Величество соблаговолитъ присоединиться къ радости, которой Господь благословилъ мою жизнь, сдѣлавъ меня отцемъ; у меня родилась дочь[4]). Повергаю ее къ стопамъ Вашего Величества и прошу оказать ей Ваше августѣйшее покровительство. Вотъ уже недѣля, какъ она появилась на свѣтъ; она родилась 30-го Октября/11 Ноября, и вчера я имѣлъ счастіе ее окрестить; она вступила

теперь въ семью Спасителя. Тотъ же священникъ [2]), который вѣнчалъ меня въ Ротенбергѣ [3]), въ греческой церкви св. Екатерины, совершилъ обрядъ крещенія моего ребенка. Ей дали имя Александры.

Давъ ей это имя, я выразилъ мои наилучшія для нея пожеланія земного счастія, какъ я его понимаю. Пусть ангелъ хранитель Той, которая носитъ это имя, о которой я думалъ, называя ея именемъ мою дочь, которая имѣла такое благотворное вліяніе на мою собственную жизнь, преклоненіе предъ которой, наконецъ, сердце мое сохранитъ до послѣдняго своего біенія,—пусть ея добрый ангелъ побесѣдуетъ съ ангеломъ моего ребенка и откроетъ ему тайну души Той, которую Господь ввѣрилъ ему, дабы въ душѣ моей возлюбленной дочери развилось современемъ то, что составляетъ идеальную прелесть другой.

Есть что-то неизъяснимое въ словахъ: *дочь моя*, и сердце мое трепещетъ отъ умиленія, когда я называю мою дочь Александрой.

Не осмѣливаясь утруждать Его Величество Государя Императора отдѣльнымъ письмомъ, я беру на себя смѣлость просить у Вашего Величества милости быть моимъ ходатаемъ предъ моимъ августѣйшимъ Государемъ: наука, которую со временемъ мой ребенокъ будетъ знать лучше другихъ, это наука — благословлять въ Его и Вашемъ лицѣ благодѣтелей его родителей. Какъ подданная, она не повергнетъ къ подножію Его трона иной дани, кромѣ молитвъ о Его счастіи и славѣ: эти молитвы будутъ столь же горячи, какъ молитвы ея отца и ея сердца.

Вашего Императорскаго Величества

покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 7/19 Ноября 1842 г.

1843 годъ.

№ 17.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Эмсъ]. *[10/22 Іюня 1843 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня

Приношу Вашему Императорскому Величеству съ глубочайшею преданностію вѣрноподданнаго мое усердное поздравленіе со днемъ вашего рожденія[1]). Это любезнѣйшій праздникъ моего отечества; дай Богъ намъ всѣмъ еще многіе, многіе годы продолжать видѣть, что Вы среди этой любящей Васъ семьи счастливы, столько счастливы сколько ваша семья вамъ того желаетъ.

Пишу Вашему Величеству изъ Эмса — сюда привела меня болѣзнь жены; благодаря Бога, Эмскіе воды здѣлали ей добро уже теперь; еще лучшаго дѣйствія ожидаю отъ послѣдствій леченія. По пріѣздѣ моемъ сюда живо возобновилось въ памяти моей, все то что было здѣсь со мною за три года передъ симъ — ужъ тому три года! Какъ страшно летитъ время! Здѣсь произошелъ рѣшительный переломъ моей жизни. Съ какимъ особеннымъ чувствомъ я долженъ былъ вспомнить объ васъ! Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ изъ Эмса Государя Императора, который въ двухъ словахъ рѣшилъ мое будущее, въ самый день моего отъѣзда въ Дармштатъ, я пришелъ передъ обѣдомъ къ Вашему Величеству (не имѣвши еще до тѣхъ поръ случая говорить съ Вами подробно о томъ что со мною случилось).

Какой на всю жизнь незабвенный часъ провелъ я тогда съ Вами; вы слушали мою исповѣдь и согласились со мною, что не я самъ выбралъ судьбу свою что это судьба сама, посланная свыше, встрѣтила меня на моей дорогѣ, мною овладѣла и что мнѣ ничего иного не оставалось кромѣ благодарной, смиренной

покорности промыслу. Нашъ разговоръ начался вашимъ вопросомъ, простымъ, сердечнымъ, сказаннымъ съ тѣмъ праводушіемъ, которое васъ такъ отъ всѣхъ на свѣтѣ отличаетъ. Вы у меня спросили: *mon cher, ne faites vous pas une folie?* И въ то время, когда все еще было для меня впереди, все сомнительно, я незапинаясь отвѣчалъ вамъ: *нѣтъ!* и объяснилъ свое *нѣтъ* съ полнымъ убѣжденіемъ что мое внутреннее чувство и моя вѣра въ будущее меня не обманывали. А теперь, очутившись черезъ три года на томъ же мѣстѣ, гдѣ этотъ, можно сказать, роковой вопросъ былъ мнѣ сдѣланъ вами, я вижу васъ снова мысленно передъ собою и повторяю Вамъ свое тогдашнее *нѣтъ*, сказанное въ то время съ какою то безтрепетною надеждою на будущее, и теперь произносимое съ глубокою благодарностью къ Богу, такъ благостно, такъ вполнѣ исполнившаго эту надежду, имъ же самимъ вложенную мнѣ въ сердце. Мое теперешнее *нѣтъ* есть выраженіе двухлѣтняго семейнаго счастія, въ которомъ все то нашлось, что надобно сердцу: а чувство этого счастія есть въ тоже время сладкое чувство благодарности къ тѣмъ, черезъ кого Богъ его даровалъ мнѣ, къ моему благотворителю Государю, къ вамъ и къ милому Великому Князю. Счастіе есть для меня въ одно время и радостное, трогательное, благодарное воспоминаніе.

Дней черезъ десять полагаю оставить Эмсъ и снова возвращусь въ Дюссельдорфъ. Хотѣлъ отпустить туда жену одну, а самъ ѣхать въ Штутгардъ для говѣнія, не имѣвъ возможности съѣздить туда въ великой постъ, но отмѣнилъ эту поѣздку до Августа мѣсяца, то есть до успѣнскаго поста. Въ Эмсѣ есть нѣсколько Русскихъ семействъ: Хитровъ [2]) съ женою и дочерью; М. Я. Нарышкина; генералъ Ростовцевъ [3]) съ семействомъ; Балашевъ съ женою (урожден. Паскевичъ); недавно пріѣхалъ Васильчиковъ [4]) съ женою (Архаровой) и дочерми. Мнѣ сказали было что будетъ въ Эмсъ Канкринъ [5]), но онъ отправился въ Гастеинъ. Дни два гоститъ въ Эмсѣ Смирнова [6]); она оставила дѣтей въ Баденъ-Баденѣ и пріѣхала въ Эмсъ единственно для свиданія со мною. Нынче она уѣзжаетъ; ей вѣроятно надобно будетъ провести зиму

въ Италіи. Она проситъ меня положить ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества ея усердное поздравленіе со днемъ вашего рожденія.

Оканчиваю письмо свое повтореніемъ за себя, за мою жену и за нашу дочь сердечнаго желанія, чтобъ Богъ благословилъ васъ, сохранилъ васъ и ваше семейство и упрочилъ въ васъ и вокругъ васъ неизмѣнное счастіе. Жена моя осмѣливается съ искреннею любовію поцѣловать руку своей милостивой Императрицы.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

В. Жуковскій.

Эмсъ, 10/22 Іюня 1843 г.

№ 18.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ]. *[12/24 Октября 1843 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня

Я уже приносилъ Вашему Величеству черезъ Государя Наслѣдника мое поздравленіе съ новымъ счастьемъ [1]) вашего семейства, которое несказанно меня обрадовало на чужой сторонѣ. Но я всѣмъ сердцемъ пожалѣлъ что я не на Родинѣ, что я не въ Москвѣ, когда прочиталъ въ Газетахъ, что Вы и Великій князь поѣхали въ Москву навстрѣчу Государя Императора дабы съ Нимъ вмѣстѣ праздновать рожденіе вашего Внука. Мнѣ бы должно было непремѣнно быть на этомъ праздникѣ: въ Кремлѣ онъ имѣлъ великое, трогательное, поэтическое значеніе, и я бы желалъ погляд(ѣ)ть въ этомъ Кремлѣ на великаго Князя, уже

отца, тамъ, гдѣ я первый увидѣлъ его въ пеленкахъ. Сохрани намъ Богъ этаго милаго младенца и дай ему такъ же здраво созрѣть какъ его отецъ, а Государю и Вамъ долго ими радоваться.

Я имѣлъ счастіе видѣть Государя Императора въ Берлинѣ гдѣ прожилъ столько же времени, сколько и Государь[2]). Послѣ отъѣзда Его Императорскаго Величества я остался еще на два дни, ибо Его Величеству королю[3]) угодно было меня пригласить въ Потсдамъ. Въ эти дни моей Берлинской жизни прошедшее или лучше сказать давнопрошедшее съ особенною живостію во мнѣ обновилось. Сколькихъ нѣтъ изъ прежнихъ, самыхъ милыхъ! Въ Шарлоттенбургѣ вспомнилъ я тотъ день, когда Ваше Величество посѣтили гробницу своей Матери вмѣстѣ съ ея внукомъ; вы тогда мнѣ принесли изсохшій листокъ съ этой гробницы; я берегу его съ благоговѣніемъ. Теперь рядомъ съ первымъ монументомъ стоитъ другой[4])—нельзя на него смотрѣть безъ умиленія. Въ этомъ снѣ выражена чистая жизнь; художникъ угадалъ то выраженіе, которое должно было имѣть лице этого добраго короля, когда послѣ непорочнаго дня своего онъ засыпалъ сномъ непорочнымъ. И теперь онъ спитъ послѣ прекраснаго дня жизни, и конечно на душѣ его осталось тоже выраженіе минувшей жизни, какое при каждомъ здѣшнемъ, успокоительномъ снѣ должно было царствовать на лицѣ его. Я думаю что Ваше Величество уже получили и прочитали книгу Эйлерта[5]). Въ ней много лишняго, она длинна; но въ тоже время въ ней такъ много прекраснаго, такъ много живо напоминающаго! Я послалъ экземпляръ и къ Великому князю изъ Берлина.

Эйлертъ изъ многихъ отдѣльныхъ рѣчей Короля составилъ длинныя рѣчи въ связи; впрочемъ онъ имѣлъ часто случай съ нимъ говорить уединенно и могъ слышать то, чего не могли слышать другіе, особливо о высокихъ предметахъ христіанства. Все, что онъ приводитъ изъ слышаннаго имъ отъ Короля, удивительно и здравостію ума и теплотою простаго чувства. Я прочиталъ многое съ восхищеніемъ и слезами. — Нынѣшній король сохра-

нилъ ко мнѣ свою прежнюю милость; мое сердце преисполнено къ нему искренней любви и благодарности. По своему высокому просвѣщенію, по своей чистотѣ душевной, по своей любви къ правдѣ, по своимъ безкорыстнымъ намѣреніямъ онъ можетъ служить образцемъ лучшихъ государей; но нашъ вѣкъ безуменъ въ своихъ стремленіяхъ и глухъ на правду; онъ не пойметъ или не услышитъ его голоса[6]). Буйство подъ ружьемъ; и оно бы давно уже зажгло войну, когда бы его близнецъ эгоизмъ его не обуздывалъ, парализируя его стремительность личною корыстію. Какое мѣсто Фридр. Вильгелмъ IV займетъ въ исторіи записывающей факты, предузнать нельзя, но въ исторіи души царской, еслибъ она могла быть писана для людей (но ее читаетъ Богъ) онъ занялъ бы первое мѣсто. А на землѣ все для души; Царство и родъ человѣческій суть только явленія: существуетъ одна душа; и каждая отдѣльная душа на *своемъ* мѣстѣ значитъ болѣе нежели всѣ царства земныя взятыя вмѣстѣ.

Сидя за столомъ на королевскомъ обѣдѣ и видя сидящихъ рядомъ моего Императора и Короля Прусскаго я думалъ про себя, что передо мной лучшіе, первые люди нашего времени, сходные высокостію характера, чистотою намереній и созданные любить и понимать другъ друга: здѣсь не можетъ быть одной политической дружбы, здѣсь должна и можетъ быть личная, рыцарская дружба. А въ такой дружбѣ благо народовъ: въ наше время, когда все трещитъ и ломается, много спасительной силы заключено быть можетъ въ душевномъ союзѣ Царей, согласныхъ любов(ь)ю къ правдѣ, вѣрѣ и истинной свободѣ.

Чтобы обратиться отъ высокаго къ мелкому скажу Вашему Величеству, что король, разговорясь со мною о давнопрошедшемъ, подарилъ мнѣ Спонтиніеву музыку, написанную на праздникъ Лалла Рукъ[7]). Одна изъ сестеръ моей жены прекрасно играетъ на фортопьяно, она и младшая сестра поютъ очень пріятно и я такимъ образомъ часто даю себѣ въ своемъ уединенномъ уголку этотъ праздникъ и подъ музыку много давно прошедшаго воскресаетъ: въ звукахъ есть чтото безсмертное, хотя

сами они бытія не имѣютъ. Съ ними то, что прошло, является снова точно какимъ оно нѣкогда было, во всей своей прежней свѣжести и молодости,

Und manche liebe Schatten stehen auf.

Около меня и другія тѣни теперь летаютъ, тѣ которыя къ намъ вызываетъ поэзія. Теперь она прикликала ко мнѣ гигантскую тѣнь Гомера и я разсказываю по русски то что онъ разсказалъ за 3000 почти лѣтъ по гречески; перевожу Одиссею, хочется перевести ее такъ, чтобы въ моемъ переводѣ сохранена была ея прадѣдовская простота древняго Поэта и что бы чтеніе Одиссеи сдѣлалось доступно всѣмъ возрастамъ. Этотъ трудъ краситъ мое уѣдиненіе. И въ немъ бы жило со мною теперь полное счастіе, еслибъ этой радостной, тихой жизни не тревожила забота о женѣ; она опять начала страдать тѣмъ же, чѣмъ страдала до своей поѣздки въ Эмсъ; воды сначала ей помогли; теперь опять все по старому и думаю, что на будущей годъ ей опять надобно будетъ прибѣгнуть къ Эмсу. Прошу Ваше Величество милостиво простить меня, что вхожу въ такія подробности о моей жизни: внѣшній широкій міръ для меня какъ будто не существуетъ и мнѣ не о чемъ говорить, какъ о себѣ и о своемъ. Вы же, принявъ такое участіе въ устроеніи моей теперешней жизни, конечно не безъ участія удостоите вниманія иногда и ея мелкія обстоятельства. — Прошу Бога чтобы онъ сохранилъ Ваше драгоцѣнное здоровье со всемъ вашимъ благословеннымъ семействомъ.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Жуковскій.

г. Дюссельдорфъ. 12/24 Октября 1843 г.

1844 годъ.

№ 19.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Дармштатъ]. *[25 Марта 1844 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня!

На канунѣ свѣтлаго праздника приношу Всемилостивѣйшему Государю Императору и Вашему Императорскому Величеству мое усерднѣйшее поздравленіе. Богъ привелъ мнѣ опять встрѣтить этотъ праздникъ вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ, съ которымъ такъ же вмѣстѣ имѣлъ я счастіе и причаститься святыхъ Тайнъ, какъ то бывало въ прежнее время въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Въ эти часы я былъ благодарною мыслію и съ Вами и сердцу моему живо представлялась Ваша всегдашняя, неизмѣнная, конечно и теперь неизмѣнная ко мнѣ милость: этому воспоминанію оно навсегда останется вѣрнымъ; это воспоминаніе будетъ всегда яснымъ свѣтомъ моей теперешней, благодаря Вамъ, тихой и беззаботной семейной жизни. — Къ несчастію болѣзнь моей малютки, которую тревожатъ теперь прорѣзывающіеся зубы, помѣшала мнѣ привезти съ собою въ Дармштатъ жену, которую было бы мнѣ такъ радостно представить Ихъ Высочествамъ. Но моя благосклонная звѣзда и тутъ мнѣ неизмѣнила: Государь Наслѣдникъ ѣдетъ черезъ Дюссельдорфъ въ Гагу; на возвратномъ пути онъ обѣщается посѣтить мой маленькій домишко; такимъ образомъ я буду имѣть несказанное счастіе показать ему свою дочь и свою добрую жену, которая далеко превзошла тѣ надежды земнаго счастья, которыя родились во мнѣ въ то время, когда я такъ неожиданно былъ по милости Божіей награжденъ ею безъ моей заслуги. Она есть для меня безпрестанный живой представитель тѣхъ благотвореній которыми осы-

пали меня мой Государь и Его благословенное семейство.—Посѣщеніе великаго князя будетъ заключеніемъ моего пребыванія въ Дюссельдорфѣ; въ концѣ будущаго Мая переселюсь во Франкфуртъ; женѣ моей нужно солидное леченіе и я хочу ее ввѣрить доктору Коппу.

Полагаю ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою глубочайшую благодарность за мою сироту Воейкову[1]). Въ минуту несчастія вы всегда близки. Ея душѣ, вполнѣ осиротѣвшей, открылся теперь пріютъ надежный; мысль, что она будетъ находиться при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, для меня совершенно успокоительна на счетъ будущей судьбы ея: вижу здѣсь не одну высокую честь, не однѣ выгоды вѣрнаго существованія; тутъ есть нѣчто гораздо высшее; въ такомъ сосѣдствѣ, подъ такимъ покровомъ будетъ для нее много драгоцѣнныхъ сокровищъ душевной жизни. Благословляю всѣмъ сердцемъ Вашу царскую, материнскую милость.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

В. Жуковскій.

Дармштатъ, 25 Марта 1844 г.

1846 годъ.

№ 20.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Франкфуртъ на Майнѣ] [24 Февраля/8 Марта 1846 года].

Всемилостивѣйшая Государыня.

Полагаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества сердечное, радостное поздравленіе мое и всѣхъ моихъ съ счастливымъ, столь желаннымъ для насъ событіемъ[1]) въ Вашемъ Цар-

скомъ семѣйствѣ. Благослови Богъ этотъ бракъ и да будетъ тотъ часъ, въ который произнесено на него согласіе, началомъ долговременнаго, высокаго счастія для нашей несравненной Невѣсты. Ваше материнское сердце наконецъ, послѣ долгаго лишенія, вкусило полную радость: она есть награда отъ Бога за смиреніе передъ Нимъ и за покорность Его Власти: эта радость будетъ для Васъ дѣйствительнѣе прекраснаго климата Италіи [2]) — она укрѣпитъ возвращенное имъ Ваше здоровье; Россія съ восхищеніемъ встрѣтитъ свою добрую Царицу и вмѣстѣ съ нею отпразднуетъ ея и свой семѣйный праздникъ и соединитъ съ сердцемъ ея свои молитвы за ея милую жизнь, за неизмѣнное благоденствіе этой жизни, за счастіе дѣтей Ея. Въ этомъ громкомъ хорѣ общей молитвы будетъ и тихая наша, совершаемая въ смиренномъ кругу домашнемъ, гдѣ все напоминаетъ о Васъ, гдѣ все настоящее упрочено Вашими милостями и гдѣ живетъ память Прошедшаго, столь счастливаго въ благословенной близи Вашей.— Вмѣстѣ съ моими обѣтами приношу Вашему Величеству и обѣты жены моей, которая съ благодарностію къ Богу помышляетъ о томъ счастіи, какое онъ далъ ей почувствовать въ благостномъ Вашемъ присутствіи.

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподданный

Жуковскій.

Франкфуртъ на Майнѣ, 24 Февраля, 8 Марта.

1848 годъ.

№ 21.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Баденъ-Баденъ]. *[10/22 Сентября 1848 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

Давно не имѣлъ я счастія писать къ Вашему Императорскому Величеству, не смѣя тревожить Вашего вниманія. И что кромѣ печальнаго могъ я писать въ послѣднее время? Оно и безъ меня доходило до Вашего свѣденія. Теперь пользуюсь отъѣздомъ Государыни Великой Княгини, чтобы возобновить въ Памяти Вашего Величества мое изгнаническое существованіе: странное дѣло! какъ ни давно я розно съ отечествомъ, а все, кажется, какъ будто вчера васъ видѣлъ; эти два дня Ниренбергской встрѣчи съ Вашимъ Величествомъ глубоко врѣзались въ память сердца; они не уходятъ въ даль, они непрошедшее, они мое милое, всегда присутственное настоящее. Но что же мы пережили съ этихъ дней, въ которыя видѣлъ я васъ, ѣдущихъ съ в. к. Ольгою Николаевною искать здоровья подъ свѣтлымъ и покойнымъ небомъ Сициліи, до теперешней минуты, въ которую я спѣшу встрѣтить великую Княгиню Кронъ Принцессу Виртембергскую въ Брухзалѣ на пути ея въ Россію! Можно сказать, что вся всемірная исторія въ эти немногіе дни повторилась, но повторилась не для созданія а для разрушенія[1]). Когда произошло нашествіе варварскихъ *народовъ* на Имперію римскую, она разрушилась на части, изъ которыхъ въ теченіе временъ образовались новыя государства теперь произошло другаго рода нашествіе, гораздо болѣе губительное, ибо оно губитъ не одинъ матеріальный составъ, государствъ, но и возможность произвести какой нибудь новый твердый составъ государственный, *нашествіе варвар-*

скихъ идей, которыя все опрокинули, на чемъ стоитъ человѣческое общество: нѣтъ вѣры, нѣтъ могущества власти, нѣтъ покорности долгу, все это мало по малу тайно и явно было въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подкапываемо вредными доктринами; правительство Германіи недѣйствовало; наконецъ одинъ сильный толчекъ — французская революція — и все разшиблось въ куски. Ктобы могъ вообразить возможнымъ, что бы все, что въ своемъ медленномъ ходѣ, творили вѣка, одинъ другому передавая въ наслѣдство продолженіе и довершеніе своего дѣла, чтобы всѣ эти великія борьбы политическія и религіозныя, изъ коихъ вышло такъ называемое *равновѣсіе политическое Европы*, чтобы все, что создано было знаменитыми германскими императорами, и монархами славнаго дома Гогенцоллерновъ, чтобы великое наслѣдство силы, оставленное Пруссіи великимъ Фридрихомъ и чтобы наконецъ все, что, послѣ Наполеоновскаго военнаго деспотизма, опрокинутаго союзомъ Царей и нашимъ Александромъ, было устроено на новыхъ основаніяхъ, казавшихся болѣе прочными, ибо они положены были на фундаментѣ христіанства, чтобы все это огромное зданіе могло вдругъ упасть отъ одного дуновенія. Франція ударила въ набатъ — и вдругъ въ муравейникѣ Европы, въ маленькой Баденской области, въ ничтожномъ провинціальномъ ея городкѣ сходится маленькая шайка радикаловъ, профессоровъ, адвокатовъ, студентовъ, никѣмъ не призванныхъ, безъ всякаго мандата; эта шайка черезъ Гейдельбергъ, гдѣ она увеличивается, переселяется во Франкфуртъ, своевольно провозглашаетъ себя Предварительнымъ Парламентомъ[2]), выбираетъ изъ средины своей нѣсколько бѣшеныхъ говоруновъ, и безсмысленыя декламаціи этихъ самозванцевъ уничтожаютъ въ нѣсколько дней всю древнюю Германію: передъ ними цѣпенѣютъ всѣ Германскіе Государи, окруженные сильными и еще имъ вѣрными арміями, они произносятъ смертный приговоръ всѣмъ историческимъ правамъ, одною чертою пера зачеркиваютъ всѣ страницы исторіи; Германскій союзъ уничтоженъ; величіе монархической власти обругано; покорствуя бѣшенымъ крикунамъ, выдающимъ себя

за представителей небывалаго самодержавнаго народа, она безмолвно признаетъ надъ собою самовольно созданный имъ парламентъ, и столь же самовольно избраннаго викарія Германіи[3]). Но это послѣднее избраніе можно въ настоящую минуту назвать почти спасеніемъ—столь необходима верховная власть, что даже и тѣнь ея служитъ опорою и защитою. Если бы теперь эта тѣнь власти не случилась во Франкфуртѣ, то теперь уже повсюду горѣла бы война междоусобная подъ краснымъ знаменемъ коммунизма. Попытка Штруя[4]) могла бы обратится въ общее бѣдствіе при всей ничтожности силъ этаго безумнаго разбойника. Но это мгновенное изъявленіе власти никого не пробудило: правительства всѣ еще въ обморокѣ отъ внезапнаго страха. А между тѣмъ у всѣхъ передъ глазами, явно, съ неописаннымъ нахальствомъ, даже почти хвастая своими разбойничьими замыслами, шайка мятежниковъ, дерзкая только общею трусостію, продолжаетъ работать *въ свою пользу*. И все ей помогая, бунтуетъ, но бунтуетъ не противъ *злоупотребленія*, а противъ самаго существованія власти, противъ всякой узды, налагаемой ею на развратъ воли, на изступленіе страсти, на буйство безвѣрія, хотятъ не измѣненія, не преобразованія, а просто уничтоженія всякой границы, забывая, что свобода не есть самовольство надъ долгомъ въ угожденіе страсти, а власть свободная надъ страстію въ угожденіе долгу: противъ такой свободы теперь проповѣдуютъ со всѣхъ кровель, все бунтуетъ: *чернь* бунтуетъ противъ монарха и хочетъ быть сама монархомъ, не позволяя даже Богу *милостію своею* раздавать власть земную и эту то чернь провозглашаютъ *самодержавнымъ народомъ* (peuple souverain) ея достойные представители на площадяхъ, въ клубахъ и камерахъ, и ни одинъ голосъ не смѣетъ сказать имъ въ опроверженіе, что народъ составляютъ *всѣ* члены государственнаго тѣла (начиная съ *головы* то есть съ правящаго монарха и съ *состояній*, хранящихъ порядки, защищающихъ, учащихъ, до подошвы, то есть до работающаго земледѣльца), а не одни *ноги*, которыхъ механическая слѣпота — (хотя они все поддерживаютъ и все приводятъ

въ матеріальное движеніе)—не можетъ управлять очами мыслящей головы. *Присяжный* (le juré) бунтуетъ противъ правосудія, и угождаетъ черни, оправдывая разбой и убійство, въ какомъ бы они видѣ ни являлись, въ мятежѣ ли фанатика Геккера[5]), въ стихахъ ли презрительнаго Фрейлиграта[6]), бѣшено грызущаго руку, изъ которой прежде принималъ произвольно благотвореніе; *книгопечатаніе*, публичный органъ мысли, бунтуетъ противъ здраваго смысла, истины, справедливости, чести и обращаетъ священное человѣческое слово въ стилетъ убійцы, или въ отраву разврата, или въ факелъ пожарнаго мятежа; *Проповѣдникъ Христа* бунтуетъ противъ Его церкви и увлекаетъ въ безвѣріе другихъ, чтобы имъ закрасить собственное отступничество; *Горожанинъ* бунтуетъ противъ *солдата*, охраняющаго его жизнь и собственность, а когда ему самому придется защищать ихъ прячется въ уголъ или поддается подкупленнымъ витязямъ баррикадъ, истиннымъ врагамъ его жизни и собственности; *Ремесленникъ* бунтуетъ противъ *владѣльца и фабриканта*, дающихъ ему работу, и, въ ожиданіи великаго событія, когда разбоемъ разхититъ ихъ имущество, а съ нимъ, и собственныя средства добывать работу и пропитаніе, привыкаетъ къ праздности и разврату. Однимъ словомъ кто теперь не бунтуетъ или не борется съ бунтомъ? Кто теперь не раззоренъ матеріально и нравственно? Кто не обѣднялъ или имуществомъ или безопасностію личною? Кто не обѣднялъ уваженіемъ къ прошедшему, довѣренностію къ настоящему, надеждою на будущее? Таково зрѣлище представляемое теперь Германіею. Но какое бы иное зрѣлище она представила, еслибъ высокія намѣренія короля Прусскаго[7]) *во время* были исполнены. Онъ зналъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ, чего требовала Германія; и приготовленный имъ новый порядокъ былъ основанъ на сохраненіи всего необходимаго историческаго съ устраненіемъ всего обвѣтшалаго, нашему времени уже чуждаго; этотъ порядокъ удовлетворилъ бы всѣмъ *праведнымъ* требованіямъ; *Германскій союзъ*, трупъ, никогда души не имѣвшій, здѣлался бы живымъ, могучимъ хранителемъ общаго

благоденствія, это всѣми желаемое *единство* могло бы произойти безъ уничтоженія самобытности частной; достоинство сана монаршаго и въ немъ ручательство за будущее осталось бы неприкосновеннымъ. Горе проникаетъ всю душу, когда подумаешь объ этой трагической неудачѣ и о томъ раззореніи, которое должно было произойти въ этой царской, высокой, чистой душѣ отъ погибели всѣхъ ея прекрасныхъ надеждъ, отъ утраты всей ея внутренней жизни. На него падаетъ всеобщее обвиненіе; и къ несчастію здѣсь судъ людей (не судъ Божій) правъ. При всѣхъ качествахъ, какія только могутъ украшать человѣческую душу, ему не достаетъ одного: *рѣшительности* для исполненія, рѣшительности въ надлежащую минуту. Одна минута все погубила. Если бы онъ вмѣстѣ съ своею вѣрною гвардіею вышелъ изъ Берлина въ минуту бунта и, ставъ передъ воротами своей столицы, потребовалъ бы повиновенія — теперь бы и Пруссія и вся Германія были усмирены и дѣло преобразованія пошло бы путемъ законнымъ и не было бы вырвано изъ рукъ монарховъ законодателями черни. Такъ было угодно провидѣнію. Наше безбожное время есть самый краснорѣчивый проповѣдникъ Бога, понятнѣе нежели когда нибудь говоритъ оно человѣку: что ты безъ Бога? Ты сказалъ: *я одинъ* все устрою; смотри же что безъ него твои созданія. Но кто теперь вслушается въ такую проповѣдь? Пруссія все еще осталась до своего спасенія въ этой бурѣ; ея Государь все еще имѣетъ въ рукахъ своихъ сильныя средства. Но пробудится ли онъ въ своей силѣ? А когда посмотришь, что дѣлаютъ его министры (не говорю уже объ этомъ грязномъ національномъ собраніи) то подумаешь, что онъ окруженъ предателями, согласившимися погубить монархію; но они губятъ отъ трусости, губятъ Государство потому, что боятся оскорбить уличныхъ бродягъ Берлина. А что Берлинъ? Онъ не Пруссія; лучшая часть Пруссіи вся за короля, за него еще и все войско— но это войско, теперь вѣрное, устоитъ ли противъ безпрестанныхъ обольщеній, которыми развращаютъ его мятежники явные и тайные? Пошли Богъ свою силу этой душѣ, которая такъ вѣрна

Его волѣ. Выписываю здѣсь заключеніе письма [8]) Его ко мнѣ, въ отвѣтъ на мое, которое по одному особенному обстоятельству [9]) я долженъ былъ написать къ нему.

Ah! cher Joukowsky quel temps! et quelle engence que celle qui regne et fait regner!!! L'ame se desseche sous la souffle homicide des miserabilités colossales et destructives d'un temps qui veut *tout* et qui ne peut *rien*, d'un temps qui n'a pour seule excuse que son plus abominable peché — l'apostasie. Unissez vos ferventes prieres aux miennes pour que Dieu aie pitié de nous! qu'il benisse mes choix et mes projets. Ma patience est a bout. Je ne releve de ma chûte ou pour tomber à jamais, ou—si notre seigneur m'est secourable—pour commencer une nouvelle êre pour la Prusse et l'Allemagne.

О Благослови его Богъ! Но это письмо, полученное мною тому два дни, писано 18 Сентября..... еще пропадшій мѣсяцъ.

Прилагаю при семъ брошюрку, которая выражаетъ чувства теперь болѣе и болѣе разпространяющія въ Пруссіи. Мало по малу начинаютъ раздаваться и голоса въ пользу правды.

Послѣ всего вышесказаннаго говорить о самомъ себѣ было бы неприлично. Если вашему Величеству будетъ угодно узнать что нибудь объ моихъ обстоятельствахъ, то благоволите удѣлить нѣсколько минутъ на прочтеніе моего письма къ Государю Наслѣднику. Скажу одно: теперь благодарю самаго себя, что страхъ холеры принудилъ меня остаться; женѣ, которой хуже нежели прежде, нужно *коренное* леченіе. Я отдалъ ее на руки Гуггерта въ Баденѣ. Остальное въ Божіей власти. Прошу его только объ одномъ, чтобы отвратилъ отъ меня несчастіе навлечь на себя неодобрѣніе этимъ принужденнымъ продолженіемъ заграничной жизни отъ Государя Императора.

И я и жена и дѣти наши полагаемъ ко стопамъ вашего Величества нашу благоговѣйную любовь. Благослови Богъ Царя, Царицу и все ихъ семейство.

Вашего Императорскаго величества

вѣрноподданный Жуковскій.

Баденъ-Баденъ, 10/22 Сентября 1848 г.

1850 годъ.

№ 22.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Баденъ-Баденъ] *[12/24 Ноября 1850 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня.

Я помню живо ту минуту, когда, за двадцать пять лѣтъ передъ симъ, на канунѣ роковаго 14 декабря[1]), я пришелъ къ Вашему Императорскому Величеству; тогда вы сказали мнѣ: Vous pouvez maintenant nous faire vos condoleances; mon mari doit regner. На другой день я увидѣлъ васъ, когда вы, въ утреннемъ, бѣломъ платьѣ, переходили, ведя за руку Наслѣдника, на половину покойной Императрицы. Тогда весь дворъ былъ въ собраніи, все блистало и все было мрачно, потому что уже на площади кипѣлъ бунтъ и Императоръ стоялъ подъ пулями: я помню васъ; вы и теперь какъ будто у меня передъ глазами: на лицѣ вашемъ не было робости, была одна тихая, величественная покорность вышней волѣ; она тогда глубоко тронула мое сердце и воспоминаніе объ этомъ образѣ никогда не покинетъ его. Ввечеру я увидѣлъ Васъ снова—все было кончено и Россія однимъ днемъ познакомилась на всегда съ своимъ Государемъ; въ той же простой одеждѣ вмѣстѣ съ Царемъ, отстоявшимъ свой тронъ, и съ наслѣдникомъ вы прошли передъ нами въ церковь и стали посреди ея на колѣни. Отдѣльно отъ всѣхъ, втроемъ, и никому не пришло въ голову послѣдовать этому примѣру, хотя бы тому и слѣдовало быть; но какое то общее чувство сказало всѣмъ: эта благодарная молитва есть таинство, мы можемъ быть только ея свидѣтелями, можемъ ее только про себя повторять, но ея торжественное призношеніе есть жертва, *Имъ* однимъ въ эту минуту принадлежащая. Вечеръ этого дня я провелъ у Карамзина.

Съ нимъ часто бывали у меня разговоры объ Васъ и онъ не всегда былъ на вашей сторонѣ, но тутъ онъ мнѣ сказалъ: ne me parlez plus de Votre Imperatrice, c'est une femme admirable. Вы помните, что Карамзинъ почти весь этотъ день провелъ вмѣстѣ съ Вами въ комнатахъ покойной Императрицы, гдѣ онъ видѣлъ то, что происходило тамъ, въ такую минуту, когда высказывается само собою все, что таится въ глубинѣ человѣческаго сердца. Повторяю это свидѣтельство его объ Васъ по прошествіи двадцати пяти лѣтъ Вашей царской жизни для того, чтобы при торжествѣ вашего юбилея вы съ любовію вспомнили о нашемъ Карамзинѣ, о его чистомъ сердцѣ, о его высокомъ разумѣ и о его привязанности къ царю, которая такъ горячо началась тогда въ его сердцѣ и которой не дано было ему доказать послѣ на дѣлѣ. Къ памяти о Карамзинѣ присоединяю и мое поздравленіе, которое вмѣстѣ съ женою, съ дѣтьми и со всею моею семьею благоговѣйно полагаю ко стопамъ вашего Императорскаго Величества. Большая часть этого двадцати пяти лѣтія была проведена мною въ близи вашего благословеннаго семейства: воспоминаніе объ этомъ свѣтломъ времени моей жизни неувядаемо живетъ въ моемъ сердцѣ. И особенно въ воспоминаніи о Васъ есть для меня что-то молодое, изображающее и хранящее во мнѣ поэзію того времени. Съ тѣхъ поръ, какъ я удалился изъ круга, очарованнаго вашимъ милымъ присутствіемъ, я, можно сказать, разстался со внѣшнимъ свѣтомъ, я заперся въ тѣсномъ кругу семейной жизни. На старости лѣтъ я вступилъ въ строгую школу: семейство есть венѣцъ земной жизни; но это вѣнецъ изъ розъ свитыхъ съ тернами [2]). Я однако не ропщу на мои терны и учусь благодарить за нихъ Бога. Вотъ уже десятый годъ, какъ я удаленъ изъ отечества силою семейныхъ обстоятельствъ. Сначала мнѣ хотѣлось пожить на просторѣ, про себя, незаботясь ни о чемъ; если бы я послѣ первыхъ двухъ лѣтъ моей заграничной жизни возвратился въ Россію, моя домашняя жизнь была бы теперь совсѣмъ устроена. Но я, какъ говорится, зажился, далъ себѣ волю, привычка приковала меня къ тишинѣ уединенія, съ

которымъ мнѣ такъ было весело и пріятно. А когда наконецъ я поднялся въ путь, Богъ послалъ на мою жизнь великое испытаніе, которое съ тѣхъ поръ ею владѣетъ—болѣзнь моей жены, сокрушающую мое семейное счастье. Это испытаніе длится уже шестой годъ. Въ 1848 году я уже былъ готовъ пуститься въ путь и всѣ мои пожитки тогда же отправилъ въ Петербургъ; но холера меня остановила и это было къ добру, ибо Эмскія воды въ этотъ годъ только что повредили женѣ моей; а революція перебросила насъ изъ Франкфурта въ Баденъ, гдѣ Гугертъ нѣсколько помогъ женѣ, но болѣзнь такъ упряма, что и въ нынѣшнемъ году, когда все было готово къ нашему отъѣзду, я долженъ былъ снова остаться. А моя собственная болѣзнь возпрепятствовала мнѣ съѣздить въ Варшаву, чтобы имѣть счастіе увидѣть ваше Императорское Величество.....

Но къ чему я все это пишу? Въ немногихъ словахъ я немогу вполнѣ изобразить передъ Вами всего моего положенія; а входить въ подробности нельзя; могу ли мучить вниманіе Вашего Величества ничтожными мелочами моей жизни. Между тѣмъ эти мелочи ее изнуряютъ. Я часто прихожу въ уныніе отъ мысли, что я какъ будто отчужденъ отъ отечества, что мои дѣти еще съ нимъ незнакомы, что первые ихъ годы прошли на чужѣ, что я могу умереть, не передавъ ихъ отечеству, которому жизнь ихъ должна быть посвящена, и что наконецъ можетъ быть мое невольное, столь долговременное, столь для меня часто мучительное и вовсѣхъ отношеніяхъ вредное отсутствіе будетъ изъяснено въ невыгодную для меня сторону. Правда, у меня есть добрый Ангелъ хранитель [3]), онъ знаетъ хорошо и мое положеніе, и всѣ мои мысли; онъ будетъ моимъ представителемъ и заступникомъ передъ Государемъ и Вами. Смѣю однако думать, что время и отдаленіе мнѣ передъ Вами не повредили. Хотя я и непозволялъ себѣ тревожить васъ своими письмами; но я вѣрю вашему вѣрному сердцу; Вы не отымете у меня моего милѣйшаго сокровища, той милости, которою я былъ такъ счастливъ въ прежнее время: эту вѣру укрѣпляетъ во мнѣ воспоминаніе о моей встрѣчѣ съ Вашимъ Ве-

личествомъ въ Ниренбергѣ. Я не могу думать безъ слезъ объ этихъ двухъ дняхъ нашего съ Вами свиданія, когда передъ глазами моими такъ умилительно явилась вся та прелесть, которая радовала мое сердце прежде и никогда изъ него не выйдетъ. Когда я Васъ увидѣлъ послѣ уже четырехъ лѣтъ моей жизни внѣ отечества, мнѣ показалось что я разстался съ Вами только наканунѣ, такъ все въ Васъ было неизмѣнно тоже:

Моя Поэзія, мой свѣтлый идеалъ.

Несказанно сожалѣю, что неудалось мнѣ быть въ Варшавѣ; но, обдумывая всѣ обстоятельства, увѣряюсь, что эта помѣха къ лучшему, сколь она для меня же прискорбна. Теперь же покорно донашиваю мой крестъ чужеземной, бивачной жизни. Богъ наложилъ его на мои плечи; авось онъ позволитъ мнѣ сложить его будущею весною. Кому добровольно захочется жить посреди этаго революціоннаго хаоса, который часъ отъ часу увеличивается и портитъ настоящее, угрожая будущему. Сносить безропотно крестъ мой между прочимъ помогаетъ мнѣ и то, что я теперь безпрестанно занятъ и такъ занятъ, что желалъ бы утроить время: я здѣлалъ себя учителемъ моихъ дѣтей, даю уроки теперь и готовлю уроки для будущаго ибо хочу самъ ихъ приготовить къ подробному, высшему ученію; Пока еще учу дочь, но скоро примусь и за сына: въ этомъ занятіи много прелести и его достаточно для наполненія всѣхъ минутъ жизни. Но старость беретъ свое, да и время на старости невыразимо скоро мчится. Позволитъ ли Богъ употребить на пользу дѣтей мои послѣднія годы — Его воля! но какъ бы я желалъ, чтобы эти годы прошли недаромъ и для отечества, чтобы въ немъ обо мнѣ осталось доброе воспоминаніе и чтобы Государь, Вы и мой несравненный великій князь теперь похвалили мою старость а современемъ могли бы вспоминать обо мнѣ съ благоволеніемъ и перенесли это благоволеніе на мое семѣйство.

Благослови Васъ Богъ и сохрани намъ въ Васъ долго, долго любезнѣйшее сокровище нашего отечества. Съ этою молитвою я

и моя жена и мои дѣти цѣлуемъ руку нашей милостивой, несказанно нами любимой Императрицѣ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

В. Жуковскій.

Баденъ-Баденъ, 1850 г. $\frac{12}{24}$ ноября.

1852 годъ.

№ 23.[1])

[Баденъ Баденъ]. *[13/25 Января 1852 года].*

Всемилостивѣйшая Государыня!

Приношу Вашему Императорскому Величеству живѣйшую благодарность за подарокъ на новый годъ, который Вы мнѣ такъ милостиво благоволили здѣлать, и который принесъ мнѣ новое счастіе, возобновивъ старое, начинавшее казаться мнѣ потеряннымъ: приношу благодарность за тѣ немногіе слова, которые Графиня Толстая передала мнѣ въ письмѣ своемъ отъ имени Вашего Императорскаго Величества; на эти слова отозвалось въ глубинѣ моего сердца все то прошедшее счастливое время, которое провелъ я вблизи Вашей, и въ которое Вы были такъ ко мнѣ постоянно милостивы. Вотъ уже болѣе 10 лѣтъ, какъ я розно съ Россіей; первые 3 или 4 года этаго времени прошли для меня тихо и весело въ тѣсномъ кругу семейномъ; съ тѣхъ поръ до настоящей минуты жизнь моя была почти безпрестан-

нымъ испытаніемъ: съ одной стороны долговременная болѣзнь жены, которая и теперь еще не миновалась, и два раза начинавшаяся собственная моя болѣзнь, которая только благодаря сперва Коппу а потомъ Гугерту не обратилась въ смертельную (и опасеніе которой лишило меня возможности быть въ Варшавѣ во время присутствія тамъ Вашего Величества); съ другой стороны долговременное принужденное отсутствіе изъ отечества и мысль, что оно можетъ сочтено быть произвольнымъ, и что я наконецъ могу сдѣлаться *чужимъ* для тѣхъ, для кого мнѣ такъ дорого остаться *своимъ* — все это вмѣстѣ портило жизнь мою, и особенно находилъ на меня, какъ ночное привидѣніе, страхъ, что мое долгое отсутствіе можетъ лишить меня мѣста въ Вашей памяти. Въ этомъ случаѣ я виноватъ передъ самимъ собою: я недолженъ былъ имѣть подобной тревоги, не потому, чтобы считалъ себя достойнымъ Вашего воспоминанія, а потому, что долженъ былъ вѣрить Вашему характеру, столь мнѣ извѣстному: правда мысль о несказанной прелести моего свиданія съ Вашимъ Величествомъ въ Нирнбергѣ всегда развеселяли меня; но воображеніе, упрямо и подозрительно; въ отдаленіи многое его пугаетъ. Какъ же не благодарить мнѣ Ваше Величество за тѣ цѣлительные строки, которые по приказанію Вашему написала мнѣ Графиня Толстая! Вы прислали мнѣ рецептъ радикальнаго лѣкарства. Когда услышишь нечаянно давнишнюю знакомую мелодію, передъ душею является и то мѣсто, гдѣ ее слышалъ прежде, и тѣ люди, которые тогда были близко, и тѣ чувства, которые тогда жили въ сердцѣ: такое дѣйствіе произвелъ на меня Вашъ голосъ, услышанный мною въ этихъ драгоцѣнныхъ строкахъ. И я и жена полагаемъ ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества нашу живѣйшую благодарность и съ благоговѣніемъ цѣлуемъ Вашу руку. Когда-то Богъ приведетъ мнѣ почувствовать ее въ моей рукѣ, какъ то было въ Нирнбергѣ или еще болѣе, какъ то было въ Дармштадѣ, когда Вы такъ милостиво мнѣ дали Ваше благословеніе на новую жизнь. Моя болѣзнь упряма, и я не надѣюсь отъ нее до конца зимы отдѣлаться; а Гугертъ говоритъ, что съ

Марта мѣсяца должно начаться для меня лѣченіе, которое вѣроятно продолжится до половины Іюля. Дай Богъ, чтобы это такъ было, и чтобы мое изгнанничество наконецъ кончилось. Моя болѣзнь испортила для меня пребываніе въ Баденѣ Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны[2]); правда она была поводомъ, что Ея Высочество навѣстила меня въ моей семье: она подарила намъ три незабвенныхъ вечера, въ которые все милое отечественное побывало у меня въ гостяхъ вмѣстѣ съ Нею; но послѣ я видѣлъ Ее только при отъѣздѣ Ея изъ Бадена. Моя болѣзнь доставила мнѣ и другое счастіе: посѣщеніе Его Величества Короля Прусскаго; онъ благоволилъ провезти у меня почти часъ; моя жена, лежавшая тогда въ постелѣ больная, не могла Его видѣть; но когда онъ покидалъ меня, я подвелъ къ Нему моихъ дѣтей, прося чтобъ онъ положилъ на ихъ головы съ благословеніемъ свою руку. Послѣ я имѣлъ счастіе видѣть у себя и Принца Прусскаго и Принцессу Прусскую.

Теперь въ сердцѣ у меня одно нетерпѣливое желаніе: возвращеніе весны; авось она прогонитъ мою болѣзнь и отворитъ мнѣ двери въ Россію[3]).

Молю Бога чтобы Онъ сохранилъ Вамъ Всемилостивѣйшая Государыня на долгое время здравіе и благоденствіе.

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподданный

В. Жуковскій.

Баденъ-Баденъ. $\frac{13}{25}$ Января 1852 года.

Примѣчанія къ письмамъ.

1.

1) Годъ опредѣляется при помощи дневниковъ В. А. Жуковскаго: въ письмѣ упоминается о чтеніи трагедіи Клейста «Prinz von Homburg», а въ своемъ дневникѣ подъ 21 нояб. (нов. ст.) 1821 г. Жуковскій записалъ: «Обѣдъ и вечеръ у m-e Kleist, (чтеніе) «Prinz von Homburg». (Дневники В. А. Жуковскаго, изд. И. А. Бычковымъ). Есть небольшое разногласіе между дневникомъ и письмомъ. Въ дневникѣ Жуковскій пишетъ, что онъ провелъ вечеръ у m-e Kleist, гдѣ, очевидно, и происходило чтеніе названной трагедіи, а въ письмѣ къ великой княгинѣ говоритъ, что провелъ вмѣстѣ съ Кронпринцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ «два пріятнѣйшихъ вечера у Wildermeth. Въ оба раза читали Клейстову трагедію Der Prinz von Homburg». Нужно думать, что запись въ дневникѣ правильнѣе, такъ какъ въ письмѣ, написанномъ болѣе двухъ недѣль спустя, Жуковскій легко могъ ошибиться, тѣмъ болѣе, что все это время онъ проводилъ въ кружкѣ однихъ и тѣхъ же лицъ, между которыми постоянными членами были и Кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ и m-elle Wildermeth и M-me Kleist, а собранія происходили то у одного, то у другого изъ названныхъ лицъ.

2) Жуковскій долженъ былъ вернуться къ великой княгинѣ, чтобы продолжать съ ней занятія русскимъ языкомъ.

3) Жуковскій отмѣтилъ въ дневникѣ подъ 8—13 ноября (нов. ст.), что просидѣлъ это время дома, но зато съ 14 ноября началось, какъ онъ пишетъ дальше, «пріятное препровожденіе времени» въ кружкѣ лицъ, стоявшихъ близко ко двору и отчасти къ литературѣ и искусствамъ. Музыка, пѣніе, обозрѣніе достопримѣчательностей, театръ, чтеніе, литературныя бесѣды и споры чередуются одни за другими, оживляя придворную атмосферу и внося въ нее такую интересную и оживленную интеллигентную жизнь, которая, кажется, шла въ разрѣзъ съ общимъ строгимъ этикетомъ и формализмомъ придворныхъ порядковъ.

4) По всей вѣроятности, одна изъ придворныхъ дамъ.

5) Съ 1805 года m-elle Wildermeth была гувернанткой принцессы прусской Шарлотты, впослѣдствіи великой княгини и императрицы Александры Ѳеодоровны. Жуковскій былъ съ ней очень друженъ, часто встрѣчался съ ней, много бесѣдовалъ. Онъ такъ однажды отозвался о ней въ своемъ дневникѣ: «у ней много ума и при немъ есть какое-то дѣтское простосердечіе. Она болѣе, нежели кто-нибудь, удалена отъ интригъ» (Дневника В. А. Жуковскаго l. c. стр. 87). Въ слѣдующихъ письмахъ она упоминается неоднократно; Жуковскій находился съ ней въ перепискѣ.

6) Христіанъ-Вильгельмъ Гуфеландъ (род. 1762, ум. 1836 г.), лейбъ-медикъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, былъ въ свое время извѣстнымъ врачемъ, профессоромъ и писателемъ. Съ его сочиненіями Жуковскій былъ знакомъ уже въ 1804 г. (См. «Бумаги В. А. Жуковскаго», описанныя И. Бычковымъ), лично съ нимъ онъ познакомился въ 1820 году 31 октября въ Берлинѣ (см. «Дневники В. А. Жуковскаго») и полюбилъ этого интереснаго и, повидимому, очень симпатичнаго человѣка. «Я провелъ прекрасный вечеръ, пишетъ Жуковскій въ своемъ дневникѣ 3-го ноября 1820 года,» Гуфландъ привлекательный человѣкъ. Въ первый разъ, когда я его увидѣлъ, сердце невольно къ нему склонилось; оно рѣдко обманывается. Я былъ счастливъ и доволенъ самимъ собой, говоря съ этимъ старикомъ, смотря ему въ лице, на которомъ глубокомысленная важность, тонкость слита съ какимъ-то привѣтливымъ простодушіемъ.... Гуфландъ говорилъ прекрасно о ложныхъ мѣрахъ правительства насчетъ притѣсненія свободы печатанія... Этотъ вечеръ прошелъ для меня прекрасно, его можно причислить къ хорошимъ минутамъ жизни.—Смотря въ глаза старику Гуфланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater; онъ имѣетъ для меня прелесть Краузе («человѣкъ съ необыкновенными дарованіями, поэтъ, въ обширномъ значеніи этого слова», какъ отзывается о немъ Жуковскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ сентября или октября 1816 года). Но въ чемъ же эта прелесть? Не въ умѣ, не въ знаніи, но въ сердцѣ, которымъ мы живемъ сами и которое въ другихъ животворитъ насъ и притягиваетъ. Прощаясь съ старикомъ, я отъ души жалъ его руку, а онъ мнѣ сказалъ съ какимъ то прелестнымъ доброжелательствомъ: «Adieu, sie haben mich sehr erfreut». Эти слова звучали въ моей душѣ: дома невольная меланхолія меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать.

7) Фридрихъ Вильгельмъ III (король прусскій 1797—1840 г.), отецъ великой княгини Александры Ѳеодоровны.

8) Карлъ Фридрихъ-Августъ (р. 1785—ум. 1837 г.), герцогъ Мекленбургъ Стрелицкій, прусскій генералъ отъ инфантеріи, сводный братъ Королевы Луизы Прусской, матери великой княгини Александры Ѳеодоровны.

9) Родная сестра великой княгини Александры Ѳеодоровны.

10) Братъ великой княгини Александры Ѳеодоровны, наслѣдникъ прусскаго престола Фридрихъ-Вильгельмъ (род. въ 1797 г., вступилъ на престолъ подъ именемъ Фридриха-Вильгельма IV въ 1840 г., ум. въ 1861 г.), былъ большимъ другомъ Жуковскаго. Они переписывались.

11) Heinrich von Kleist (род. въ 1777 г., ум. въ 1811 г.)— нѣмецкій драматургъ и авторъ разсказовъ и стихотвореній. Онъ былъ послѣдователемъ нѣмецкой романтической школы (Веймарскаго кружка), но въ его сочиненіяхъ часто прорывались, благодаря его страстной, необузданной натурѣ, черты реальной поэзіи. Многія изъ произведеній его носятъ яркій патріотическій отпечатокъ.

12) Одна изъ національныхъ драмъ Клейста, наиболѣе выдержанная и сценичная изъ всѣхъ его драматическихъ произведеній, но съ узко-патріотическимъ характеромъ.

13) Принцы: Вильгельмъ (род. 1797 г., ум. 1888 г., впослѣдствіи первый императоръ германскій), Карлъ (род. 1801 г., ум. 1883 г.) и Альбрехтъ (род. 1809 г. ум. 1872 г.) — сыновья короля Фридриха-Вильгельма III.

14) Ему было тогда всего 12 лѣтъ.

15) Жуковскій состоялъ въ должности преподавателя русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Въ Петербургъ онъ вернулся однако лишь 6 февраля 1822 года.

2.

1) Годъ письма опредѣляется событіемъ, по поводу котораго оно написано—смертью Марьи Андреевны Мойеръ (урожд. Протасовой), скончавшейся 19 марта 1823 г. Можетъ быть, Зейдлицъ и не подозрѣвалъ о существованіи этого письма къ Великой Княгинѣ, такъ какъ въ своей книгѣ: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго» говоритъ по поводу этого событія: «извѣстіе о преждевременной смерти Маріи Андреевны потрясло душу Жуковскаго и погрузило его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. Нельзя описать словомъ того, что происходило въ душѣ несчастнаго поэта. Собственныя его слова лучше всего изображаютъ его скорбь при этомъ роковомъ ударѣ. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Дерптъ. Кому оттуда онъ могъ сообщить горестныя свои чувства, какъ не подругѣ своей Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной? Онъ и писалъ къ ней 28 марта».

Письмо къ великой княгинѣ близко къ письму къ Авдотьѣ Петровнѣ не только по содержанію, но и по многимъ отдѣльнымъ выраженіямъ,

но къ великой княгинѣ Жуковскій написалъ раньше чѣмъ Авдотьѣ Петровнѣ, — на другой же день по пріѣздѣ въ Дерптъ, 25 марта.

2) Гдѣ жила и скончалась Марья Андреевна Мойеръ и куда онъ только что пріѣхалъ, узнавъ о ея смерти, для него совершенно неожиданной, такъ какъ только съ недѣлю тому назадъ онъ видѣлся съ Марьей Андреевной въ томъ же Дерптѣ, куда провожалъ изъ Петербурга ея сестру, Александру Андреевну Воейкову, и гдѣ пробылъ двѣ недѣли.

3) Ек. Аѳ. Протасова, А. А. Воейкова и И. Ѳ. Мойеръ.

4) Выраженіе, тождественное съ таковымъ же въ письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной.

5) Александра Андреевна Воейкова ѣхала съ дѣтьми въ Дерптъ къ сестрѣ.

6) Марья Андреевна Мойеръ. Она была общей любимицей и особенно была дружна съ сестрой Александрой и Жуковскимъ.

7) Первый ребенокъ Марьи Андреевны — ея дочь Катя. Екатерина Ивановна Мойеръ воспитана была Екатериной Аѳанасьевной Протасовой вмѣстѣ съ двумя дѣтьми другой ея дочери, Александры Андреевны Воейковой (умершей 1829 года), и впослѣдствіи вышла замужъ за сына Авдотьи Петровны Елагиной—Василія Александровича. Сообщеніе Марьи Васильевны Беэръ, дочери Екатерины Ивановны Елагиной. Эти данныя позволяютъ намъ исправить указаніе Зейдлица въ его книгѣ о Жуковскомъ (стр. 133 прим. 2), что Екатерина Ивановна была воспитана Авдотьей Петровной Елагиной.

8) Похороны происходили 21 марта, а Жуковскій могъ пріѣхать только 23 или 24-го.

9 и 10) Эти выраженія совершенно одинаковыя съ таковыми же въ письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной.

3.

1) Карамзинъ умеръ 22 мая 1826 года. Жуковскій узналъ объ этомъ изъ газетъ только 11 іюня по пріѣздѣ своемъ въ Эмсъ для лѣченія.

2) Рѣчь идетъ о милостивомъ рескриптѣ Карамзину Императора Николая Павловича (написанномъ Жуковскимъ) 13 мая 1826 года и объ указѣ Императора Министру Финансовъ о производствѣ Карамзину (а послѣ его смерти семьѣ его) пенсіи въ 50,000 рублей въ годъ.

3) Христіанъ Фридрихъ—сынъ датскаго короля Христіана VI.

4) Жуковскій прибылъ въ Эмсъ 10 іюня.

5) Привести этотъ планъ въ исполненіе ему не удалось: ему пришлось вернуться въ Россію много позже, а именно въ октябрѣ 1827 года.

6) Генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ (род. въ 1788 г., ум. въ 1834 г.), воспитатель Наслѣдника Цесаревича великаго князя Александра Николаевича.

7) Супруга Кронпринца Фридриха Вильгельма — урожд. принцесса Баварская Елизавета.

8) По всей вѣроятности, принцъ Фридрихъ-Августъ (род. 1727, ум. 1854, года), съ 1837 г. Саксонскій король Фридрихъ-Августъ II.

9) Прусскій генералъ Карлъ фонъ Клаузевицъ (род. 1780 г., ум. 1831 г.) и его жена, урожденная графиня Брюль.

10) Очевидно, жена нидерландскаго генерала и посланника графа Генриха-Георга Перпонше (род. 1771 г., ум. 1856 г.).

11) Адъютантъ кронпринца прусскаго Адамъ фонъ-Тюмплингъ (род. 1781 г., ум. 1871 г.).

12) Герцогиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна — сестра Императоровъ Александра и Николая Павловичей.

13) Графиня Юлія Эглофштейнъ (род. 1792 г., ум. 1869 г.), обладавшая художественнымъ талантомъ, хорошая знакомая Гёте.

14) Вѣроятно, княгиня Софья Сергѣевна Мещерская (род. 1775 г., ум. 1848 г.), урожденная Всеволожская — извѣстная благотворительница и распространительница духовно-нравственнаго просвѣщенія въ Россіи.

15) По всей вѣроятности, вдова извѣстнаго героя—генерала Димитрія Сергѣевича Дохтурова (род. 1756 г. ум. 1816 г.).

16) Княгиня Марія Аркадьевна Голицына, урожденная княжна Суворова.

17) Александръ Скарлатовичъ Стурдза (род. 1791 г., ум. 1854 г.). Служилъ въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и занимался литературой.

18) Графъ Альбертъ Эдлингъ (род. 1774 г., ум. 1841 г.), Саксенъ-веймарскій министръ, былъ женатъ на Роксандрѣ (Александрѣ) Скарлатовнѣ Стурдза, сестрѣ Александра Скарлатовича.

19) Жена Александра Скарлатовича — дочь Х. В. Гуфланда.

20) Графъ Іоаннъ Каподистрія, русскій и греческій государственный дѣятель (род. 1776 г., ум. 1831 г.). Жуковскій очень уважалъ и любилъ его и даже рекомендовалъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, какъ воспитателя для великаго князя Александра Николаевича.

21) Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича.

22) Коронованіе Императора Николая Павловича состоялось 22 авг. 1826 года.

23) Намекъ на отказъ Николая Павловича отъ престола въ пользу своего брата Константина Павловича и присяга послѣднему, какъ Императору, несмотря на то, что ему былъ уже извѣстенъ отказъ брата и было вскрыто письмо покойнаго Императора, въ которомъ Александръ Павловичъ назначалъ своимъ преемникомъ Николая Павловича. Извѣстно, что Николай Павловичъ только тогда рѣшился вступить на престолъ, когда отъ великаго князя Константина Павловича было вновь получено подтвержденіе его отказа. Эти колебанія вызвали волненіе и смуты (между прочимъ, и заговоръ Декабристовъ), на которыя Жуковскій намекаетъ далѣе въ томъ же письмѣ.

24) Указаніе на интриги въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра Павловича и на событія 14 декабря 1825 года.

4.

1) Торжественный въѣздъ Императора Николая Павловича въ Москву для коронованія состоялся 25 іюля 1826 года.

2) Принцессу Маріанну, супругу принца Вильгельма, брата короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III.

3) По отмѣткѣ Жуковскаго въ дневникѣ это было 6/13 іюля.

4) Наслѣдный принцъ Фридрихъ Вильгельмъ.

5) Согласно дневнику Жуковскаго это было 14/26 и 15/27 іюля.

6) Великая Княгиня Марія Павловна, Герцогиня Саксенъ-Веймарская, пріѣхавшая въ Эмсъ 19/31 іюля. Жуковскій часто бывалъ у нея.

7) Очевидно, она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ смерти своего брата, Императора Александра Павловича.

5.

1) Въ дневникѣ В. А. Жуковскаго подъ 7/19, 8/20, 14/26, 17/29, 19/31 августа 1826 года идетъ рѣчь о какомъ-то письмѣ, которое только 21 авг. / 12 сент. было отправлено. И. А. Бычковъ въ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту дневника утвердительно говоритъ, что тутъ идетъ рѣчь о письмѣ Жуковскаго къ самому Императору. Но если онъ основывается только на приведенныхъ имъ данныхъ, то онъ едва ли правъ, такъ какъ нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что въ дневникѣ Жуковскаго идетъ рѣчь именно объ этомъ обстоятельномъ письмѣ къ Императрицѣ Алек-

сандрѣ Ѳеодоровнѣ (на написаніе котораго онъ употребилъ цѣлыхъ 12 дней), и нѣтъ повода предполагать, что кромѣ этого письма Жуковскій писалъ еще самому Императору. Въ концѣ письма онъ вполнѣ опредѣленно говоритъ: «Соблаговолите сообщить мои соображенія Государю Императору. Я буду ждать въ Дрезденѣ Высочайшаго рѣшенія, чтобы сообразоваться съ нимъ безъ всякаго промедленія». И такъ какъ отъ этого рѣшенія Императора зависѣло возстановленіе его разшатаннаго здоровья, то не удивительно, что онъ называетъ это письмо «роковымъ» (письмо къ А. И. Тургеневу).

2) Коронованіе состоялось 22 августа, и, слѣдовательно, письмо, отправленное только 21 августа / 2 сент., не могло поспѣть ко дню коронаціи.

3) Августъ-Фридрихъ-Андріанъ Диль (род, 1756 г., ум. 1839) былъ врачемъ въ Эмсѣ въ продолженіе 40 лѣтъ и пользовалъ очень многихъ русскихъ.

6.

1) Великаго Князя Александра Николаевича, родившагося 17 апрѣля 1818 года.

2) Это была св. Пасха.

3) Какъ день рожденія Наслѣдника Царскаго престола.

4) Эти выраженія письма напоминаютъ настроеніе, въ которомъ находился Жуковскій, когда писалъ свой пророческій гимнъ: «Посланіе къ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ». Въ «Дневникѣ» его мы находимъ соотвѣтствующую этому настроенію запись подъ 17 апр. 1818 года онъ писалъ: «Одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней. Рожденіе Великаго Князя. Прелестное утро. Чувства веселья, ясныя, живыя, безъ примѣси. Радость истинная».

5) Торжественно радостный тонъ этой части письма напоминаетъ разсужденіе Жуковскаго на тему: «Христосъ Воскресъ» въ альбомѣ, подаренномъ Наслѣднику Цесаревичу, когда по случаю своего совершеннолѣтія въ 1834 г. онъ приносилъ присягу.

6) Это письмо до сихъ поръ, повидимому, напечатано не было.

7) Разумѣется встрѣча великаго князя Александра Николаевича съ принцессой Маріей Гессенской, дочерью великаго Герцога Гессенскаго Людовика II, которая стала его невѣстой, а затѣмъ супругой.

8) Графъ А. Ѳ. Орловъ состоялъ въ свитѣ великаго князя Александра Николаевича во время его путешествія за границей.

9) Это было 5/17 апрѣля 1839 года.

10) Эти стихи взяты Жуковскимъ изъ его же стихотворенія (написаннаго, по дневнику, 11 апр.), извѣстнаго подъ заглавіемъ: «Поэту

Ленепсу, въ отвѣтъ на его посланіе ко мнѣ, написанное на случай посѣщенія Саардама Наслѣдникомъ Цесаревичемъ». Изъ этого стихотворенія, появившагося въ «Утренней Зарѣ» на 1840-й годъ, Жуковскій помѣстилъ въ письмѣ къ Императрицѣ только стихи отъ 6—14 включительно. Текстъ стихотворенія въ письмѣ нѣсколько разнится отъ печатнаго.

11) Этотъ стихъ въ печатномъ текстѣ читается такъ:

Здѣсь былъ его рукой корабль заложенъ тотъ.

12) Въ печатномъ текстѣ: неизмѣняемо.

13) Въ печатномъ текстѣ первыя два слова стиха пропущены и осталось только:

плыветъ подъ флагомъ славы.

14) Для него на этотъ случай онъ написалъ стихотвореніе, появившееся въ печати лишь въ 1867 году (въ Русскомъ Архивѣ № 11). Это стихотвореніе «Въ Саардамскомъ домикѣ» (Великому Князю Александру Николаевичу).

15) Въ дневникѣ Жуковскаго: уѣхали 19-го и пріѣхали въ Лондонъ 21-го.

7.

1) Баронъ Будбергъ пріѣхалъ со спеціальнымъ порученіемъ Императора — передать благословеніе на бракъ великаго князя съ принцессой Маріей гессенской.

2) Рѣчь идетъ объ упоминаемой въ предыдущемъ письмѣ встрѣчѣ Великаго Князя Александра Николаевича съ его будущей супругой Маріей Александровной.

3) По желанію Императора Николая Павловича Жуковскій былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка къ принцессѣ гессенской Маріи.

4) Т. е. въ тотъ моментъ, когда было получено извѣстіе отъ Государя и Государыни объ ихъ согласіи на бракъ Великаго Князя съ принцессой Маріей.

5) Въ слѣдующемъ письмѣ къ Императрицѣ есть указаніе, что занятія русскимъ языкомъ съ принцессой Маріей Жуковскій началъ дѣйствительно 24-го апрѣля.

6) Свиданіе Императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны съ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ и принцессой Маріей произошло 4-го Іюня въ Дармштатѣ, а затѣмъ Императрица переѣхала для леченія въ Эмсъ.

8.

1) Принцессой Маріей гессенской.

2) Великій Князь Александръ Николаевичъ.

3) Это было 22 октября 1817 года, когда Жуковскій началъ свои занятія по преподаванію русскаго языка съ Александрой Ѳеодоровной, тогда еще Великой Княгиней.

4) Статсъ дама графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, воспитательница дочерей Императора Павла Петровича.

5) На недостаточное количество времени, опредѣленнаго для занятій, указываетъ Жуковскій и позже въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Императору (см. стр. 63.).

6) Здѣсь Жуковскій давалъ первый урокъ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

7) Въ 1821 году, когда Жуковскій вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и своей ученицей Великой Княгиней посѣтилъ Берлинъ.

8) Композиторъ Спонтини Людовикъ (графъ Сантъ Андреа) родился 14 ноября 1774 г. ум. 24 янв. 1851 г. Онъ написалъ 14 оперъ и цѣлый рядъ другихъ произведеній. Въ 1819 году онъ былъ приглашенъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III къ прусскому двору, при которомъ оставался до 1842 года. Зимой 1821 года, по случаю пріѣзда въ Берлинъ Великаго Князя Николая Павловича съ его супругой Великой Княгиней Александрой Ѳеодоровной, для празднествъ, устроенныхъ при королевскомъ дворѣ, Спонтини написалъ оперу-балетъ Лалла Рукъ (сюжетъ былъ заимствованъ изъ поэмы Томаса Мура). Позже, воспользовавшись отдѣльными частями этого произведенія, онъ передѣлалъ его въ двухъактную оперу «Нурмагалъ» или Праздникъ Кашемирскихъ розъ. Либретто для этой оперы написалъ М. Герглоцъ (Biographie universelle des musiciens par F. Y. Fetis. Paris 1875, V, 8).

9) Какъ потому, что музыка оперы «Нурмагалъ», заимствованная изъ оперы Лалла Рукъ, напоминала ему праздникъ 1821 года, такъ и потому, что текущія событія его жизни вообще какъ будто повторялись въ томъ же видѣ, въ какомъ они протекли въ 18—20-хъ годахъ.

У Гримма въ его монографіи «Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland (изд. второе, Leipzig 1861 г. т. I стр. 144) мы находимъ интересное описаніе этого праздника и характеристику Александры Ѳеодоровны въ этой роли. Die Königin des Festes war auch die der glänzenden plastischen Vorstellung. Die Grossfürstin war damals dreiundzwanzig Jahr alt, in der vollkommensten Entwickelung ihrer seltenen Schönheit; ihr Wuchs, ihre Gestalt trug nicht die kalten regelmässigen Formen der grie-

chischen Antike, sondern den abgerundeten Schmelz, den ein echt deutsches Gemuth in der glücklichsten Fülle der Jugend belebt; es war nicht der Stolz einer Juno, sondern die Seele eines weiblichen Herzens, die aus den hellen Augen blickte; um ihren Mund spielte die Liebe zu ihrem Gatten und zu ihren Kindern, aber aus jedem Zuge ihres ganzen Wesens sprach die Anmuth und der Reiz einer glüchlichen Jugend. Heute erschien sie mit einer Krone auf dem Haupte, das gescheitelte Haar glitt zu beiden Seiten herab und legte sich in Locken auf die Schultern. Ein weisses Kleid umgab den Körper, die Brust ein Spencer von Goldstoff, und unter demselben schmiegte sich der breite Gürtel an und liess die Enden über den Schooss herabhängen; Perlen und Edelsteine stritten um den Vorrang, und selbst die orientalischen Schuhe waren von Smaragden übersäet. Ein Grünfarbener Schleier mit Silberfäden durchwirkt umfloss die here Gestalt.

10) Стихъ Гёте, который Жуковскій очень часто цитуетъ въ своихъ письмахъ.

11) Пери — Принцесса Елизавета Радзивиллъ.

12) Ангелъ — Графиня Матильда Фоссъ, замужемъ графиня Зинаръ.

13) Придворная дама при прусскомъ Дворѣ.

14) Вильдерметъ, воспитательница и другъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, ум. 1839 г. Жуковскій былъ съ ней очень друженъ; насколько она была ему близка, можно судить по одному изъ его отзывовъ о ней. Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ Карлсру 12/24 марта 1839 г. онъ пишетъ по поводу ея смерти: «въ Штутгартѣ узналъ я о сердечной тяжкой потери вашей; хотя вы и ожидали ея, но она васъ должна была поразить, какъ неожиданная. И для меня это есть потеря роднаго друга. Ни съ кѣмъ на свѣтѣ не было такъ пріятно и такъ легко быть искреннимъ, какъ съ нашею доброю, несравненною Вильдерметъ. Это была самая высокая и самая простая душа. Какое утѣшеніе для Вашего Величества, что вы её могли навѣстить и этимъ послѣднимъ свиданіемъ въ жизни порадовать остальные, болѣзненные дни ея. Во всю жизнь свою сохраню о ней благодарное воспоминаніе, ибо всѣ минуты, которыя провелъ я вмѣстѣ съ нею, были для меня не только пріятны, но и благодѣтельны. Такого рода потери, такъ сказать, раззоряютъ жизнь. Счастливъ тотъ, кто можетъ сноситъ ихъ въ кругу родного семейства, но худо одинокому: онъ мало по малу становится глухонѣмымъ посреди общества».

15) Александра Андреевна Воейкова умерла 14/26 февраля 1829 г. въ Ливорно, гдѣ и похоронена на греческомъ кладбищѣ.

16) Это письмо Жуковскаго къ великому князю Александру Нико-

лаевичу, написанное изъ Эмса, напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1883 г. кн. II, стр. XLII.

17) Его мечты и планы относительно женитьбы.

9.

1) Объ этомъ письмѣ уже нѣсколько позже — въ концѣ августа 1840 г.—упоминаетъ Жуковскій въ другомъ своемъ пространномъ письмѣ къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой, въ которомъ излагаетъ всю исторію своей женитьбы (оно было напечатано въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г. III. 17).

2) Очевидно, тоже письмо, о которомъ упоминается на стр. 51. Сл. примѣчаніе 16-ое къ № 8.

3) Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.

4) Рѣшенный уже тогда вопросъ о бракѣ Великаго Князя Александра Николаевича.

5) Невѣста Великаго Князя Александра Николаевича.

6) Жуковскій тогда уже переговорилъ съ Рейтерномъ о своихъ мечтахъ и послѣдній далъ понять Жуковскому, что онъ, повидимому, можетъ разсчитывать на взаимность чувствъ со стороны старшей его дочери Елизаветы.

Въ письмѣ Жуковскаго къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой того-же 1840 г. есть вполнѣ опредѣленныя указанія на то, какъ произошли всѣ эти событія, и между прочимъ объяснены причины, почему Жуковскій могъ думать, что отказа не будетъ. «Я назначилъ для отъѣзда моего субботу (это было 1 іюня)... Пароходъ долженъ былъ отправиться ровно въ 11-ть... Ночь была тихая, ясная; небо въ звѣздахъ; посреди звѣздъ великолѣпная полная луна; на Рейнѣ ни струи, и кругомъ тишина удивительная.... Въ темнотѣ говоришь смѣлѣе и откровеннѣе, нежели при свѣтѣ, и я сказалъ своему Безрукому (Рейтерну): Теперь мы прощаемся на долго.... Помнишь ли то, о чемъ я говорилъ тебѣ въ Петербургѣ? Теперь, болѣе нежели когда нибудь, почувствовалъ я всю правду того, что говорилъ тогда. Я зналъ бы гдѣ взять счастіе жизни, если бы только могъ думать, что оно мнѣ дастся. Но, хотя я вижу его передъ собою, я не могу позволить себѣ никакой надежды. Остается, полюбовавшись имъ, какъ прекраснымъ видѣніемъ, отойти отъ него и пожалѣть, что присвоить его невозможно.—Mon cher ami, отвѣчалъ онъ мнѣ, la chose n'est pas si impossible que vous le croyez et que moi je l'ai cru d'abord. — Comment? Qu'est ce que vous meditez-là? Pensez au nom de Dieu, que vos paroles sont pour moi la destinée!

Expliquez moi. — Je crois, d'après ce que m'a dit ma femme et d'après mes propres observations, qu'Élisabeth a dans son coeur un attachement pour vous! Et c'est déjà depuis longtemps. — Cela me suffit; dès ce moment je suis à elle, si vous consentez, qu'elle soit à moi. Voici ma main. — Et voici la mienne. — Une seule condition. Ni vous, ni sa mère ne devez lui dire un seul mot. Laissons la Providence achever ce qu'elle a elle même preparé. Si Dieu veut que cela se fasse, cela se fera sans notre participation: en nous mêlant de son affaire, nous ne pourrons que la gâter. De mon côté tout est dit définitivement, sans la moindre hésitation. Mais nous ne savons pas encore au juste ce qui se passe dans son coeur; il faut que (lorsque le moment viendra) il se prononce librement, sans la moindre influence de la part de qui cela soit. A présent je pars pour la Russie, je préparerai tout de mon coté, et lorsque je me retrouverai vis à vis d'elle, elle me dira oui on non, d'aprés ce que lui dictera son coeur.—Колоколъ на пароходѣ зазвонилъ, и мы разстались. Вы, можетъ быть, вообразите, что я былъ въ сильномъ волненіи. Какой быстрый и неожиданный переломъ въ жизни! Чтó былъ я за четверть часа? Одинокій пассажиръ парохода, на которомъ куда то ѣхалъ, не имѣя передъ глазами ясной цѣли. И вдругъ въ одно мгновеніе изъ чаши само Провидѣнія вынуло мнѣ жребій, съ которымъ все такъ давно желанное разомъ досталось мнѣ. Но я не былъ въ волненіи. Удивительная ясность, самая сладкая тишина, похожая на полное, внезапное выздоровленіе (отъ котораго вдругъ и жизнь становится милою и все окружающее прекраснымъ), влилась въ мою душу, обхватила ее всю, и съ этой минуты до теперешней ее не покидала. Половину этой ночи я не спалъ, и на другое утро проснулся какъ новый человѣкъ».

7) Елизавета Рейтернъ, которой было тогда 19 лѣтъ (род. 19 іюня 1821 года).

8) На эту просьбу сохранить все въ тайнѣ есть указаніе въ томъ же письмѣ къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой (См. примѣчаніе 1-ое къ письму № 10).

10.

1) Дѣло идетъ о предыдущемъ письмѣ, которое, какъ Жуковскій пишетъ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой, было имъ подано Государю въ моментъ Его отъѣзда въ Россію: «я уже приготовилъ письмо къ Государю, въ которомъ, объявляя ему о своемъ намѣреніи и прося его устроить мое будущее, просилъ въ тоже время, чтобы онъ сохранилъ сказанное мною въ тайнѣ (сообщивъ его только Императрицѣ), ибо это дѣло было только моя надежда, можетъ быть, обманчивая, и я не

зналъ и не могъ быть увѣренъ, получу ли ея согласіе. Это письмо въ чернѣ показалъ я Рейтерну».

2) Счетъ велся на ассигнаціи. Интересно сопоставить съ этимъ сумму въ 50000 рублей, которая была назначена Императоромъ другому нашему писателю — Карамзину передъ его несостоявшимся отъѣздомъ заграницу для лѣченія въ 1826 году. Какъ извѣстно, вся эта сумма сполна обращалась ему въ пенсію пожизненно, а послѣ его смерти также сполна его сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ на службу, а дочерямъ до выхода замужъ послѣдней изъ нихъ.

3) Мейерсгофъ близь Дерпта. Оно было потомъ куплено докторомъ Зейдлицемъ за 115000 рублей.

4) Отказъ отъ громаднаго ежегоднаго содержанія и сумма, просимая Жуковскимъ только заимообразно для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла, все это представляется въ дѣйствительности очень скромнымъ желаніемъ поэта и, кажется страннымъ, что Императоръ нашелъ его «безмѣрнымъ» (см. далѣе письмо № 11). Нужно думать, что такое мнѣніе Императора составилось не безъ посторонняго вліянія, которое могло задаться цѣлью устранить отъ близости къ Царской Семьѣ ея стараго друга. Это соображеніе можетъ объяснить и глубокую обиду Жуковскаго и страстный тонъ его письма къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (см. далѣе № 11.) Интересно сопоставить съ этимъ «безмѣрнымъ» желаніемъ Жуковскаго его же письмо 21 апрѣля 1841 г. къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской (сл. «Уткинскій Сборникъ т. I, стр. 69, № XLIV.) Приводимъ въ сокращеніи наиболѣе интересныя мѣста «Милая Дуняша.... въ двухъ словахъ надобно сказать вамъ о томъ, что для меня рѣшилось.... Чинъ тайнаго совѣтника; это хорошо для внѣшняго свѣта. Для внутренняго, домашняго свѣта, гдѣ всего нужнѣе покойное настоящее и ясное завтра, сдѣлано все, что я желалъ: дана мнѣ полнаго свобода съ сохраненіемъ мѣста при Наслѣдникѣ; 10,000 жалованія обращены въ пансіонъ; окладъ по мѣсту 18,000 сохраненъ; все это съ моимъ пенсіономъ прежнимъ дастъ мнѣ 32,000 годоваго дохода; да еще Государь пожаловалъ 10,000 серебромъ на первое обзаведеніе — большаго я и во снѣ не желалъ;... Сверхъ того и продажа имѣнія идетъ весьма удачно. Я не думалъ продать его дороже 90,000, а продалъ за 110,000, что вмѣстѣ съ моею арендою составитъ мнѣ капиталъ въ 130,000. Слава Царю Небесному! Далъ Богъ пожить такъ, какъ Ему надобно. И да благословитъ Онъ Царя земнаго!»....

Не менѣе важно и письмо, того-же 21 апр. 1841 г. (Уткинскій сборникъ, т. I, стр. 117, № XXIII), характеризующій вмѣстѣ съ тѣмъ и безкорыстное отношеніе Жуковскаго къ его друзьямъ. «Мои обстоя-

тельства устроились наилучшимъ образомъ, писалъ онъ А. П. Зонтагъ; я свободенъ жить гдѣ хочу и въ то же время состою при Великомъ Князѣ, что почитаю особеннымъ счастіемъ. Весь мой окладъ мнѣ оставленъ, что даетъ мнѣ возможность существовать съ моею будущею семьею безъ нужды. Сверхъ того Государь пожаловалъ мнѣ и денегъ на первое обзаведеніе. И наконецъ я стою въ книгѣ животныхъ подъ фирмою тайнаго совѣтника. *Словомъ, Государь устроилъ мое будущее, какъ добрый, заботливый отецъ.* Мое перо не поворотилось бы описывать все это для васъ (хотя я знаю, что вы за мени порадуетесь, не смотря на свое горе), но я имѣю на то слѣдующія причины, вотъ онѣ: *я передъ вами богачъ,* слѣдовательно, не вамъ со мною дѣлиться, *а мнѣ съ вами.* Если не назначатъ вамъ законной пенсіи по праву вдовы, то вы по общему установленію получите только осьмую долю того жалованія, которое Зонтагъ получалъ въ послѣднее время; такъ расчелъ министръ внутреннихъ дѣлъ при мнѣ въ кабинетъ Воронцова. Вся эта осьмая часть составитъ едва ли 500 рублей. Вотъ что я сдѣлалъ съ своей стороны: *отъ Императрицы назначено мнѣ въ пенсіонъ 4000 рублей. Я уже просилъ ее, и она уже на это согласилась, отдѣлить отъ этихъ 4000 одну тысячу и обратить ее въ пенсіонъ вамъ.* Объ этомъ сдѣлано будетъ распоряженіе еще прежде моего отъѣзда. И такъ вы будете получать около 1500 пенсіона. Сверхъ того постараюсь выхлопотать у нея какое нибудь единовременное пособіе. Да вотъ еще что: у меня почти кончена поэма, за которую я надѣюсь получить 6000 рублей. Эти деньги могли бы мнѣ быть нужны, если бы мнѣ не пожаловано Государемъ *гораздо болѣе, чѣмъ сколько я ожидалъ. И такъ весьма естественно, что они должны быть ваши,* и вы ихъ получите, какъ скоро они будутъ въ моихъ рукахъ..... P. S. Чтобы облегчить вашу совѣсть на счетъ моихъ 6000, происходящихъ изъ моей поэмы и принадлежащихъ (если Вы отъ нихъ откажетесь) Машѣ, то вѣдайте, что я продалъ свое Лифляндское имѣніе 25-ю тысячами дороже, нежели какъ ожидалъ. Есть изъ чего дѣлиться. *И такъ прошу не спорить: это будетъ безпокойно, досадно и обидно*».

5) Литке, Ѳеодоръ Петровичъ, графъ (род. 1797 г., ум. 1882), извѣстный путешественникъ, адмиралъ, президентъ Императорской Академіи Наукъ и основатель Географическаго общества, былъ назначенъ въ 1832 г. воспитателемъ Великаго Князя Константина Николаевича.

6) Философовъ, Алексѣй Илларіоновичъ, генералъ отъ артиллеріи, (род. 1799 г. ум. въ 1874 г.), отличившійся въ нѣсколькихъ походахъ, въ 1838 году былъ назначенъ воспитателемъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

7) Гриммъ, Августъ Ѳеодоровичъ (род. 1805 г. ум. 1878 г.), былъ

сначала воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, затѣмъ въ 1838 году великой княгини Александры Николаевны; въ 1847 году Императоръ Николай Павловичъ поручилъ ему воспитаніе великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей; въ 1858 г. онъ былъ воспитателемъ дѣтей Императора Александра II. Ему принадлежитъ трудъ: «Alexandra Feodorovna, Kaiserin von Russland».

8) Гельмерсенъ, Павелъ Александровичъ (р. 1891 ум. 1894), профессоръ Александровскаго лицея и училища правовѣдѣнія.

9) Жуковскій понималъ, цѣнилъ и любилъ всѣ виды искусства и съ одинаковымъ увлеченіемъ во всѣ годы своей жизни любовался и наслаждался произведеніями художественнаго творчества—тому свидѣтельствомъ его дневники и письма. Самъ онъ съ неослабѣвающей страстью художника заносилъ въ свои многочисленные альбомы (намъ извѣстно до 20 альбомовъ съ его рисунками) все, что представляло какой либо интересъ въ художественномъ отношеніи — тутъ и виды и портреты и бытовыя сцены и памятники архитектуры и т. д. Его умѣнье схватывать всегда самое существенное, самое интересное, его способность талантливаго рисовальщика быстро, въ немногихъ чертахъ, въ однихъ контурахъ передавать съ фотографической точностью пространство, воздухъ, характерныя черты изображаемаго предмета—заслуживаетъ серьезнаго вниманія историковъ русскаго искусства. Для насъ же его проэктъ представляетъ интересъ, потому что характеризуетъ его взглядъ на образовательныя и воспитательныя средства, служащія для развитія духовной жизни человѣка.

11.

1) Приказаніе «d'être court» было конечно результатомъ дѣйствительно пространнаго письма Жуковскаго къ Императору Николаю I (см. № 10 нашего изданія). Весьма вѣроятно, что по причинѣ его чрезмѣрной длины (въ которой онъ самъ сознается въ письмѣ къ великому князю Александру Николаевичу; сл. далѣе № 13) оно не было читано Государемъ, а кѣмъ нибудь доложено безъ надлежащаго освѣщенія. Это объяснило бы недовольство Государя Жуковскимъ.

2) Самымъ обиднымъ для Жуковскаго было конечно не только недовольство Императора, но и то, что къ его мнѣнію присоединились и Императрица и Наслѣдникъ. Къ первой онъ питалъ самую возвышенную, нѣжную дружбу и глубокую привязанность и благоговѣлъ передъ ней, какъ передъ «земнымъ ангеломъ»; послѣдняго онъ считалъ своимъ созданіемъ, на воспитаніе котораго отдалъ всего себя, всю свою жизнь. И

вотъ такія то безусловно дорогія для него существа могли измѣнить свое долгими годами составленное доброе мнѣніе о немъ, и такъ легко, такъ незаслуженно! Бо́льшей обиды, бо́льшаго огорченія для поэтически-чувствительной души Жуковскаго, конечно, нельзя было бы и придумать. То обстоятельство, что Государыня рѣзко прервала столь важный разговоръ, показываетъ, насколько было велико раздраженіе какъ ея самой, такъ и Государя Наслѣдника.

3) Жуковскій говоритъ о своей женитьбѣ, къ которой онъ относился какъ къ событію первостепенной для него важности. И какъ видно, ему было бы дорого, чтобы его «земной ангелъ» Императрица Александра Ѳеодоровна участвовала душой въ этомъ событіи. Его слова: «je serai seul» отражаютъ глубокое чувство боли.

4) Подпись «Joukoffsky», безъ обычнаго во всѣхъ его письмахъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, показываетъ, въ какомъ сильномъ волненіи было написано это письмо, конецъ котораго отличается исключительной рѣзкостью, вообще несвойственной Жуковскому и несовмѣстимой съ его положеніемъ.

12.

1) Это письмо находится въ непосредственной связи съ предыдущимъ, очевидно поразившимъ Государыню искренностью и горячностью своего тона и заставившимъ призадуматься надъ чувствами оскорбленнаго до глубины души стараго друга Царской семьи. Но, можетъ быть, эта горячность и была главной причиной того, что такъ быстро наступило измѣненіе взглядовъ и полное примиреніе послѣ тяжелой и непріятной для обоихъ сторонъ розмолвки.

2) Мѣсто отправленія этого письма опредѣляется указаніемъ самого Жуковскаго въ его большомъ письмѣ къ В. А. Протасовой отъ 10 авг.—5 сент. 1840 г. и данными письма, помѣщеннаго здѣсь подъ № 13.

3) Это простое обращеніе Жуковскаго къ Государынѣ—Non, Madame—характерно своей искренностью, какъ и содержанію письма, полнаго поэтическаго восторга передъ Императрицей. Контрастъ этихъ двухъ быстро слѣдующихъ одно за другимъ писемъ (№№ 11 и 12) интересенъ для характеристики психическаго настроенія поэта.

4) Того самого письма Великаго Князя, о которомъ упоминается и въ предыдущемъ письмѣ Жуковскаго къ Императрицѣ.

5) Фридриха Вильгельма, впослѣдствіи короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV.

6) Таже краткая подпись, какъ и въ предыдущемъ письмѣ, вызван-

ная тѣми же условіями возбужденности (см. примѣч. 4-ое къ письму № 11).

13.

1) Это письмо является съ одной стороны дополненіемъ письма № 12, съ другой замѣной длиннаго письма къ Государю, помѣщеннаго здѣсь подъ № 10.

Очевидно, что результатомъ ходатайства Жуковскаго о его обезпеченіи, изложеннаго въ краткомъ видѣ въ этомъ письмѣ къ Государынѣ, были тѣ пожалованія Государя, о которыхъ Жуковскій писалъ А. П. Кирѣевской и А. П. Зонтагъ въ Апрѣлѣ 1841 г. (сл. примѣчаніе 4-ое къ письму № 10). И такъ какъ все, что было сдѣлано Императоромъ для обезпеченія Жуковскаго, превысило его ожиданія, то нужно думать, что подъ вліяніемъ Императрицы и произошла наконецъ та перемѣна въ мнѣніи Государя о Жуковскомъ, о которой послѣдній такъ настойчиво проситъ Государыню въ этомъ письмѣ.

14.

1) Это письмо Великаго Князя Александра Николаевича напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1883 г. кн. II.

2) Рѣчь идетъ о письмѣ Елизаветы Рейтернъ, тогда еще невѣсты Жуковскаго.

15.

1) Здѣсь говорится о стихотвореніи Жуковскаго: «1-го іюля 1842 года». Впервые оно было напечатано въ томъ же году въ 12-ой книжкѣ журнала «Москвитянинъ» съ примѣчаніемъ къ нему: «Сіи стихи, писанные на праздникъ серебряной свадьбы русскаго царя, служатъ въ тоже время изъясненіемъ картины (поднесенной Рейтерномъ Императору Николаю Павловичу), на которой изображенъ Георгій Побѣдоносецъ съ двумя вѣнками въ рукахъ: одинъ изъ бѣлыхъ розъ, другой лавровый».

2) Приводимъ здѣсь эти «послѣднія строки стиховъ», дополняющія письмо Жуковскаго, вмѣстѣ съ его пожеланіями, чтобы они «были пророчествомъ».

Серебряную свадьбу правя
Царя великаго и славя
Его домашній царскій бытъ,

Которымъ онъ животворитъ
На всѣхъ концахъ его державы
Семейные благіе нравы —
Любви супружней образецъ,
Дѣтей заботливый отецъ —
Народъ о томъ лишь Бога молитъ:
«Да нѣкогда царю дозволитъ,
Чтобъ онъ съ царицею своей,
Всѣхъ сыновей и дочерей
И чадъ и внуковъ ихъ собравши,
И тратъ въ семьѣ не испытавши,
Позвалъ народъ, какъ нынѣ, свой
На праздникъ свадьбы золотой».

(Полн. Собр. Соч. В. А. Жуковскаго подъ редакціей проф. А. С. Архангельскаго. т. IV, стр. 36).

16.

1) Александра Васильевна Жуковская, впослѣдствіи баронесса Вёрманъ, умерла въ 1899 году.

2) Священникъ Пѣвницкій.

3) Близь Штутгарта.

17.

1) Императрица Александра Ѳеодоровна родилась 1 іюля 1798 года.

2) Алексѣй Захаровичъ Хитрово, государственный канцлеръ.

3) Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ генералъ адъютантъ (род. въ 1803 году, ум. въ 1860 г.). Былъ адъютантомъ Великаго Князя Михаила Павловича, управлялъ военно-учебными заведеніями, а впослѣдствіи выдвинулся, какъ энергичный дѣятель по крестьянской реформѣ.

4) Князь Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

5) Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ (род. 1774 г., ум. въ 1845 г.), тогда министръ финансовъ.

6) Извѣстная Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россетъ.

18.

1) Рѣчь идетъ о рожденіи, 8-го сент. 1843 года, у Великаго Князя Александра Николаевича перваго сына, Великаго Князя Николая Александровича (умершаго 2 апр. 1865 г.).

2) Въ дневникахъ Жуковскаго по поводу этого свиданія записано всего нѣсколько словъ: «Короткое свиданіе съ Государемъ. Роковое «не заживайся» (См. Дневники В. А. Жуковскаго стр. 532).

3) Фридрихъ Вильгельмъ IV.

4) Отца Императрицы Александры Ѳеодоровны — прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, умершаго въ 1840 году.

5) Лютеранскій епископъ Эйлертъ Рульманъ Фридрихъ, извѣстный богословъ, духовникъ Фридриха Вильгельма III (род. въ 1770 г., умеръ 1852 г.) Упоминаемое Жуковскимъ сочиненіе его носитъ названіе: Characterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III. Этотъ трудъ издавался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Магдебургѣ и былъ законченъ въ 1843 г.

6) Рѣчь идетъ о начинавшихся тогда въ Германіи волненіяхъ, которыя закончились событіями 1848-го года.

7) См. выше примѣчанія 8—10 къ письму № 8.

19.

1) Дочь Александры Андреевны Воейковой, урожд. Протасовой, которая была назначена фрейлиной къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

20.

1) Предстоявшій бракъ великой княгини Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Вюртембергскимъ Карломъ (Фридрихомъ Александромъ), который вступилъ на престолъ въ 1864 году.

21.

1) Это письмо представляетъ большой интересъ потому, что въ немъ Жуковскій такъ подробно, какъ, кажется, нигдѣ, останавливается на оцѣнкѣ политическихъ событій, волновавшихъ Германію. Оно можетъ служить дополненіемъ къ письмамъ Жуковскаго къ Великому Князю Александру Николаевичу, напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1885 г. т. I.

2) Vorparlament — предварительный парламентъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ на Майнѣ съ 31 Марта по 3 Апрѣля 1848 г.

3) Этимъ Викаріемъ (Reichsverweser) Германіи былъ избранъ во франкфуртскомъ парламентѣ, въ засѣданіи 29 Іюня 1848 года, Эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ.

4) Очевидно, рѣчь идетъ о Струве (Густавъ, р. 1805 г., ум. 1870), одномъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1848-го года.

5) Геккеръ, Фридрихъ Карлъ (1811—81), принимавшій участіе въ томъ-же революціонномъ движеніи.

6) Фрейлигратъ, Фердинандъ, нѣмецкій поэтъ, дѣятель въ событіяхъ 1848 года (род. въ 1810 г. ум. въ 1876 г.).

7) Письмо, о которомъ говоритъ Жуковскій, хранится у его сына Павла Васильевича вмѣстѣ съ другими четырьмя письмами Фридриха Вильгельма IV къ нашему поэту. Отвѣтныя (числомъ 15) письма В. А. Жуковскаго находятся въ личной библіотекѣ германскаго Императора. Лѣтомъ 1903 года я имѣлъ возможность познакомиться съ ними и получить разрѣшеніе на ихъ напечатаніе, къ чему предполагаю приступить въ скоромъ времени.

Въ виду того, что письмо Фридриха Вильгельма IV, изъ котораго Жуковскій приводитъ выписку (оно не было еще напечатано), представляетъ интересъ, какъ непосредственное дополненіе его письма къ Императрицѣ, мы приводимъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ оригиналѣ.

Sans-Souci 18 Sptb. 1848 г.

Cher et tendrement aimé Joukowsky,

Vous saurez déjà, que l'affaire de la pension de retraite de notre ami a été reglée depuis Votre lettre. Je trouve le montant de la pension au-dessous de toute critique. Il est le resultat de ce «*besoin d'injustice*», qui fait l'essence de la vie du liberalisme. Pour le moment il n'y a rien à faire. Dieu sait, que j'ai fait tout ce que j'ai pu, pour épargner cetta tache à mon «soi-disant règne»! Mais c'est en vain. L'ami à 2250 thalers de pension! Dites moi franchement, cher et excellent ami, cela suffit-il à son existence? Votre généreux et noble projèt, qui ne pouvait sortir dans toute l'Europe que de Votre coeur seul, n'est, certes, plus necessaire de réaliser. Mais j'ajouterais de grand coeur quelques centaines d'écus par an à la pension, sur ma cassette, si Vous le jugez nécessaire et s'il y a moyen de les faire accepter à notre cher et digne ami, qui parfois a la tête de marbre. Il m'importe beaucoup de savoir la vérité d'une chose que l'on m'a affirmée à plusieurs reprises de la manière la plus positive de la part du departement et à laquelle néanmoins je me prens la liberté de ne pas croire, jusqu'à ce que je n'aie la confirmation par l'ami lui même. C'est que la Caisse du departement lui a payé bey Heller und Pfennig tout son salaire jusqu'au jour où sa pension lui a été annoncée. Veuillez de grace, cher ami, me procurer la certitude sur la verité où le mensonge de cette assertion. Cela serait à peu près 6000 thalers et lui

serait sans doute de quelque ressource. Jusqú'au mois de mai il n'avait pas reçu une obole. Je sais cela de lui même. Faudrait donc, que ladite Caisse ait fait depuis Juin un effort surnaturel pour remplir son devoir. Mais «le habitus» du misérable qui gérait dans ce tems-là les affaires étrangères m'est presque garant, que la chose ne s'est pas faite.

Ah! cher et digne Joukowsky, quels tems et quelle engence, que celle qui règne et qui fait regner!!!!

Unissez Vos ferventes prières aux miennes, pour que Dieu ait pitié de nous! qu'il bénisse mes choix et mes projets. Ma patience est à bout. Je me relève de ma chute ou pour tomber à jamais, ou, si Notre Seigneur m'est secourable, pour commencer une nouvelle ère pour la Prusse et l'Allemagne. «Das Gebet des Gerechten vermag viel». C'est ma fière et sainte parole. Ich bin voll Gott Vertraun. Vale.

Конецъ листа съ подписью короля оторванъ, очевидно, имъ самимъ а на другой сторонѣ (на 4-ой страничкѣ почтоваго листа) слѣдуетъ еще приписка:

P. S. J'ai eu l'espoir secret de Vous voir à Cologne. C'est bien, bien triste, que Vous n'y êtes pas venu. La fête dans l'incomparable Cathédrale était miraculeusement belle. C'était un grand jour. Un beau jour. Allez y pour voir cette nef, rendue au Culte et s'élevant à la hauteur de 100 pieds.—Et si la forme du culte, qu'on y célèbre, n'est ni celle du Votre, ni celle du mien, c'est toujours le sanctissime nom de *Notre Seigneur* qu'on y adore, et cela fait un bien inéffable à l'âme, qui se dessèche sous le souffle homicide des misérabilités colossales et destructives d'un tems qui veut tout et qui ne peut rien; d'un tems qui n'a pour seule excuse que son plus abominable péché—l'apostasie!

На это письмо Жуковскій отвѣчалъ королю:

«Oui, sire, les tems, ou nous vivons, sont affreux: le bien est devenu impossible, l'avenir, qui se dresse devant nous, est un monstre d'anarchie qui menace d'engloutir la societé humaine. Il n'y a de salut possible que dans le prompt et énergique reveil de l'autorité. Qui serait plus digne de la relever que Vous, sire? et en qui on devrait avoir une pleine confiauce, si ce n'est en vous? Mais on est aveuglé. Toutefois vos grands et beaux projets n'ont pas été en vain. Dieu les *benira*, sire. Avec le courage d'un Chretien et la resolution dun roi vous les réaliserez pour le bien de l'Humanité. J'espère en Dieu pour vous. C'est vous qu'il employera pour faire triompher sa cause, puisque c'est votre âme qu'il a daigné choisir pour la soumettre à de telles epreuves».

8) «Одно особое обстоятельство», по поводу котораго Жуковскій писалъ Фридриху Вильгельму IV,—были его усиленныя и настойчивыя хлопоты относительно обезпеченія Радовица.

22.

1) 14 декабря 1825 года — день заговора Декабристовъ.

2) Въ письмахъ Жуковскаго къ Императрицѣ это признаніе тяжелыхъ сторонъ его семейной жизни слышится впервые.

3) Подъ этимъ ангеломъ хранителемъ Жуковскій, очевидно, подразумѣваетъ Наслѣдника Цесаревича.

23.

1) Это предсмертное письмо писано уже не самимъ Жуковскимъ, совсѣмъ потерявшимъ зрѣніе и угасавшимъ понемногу, а подъ его диктовку, по всей вѣроятности (это предположеніе его сына Павла Васильевича) однимъ изъ братьевъ жены поэта, и только подписано имъ собственноручно крупнымъ твердымъ почеркомъ.

2) Великая княгиня Марія Николаевна, дочь Императора Николая Павловича, супруга герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго (родилась 1819, ум. 1876 г.).

3) Весна этого года не отворила Жуковскому «двери въ Россію»; онъ скончался 12 апрѣля 1852 года.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗВѢСТНЫХЪ ВЪ ПЕЧАТИ ПИСЕМЪ.

Василія Андреевича Жуковскаго,

къ

Императору Николаю Павловичу и къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ

съ 1817 г. по 1852 г.

1.	1817 или нач. 1818		рус.	В. К. А. Ѳ.	
2.	1821 1 іюня (н. с.)	изъ Дрездена	»	»	»
3.	» 4/16, 10/22, 17/29 іюня	» » » Праги » Карлсбада	»	»	»
4.	» 23/5, 29/10 іюня	» »	»	»	»
5.	» 2/14, 7/19 октября	» Штутгардта » Франкфурта	»	»	»
6.	» 1/13 ноября	» Берлина	»	»	»
7.	» **26 ноября, 8 декабря**	» »	»	»	»
8.	**1823 25 марта**	» **Дерпта**	**фр.**	**И. А. Ѳ.**	
9.	**1826 15/27 іюня**	» **Эмса**	»	»	»
10.	» **22 іюля, 3 августа**	» »	»	»	»
11.	» **18/30 августа**	» **Франценсбрунна**	»	»	»
12.	» 2/14 октября	» Дрездена	»	»	»
13.	1827 1 января	» »	фр.	»	»
14.	» 1/13 іюля	» »	»	»	»
15.	» 15/27 сентября	» Берлина	»	»	»
16.	1827 16/28 »	» »	»	И. А. Ѳ.	
17.	» декабря	» С.-Петерб.	рус.	И. Н. П.	
18.	1828 25 іюня	» Павловска	»	И. А. Ѳ.	
19.	» 2 іюля	» —	»	»	»

Въ перечнѣ сдѣланы для краткости слѣдующія сокращенія: 1) Письмо, пис
Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ — В. К. А. Ѳ., тоже Императрицѣ Александрѣ Ѳе
гдѣ было напечатано данное письмо: Русскій Архивъ—Р. Ар.; Русская Старина—
В. А. Жуковскаго 1878 г. изданіе 7-ое подъ ред. П. А. Ефремова—Из. 7-ое; Полн
скаго, описанныя И. Бычковымъ С. П. 1887 г.—О. Б. Ж. Второе и третье изданіе нѣко

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны данныя, касающіяся писемъ, помѣщенны

напечатано въ		Р. Ар.	1900 г.	IX т.	стр.	39.	—
»	»	» Ст.	1901 »	X »	»	221	№ 1.
»	»	»	» »	»	»	224	№ 2.
»	»	»	» »	XI »	»	389	№ 3.
»	»	»	1902 »	V »	»	337	№ 4.
»	»	»	» »	»	»	357	№ 5.
»	»	Ак. Сб.	1904 »	II	»	1	№ 1.
»	»	»	» »	»	»	3	№ 2.
»	»	»	» »	»	»	6	№ 3.
»	»	»	» »	»	»	21	№ 4.
»	»	»	» »	»	»	25	№ 5.
	»	Р. Ар.	1873 »	I »	»	1.	—
»	2. »	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	264	№ 1.
»	»	Р. Ар.	1874 »	I »	»	9	№ 1.
	2. »	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	278	№ 2.
	3. »	Из. Алф.	1902 »	I »	»	365	№ 2.
	»	Р. Ар.	1873 »	I »	»	72	№ 2.
»	»	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	284	№ 3.
	2. »	» Алф.	1902 »	I »	»	367.	—
»	»	Р. Ар.	1874 »	I »	»	20	№ 2.
	2. »	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	295	№ 4.
	3. »	Из. Алф.	1902 »	I »	»	369	№ 3.
»	»	Р. Ар.	1874 »	I »	»	28	№ 3.
	2. »	» 7-ое	1878 »	VI »	»	299	№ 5.
»	»	Из. Алф.	1902 »	I »	»	345	№ 1.
»	»	Р. Ар.	1874 »	I »	»	31	№ 4.
	2. »	» 7-ое	1878 »	VI »	»	301	№ 6.
	3. »	Из. Алф.	1902 »	I »	»	371	№ 4.
»	»	Р. Ар.	1874 »	»	»	35	№ 5.
	2. »	Из. 7-е	1878 »	VI »	»	304	№ 7.

по русски — рус., тоже по французски — фр. 2) Письмо, адресованное Великой овнѣ—И. А. Ѳ., тоже Императору Николаю Павловичу—И. Н. П. 3) въ указаніяхъ, Ст.; Академическій Сборникъ Памяти Гоголя и Жуковскаго — Ак. Сб.; Сочиненія р. Соч. изд. 1903 г. подъ ред. А. Д. Алферова — Из. Алф.; Бумаги В. А. Жуков- ъ писемъ отмѣчено соотвѣтствующими цифрами въ графѣ послѣ слова «напечатано». этомъ сборникѣ. Отсутствіе какихъ либо данныхъ отмѣчено тире:—.

20.	1829 апрѣля.....	—	рус.	И. Н. П.
21.	1830 24 января.....	—	»	» »
22.	» 30 марта.....	—	»	» »
23.	» апрѣль	—	»	» »
24.	» »	—	»	» »
25.	» »	—	»	И. А. Ѳ.
26.	1832 10/22 ноября	» Верне близь Веве.....	фр.	» »
27.	» —	—	рус.	И. Н. П.
28.	1837 6/11 мая	» Твери .... и Ярославля	»	И. А. Ѳ.
29.	» 22 іюня	» Казани ...	»	» »
30.	» 24 »	» Симбирска.	»	» »
31.	1837 3 іюля	» Тамбова ..	»	И. А. Ѳ.
32.	» 24 »	» Москвы ..	»	» »
33.	» » »	» »	»	И. Н. П.
34.	» » »	» »	»	» »
35.	1838 26 іюля, 7 августа. ...	» Эмса	»	И. А. Ѳ.
36.	1838 26 іюля, 7 августа	» »	»	» »
37.	» 28 » 9 »	» »	»	» »
38.	» 8 октября	» Комо	»	» »

напечатано		въ Р. Ст.	1902 г.	IV т.	стр.	66.	—
»		» » Ст.	» »	IV »	»	69.	—
»		» » Ар.	1896 »	I »	»	109.	—
	2.	» Из. Алф.	1902 »	»	»	356	№ 3.
»		» Р. Ст.	1902 »	VI »	»	73.	—
»		» »	» »	»	»	92.	—
»		» »	» »	»	»	81.	—
»		» Р. Ар.	1874 »	I »	»	37	№ 6.
	2.	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	305	№ 8.
»		» Р. Ар.	1896 »	I »	»	117.	—
»		» »	1874 »	»	»	44	№ 7.
	2.	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	309	№ 9.
	3.	» » Алф.	1902 »	I »	»	372	№ 5.
»		» Р. Ар.	1874 »	»	»	53	№ 8.
	3.	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	314	№ 10.
	2.	» Из. Алф.	1902 »	II »	»	374	№ 6.
»		» Р. Ар.	1874 »	I »	»	56	№ 9.
»	2.	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	316	№ 11.
	3.	» Из. Алф.	1902 »	I »	»	375	№ 7.
»		» Р. Ар.	1874 »	I »	»	62	№ 10.
»	2.	» » 7-ое	1878 »	VI »	»	319	№ 12.
»		» Р. Ар.	1874 »	I »	»	64	№ 11.
»	2.	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	320	№ 13.
	3.	» Из. Алф.	1902 »	I »	»	377	№ 8.
»		» »	» »	»	»	347	№ 2.
»		» »	» »	»	»	361	№ 5.
»		» Р. Ар.	1874 »	I »	»	67	№ 12.
»	2.	» » 7-ое	1878 »	VI »	»	322	№ 14.
	3.	» Из. Алф.	1902 »	I »	»	378	№ 9.
»		» »	» »	»	»	379	№ 10.
	2.	» Р. Ар.	1874 »	I »	»	71	№ 13.
»		» » 7-ое	1878 »	VI »	»	324	№ 15.
		» Р. Ар.	1874 »	I »	»	74	№ 14.
»	2.	» Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	326	№ 16.

39.	1838	12/24 ноября	изъ Венеціи	рус.	И. А. Ѳ.	
					»	»
40.	»	21 ноября, 3 декабря	» »	»	»	»
					»	»
41.	1839	12/24 марта	» Карлсруэ	»	»	»
42.	»	14/26 марта	» »	»	»	»
43.	»	17/29 апрѣля	» Гаги	»	»	»
44.	»	13 января	» Петербурга.	»	И. Н. П.	
45.	1840	23 апрѣля	» Дармштадта	рус.	И. А. Ѳ.	
46.	»	1/13 мая	» »	»	»	»
47.	»	9/21 іюля	» Эмса	»	И. Н. П.	
48.	»	между 1—3 іюля	» »	»	»	»
49.	»	27 іюля, 8 августа	» Дармштадта	фр.	И. А. Ѳ.	
50.	»	8 августа	» »	»	»	»
51.	»	15/27 сентября	» Дюссельд.	»	»	»
52.	1841	7/19 августа	» »	рус.	»	»
53.	1842	марта	» »	»	»	»
54.	»	22 іюня, 4 іюля	» »	»	»	»
55.	»	7/19 ноября	» »	фр.	»	»
56.	1843	10/22 іюня	» Эмса	рус.	»	»
57.	»	12/24 октября	» Дюссельд.	»	»	»
58.	1844	25 марта	» Дармштадта	»	»	»
59.	1846	24 февраля, 8 марта	» Франкфуртъ на Майнѣ.	»	»	»
60.	1848	10/22 сентября	» Баденъ-Бад.	»	»	»
61.	1850	12/24 ноября	» »	»	И. Н П.	
62.	1850	» »	» »	»	И. А. Ѳ.	
63.	1850	» »	» »	»	»	»
64.	1852	13/25 января	» »	»	»	»

напечатано		въ	Р. Ар.	1874 г.	I т.	стр.	81	№ 15.
»	2.	»	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	330	№ 17.
	3.	»	Из. Алф.	1902 »	I »	»	380	№ 2.
»		»	Р. Ар.	1874 »	I »	»	83	№ 16.
»	2.	»	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	332	№ 18.
		»	Р. Ар.	1874 »	I »	»	88	№ 17.
»	2.	»	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	334	№ 19.
	3.	»	Из. Алф.	1902 »	I »	»	381	№ 12.
		»	Р. Ар.	1874 »	I »	»	92	№ 18.
»	2.	»	» 7-ое	1878 »	VI »	»	336	№ 20.
	3.	»	Из. Алф.	1902 »	I »	»	382	№ 13.
»		»	**Ак. Сб.**	**1904** »	**II** »	»	**43**	**№ 6.**
»		»	Из. 8-ое	» »	VI »	»	408.	
»		»	**Ак. Сб.**	» »	**II** »	»	**46**	**№ 7.**
»		»	»	» »	»	»	**48**	**№ 8.**
»		»	»	» »	»	»	**52**	**№ 9.**
»		»	»	» »	»	»	**56**	**№ 10.**
»		»	»	» »	»	»	**66**	**№ 11.**
»		»	»	» »	»	»	**69**	**№ 12.**
»		»	»	» »	»	»	**73**	**№ 13.**
»		»	»	» »	»	»	**79**	**№ 14.**
»		»	Из. 7-ое	1878 »	VI »	»	338	№ 21.
	2.	»	» Алф.	1902 »	I »	»	382	№ 14.
»		»	**Ак. Сб.**	**1904** »	**II** »	»	**81**	**№ 15.**
»		»	»	» »	»	»	**83**	**№ 16.**
»		»	»	» »	»	»	**86**	**№ 17.**
»		»	»	» »	»	»	**88**	**№ 18.**
»		»	»	» »	»	»	**92**	**№ 19.**
»		»	»	» »	»	»	**93**	**№ 20.**
»		»	»	» »	»	»	**95**	**№ 21.**
»		»	О. Б. Ж.	1887 »		»	145	—
»		»	»	» »		»	»	—
»		»	**Ак. Сб.**	**1904** »	**II** »	»	**101**	**№ 22.**
»		»	»	» »	»	»	**105**	**№ 23.**

Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій.*)

А.

Александра Өеодоровна Императрица, 1, 3, 34, 21, *116*.
Александра, см. Воейкова.
Александра, см. Жуковская.
Александръ Николаевичь, 6, *116*.
Александръ Павловичъ Императоръ 11, 12, (19), 58, 96.
Альбрехтъ, принцъ прусскій 2, *110*.
Англія, 44.
Архангельскій, А. С. проф., 125.
Архарова, см. Васильчикова.

Б.

Баденъ-Баденъ, 87, 96, 100, 103, 105, 107.
Балашевъ, 87.
Балашева, урожденная Паскевичъ 87.
Бернсдорфъ, графъ 11, (18).
Берлинъ, 1, 2, 9, 10, (16), (18) 26, (35), 50, 64, 70, (72), 80, 89, 99.
Беэръ, Мар. Вас., *111*.
Брухзалъ, 95.
Будбергъ, баронъ, 46, *115*.
Бычковъ, И. А., *108*, *113*.

В.

Варшава, 103, 104, 106.
Васильчиковъ, Ил. Вас., князь, 87.
Васильчикова, урожд. Архарова, 87.
Веймаръ, 26, (35).
Вильгельмъ, принцъ прусскій 2, *110*.
Вильгельмъ, принцесса см. Маріанна, 22, (24).
Вильдерметъ, 1, 2, 10, (18), 50, *109*, *117*.
Воейкова, дочь Алек. Андр., 93.
Воейкова, Александра Андреевна 3, 4, (5), (6), 50, 84, 85, 93, *117*.
Воейковы — дѣти Ал. Андр., 58.
Вѣна, 64.

Г.

Гага, 45, 92.
Гамбургъ, 8, (15).
Гастейнъ, 87.
Гейдельберъ, 96.
Геккеръ Фридрихъ—адвокатъ, руководитель движенія 1848 г., 98, *127*.
Гельмерсенъ, преподаватель вел. князя, 61, 62, 63, *121*.
Германія, 28, 30, 31, (37), (38), (39), (41), 99, 100.
Гете, поэтъ, *117*.
Гоггенцоллерны, 96.
Голицына, Мар. Арх. княгиня, урожденная Суворова, 11, (18), *112*.
Гриммъ, 61, 62, 63, *121*.
Гуггертъ, 100, 103, 106.
Гуфландъ, Хр. Вильг., лейбъ-медикъ прусскаго короля, 1, *109*.

Д.

Дармштадтъ, 67, (76), 46, 50, 66, 93, 106.
Дерптъ, 3, 9, (16).

*) Ссылки на переводы писемъ поставлены въ скобкахъ, а ссылки на примѣчанія, гдѣ встрѣчаются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о данныхъ лицахъ, напечатаны курсивомъ.

Диль, докторъ 26, (35), *114*.
Докторова, см. Дохтурова.
Дохтурова, вдова генерала 11, (18), *112*.
Дрезденъ, 9, 16, 26, 33, (35), (42), 64.
Дюссельдорфъ, 10, (18), 62, 64, 67, (69), 75, 76, (78), 81, 83, 84, (85), 91, 92, 93.

Е.

Елагина, Авд. Петр., *110*.
Елизавета, супр. Фридриха Вильг. IV, урожд. принцесса Баварская, 10, (18).
Ефремовъ, 6.

Ж.

Жиль, 32, 33, (41), (42), (43).
Жуковская Александра, дочь Вас. Андр., 83, 84, (85), *125*.
Жуковскій Павелъ Васильевичъ, *127*, *129*.

З.

Зонтагъ, Анна Петр., *121*.
Зинаръ, графиня см. Фоссъ.

И.

Италія, 64, 88, 94.

І.

Іоаннъ, эрцгерцогъ австрійскій, викарій, Германіи, *126*.

К.

Канкринъ, Е. Ф. министръ русскій 87, *125*.
Капо-д-Истрія, политическій дѣятель 11, (18), *112*.
Карамзинъ, Ник. Мих., писатель 7, 11, (14), (19), 101, 102, *111*.
Карлъ, герцогъ мекленбургъ-стрелицкій. 1.
Карлъ, принцъ прусскій 2, *110*.
Кирѣевская, Авдотья Петровна, *120*.
фонъ - Клаузевицъ, генералъ 10, (18), *112*.
фонъ - Клейстъ, Гейнрихъ, писатель, 2, *110*.
Клейстъ, придворная дама, 1, 50.
Копенгагенъ, 8, (15),
Коппъ, докторъ, 93, 106.
Кремль (Московскій), 88.

Л.

Лала Рукъ, 50, 70, (72), 90, *116*.
Лененсъ, поэтъ, *115*.
Ливенъ, 48, *116*.
Лифляндія, 58, 59.
Литке, преподаватель велик. князя 61, *121*.
Лондонъ, 45.
Луиза, принцесса прусская 1, *110*.
Любекъ, 8, (15).

М.

Маріанна, супруга принца Вильгельма, брата короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III 22, (24).
Марія Александровна, урожденная принцесса гессенская, супруга Наслѣдника Цесаревича В. К. Александра Николаевича, 48, 54, 55, 62, 63, *116*.
Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская 11, (18), (24), 48, 54, 55, 62, 63.
Марія Николаевна, супруга герцога Лейхтенбергскаго 93, 107.
Марія Ѳеодоровна, Императрица, супруга Императора Александра Павловича, 43.
Мердеръ, К. К. генер.-адъют., воспитатель наслѣдника, 9, (17), 32, (41), *112*.
Мещерская, Софія Серг. княгиня 11, (18), *112*.
Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, 63.
Мойеръ, Мар. Андр., *110*, *111*.
Мюнхенъ, 63, 64.
Москва, 11, 21, 26, (34), 44, 60, 88.

Н.

Нарышкина, М. Я. 87.

Николай Николаевичъ, вел. князь, 63.
Николай Павловичъ, Императоръ, 3, 4, 21, (23), 52, 56.
Нурмагаль, опера, 50, *116*.
Нюренбергъ, 95, 104, 106.

О.

Ольга Николаевна, вел. княгиня, 95.
Орловъ, графъ, 44, *114*.

П.

Паскевичъ, см. Балашева, 87.
Перпонше, графиня 11, (18), 22, (24), *112*.
Петербургъ, 3, 4, (5), 9, 11, (16), (18), 26, 27, 28, 29, 32, 33, (35), (36), (37), (38), (42) 53, 60, 61, 73, 75, (76), (78), 79, 80, 103.
Петръ Великій, Императоръ, 12, (20), 44, 45.
Потсдамъ, 2, 89.
Протасова, Екатерина Аѳанасьевна, *111*, *117*, *119*.
Пруссія, 96, 99, 100.

Р.

де-Рееде, графиня 11, (18).
Рейнъ, 8, (16), 22, (24).
Рейтернъ, Евграфъ Евграфовичъ тесть В. А. Жуковскаго. 56, 60, 82, (85), *118*.
Рейтернъ, Елизавета Алексѣевна, жена В. А. Жуковскаго. 74, (77), *119*.
Россія, 11, (14), (19), 25, 27, 29, 30, 34, (36), (38), (39), 47, 53, 55, 64, 65, 82, 94, 95, 101, 102, 105, 107.
Ростовцевъ, Як. Ив. генералъ. 87, *125*.
Ротенбергъ, 83, (85).

С.

Саардамъ, 44, 45.
Смирнова, 87, *125*.
Спонтини, композиторъ, 50, *116*.
Струве (по Жуковскому Штруй) 97, *126*.
Стурдза, Александръ Скарлатовичъ 11, (18), *112*.
Стурдза, Роксандра Скарлатовна, жена гр. Эделинга. 11, (18), *112*.

Т.

Толстая, графиня, 105, 106.
фонъ-Тюмплингъ, Ал. маіоръ, 11, (18), *112*.

Ф.

Философовъ, преподаватель великаго князя. 61, *121*.
Фоссъ, Матильда, замужемъ графиня Зинаръ, *117*.
Франкфуртъ, 26, 34, 43, 44, 92, 93, 94, 96, 97, 103.
Франценсбруннъ, 26, 33, 34, (35), (43).
Франція, 96.
Фрейлигратъ, 98, *127*.
Фридрихъ Августъ, король саксонскій, 10, (18), *112*.
Фридрихъ Великій, король прусскій, 96, 109.
Фридрихъ, наслѣдный принцъ, 98.
Фридрихъ IV, король Прусскій, (24), 90, *110*.

Х.

Хитрово, Ал. Зах., госуд. контролеръ, 87, *125*.
Христіанъ Фридрихъ, сынъ датскаго короля Христіана IV, 8, *111*.

Ш.

Шарлотенбургъ, 89.
Шляпгенбадъ, 11, (18).
Штутгардъ, 87.
Штруй, см. Струве.

Э.

Эгеръ, 8, 9, (16), 22, 24, 26, 28, 29, (35), (37), (38).
Эглофштейнъ, Юлія графиня 11, (18), *112*.
Эделингъ, Альб., графъ, 11, (18), *112*.
Эделингъ, Рокс. Скарл. графиня, урожденная Стурдза, 11, (18), *112*.
Эйлертъ, Рулем., богословъ, 89, *126*.
Эльзинеръ, 8, (15).
Эмсъ, 6, 7, 8, 10, 11, 13, (14), (16), (18), (21), 22, 23, (24), 26, 27, 28, 29, (35), (36), (37), (38), (42), 52, 56, 65, 66, (68), 70, (72), 86, 87, 88, 91, 103.

ПИСЬМА - ДНЕВНИКИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

1814 и 1815 годовъ.

Біографическое значеніе печатаемыхъ далѣе писемъ-дневниковъ В. А. Жуковскаго, предназначавшихся для Марьи Андреевны Протасовой, выяснено въ книгѣ академика А. Н. Веселовскаго: «В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и «сердечнаго воображенія» (Спб. 1904 г. стр. 163—173, 177—181, 194—8), гдѣ сообщено ихъ содержаніе и даны большія выдержки изъ нихъ по списку, сообщенному Отдѣленію русскаго языка и словесности А. Ѳ. Онѣгинымъ. Нынѣ эти дневники издаются сполна по оригиналамъ, любезно предоставленнымъ въ распоряженіе Отдѣленія П. В. Жуковскимъ.

Провѣрку ихъ по подлиннымъ рукописямъ поэта, наблюденіе за печатаніемъ и описаніемъ самыхъ подлинниковъ принялъ на себя П. К. Симони.

1814 годъ.[1])

Іюнь.

Мой другъ утѣшительный!
Тогда лишь покинь меня,
Когда изъ души моей
Лучъ жизни сокроется!
Тогда лишь простись со мной!
Источникъ великаго,
И вѣры и радости,
И въ сердцѣ невинности;
Мнѣ силу и мужество,
И твердость дающа,
Мой ангелъ — сопутница,
И въ жизни и въ вѣчности!

[Стран. 1] 21 іюня. Понедѣльникъ.

Я возвращаю тебѣ Май, *пустой* совершенно. Что было въ него записывать? Нужно ли было[2]) выражать для моего друга такое состояніе души, которое было ее недостойно. Пустота въ сердцѣ, непривязанность къ жизни, чувство усталости — вотъ все. Можно ли было объ этомъ писать. Рука не могла взяться за перо. Словомъ такая жизнь была смерть за живо. И самое живое и пріятное желаніе и надежда мои были въ это время на

---

1) «1814 годъ» — прибавлено редакціею. — Слово «Іюнь» и текстъ стихотворенія—написаны В. А. Жуковскимъ на лицевой сторонѣ верхней части обложки тетрадки.

2) «было» — приписано потомъ надъ строкою.

смерть! Другъ мой! прости меня! теперь о смерти не могу подумать безъ самаго нѣжнѣйшаго о тебѣ сожаленія. Какъ желать ея, когда ты на свѣтѣ! Какъ предпочесть свое спокойствіе твоему! Маша, милая моя спутница, моя истинная благодѣтельница, заплачу ли за всѣ тѣ чувства, которыя ты въ меня поселила, презрѣніемъ къ жизни, къ самому себѣ, низостію, отчаяніемъ! Нѣтъ! я долженъ любить тебя иначе! Я долженъ жить для тебя — кто мнѣ запретитъ это! Быть счастливыми, т. е. дойтти до своей цѣли зависитъ не отъ насъ; но быть достойнымъ счастія, итти къ прекрасной цѣли — о! это наше! наше на-вѣки! Какъ живо чувствую въ эту минуту всю высокость жизни, посвященной добру и тебѣ! Незнаю какъ пробудилось во мнѣ это чувство, — но это сдѣлалось въ другъ! По моему письму къ М(арьѣ) Ник(олаевнѣ), то есть по его началу ты могла судить, что я взялся за перо совсемъ въ другомъ расположеніи: и мысли, и чувства были черныя. *(Стран. 2)* Вдругъ какъ будто свѣтъ озарилъ мое сердце и взглядъ на жизнь совсемъ перемѣнился. Ангелъ утѣшитель! вѣдь ты на свѣтѣ и ты моя.

Я остановился на этомъ мѣстѣ и пошелъ въ залу искать платка — ты подала мнѣ изломанное кольцо. Какъ кстатѣ, какой прекрасный знакъ! [3]) Другъ мой, оно дано тебѣ *не мною*. Возьми *мое*. Пускай оно означаетъ совершенну перемѣну моихъ чувствъ къ тебѣ на лучшее, возвышеннѣйшее чувство самой чистой, неизмѣнной привязанности; въ ней истинная моя жизнь; она будетъ для меня источникомъ вѣрнаго счастія, добра, надежды, религіи и наконецъ получитъ награду отъ того, кто будетъ *видѣть* жизнь мою, кто соединилъ насъ и освятитъ нашъ союзъ. Въ знакъ *того же* дай и ты мнѣ кольцо *отъ себя*. Обручимся во имя Бога на добродѣтель, на хорошую жизнь, которая пройдетъ естьли не вмѣстѣ, то по крайней мѣрѣ *одинаково* и для *одного*. Милой другъ, увѣряю тебя, что ты мнѣ теперь еще милѣе, еще святѣе и необ-

---

3) Слова: «Какъ кстатѣ: какой прекрасный знакъ!» — вставлены между строкъ, какъ пропускъ.

ходимѣе прежняго. Я въ послѣдній мѣсяцъ слишкомъ изпыталъ, что безъ тебя, безъ ободрительнаго о тебѣ воспоминанія, безъ чистой къ тебѣ привязанности я ничто. Мы не можемъ *(Стран. 3)* быть вмѣстѣ. Но одна кровля, одно небо—развѣ не одно и тоже! Главное—*наше сердце*—кто его перемѣнитъ? Мы могли бы жить вмѣстѣ, естьли бы намъ дана была полная довѣренность, полная свобода любить другъ друга и показывать другъ другу безъ принужденія самую чистую привязанность! Мы бы были счастливы вмѣстѣ и сохранили бы свое счастіе непорочнымъ. Но ожидать такой довѣренности не возможно. Захочешь ли чтобы я былъ только терпимымъ въ твоей семьѣ, безъ уваженія, безъ дружбы; чтобы я всякую минуту чувствовалъ недостатокъ счастія; завидовалъ тѣмъ, кто пользуются безцѣнно правомъ дѣлить все съ тобою, и свои чувства таилъ бы какъ какое преступленіе. Вдали отъ тебя я болѣе съ тобою. Здѣсь все для меня отравлено. Когда я одинъ, то думаю только о томъ, какъ бы быть съ тобою и ничто другое не входитъ въ голову; когда съ тобою, то сердце рвется и самая твердость изчезаетъ,—по неволѣ ропотъ, досада на жизнь, унылость во мнѣ поселяются. Такая жизнь тебя недостойна. Когда я съ тобою простился, то въ первые дни или, лучше сказать, во весь первый мѣсяцъ я былъ какъ мертвый—нестерпимая холодность ко всему давила мое сердце—О! смерть несравненно лучше такого ощутительнаго ничтожества. Въ душѣ моей было одно только чувство розлуки. Всему конецъ, нечего искать въ жизни,—вотъ что я *(Стран. 4.)* думалъ и болѣе ниче(го)[4]) не могъ думать! Но это перемѣнилось! Я нашелъ вѣрное для себя убѣжище—ангелъ мой! хранительница моего сердца! самое лучшее украшеніе моей жизни! *Ты* мое убѣжище! Какъ могла ты сказать въ своемъ послѣднемъ безцѣнномъ письмѣ: *я даже желаю, что бы ты меня любилъ менѣе.* Это желаніе убійственное; нѣтъ! нѣтъ! Желаю, чтобы моя къ тебѣ любовь усиливалась естли можно безпрестанно! Въ ней *все* для меня! Она заключаетъ для меня всю мою

4) «ниче(го)» — «го» не дописано.

силу и дѣятел(ь)ность въ *настоящемъ*; ею можетъ быть для меня прекрасно и *будущее*! Съ нею могу воображать *вѣчность*! Она дастъ мнѣ примеръ — религію. Съ нею я богачь, — безъ нее былъ бы самый жалкій, отверженный нищій. Скажу тебѣ то же, что я писалъ къ Марьѣ Николаевнѣ: для насъ осталось теперь одно: *твердая вѣра другъ въ друга*! Развѣ, разставшись, мы другъ для друга погибли! Развѣ нѣтъ у насъ одной общей надежды; одного вѣрнаго защитника! Развѣ цѣль, къ которой онъ насъ ведетъ, не прекрасная! Онъ только говоритъ намъ: *идите!* Ужели откажемся отъ проводника добраго? Развѣ можемъ требовать награды прежде заслуги? Развѣ брошены мы въ эту жизнь какъ въ пустыню, въ которой ужасы собраны только для того чтобы ужасать! Нѣтъ! это опытъ! Изъ него надобно вытти невредимо и достойнымъ награды! Вѣра въ тебя будетъ моею *(Стран. 5.)* твердостію! А ты вѣрь мнѣ и будь спокойна! Тотъ, кому дорого наше прямое счастіе, сдѣлаетъ все за насъ и лучше нежели мы сами. Неуспѣхъ употребленныхъ нами усилій доказываетъ намъ только то, что мы *ничего* не можемъ, и такъ оставимъ все на волю тому, кто *все* можетъ. А мы будемъ ждать, каждый въ своемъ углу, *розно*, чтобъ послѣ благодарить *вмѣстѣ*. «Гдѣ бы я нибылъ (это выписываю изъ письма моего къ М(арьѣ) Н(иколаевнѣ)[5]) все ты «будешь въ душѣ моей, лучшею моею надеждою, вѣрнымъ моимъ «счастіемъ. Будемъ въ настоящемъ относить все ко этой надеждѣ, «а о будущемъ перестанемъ и заботиться. Станемъ *порознь* упо«треблять это *настоящее* самымъ лучшимъ образомъ, имѣя въ виду «то счастливое *вмѣстѣ*, которое когда нибудь придетъ. *Знай и «вѣрь*, что я живу для тебя. Развѣ мѣсто и время перемѣнятъ «чувства. Съ такою цѣлью могу любить жизнь! Гдѣ бы я ни былъ «вездѣ буду помнить, что я принадлежу тебѣ. И такъ вездѣ и «всегда надобно быть тебя достойнымъ. Есть ли дашь мнѣ слово «(и сохранишь его)[6]) быть спокойною и беречь себя для лучшаго

---

5) круглыя скобки и въ подлинникѣ.
6) тоже.

«времени, то я даю слово (и сохраню), что буду пользоваться «сколько можно своею жизнію, буду думать о себѣ какъ о твоей «свято [не]отъемлемой собственности. Какъ не уважать жизнь, «когда она *твоя*! Какъ не желать ее сдѣлать тебя достойною!» Развѣ мысли быть тобою любимымъ не довольно на цѣлую жизнь! Такое счастіе подвержено ли перемѣнѣ судьбы? Случай *(Стран. 6)* можетъ ли имъ владычествовать! Нѣтъ! нѣтъ! вѣрить провиденію! вѣрить другъ другу! всегда и вездѣ быть достойными другъ друга—вотъ все! Остальное не можетъ быть дурно! Дай же мнѣ руку! будь мнѣ примѣромъ! товарищемъ! ангеломъ хранителемъ!

Милой другъ, разставаясь съ тобою—я много теряю! Боже мой! не видаться! Но знае[шь] ли, что мы выигрываемъ? Свободу любить другъ друга! Мы заплатили за нее своимъ пожертвованіемъ! Теперь любовь вѣрная и чистая *наша* и никто не можетъ на нее имѣть права. Маменька могла бы дать намъ полное счастіе — о! съ такимъ счастіемъ ничто не сравнится! — Но теперь она уже ничего у насъ отнять не можетъ. Безъ этаго полнаго счастія намъ нельзя быть вмѣстѣ. *Безъ довѣренности но вмѣстѣ*— мы бы опять были рабами, принуждены бы были таиться и притворствовать, —*розно* мы свободны, и наша любовь принадлежитъ намъ по праву. Я никогда и нигдѣ не буду *одинокимъ* съ моею къ тебѣ привязанностію, съ моею вѣрою въ твое сердце! Я буду богатъ мыслію, что ты моя и что всякое мое[7]) чувство, всякая мысль, всякой поступокъ мой будутъ освѣщены воспоминаніемъ о томъ, что̀ мнѣ всего дороже — развѣ это не жизнь? Кто такой союзъ разрушитъ? Кто имѣетъ право его охуждать? Наша жертва сдѣлана! Теперь мы выше всѣхъ, кто такъ равнодушно располагаетъ нашею судьбою; мы спокойно можемъ скрыть себя во глубину серца и въ немъ находить свое счастіе, въ немъ заключить вѣру другъ въ друга, неза *(Стран. 7)* висящую ни отъ кого, и вѣру въ провиденіе, которая насъ приведетъ ко всему и все[8]) заменитъ что̀ дурно добрымъ. *Розно* — мы независимы ни

7) послѣ слова «мое» было написано: «къ тебѣ» — но зачеркнуто.
8) «*все*» — *е* выправлено изъ первоначально бывшаго *я*.

отъ кого, ни отъ чего. *Вмѣстѣ* — насъ только бы оскорбляли и сохранили бы еще нѣкоторое право и на то, что у насъ въ сердцѣ. Нѣтъ! мой ангелъ! для меня довольно одной моей къ тебѣ привязанности на цѣлую жизнь! *Одно* чувство распространитъ на нее самый прекрасный свѣтъ, который ни чемъ не помрачится. Я буду, буду дорожить жизнію.

Признаюсь тебѣ, съ тѣхъ поръ какъ сюда возвратился — я нѣсколько колебался въ этихъ мысляхъ. *Видя* тебя снова [9]), чувствую все то жестокое горе разлуки, которое стѣсняло мою душу, — вижу одно только *то* счастіе, котораго я лишонъ и забываю о томъ, которое мнѣ осталось. Видѣть тебя передъ собою и имѣть одно только воспоминаніе о тебѣ — какая розница! Но я и не хочу сражаться съ этимъ чувствомъ: пускай оно меня мучитъ! Теперь послѣднее время—оно безцѣнно при всѣхъ страданіяхъ! Но даю тебѣ слово, что убійственная безнадежность ко мнѣ уже невозвратится. Нѣтъ! другъ милой! Я знаю гдѣ и въ чемъ искать счастіе. По крайней мѣрѣ теперь я съ одной стороны спокойнѣе, — я ничего нежду отъ маменьки; я поставилъ себя выше несправедливости и пренебреженія и доволенъ мыслію, что она уже у меня ничего отнять не можетъ.—Прошу отъ тебя только одного:—будь мнѣ примѣромъ и вѣрнымъ товарищемъ въ этой твердости, въ этой взаимной довѣренности; ищи *(Стран. 8)* такого же спокойствія въ самой себѣ. О, есть-ли бы я могъ быть увѣренъ въ твоемъ спокойствіи! Какую бы твердость это мнѣ дало на цѣлую жизнь!

Я [10]) сдѣлалъ себѣ правило, которое одно мнѣ на *цѣлую жизнь* послужить можетъ. При всякомъ чувствѣ, при всякой мысли, при всякомъ намѣреніи буду у себя спрашивать: *достойны-ли они моей Маши? Можно ли ихъ ей открыть? Будетъ ли и должна-ли она въ нихъ участвовать?*. Милой мой ангелъ, развѣ этаго не довольно, чтобы не только не испортиться, но еще и сдѣлаться лучшимъ?

---

9) послѣ слова «тебя» — приписано «снова» надъ строкою.

10) Отсюда писано другимъ перомъ, почеркомъ какъ-то тоньше.

Скажу нѣсколько словъ о своемъ планѣ жизни. Для меня теперь одно—занятіе. И это занятіе будетъ троякое: *Читать*—собирать хорошія мысли и чувства; *писать*—для славы и пользы; *дѣлать* все то добро, которое будетъ въ моей власти. Милой ангелъ, еще жить можно! Хорошо мыслить и чувствовать не есть ли быть всегда съ моею Машею, становит[ь]ся для нее лучшимъ. О! я его часто, часто испытывалъ: при всякой высокой мысли, при всякомъ хорошемъ чувствѣ воспоминаніе о тебѣ оживляется въ моемъ сердцѣ! я становлюсь какъ будто съ тобою знакомѣе и дружнѣе. Гдѣ же разлука? Развѣ не отъ меня зависитъ всегда быть съ тобою вмѣстѣ? *Слава* имѣетъ теперь для меня необыкновенную и особенную прелесть—какой мо*(Стр. 9)*жетъ быть не имѣла прежде. Ты будешь обо мнѣ слышать! Честь моего имени, купленная цѣною чистою, будетъ принадлежать тебѣ! Ты будешь радоваться ею и обѣщаю возвысить свое имя. Эта надежда меня радуетъ. Пріобрести общее уваженіе для меня теперь дорого. О! какъ мнѣ сладко думать, что сердце твое будетъ трогаться тѣмъ уваженіемъ, которое будутъ мнѣ показывать. Или его не будетъ, или оно будетъ справедливое, достойное тебя, мой другъ безцѣнный и единственный. — Быть *добрымъ на дѣлѣ* значитъ для меня любить мою Машу. Я мало, слишкомъ мало добра сдѣлалъ. Теперь много имѣю быть причины сдѣлаться добрѣе. Всякое доброе дѣло будетъ новою съ тобою связію. О! естьли бы только это не осталось однимъ намереніемъ! Бо[ю]сь своей лѣни,—а сдѣсь нужна дѣятельность! Но ты со мною! Буду вырабатывать деньги! Часть себѣ, — а все, что́ не будетъ *необходимы[мъ]*, — другимъ. Но и пожертвованіе даже будетъ весело. Какой прелестный у меня свидѣтель! Милый другъ! проси бога, что бы онъ благословилъ меня на такую жизнь и сама дай мнѣ благословеніе любви, вѣрности и товарищества. Все доброе, что мы сдѣлаемъ, будетъ для насъ *заслугою* для счастія въ глазахъ провиденія. Но мы будемъ только вѣрить этой наградѣ, — а дѣйствовать и безъ награды, только не желай, чтобы *любовь моя къ тебѣ уменьши-*

лась. Нѣтъ! пускай она часъ отъ часу усиливается: въ ней всѣ мои сокровища.

(Стран. 10) Думаю, что буду жить въ Мишенскомъ,—то есть Мишенское будетъ главнымъ мѣстомъ моего пребыванія—(впрочемъ, увидимъ).—Желалъ бы лучше въ Долбинѣ. Дуняша всѣхъ лучше умѣетъ тебя любить, всѣхъ лучше тебя понимаетъ и съ нею всегда говоримъ объ тебѣ *однимъ языкомъ,* но у нее нѣтъ мѣста.—Уединеніе для меня лѣкарство. Я всегда лучше съ собою, когда одинъ; душа утихаетъ; мысли приходятъ въ порядокъ и *лучшее* все подымается на верхъ. Для меня разсѣянія не только не нужно, но и вредно. Отъ чего мнѣ разсѣеваться? Неужели желать забыть? Забыть все мнѣ милое, все лучшее! — Нѣтъ! моя къ тебѣ любовь не можетъ быть моимъ губителемъ! Теперь болѣе нежели когда нибудь знаю, сколько она нужна моему сердцу! Какъ бы то ни было, буду *здѣсь, съ ними,* какъ можно уединеннѣе; порядокъ и занятіе—этаго въ рассѣянной жизни наитти не можно. Разсѣяніе, естьли не отвлечетъ меня сердцемъ[11]) отъ моей милой цѣли, то покрайней мѣрѣ будетъ препятствіемъ стремит[ь]ся къ ней на дѣлѣ. Думаю, однако, что изрѣдка буду заглядывать и въ Москву. Сарепта же была безумная мысль, произведенная первымъ волненіемъ. Нѣтъ, милая, совершенно уединиться невозможно—но лучшія минуты мои будутъ для меня со мною. Часть времени буду проводить въ Черни. Однимъ словомъ, буду кружиться на своей родинѣ. Но, Боже мой! то мѣсто, гдѣ я считалъ имѣть все, мой рай земной, будетъ уже для меня пусто или заперто. *(Стран. 11)* Но зачемъ этимъ себя мучить? Мой рай твое сердце—оно никогда не будетъ для меня закрыто. Какъ, однако, вдругъ одна мысль все помрачитъ и надобно проитти нѣсколько времени, чтобы душа опять пришла въ порядокъ. Какое горькое сиротство въ этомъ словѣ — *быть розно съ тобою.* Но развѣ я думаю теперь о счастіи? Его нѣтъ! Намъ надобно думать только о вѣрѣ въ счастіе! Оно будетъ наше, когда мы будемъ счастія достоины. Мы

---

11) Слово «сердцемъ» — вставлено надъ строкою.

еще много сокровища сберегли отъ бури! Но смѣю-ли сказать, что мы сберегли лучшее! О! это слово: *розно*! Какъ оно раздираетъ душу! Другіе будутъ имѣть право заботиться о твоемъ счастіи! А я буду для тебя чужой? Нѣтъ! не чужой! Они будутъ только имѣть наружность права, а настоящее, данное твоимъ сердцемъ, принадлежитъ мнѣ! Въ своемъ уголкѣ буду думать, вѣрить, утѣшаться мыслію, что я *живу для твоего счастія*! что мое право ни кому не будетъ уступлено. Это жестокое *розно* можно украсить; все, все употреблю на то, чтобы оно не было такъ убійственно. *Думать*, *чувствовать*, *дѣлать*, *писать* — все для тебя! О! естьли бы только имѣть довольно твердости—но моя твердость зависитъ отъ твоей. Будь моимъ утѣшителемъ, хранителемъ, спутникомъ жизни!

Ты говоришь о поѣздкѣ въ Петербургъ — есть-ли можно будетъ согласить уединеніе и *(Стран. 12)* занятіе съ Петербургскою жизнію, то я поѣду. Но ты напрасно желаешь, что бы я вошелъ въ службу — служба ничего мнѣ не доставитъ! Все могу сдѣлать перомъ—а для пера нужны уединеніе и свобода. Одно только можетъ меня на это подвигнуть: — петербургская жизнь насъ сближитъ! Но что же пользы, естьли только сблизитъ, а не соединитъ; а между тѣмъ броситъ меня совсѣмъ не въ тотъ кругъ дѣйствій, въ которомъ я могу что нибудь хорошее сдѣлать. Впрочемъ обо всемъ посовѣтуюсь съ Тургеневымъ. Онъ укажетъ мнѣ настоящую дорогу. Ты пишешь: *нельзя чтобы маменька не захотѣла тебя увидѣть* Ангелъ мой! мнѣ ужасно быть у васъ гостемъ! Увидѣться для того, чтобы разстаться — какое мученіе! Быть подлѣ васъ и не съ вами, — какъ это тяжело! О! тогда нѣтъ ни покоя, ни твердости. Душевное волненіе не даетъ мѣста ни какой доброй мысли укорениться; чувствуешь одно бремя жизни и желаешь только его сбросить. Здѣсь я буду по крайней мѣрѣ безъ заботъ и не зависимъ.—Всемъ бы этимъ я пожертвовалъ, когда бы могъ видѣть, что петербургск[ая] жизнь приведетъ къ чему нибудь счастливому. Но еще разъ повторяю — наше счастіе зависитъ

теперь единственно отъ провиденія! ввѣримъ ему отеческую объ немъ заботу. На *наши* средства полагаться нечего. Моя послѣдняя надежда была на Воейкова. Милой другъ, эта надежда *(Стр. 13)* пустая. Онъ не имѣетъ довольно постоянства, чтобы держаться одной и той же мысли. Я боюсь быть къ нему несправедливымъ— но кажется мнѣ, что пылкость его и рвеніе болѣе на словахъ и онъ слишкомъ перемѣнчивъ, для приведенія чего нибудь къ концу. Я не сомнѣваюсь въ его дружбѣ, но теперешній языкъ его и со мною не похожъ на *прежній*. Онъ прежде говорилъ[12]) такъ часто *о нашей жизни вмѣстѣ;* теперь объ этомъ нѣтъ и въ поминѣ. Il s'est trop vite resigné pour moi. Мы съ нимъ живемъ подъ одною кровлею и какъ будто[13]) не знаемъ другъ друга, а намъ жить вмѣстѣ не долго[14]). Однимъ словомъ, лучше не ждать ничего и ни отъ кого, а вѣрить тому, кто не обманываетъ и не перемѣняется. О, мой милой другъ! Ему поручаю твою судьбу и твое будущее и въ этомъ все мое—ты моя единственная цѣль въ этомъ свѣтѣ. Пропади твое счастіе, и я не подорожу жизнію! Тогда будетъ пріятно съ нею разстаться и слово «смерть» опять получитъ для меня свою прелесть. Теперь жизнь моя освящена тобою, и я буду любить ее какъ твою принадлежность.

Теперь планъ моей жизни тебѣ извѣстенъ—благослови насъ Богъ! Я увѣренъ, что ты одинаково со мною думаешь и о себѣ. Я желалъ бы, что бы ты болѣе занималась и такимъ, что̀ бы питало твою душу. Я желалъ бы, что бы ты сколько можно болѣе читала. Планъ чтенія у тебя есть. Форово предписаніе такъ же. Неужели безъ меня не будешь о себѣ заботиться такъ же какъ *(Стр. 14)* и при мнѣ? Вотъ что тебѣ скажу: въ первые дни послѣ моего отъ васъ отъѣзда мнѣ приходило желаніе сдѣлать что нибудь такое, что бы совсемъ разстроило здоровье, что бы дало болѣзнь

---

12) Послѣ слова «говорилъ» — вставлены и приписаны надъ строкою два слова: «такъ часто».

13) «Какъ будто» — приписано надъ строкою.

14) Слова: «а намъ жить вмѣстѣ не долго» — приписаны надъ строкою очень мелкимъ почеркомъ поэта.

и есть-ли можно смертельную — прости меня за такую мысль, но знаешь ли что меня останавливало всякой разъ? — *сожаленіе* о тебѣ, а теперь и самая мысль о смерти возбуждаетъ это сожаленіе — ангелъ мой! имѣй такое же ко мнѣ сожаленіе! Береги себя! Не убей моей жизни! Я желалъ бы, что бы ты не бросала и своихъ *feuilles volantes*. Записывай дни свои, мысли и то что хорошаго замѣтишь въ книгахъ — я то же буду дѣлать и съ своей стороны. Когда нибудь розмѣняемся.

Участіе Алек(сандра) Павл(овича)[15]) въ насъ сильно меня тронуло. Какое доброе сердце! Но эта доброта не одно преходящее чувство, — нѣтъ, она выше! Она даетъ его душѣ сожаленіе и побуждаетъ ее *дѣйствовать* для облегченія или утѣшенія! Это прямая, но рѣдкая доброта. Дружба такого человѣка безцѣнна: я готовъ его любить какъ брата — и знаешь ли, что меня радуетъ? То, что онъ познакомится съ Тургеневымъ и они вмѣстѣ — два добрыхъ, благородныхъ сердца — будутъ о насъ заботит[ь]ся. Я съ нимъ переговорю о Петербургѣ. Есть ли можно будетъ все согласить, то онъ съ Тургеневымъ все устроитъ. — Такая привязанность къ *намъ* милыхъ, прекрасныхъ людей не есть ли большое утѣшеніе? О мой ангелъ! сколько людей тебѣ желаютъ счастія!

Авдотья Никол(аевна) пріѣдитъ и пріѣдитъ съ уроками и увѣщаніями. Другъ милой, не старайся ее убѣждать; скажи ей просто, что она разрушила прямое счастіе; но скажи одинъ разъ и не *(Стр. 15)* давай ей никакой довѣренности; отклоняй даже и разговоръ, есть ли она захочетъ съ тобою обо мнѣ говорить. Все рѣшено. Отъ нее же утѣшенія не нужно.

Я буду писать къ маменькѣ, — но только тогда, когда съ нею разстанусь. Я никакой надежды не полагаю на свое письмо, — но сказать ей все необходимо. Ея мнѣніе обо мнѣ несправедливое и унизительное, — это надобно ей доказать. Болѣе ничего и не желаю. Я не хочу, чтобы она считала, что я признаю себя винова-

---

15) Въ подлинникѣ написано сокращенно: «Алекс. Павл.».

тымъ, что принимаю изгнаніе изъ ея дома съ покорностію раскаянія. Нѣтъ, такое мнѣніе о себѣ ей оставить мнѣ невозможно. Теперь она ко мнѣ ласкова. Я этаго не приму за дружбу. И вѣра къ ея ласкѣ совсемъ изчезла въ моей душѣ. Но я благодаренъ ей и за добрую наружность. Теперь вижу въ ней одну твою мать и это имя для меня свято. Почтеніе, неожиданіе ничего и терпѣніе — вотъ все. Письмо мое будетъ просто. Отъѣздъ мой не будетъ разрывомъ. Наружность связи будетъ сохранена.

Прилагаю при этомъ письмо М(арьи) Ник(олаевны). Отвѣтъ на то, которое я къ ней написалъ и еще письмо Дуняши, послѣ него написанное. Милые люди! Какое услажденіе для насъ ихъ дружба и участіе! Онѣ ничего не замѣнятъ для меня, — но онѣ будутъ знать мою цѣль! Они будутъ понимать мои чувства! Съ ними легче и бодрѣе буду итти къ этой цѣли. — Милой ангелъ! сердце разрывается, когда подумаю, что ты не будешь имѣть ихъ съ собою[16]). О! для меня было бы легче, когда бы можно было отдать тебѣ всѣ свои отрады! И тогда бы я не былъ одинокимъ! Нѣтъ! нѣтъ! прочь мысль объ одиноче *(Стр. 16)* ствѣ! Моя цѣль прекрасная! Мой милой спутникъ въ одномъ свѣтѣ со мною: мы мыслимъ, чувствуемъ и живемъ одинаково и для одного! Боже! благодарю тебя!

Прилагаю при этомъ и *весь пустой май.* Прошу тебя все это въ него переписать. Отъ слова до слова, и прибавить свой отвѣтъ. Эта книжка будетъ моимъ закономъ. А то что ты мнѣ напишешь, перепишу для тебя. Даю тебѣ слово, что вся жизнь моя будетъ посвящена исполненію этихъ добрыхъ намереній или (чтобы кончить одною чертою)[17]) *любви къ тебѣ.*

Воспоминанія, святая, утѣшительная мысль о моемъ другѣ — пусть будетъ оно хранителемъ моего сердца. Гдѣ бы я ни былъ,

---

16) Послѣ слова «собою» — стояло «*Оди*», но зачеркнуто. Ср. ниже — *одинокимъ.*

17) Скобки и въ подлинникѣ. Послѣ слова «намѣреній» было что-то написано, но зачеркнуто. «Или» — вставлено мелкимъ почеркомъ потомъ и на недостаточномъ промежуткѣ.

этотъ ангелъ меня не покинетъ. Съ нимъ моя жизнь не можетъ быть пустою, ничтожною жизнію. Нѣтъ, она будетъ *доброю жизнію*. Я чувствую въ душѣ своей какое то стремительное влеченіе ко добру[18]); чувствую за себя и за тебя высокую твердость, которая говоритъ мнѣ: *вы ни отъ чего теперь не зависимы. Ни судьба, ни люди не изтребятъ того, что вы имѣете! а лучшее впереди! Тамъ Богъ! Онъ васъ видитъ и вы въ любви его неразлучны! Нѣкогда будете сами это чувствовать. А теперь только вѣрьте и будьте выше своего жребія.*

Lass mich

Aus dem geliebten Mund was meine Seele hasset
Nie wieder hoeren! Klage dich
Nicht selber an, nicht Den, der was uns drücket
Uns nur zur Prüfung, nicht zur Strafe zugeschicket;
Er prüft nur, die Er liebt, und liebet wäterlich!

. . . . . .

Mir sagts mein Herz, ich glaubs, und fühle was ich glaube
Die Hand, die uns durch dieses Dunkel führt,
Lasst uns dem Elend nicht zum Raube[19]).
Und wenn die Hoffnung auch den Ankergrund verliert,
So lass uns fest an diesem, Glauben halten:
Ein einziger Augenblick kann Alles umgestalten.
Doch lass das argste seyn! Sie ziehe ganz sich ab
Die Wunderhand, die uns bisher umgab;
Las seyn das Jahr um Jahr sich ohne Hülf erneue
Fern sey es das mich je, was ich gethan, gereue!
Und läge noch die freye Wahl von mir,
Mit frohem Muth ins Elend folgt'ich dir!
Mir kostet's nichts von allem mich zu scheiden

---

18) Было *и*, потомъ зачеркнутое.

19) Съ слѣдующаго стиха текстъ помѣщается на внутренней сторонѣ синей обложки тетрадки.

Was ich besass; mein Hertz und deine Lieb' erzetzt
Mir alles; und so tief das Gluck herab mich setzt,
Bleibst du mir nur, so werd' ich keine neiden
Die sich durch Gold und Purpur glucklich schatzt,
Nur, dass *du leidest*, ist mein wahres leiden!
Ein truber blick, einstach, das dir entfährt,
Ist was mit tausend Farb die eigne Noth erschwert.
Sprich nicht von dem was ich fur dich gegeben,
Fur dich gethan! Ich that was mir mein Herz gebot,
That's fur mich selbst, der zehenfache Tod
Nicht bittrer ist als ohne dich zu leben.
Was unser Schicksal ist, hilft deine Liebe *mir*,
Hilft meine liebe *dir* ertragen;
So schwer es sey, so unerträglich — hier
Ist meine Hand — ich wills mit Freuden tragen.

На твое письмо завтра буду отвѣчать.

Іюль.

. . . . . .

Мой милой другъ! Намъ рокъ велитъ разлуку!
Дни, мѣсяцы, и годы пролетятъ —
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку!
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ!
Но и въ дали моя душа съ твоей согласна!
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна!
Всегда, всегда ты мой хранитель-ангелъ будь!
Меня, мой другъ, не позабудь!

. . . . . .

Іюня 28.

Я ѣду по вашимъ слѣдамъ. Остановился въ Куликовкѣ въ 17 верстахъ отъ Орла, тамъ гдѣ вы ночевали въ послѣдній разъ, возвращаясь съ ярмарки. Сижу на томъ мѣстѣ, гдѣ ты сидѣла, мой милой другъ, и *воображалъ* тебя. Хозяйка мнѣ разсказывала объ васъ и я увѣрилъ ее, что я *женихъ*, но что невѣста моя [20]) не младшая, а старшая дочь той госпожи, которая у нее останавливалась. Ночевать буду въ Разбѣгаевкѣ, на вашемъ же ночлегѣ; а завтра обѣдать въ Губкинѣ у Крылова и поклонюсь тому гробу, который вы сами сдѣлали. —

Ты видѣла меня грустнымъ, другъ милой, въ послѣдніе дни,— можетъ ли быть иначе? Во всякомъ положеніи, гдѣ бы я ни былъ, грусть болѣе или менѣе будетъ въ моемъ сердцѣ, — она

20) Слово «*моя*» — два раза повторено.

будетъ его обыкновеннымъ состояніемъ. Могу ли когда нибудь не чувствовать, что я лучшаго не имѣю въ жизни и имѣть не буду? Но какъ же разстаться съ нею, съ этою грустью? Она есть для меня воспоминаніе; — счастія истиннаго, настоящаго никогда для меня не будетъ, и я не могу даже его искать. Въ чемъ можно найти его? Но вѣрь мнѣ! убійственная безнадежность никогда ко мнѣ не возвратится. Тѣмъ, что осталось для меня въ жизни, буду стараться воспользоваться[21]) и такъ, что бы не былъ недостойнымъ тебя. Теперь должно перемѣнить понятіе о жизни. Вчера подъѣзжая къ Мезени — я смотрѣлъ на рощу, которая ростетъ близь дорогѣ; погода была тихая[22]), и роща была покрыта прекраснымъ сіяніемъ заходящаго солнца. Чувство во мнѣ было пріятное, но съ этою пріятностію соединено было уныніе, которое всегда чувствую, когда что нибудь подобное мнѣ представится. Я очень понимаю это чувство. Прежде (но давно уже)[23]) съ пріятнымъ впечатлѣніемъ соединялась всегда веселая надежда на будущее, надежда неизвѣстная, но еще не обманутая и потому веселая *(Стр. 2)*. Теперь при каждомъ такомъ впечатленіи недостаетъ веселой надежды и сердце стѣсняется. Будущее извѣстно. Ждать того, что составляетъ лучшее въ жизни, нечего . . . . Для чего это пишу? Чтобы сказать тебѣ то, что я въ эту минуту подумалъ. Мысль обыкновенная, слишкомъ обыкновенная. Но въ эту минуту она показалась мнѣ разительно-новою. Отъ чего это? Отъ того, что прежде она была просто мыслію, а теперь есть опытъ; тогда убѣждалъ въ ея справедливости одинъ умъ, а теперь она представилась какъ необходимость, какъ прибѣжище: — *Ограничить себя настоящимъ.*

Будь настоящее нашъ утѣшительный Геній.

Милой другъ, настоящее принадлежитъ намъ. Есть ли надежда на будущее пропала, то будемъ сколько возможно ста-

---

21) Въ подлинникѣ стоитъ: «воспользовать».

22) Послѣ слова «тихая» — были написаны два-три слова, но старательно зачеркнуты.

23) Скобки и въ подлинникѣ.

раться пользоваться настоящею минутою и соберемъ *вокругъ себя все то*, что у насъ есть—предоставивъ *все будущее безъ всякой заботы* попеченію промысла. Въ настоящемъ мы принадлежимъ другъ другу и настоящимъ должны жить другъ для друга. Будемъ [24]), смотря на прекрасный вечеръ, наслаждаться имъ и не давать воли сердцу сжиматься при мысли о будущемъ. *То, что есть*, на то устремлять *все* вниманіе, и не давать ни какой посторонней мысли его разстроивать. Въ томъ маленькомъ кружку, въ которомъ суждено мнѣ дѣйствовать, можетъ найтися *доброе* занятіе для каждой минуты. А я имѣю свидѣтеля, вѣрнаго и неразлучнаго со мною. Любви къ этому другу достанетъ на всю жизнь.

Но все это одно прибѣжище. Я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску. Лучшаго въ жизни, семейственнаго счастія, единственнаго котораго могъ я желать, я имѣть не буду—грусть объ его потерѣ всегда останется на днѣ сердца. Не должно только давать ей власти — чтобы она не отравляла того, что мнѣ осталось. Жизнь моя должна быть тебя достойна — *(Стран. 3)* въ этомъ главная теперь моя обязанность. —

Но пользоваться настоящимъ, — эта мысль еще не имѣетъ для меня полной ясности. Это одно только темное намѣреніе. Во мнѣ два человѣка. Одинъ — *вседневный*, то есть по привычкѣ недѣятельный, слѣдующій своимъ склонностямъ, со всѣми недостатками; другой — *совершенный*, то есть въ иныя минуты готовый на все прекрасное, имѣющій высокія мысли и желанія. Этаго *совершеннаго* я вижу часто какъ будто во снѣ, и онъ точно какъ сонъ пропадаетъ, оставляя посебѣ одно легкое воспоминаніе. Надобно непремѣнно взять, какъ говорится, *этотъ сонъ въ руку*. Не надобно быть хорошимъ во снѣ; надобно *совершенное* сдѣлать *вседневнымъ*. Совершенное: какое гордое слово... но, другъ милой! есть ли предположить себѣ цѣль, то уже должно, чтобы эта цѣль была самая высокая. — Напримѣръ, кстатѣ или

---

24) Слова: «Будемъ» и «наслаждаться имъ» — приписаны надъ строкою.— Слово «смотря» — выправлено изъ «Смотрѣ*ть*», при чемъ *ть* — зачеркнуто.

не кстатѣ, скажу то, что пришло мнѣ въ голову объ *удовольствіи*: много такого называютъ удовольствіемъ, что плѣняетъ насъ одну минуту и потомъ изчезаетъ не оставивъ по себѣ слѣда. Достойно ли такое удовольствіе исканія? Нѣтъ! одно *удовольствіе съ воспоминаніемъ* есть прямая принадлежность души человѣческой; одно воспоминаніе можетъ дать ему цѣну. И только такія удовольствія могутъ *слиться въ счастіе*. Но для этаго они должны быть *добрыя*. Объ этомъ много бы можно было сказать; послѣ что нибудь и напишу. Еще одна мысль: пока ничто въ жизни не рѣшилось, по тѣхъ поръ мы живемъ *внѣ себя*—все наше; отъ всего чего то ждешь; когда же узнаешь, что такое жизнь—то нужда велитъ заключить себя *въ самомъ себѣ*, съ тѣмъ что лучшаго сберегъ отъ судьбы своей. Еще счастливъ, когда это прибѣжище возможно, когда самъ для себя можешь быть пріютомъ. Милой другъ! я не буду одинъ въ этомъ пріютѣ — мой лучшій другъ со мною! Ты! *(Стран. 4)*.

Вотъ смѣшное замѣчаніе. Въ Орлѣ остановился я ночевать на постояломъ дворѣ. Тамъ стоитъ княгиня Несвицкая съ больною дочерью. Эта женщина въ разводѣ съ мужемъ, котораго я зналъ. Глупой и пустой человѣкъ. Но вотъ что смѣшно. Съ глупымъ мужемъ она не ужилась, а къ глупому любовнику имѣла *нѣжную привязанность*... Чтобы сказать *все* однимъ словомъ, этотъ Грандиссонъ былъ Ник(олай) Ив(ановичъ) Вельяминовъ. Чтобы быть мужемъ — нужны добродѣтели; а любовника дѣлаетъ прелестнымъ для многихъ женщинъ мысль, что — его можно оставить. Pardon, pour cette betise. Je ne devrais pas la faire entrer ici. Но мнѣ хочется съ тобою болтать.

Пишу къ тебѣ, сидя у дверей постоялаго двора — деревня Сорочьи Кусты; въ Разбѣгаевкѣ отъ того неостановился, что завтра будетъ слишкомъ великъ переѣздъ до Губкиной. Но *я видѣлъ* тотъ дворъ, въ которомъ вы ночевали. Передъ самыми окнами колодезь и мостъ. Признаю, жаль было его проѣхать.— Около меня бѣгаютъ три забавныхъ мальчика — здоровые и свѣжіе, хозяйскіе дѣти. Я перекупилъ у нихъ землянику, за кото-

рую они предлагали грошъ, а я далъ пятакъ. Надобно было видѣть ихъ гордость, когда они торговались, и смиреніе, когда торгъ не состоялся; но я ихъ утѣшилъ, раздѣливъ эту землянику между ними. Этотъ великодушный поступокъ произвелъ великое впечатленіе надъ дѣтьми собирательницами земляники. Явилось ихъ ко мнѣ съ полдюжины — и у всѣхъ земляника была куплена и роздана ребятишкамъ, за исключеніемъ одного стакана, за этимъ транспортомъ явился новый — но я отказалъ. Вотъ всѣ мои подвиги *(Стр. 5)*.

Вотъ еще мысль[25]), самая вѣрная дорога къ цѣли есть *прямая*[26]). Осторожность не есть хитрость. Но хитрить значитъ подвергать себя опасности быть открытымъ, необходимости поддерживать обманъ обманомъ, или себѣ измѣнить. Есть ли цѣль хорошая, то чтобы къ ней достигнуть, надобна и средства употреблять хорошія; — иначе дурныя средства и самую цѣль обезобразятъ. Кто ищетъ счастія, тотъ долженъ его *стоить* и чувствовать, что стоитъ; безъ этого чувства не будетъ и счастія. Получивъ желаемое униженіемъ самихъ себя, мы сами то уничтожаемъ, чего желали, ибо дѣло не въ пріобретеніи, а въ сохраненіи; — пріобретеніе — *минута*, сохраненіе — *жизнь*. — Но какъ же сохранить хорошее, когда оно пріобретено дурнымъ способомъ и, слѣдовательно[27]), когда мы сами сдѣлались неспособны имъ пользоваться. Важность не *въ присутствіи счастія*, а въ томъ, что бы *мы* могли выдержать его присутствіе.

Эта мысль написана прежде моего разговора съ маменькою *объ Ивановѣ*.

Писалъ бы еще болѣе, но темно; надобно ложиться спать, чтобы встать до свѣту. Въ Губкинѣ опять поговорю съ тобою. Эти синенькія книжки непремѣнно будутъ продолжаться. Прошу и тебя писать. Возвратясь нашелъ ихъ тебѣ много. — Хорошо,

---

25) Почти три писанныя строки въ подлинникѣ тщательно зачернены.
26) Въ подлинникѣ написано: «прямa».
27) Въ подлинникѣ: «слѣд:»

что я ничего не писалъ въ маѣ. Онъ точно былъ пустой въ жизни. Но ты его наполнишь. Эта книжка всегда будетъ при мнѣ. Она будетъ моимъ катехизисомъ.

29.—Губкино. Лежу въ сараѣ, въ саняхъ, на сѣнѣ. Читаю Виландова Diogenes von Sinope и часто перерываю чтеніе, чтобы думать о тебѣ. Гулялъ и по кладбищу, — даже и срисовалъ его.

Ты хотѣла знать мои мысли о предвѣденіи. Право не помню, что я писалъ къ Ив. Вл. — Этаго письма нѣтъ у меня. Смыслъ, кажется, слѣдующій: въ мірѣ подъ властію Божіею, два закона управляютъ всѣми вещами. Одинъ физическій — неизмѣняемый, другой нравственный—свободный. Первому подчинено все не имѣющее ума. Послѣднему—все, что имѣетъ умъ и волю. Предопредѣленіе, фатализмъ существуетъ только въ физическомъ мірѣ. Законъ, установленный отъ вѣка, продолжаетъ и вѣчно будетъ продолжать дѣйствовать безъ всякаго измѣненія. Но въ нравственномъ мірѣ нѣтъ предопредѣленія, иначе не было бы и воли, а безъ воли нѣтъ добродѣтели и человѣкъ былъ бы машиною, самою жалкою изъ машинъ потому что онъ бы чувствовалъ свою неволю. Но предвѣденіе и предопредѣленіе одно и тоже. Богъ предвидитъ только то, что самъ предопредѣляетъ. Предвидѣть наши поступки значитъ предопредѣлить ихъ,—значитъ отнять у насъ волю. Только тогда Богъ можетъ быть нашимъ помощникомъ, защитникомъ и наградителемъ, когда не будетъ имѣть сего предвѣденія, лишающаго и его всякой свободы относительно къ намъ. Одному только всемогуществу возможно было отказаться отъ сего предвѣденія. Случаи жизни устроиваются промысломъ; путь человѣка назначается имъ же, — но человѣкъ самъ дѣйствуетъ, самъ мыслитъ — чувствуетъ посреди этихъ случаевъ, самъ *идетъ* по этой дорогѣ. Все что ни встрѣчается съ нами въ жизни, есть только *поводъ къ дѣйствію* и зависитъ отъ провидѣнія. Но *какъ (Стр. 7) по этому* поводу дѣйствовать, это зависитъ отъ насъ. — Творецъ предоставилъ себѣ только одно:—судить наши дѣйствія. Не предвидя ихъ, онъ оставилъ себѣ свободу насъ награждать; облегчать работу, трудную для нашихъ силъ, содѣй-

ствовать намъ, располагать случаи такъ, чтобы мы не могли никогда потерять силы и надежду (для этого онъ требуетъ отъ насъ одного только упованія)[28]). Въ противномъ случаѣ нѣтъ для человѣка надежды, а для творца свободы исполнять надежду вѣрующаго сердца. Есть ли подумаешь, то ты найдешь, что моя мысль гораздо болѣе сходна съ понятіемъ о провиденіи, нежели мысль тѣхъ, которыя даютъ Богу это жестокое предвѣденіе, думая тѣмъ доказывать его всемогущество, но въ самомъ дѣлѣ только лишая его свободы. Надобно отдѣлить человѣка *самаго* отъ того, что бываетъ *съ человѣкомъ*. *То*, что съ нимъ бываетъ опредѣляется, устроивается, предвидимо Божествомъ. То что онъ *самъ* бываетъ въ этихъ разныхъ случаяхъ жизни — зависитъ единственно отъ него и предоставлено совершенно на произволъ его всемогуществомъ Божіимъ. Въ одномъ и томъ случаѣ человѣкъ (одинъ и тотъ же)[29]) можетъ дѣйствовать тысячью розныхъ маневровъ, — доказательство что отъ него зависитъ избрать способъ дѣйствія. Иначе, гдѣ было бы достоинство человѣка. Богъ наклоняетъ человѣческую волю къ добру, это правда, но человѣкъ властенъ слѣдовать или не слѣдовать этому влеченію. Въ чемъ же состоитъ провиденіе? Въ томъ, что оно располагаетъ случаями жизни, устроиваетъ ихъ къ лучшему[30]), а человѣку говоритъ: дѣйствуй согласно со мною и вѣрь моему содѣйствію. Что бы ни было, мой другъ, но мы должны смотрѣть на все, что ни встрѣчается съ нами, какъ на предлагаемый намъ способъ *свыше* пріобресть *лучшее*. Надобно только вѣрить. *(Стр. 8)* Какъ бы ни было страшно и трудно, а тайный, невидимый помощникъ близко.

Другъ! что бѣды для вѣры въ провиденье?
Лишь вѣстника, что смотритъ съ высоты
На насъ святой, незримый испытатель!

---

28) Скобки круглыя и въ подлинникѣ.
29) Круглыя скобки въ подлинникѣ.
30) Далѣе было написано, но зачеркнуто; «и чтобы ни было бы».

Лишь сердцу гласъ: крѣпись! Минутный ты
Жилецъ земли! Есть Богъ! и ждетъ создатель
Тебя въ другой и лучшей сторонѣ!
Дорога бурь приводитъ къ тишинѣ.

5 іюля. Орелъ[31]). Въ Нетрубежѣ не писалъ ничего и не было времени писать. Мнѣ было очень свободно и я принятъ былъ очень хорошо. Признаться, мнѣ не хотѣлось ѣхать, — я боялся быть неловкимъ, принужденнымъ, — слѣдовательно, скучнымъ. Но этаго совсемъ не было, и никогда быть не можетъ, есть ли не захочешь имѣть никакихъ *претензій*. Моя принужденность иногда бываетъ отъ *расположенія*. Въ иныя минуты невольно думаешь болѣе о самомъ себѣ; отъ этаго теряешь всякую свободу, или не имѣешь ни способности, ни желанія быть съ другими веселымъ, ласковымъ и прочее. Непринужденность въ обращеніи много зависитъ отъ *первой минуты*—отъ того, каковъ былъ въ первую минуту съ людьми, съ которыми заводишь сношеніе. Есть ли первая минута не удалась, то это дѣлаетъ надолго или и навсегда не ловкимъ. Много непринужденность зависитъ отъ *ихъ характера и образа жизни*.

Въ первой вечеръ много было говорено *объ васъ* и о тебѣ особенно. Милая, видно опять надобно отказаться отъ довѣренности! Ты опять больна и опять начинаешь скрываться. Ты только хочешь носить маску любви ко мнѣ—не сердись за это выраженіе! Гдѣ же любовь, когда нѣтъ никакой *(Стран. 9)* заботы о себѣ, когда ты довольствуешься только тѣмъ, что я тебѣ вѣрю и ни мало не думаешь оправдывать моей вѣры. Правда! меня съ тобою не будетъ и я не буду *видѣть*. Но помни и то, что и тебя не будетъ со мною, что и ты такъ же *видѣть* не будешь. Но слѣдствія для меня *все* обнаружатъ и тогда уже сожаленіе не удержитъ меня отъ подражанія. Подумай объ этомъ хорошенько и будь заботлива. Моя привязанность къ жизни, мое уваженіе

---

31) Слово «*Орелъ*» вставлено.

къ ней основаны на мысли, что ты все со мною раздѣляешь. Одна только ты можешь для меня все уничтожить.

Ал. Павловичъ говорилъ *обо всемъ* со мною. Предполагая нѣжнѣйшее сожаленіе въ сердцѣ маменькиномъ къ намъ, онъ думаетъ, что всего важнѣе стараться перемѣнить ея мнѣніе и что это возможно; надеется на Досифея, на Ив. Владим. и пр. Милой другъ, онъ былъ бы правъ, есть-ли бы его *предположеніе* было справедливо. Я самъ всего ждалъ отъ сожаленія, отъ желанія сдѣлать наше счастіе. Но ихъ нѣтъ. Ты видишь, что маменька не хочетъ вѣрить, что это тебѣ *нужно*; что она только объ томъ заботится, чтобы и другіе тому вѣрили. Наше несчастіе для нее не существуетъ. Иначе могла ли бы она имѣть духъ съ такою холодностію, съ такимъ пренебреженіемъ шутить на счетъ нашей привязанности, которую называетъ страстію и хочетъ представить смѣшною и странною; а насъ какими то романическими героями и тому подобнымъ. Для нее важно только исполненіе ея воли. О! она была бы исполнена и безъ этихъ жестокихъ, незаслуженныхъ несправедливостей. Она не понимаетъ насъ или понимать не хочетъ. Гдѣ же тутъ думать о перемѣнѣ мнѣнія. Тогда была бы возможность его побѣдить, когда бы она сравнивала его пожертвованіе съ пожертвованіемъ нашего счастія! Но она не чувствуетъ необходимости въ этомъ сравненіи, и не думаетъ колебаться. Ей не страшно *(Стран. 10)*.

Ал. Павл. сказывалъ мнѣ, что и отецъ и мать его слышали объ насъ и были весьма недовольны, что узнавши васъ они увѣрились въ несправедливости слуховъ и что М. Ник. — какъ она объ этомъ сказывала Катер(инѣ) Яковлевнѣ — *поговоривъ со мною, по своей проницательности все узнала и*[32]) *совсемъ успокоилась на мой счетъ. Начавъ говорить о тебѣ*[33]), *она смотрѣла*

---

32) Слова: «все узнала и»—вставлены другими чернилами почернѣе.

33) Послѣ слова «о тебѣ» было написано: «со мною» — но зачеркнуто чернилами почернѣе.

мнѣ пристально въ глаза: не замѣтила никакой во мнѣ перемѣны; и я отвѣчалъ ей холодно! чего же болѣе? и она обѣщала порядочную спѣть обѣдню тѣмъ, которыя такъ ее вздумали дурачить.—На нихъ нечего надеяться. Павелъ Иван. способенъ сильное въ насъ принять участіе, но онъ не имѣетъ никакой воли и ничего рѣшительно желать не можетъ. Онъ говоритъ о тебѣ съ чувствомъ; я увѣренъ, что не смотря на мнѣніе, онъ въ состояніи согласиться съ нами въ желаніяхъ, — но исполнить ихъ онъ не способенъ. При первомъ противорѣчіи онъ насъ оставитъ, слѣдовательно все еще болѣе испортитъ. Я даже скорѣе бы положился на Мар. Ник. не смотря на весь ея флегматизмъ. Она имѣетъ твердость. Стоитъ только найти способъ привлечь на свою сторону ея мнѣніе. Но для этаго нужна бы была великая осторожность и время, есть-ли бы и думать, что и онъ и она могутъ быть намъ полезны. Но что они для насъ сдѣлаютъ? Все что теперь остается, есть только пріобресть ихъ дружбу, — это отчасти и сдѣлано, само собою, безъ всякихъ *пантоминъ и маскарадовъ*, а просто, — иначе и не должно.

9 іюля. Деревня *Котовка*. Завтра увидимся, другъ милой. Вчера я простился съ своими хозяевами, которыя, кажется довольно меня полюбили. А съ Александромъ Павловичемъ у насъ идетъ по братски. Знаешь ли что мнѣ вчера было предложено? Не менѣе какъ путешествіе вмѣстѣ съ Алекс. Павловичемъ. Что ты на это скажешь? Я далъ слово подумать, но рѣшительнаго ничего не сказалъ. Александр. Павл. очень былъ бы радъ путешествію,— но онъ не вѣритъ, чтобы этотъ планъ былъ исполнимъ. *(Стран. 11)*. Его уже совсемъ снарядили было одинъ разъ въ Неаполь и вдругъ ужасное *не хочу* все разстроило; былъ нѣкогда общій планъ ѣхать въ Америку, и все уже было уложено,—но грозное *не хочу* подоспѣло въ свое время. Его состояніе тяжелое. Онъ совершенный невольникъ капризовъ. Время у него отнято; занятіями его располагаютъ самовластно; безпрестанно упрекаютъ его въ холодности и твердятъ о его независимости. Павел. Ив. при всей своей добротѣ со всемъ соглашается и все сноситъ. Но

онъ сноситъ, потому что имѣетъ характеръ слабый, который во всѣхъ положеніяхъ быть можетъ и на все погнется. А Алекс. Павл., имѣя характеръ твердый, долженъ все снести, обо всемъ молчать и все скрывать въ самомъ себѣ. Это его невольно отъ нихъ отдаляетъ въ душѣ своей и онъ совершенно одинокъ въ отеческомъ домѣ. Но и въ самомъ этомъ одиночествѣ онъ не имѣетъ свободы. Напр. онъ желалъ бы писать и точно имѣетъ дарованіе, которое могъ бы при такой охотѣ къ трудолюбію весьма образовать, но онъ долженъ отказаться отъ пера—ему будутъ и здѣсь связывать руки, будутъ поправлять то, что онъ напишетъ и свое печатать подъ его именемъ. Служба для него прибѣжище. Но вотъ уже матери опять не хочется, что бы онъ служилъ, а отецъ съ нею согласенъ. Лучше желаютъ, что бы онъ путешествовалъ, а онъ боится, что бы подъ предлогомъ путешествія только не была бы у него отнята служба. — Однимъ словомъ, у него нѣтъ матери. Подъ этимъ именемъ безразсудное твореніе управляетъ его судьбою—желаетъ отъ него любви [34]), хочетъ искренности, но естественно ли быть искреннымъ съ тѣми, которые не предполагаютъ въ насъ никакой собственной воли, не даютъ намъ ни радости, ни права мыслить, а требуютъ *(Стран. 12)* одной слепой и безотвѣтной покорности! Это ежесточаетъ человѣка съ характеромъ твердымъ. Онъ могъ бы имѣть въ отцѣ и товарища, и друга и участника въ счастіи, когда бы [35]) отецъ его былъ съ нимъ свободенъ, когда бы чужая воля не управляла его слабою волею. Но безразсудство матери не только обременяетъ сына, но и отца съ нимъ разлучаетъ. Таково его положеніе. Къ матери онъ имѣть привязанности не можетъ,— онъ можетъ только рабски молчать передъ нею; къ отцу такъ же,— отъ него не надеется онъ ни справедливости, ни помощи, ибо доброе сердце его молчитъ передъ самовластіемъ матери. Къ тому же его

---

34) Послѣ слова «любви» стояло «упрекаетъ» — зачеркнутое тѣми же чернилами.

35) Слова: «отецъ его» написаны подъ строкою вмѣсто зачеркнутаго слова онъ.

не понимаютъ. Онъ выше ихъ образомъ мыслей и чувствами. Въ своей горницѣ со мною онъ совсемъ не тотъ, каковъ въ гостиной съ отцемъ и матерью. Главное его чувство желаніе оставить домъ семейственный, гдѣ нѣтъ ему никакого счастія. Такое положеніе ужасно.

Путешествіе было бы весьма пріятно съ такимъ товарищемъ, каковъ Ал., а ему очень было бы хорошо со мною,—я въ этомъ увѣренъ. Между тѣмъ это бы сохранило мою съ ними связь, а они для насъ нужны. Твое же сердце и мое не могутъ перемѣниться. Путешествіе не разсѣитъ меня и ничто въ свѣтѣ не отниметъ у меня лучшей моей драгоцѣнности: *любви къ моему земному спутнику*. Подумай сама объ этомъ, мой безцѣнный ангелъ. Эта мысль — уѣхать за-границу — ужаснула бы меня въ другое время, но теперь и безъ того надобно будетъ разлучиться и скоро. Я думаю, что я *долженъ* уѣхать отъ васъ *самъ*, а не ждать вашей поѣзки въ Дерптъ. Какъ жить у васъ, зная образъ мыслей маменьки? Какъ быть у васъ только *терпимымъ*; имѣть только пріютъ—уѣхать,*(Стран. 13)* съ вами видаться, но не жить у васъ. Я желаю знать твое мнѣніе на этотъ счетъ. Подумай, милая, что маменька видитъ во мнѣ Иванова и ставитъ меня на одну съ нимъ доску. Къ тебѣ, мой другъ, я привязанъ теперь болѣе нежели когда нибудь, — прошедшій мѣсяцъ убѣдилъ меня, что эта привязанность необходима для моей жизни. Теперь знаю на опытѣ, что имѣю такое благо, котораго ничто, ни обстоятельства, ни случай у меня не похитятъ. Но отъ маменьки благодѣяній принять не могу. Она не должна думать, что бы чѣмъ нибудь могла заплатить мнѣ за ту дружбу, которою я отъ нее требовалъ въ замѣну моей, и чтобы была какая нибудь замѣна того счастія, котораго она меня лишила съ такимъ спокойствіемъ. Милому человѣку простить не можно, хотя бы и желалъ. Я недавно между письмами нашелъ одно свое письмо, писанное къ ней въ Москвѣ въ мартѣ 1811 послѣ вашего отъѣзда. Не помню почему оно не послано, — но въ этомъ письмѣ я прошу отъ нее довѣренности и увѣряю ее, что это единственный способъ перемѣнить

мою къ тебѣ привязанность въ чувство брата и сдѣлать насъ счастливыми. Это письмо я ей отдамъ въ доказательство, что *она* не захотѣла нашего счастія. За послѣдній тяжелый мѣсяцъ я готовъ даже [36]) благодарить провиденіе. Оно жестокимъ способомъ преобразовало мое сердце и сдѣлало его тебя достойнѣе. Теперь люблю тебя какъ причину всего что можетъ сдѣлать мою жизнь хорошею. Надежда моя не пропала, — но отъ нее отдѣлилось безпокойное нетерпѣніе, котораго мѣсто заступила *(Стран. 14)* беззаботная довѣренность къ промыслу. Пускай онъ все устроиваетъ самъ и все будетъ устроено къ лучшему. — Будущее все еще наше, — не будемъ мѣшаться въ разпоряженія отеческой власти, а будемъ только думать, о томъ, какъ бы заслужить отъ нея награду. Така(я) [37]) мысль, мой другъ, не даетъ ли душѣ утѣшительное спокойствіе: что передъ этою надеждою случаи жизни?

Какъ тяжела разсѣянная жизнь! Я это чувствовалъ во все время нынешняго моего путешествія. Счастливъ тотъ, кто можетъ заниматься и умѣетъ не скучать съ самимъ собою. Дорогою изъ Муратова въ Орелъ я завелъ разговоръ съ Павломъ Ив. о свадьбѣ Толстаго (Варв. Вас.), въ которой онъ много участвовалъ. Изъ этаго разговора заключить можно только то, что онъ все для насъ сдѣлать можетъ и ничего не сдѣлаетъ. Онъ любитъ тебя нѣжно и его рѣдко доброе сердце заставитъ его съ жаромъ взять твою сторону, но онъ не устоитъ противъ противурѣчій. Какъ бы то ни было, все ты можешь имѣть въ немъ добраго защитника.

Теперь вспомнилъ еще одно, что слышалъ о тебѣ отъ Павла Ивановича. Ты возвратилась съ ярмарки съ больною грудью и у тебя болѣлъ бокъ. Онъ (который тебя остановливалъ отъ поѣздки) [38])

---

36) Слово «даже» вставлено другими чернилами.
37) *я* — недописано.
38) Круглыя скобки и въ подлинникѣ.

спросилъ у тебя, не повредило ли тебѣ это путешествіе. Ты и не подумала ничего сказать. Напротивъ успокоила его и по обыкновенію своему, разсудила страдать молча.... Неужели *(Стран. 15)* это всегда такъ будетъ. Когда я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ, ты была блѣднѣе и казалась нездоровою. Другъ мой, какого же мнѣ счастія велишь ты искать на свѣтѣ, когда не буду имѣть довѣренности къ твоей любви. И есть-ли какое ни будь въ тебѣ ко мнѣ сожаленіе! Ты послѣднее сама у меня отымаешь, послѣднее добровольно хочешь разрушить!

Есть-ли можно, другъ мой, спиши мнѣ нѣкоторыя мысли, которыя въ этой тетрадкѣ.—Я желалъ бы ихъ сохранить. Этотъ списокъ доставить мнѣ съ Маріей Николаевной [39]).

Милой другъ, когда я стоялъ въ церквѣ и смотрѣлъ на нашу милую Сашу и когда мнѣ казалось сомнительнымъ ея счастіе, сердце мое было стѣснено и никогда такъ не поразило меня слово отче Нашъ и вся эта молитва. Я читалъ ее или, лучше сказать, объяснялъ для себя совсемъ иначе, нежели какъ это случалось прежде. Во мнѣ возбудилась довѣренность къ промыслу и будущее не было уже такъ страшнымъ. Я обѣщалъ Сашѣ написать эту молитву съ собственными, немногими прибавленіями. Гдѣ же лучше написать ее, какъ не здѣсь? Пусть будетъ она *прежде* для тебя, а потомъ и *для нее*. Жаль, что это не написалось, тогда же, такъ какъ было въ душѣ *(Стран. 16)*.

Отче нашъ. Что утѣшительнѣе этаго имени, другъ мой! Отецъ, *нашъ* Отецъ и *всесильный*, слѣдовательно все строющій къ благу. И ты и она будете счастливы, — сердца ваши достойны счастія. Отецъ, а мы дѣти. Вообрази обязанности, налагаемыя на насъ

---

39) Эти послѣднія три строки написаны чернилами чернѣе и почеркомъ крупнѣе.

этимъ именемъ! Вообрази счастіе съ нимъ соединенное! Быть добрыми дѣтьми добраго отца и отца всемогущаго. Можноли бояться жизни! Мы живы и онъ нашъ отецъ,—мы созданы для этаго святаго семѣйства! Гдѣ же одиночество? И земля и небо развѣ не нашъ отеческій, семейственный домъ? Я живу въ домѣ отца моего, въ домѣ, куда ни зло, ни несчастія не входятъ, а когда входятъ то единственно только для того, что бы мы живѣе могли почувствовать всю безопасность отеческаго крова, живѣе почувствовали всю красоту милаго, отеческаго края. — Гдѣ лучше товарищество, какъ не съ отцемъ? А этотъ отецъ намъ товарищъ. Передъ нимъ *все* ясно. Онъ насъ видитъ и слышитъ. Не нужно языка, чтобы передъ нимъ выражать свои чувства. Онѣ для него понятны. Только намъ надобно понимать языкъ его.

Иже еси. Какое утѣшеніе! Какую твердость даетъ душѣ это слово *еси.* Онъ существуетъ, — онъ *есть* нашъ товарищъ, *(Стран. 17)* нашъ защитникъ, судія нашего сердца неизмѣнный, неподкупный. Онъ *есть*, — въ этомъ словѣ вся наша судьба, всѣ наши надежды, утѣшенія и подпоры. Онъ есть, — онъ вездѣ, гдѣ бы мы ни были и мы носимъ его въ своемъ сердцѣ, и онъ вездѣ нашъ, вездѣ видимъ нашему сердцу. *На небесехъ.* Тамъ, гдѣ увидимъ его нѣкогда лицемъ къ лицу, — гдѣ онъ все для насъ объяснитъ. Но и объясненіе нужно-ли намъ будетъ! *На небесехъ* — этимъ величественнымъ словомъ все еще здѣсь объясняется. *И на землѣ.* Здѣсь, гдѣ онъ нашъ товарищъ — на жизнь и смерть, въ горѣ и радости! Съ нимъ прямо къ цѣли! Что дорога жизни съ такимъ сопутникомъ! Куда ни оглянись, — онъ вездѣ на землѣ, вездѣ видѣмъ въ могуществѣ и благости и всюду слышенъ серцу, — только склоняй слухъ къ его утѣшительному голосу! Только научись понимать его! Только вѣрь и люби. *Да святится имя твое.* Можноли сказать безъ чувства отцу, да святится имя твое? Имя милое. Вообрази сына, который святитъ имя отца,—святитъ его всемъ: любовію, когда онъ еще съ нимъ, воспоминаніемъ,

когда его уже нѣтъ. Но отецъ земной разлучается съ своимъ сыномъ; съ отцемъ небеснымъ разлуки нѣтъ. — Да святится имя его любовію, благодарностію, надеждою и твердостію. *Да пріидетъ (Стран. 18) царствіе твое.* Не то царствіе, которое начинается для насъ за гробомъ, — оно откроется вмѣстѣ съ гробовою доскою, и эта минута сама собою наступитъ. Желать ея ускоренія можно только въ минуту забвенія самаго себя и значило бы нарушать законъ вѣчный, — но царствіе сіе да̀ начнется для насъ на земли. Вообразимъ, что оно уже началось, что мы всѣ граждане этаго царствія. Естли не всѣ съ нами согласны въ покорности, то будемъ покорны каждый отдѣльно своему царю, будемъ вѣрными подданными его престола и скажемъ: *Да будетъ воля твоя якоже на небеси и на земли.* Здѣсь и тамъ. Міръ земной да сольется для насъ съ міромъ небеснымъ. О какъ не предаться въ *Его* волю, когда все такъ обманчиво и тлѣнно на землѣ! Но какъ же и земная жизнь становится возвышенною, когда предашь себя этой волѣ, всемъ земнымъ управляющей! *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Все провиденію и обо всемъ безпечность младенца. Вѣрь и будь достоинъ,— *остальное* дурно быть не можетъ. *И остави намъ долги наши.* Суди насъ какъ отецъ! И дай намъ въ твоихъ милостяхъ уроки добра! Самыя твои наказанія да пріемлемъ какъ милости и наставленія. *Якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* О! Это пишу (*Стран. 19*) отъ всего сердца! Прочь низкое! прочь злоба! Съ именемъ святаго отца—всѣмъ любовь или всѣмъ—прощеніе. Богъ станетъ насъ судить, какъ мы сами сдѣсь судили. Другъ мой! Я начинаю теперь *новую дорогу жизни*: вонъ изъ сердца всякое чувство ненависти и злобы. Оскорбленія не чувствовать не могу—я [40]) но прочь низкое и злоба! Я буду достоинъ моего небеснаго отца! Вся моя жизнь его провиденію.

---

40) Далѣе идетъ одно неразборчиво написанное слово («исполни»?) и полторы тщательно зачеркнутыхъ чернилами строкъ текста. Можетъ быть эти слова: «я исполни...» тоже слѣдовало зачернить, но это осталось неисполненнымъ по забывчивости.

Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. — Не несчастіе для насъ искушеніе, но слабость души, приводящей къ ропоту, который все унижаетъ и жизнь и свѣтъ дѣлаетъ противнымъ! *Отчаяніе* — вотъ опасный врагъ; тотъ *лукавый*, отъ котораго да избавитъ насъ отецъ всевышній. Оно и небо и землю покрываетъ для насъ темнотою, въ которой изчезаетъ путь провиденія. Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ!

Воейковъ сей часъ разсказалъ мнѣ вашъ разговоръ съ маменькою. Боже мой, сколько обвиненій!

Послѣднее! и кончу на всегда! Сей часъ мы говорили съ Воейковымъ, — обнялись, плакали и дали другъ другу слово въ братствѣ отъ сердца. Другъ мой—будь съ нимъ искренна, ищи въ нихъ обѣихъ подпоры и *вѣрь* имъ. Довѣренность *(Стран. 20)* не будетъ обманута. Сердце мое рвалось, когда я воображалъ тебя съ ними одинокою. Теперь легче, но ради Бога не таись ни въ чемъ и все дѣли съ ними. Мнѣ же остается теперь одно: — вѣра въ твое сердце! Есть ли въ немъ сбережено будетъ мое мѣсто, естьли твое уваженіе ко мнѣ будетъ всегда неизмѣнно,—чего мнѣ останется желать? Моя судьба теперь вся отъ тебя зависитъ; никто другой на мою жизнь вліянія имѣть не можетъ. Ты и провиденіе— въ васъ мое вѣрное счастіе. Тебя отдаю подъ его защиту, а самъ даю тебѣ слово предаться ему съ совершеннымъ спокойствіемъ; оно сохранитъ насъ: — мы передъ нимъ невинны; мы желали и желаемъ счастія, основаннаго на всемъ добромъ. Оно насъ приведетъ къ нему, — когда? Это неизвѣстно! Но думай, вѣрь всякую минуту, что мы къ нему идемъ! Эта спокойная надежда стоитъ счастія. Я боялся одного: — чтобы не захотѣли дѣлать насилія твоему сердцу. Саша и Воейковъ ручаются за его сохраненіе. Я просилъ Воейк(ова) какъ друга, какъ брата, быть твоимъ помощникомъ, твоимъ утѣшителемъ. Нѣтъ! онъ не обманетъ меня. Онъ это завѣщаніе вѣрно исполнитъ. Сохраняя твое

спокойствіе онъ будетъ и моимъ благотворителемъ. Я просилъ его ничего болѣе для насъ не требовать, но быть только всегда на нашъ счетъ не измѣннымъ во мнѣніи. Это для него не можетъ быть трудно. Только будьте согласны и не имѣйте недовѣрчивости[41]) другъ къ другу. Ангелъ мой, прости! Благослови тебя Богъ!

Я живъ — и ты моя!

Въ этихъ двухъ словахъ весь мой жребій....

[Сентябрь][42]).

(Стран. 1.) Все въ жертву за нее![43])

(Стран. 2). Ты хочешь отвѣта—что сказать тебѣ. Базиль! Меня огорчаетъ чрезвычайно твоя малая довѣренность къ промыслу. Другъ мой! я не буду несчастлива и не могу быть несчастливою. Добрый, милостивой отецъ, который *вездѣ* со мною, который любитъ меня для тебя (для меня! Боже мой, стою ли такой высокой обо мнѣ мысли!),[44]) можетъ ли онъ допустить это? L'amour parfait chasse la crainte—oh! je ne crains rien je t'assure; j'espère, j'attens tout et ce n'est pas en vain, crois moi. Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten. Это такъ вѣрно, и я такъ увѣрена, что это будетъ, что смотрю на теперешнюю жизнь, какъ на срокъ, который мнѣ данъ, чтобы приготовиться къ счастію, чтобы имѣть возможность сказать: теперь я его достойна! и достойна

---

41) Отсюда текстъ переходитъ на заднюю синюю обложку и тамъ продолжается.

42) Обозначенія мѣсяца не имѣется, оно прибавлено редакціею.

43) На первомъ листѣ кромѣ упомянутаго девиза ничего не написано. Самый текстъ записанъ лишь со 2-ой страницы. На этой страницѣ помѣщенъ текстъ письма М. А. Протасовой. Печатается онъ здѣсь подрядъ,—отвѣтныя замѣчанія В. А. Жуковскаго—см. ниже на страницахъ 180 и слѣд.

44) Круглыя скобки и въ подлинникѣ, такъ же и ниже.

дѣлать счастіе ангела! О! моя жизнь мнѣ драгоцѣнна — и я берегу ее какъ твою принадлежность, которую нѣкогда должна буду тебѣ возвратить! Базиль, чего намъ бояться! — Отложимъ на часъ всѣ надежды (или крѣпкую вѣру на благость Божію, потому что счастіе наше впереди и оно *вѣрно*) и посмотримъ на вещи съ дурной стороны. Могу ли я зависѣть отъ В[оейкова], каковъ бы онъ ни былъ? Мое все со мною. Есть ли онъ имѣетъ особенные планы, то все они до меня не касаются; вліянія на судьбу мою онъ все[же] имѣть не можетъ, потому что съ твердостію, съ полною вѣрою въ твое сердце, я не могу быть столько слаба, чтобы забыть тебя и себя. И только въ такомъ случаѣ когда они совершенно вооружатъ мое сердце противъ себя, позволю себѣ такія средства, которыхъ теперь ничто бы извинить не могло. Ты говоришь: разставшись теперь, мы разстаемся съ надеждою жить когда нибудь другъ для друга—нѣтъ! я буду жить для тебя и вѣрно придетъ время, что буду жить и вмѣстѣ — но теперь еще это невозможно. *(Стран. 4)*. Послѣ возвращенія нашего изъ Дерпта, я не только всего надеюсь, но точно увѣрена въ счастіи, а теперь я еще его недостойна! Два года эти будутъ проведены розно — цѣль моя есть: дѣлаться лучше и достойнѣе тебя. Это развѣ не тоже что̀ жить вмѣстѣ? Счастье впереди! Вопреки всему, будь его достоинъ и оно будетъ твое. Одного только я бы желала: бо̀льшую довѣренность на Бога и безпечность младенца — тотъ кому *все* повѣришь — *все* и сдѣлаетъ. Вспомни наши планы, нашу надежду на Авд:[отью] Ник:[олаевну], на Вой:[ейкова]: не помагалъ ли намъ Богъ! Что мы несчастливы — отъ того, что не умѣемъ возложить на него свою довѣренность. Онъ для насъ *все* сдѣлаетъ! Базиль! ты слишкомъ огорчаешься разлукой. Скажи, много ли ты имѣешь утѣшенія теперь, будучи вмѣстѣ? Правда, что вчера мы имѣли хорошія, милыя минуты, но онѣ тебя не достойны. Mon ange, ta vie doit être active, utile à tout ceux qui t'entoureront, mais pas seulement à ceux qui seront avec toi. Elle doit l'être aussi à moi. Ton exemple me donnera des forces et du

courage. Другъ мой, одно мѣсто въ твоей тетрадкѣ меня огорчило, но ты вѣрно самъ разскаеваешься въ этомъ. Твоя жизнь не нужна, не драгоцѣнна!.... О, Базиль! ты знаешь, что моя связана съ твоею! Je n'aurai de force et de resignation qu'autant que je pourrai être tranquille sur ton compte, mais dès que j'aurai perdu cette seule consolation, il n'y aura plus ni bonheur, ni espoir pour moi. Береги свое здоровье—ты объ немъ уже *давно* не думаешь. Базиль! для тебя начнется *ничтожная* жизнь! О Боже мой! mon ami il faut être plus grand que le sort, tu ne te ressembles plus — *il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire.* Si Dieu voulait nous eprouver par de plus grands malheurs encore. Basile, je suis heureuse, en possedant ton coeur; mon sort est digne d'envie. Comment ne pas tout faire pour me perfactionner, pour me rendre digne de la recompense que j'ai *reçue avant (Стран. 6) le combat.* Oh! je me sens beaucoup de force et de resignation surtout.

Ecoute mon ami! je t'en prie ne donne pas la lettre à maman. Elle ne pourra faire aucun bien, mais si même elle en faisait, je te prierai encore de ne pas la donner. Оставь все на власть лучшаго заступника и ни что не пропадетъ. Есть ли у тебя есть силы, то поговори ей самъ, но этаго я желала бы только для того, что бы она хотя послѣдніе два дни была лучше съ тобою. О! какое ее ужасное раскаяніе ожидаетъ! Базиль, какъ мы счастливы въ сравненіи съ нею.—Eh bien! mon ami, point de lettre, oui! tu me le promets. N'as tu pas assez de ton propre cœur: de ta conscience, qui doit te mettre au dessus de tout. Et puis si tu le veux moi et nos amis sont aussi pour toi. Послушай, она слишкомъ чувствуетъ сама, что она не права; доказательства ей не нужны; признаться ей тяжело и отъ письма твоего она этаго не сдѣлаетъ.—Ты бы меня много утѣшилъ, есть ли бы послушался въ этомъ. Я боюсь за ее здоровье,—намъ надобно ее беречь.—О Базиль! что насъ разлучитъ? Цѣль, желанія, надежды, дѣйствія однѣ! А какое счастіе еще насъ ожидаетъ! Оно будетъ! Богъ мнѣ это говоритъ!

Теперь поговоримъ о томъ, чего я отъ тебя требую. Tu me promettera de t'occuper beaucoup. Basile, tes compositions feront ma gloire et mon bonheur. Естьли бы ты зналъ, сколько мнѣ упрекала совесть это бездѣйствіе, въ которомъ ты жилъ до сихъ поръ. Я не только причина всѣхъ твоихъ горестей, но даже и этаго мучительнаго ничтожества, которое отымаетъ у тебя будущее, не давая въ настоящемъ, ничего кромѣ слезъ. — И такъ занятія! непремѣнно *занятія*! Въ одной книжкѣ ты сказалъ, что оно будетъ для тебя драгоцѣнно, потому что твоя слава будетъ *моя*; я надеюсь на твои обѣщанія. Еще: я бы желала *очень*, что бы ты занимался воспитаніемъ *дѣтей*. Другъ мой, это *счастіе*, котораго не надобно отвергать—а кто можетъ *(Стран. 8)* болѣе тебя сдѣлать имъ пользы? И такъ ты сдѣлаешь и счастіе ихъ матери. Ты мнѣ и это обѣщаешь?—Творца надобно благодарить только за жизнь, сказалъ ты. (О! какъ я была счастлива въ эту минуту!). Послушай, Базиль — а эта жизнь есть только испытаніе, которое легко перенести можно! (Легко! легко только съ такимъ ангеломъ утѣшителемъ какъ ты!) Вообрази же награду, которая насъ ожидаетъ! Боже — мы твои дѣти!

Comme je voudrais te donner toute ma force et tout mon courage—mais cela aussi, c'est à toi que je le dois (А я! Чѣмъ я тебѣ не обязанъ! Ты во всей силѣ слова моя благодѣтельница.) je me sentais si faible, si differente de moi même. Toi qui fais tant de bien, comment n'est tu pas heureux!

Обѣщай дѣлать все то, о чемъ я тебя здѣсь прошу. Скажи, что ты надеешься. О! мы точно вмѣстѣ будемъ счастливы. Une voix intime me ce dit. Et celle la ne trompe jamais.

Je te promets de t'ecrire toujours, quelque part que je sois. Sur ce point—je suis sure de Woeykoff et quand nous serons à Pétersbourg Ал. Пав. me sera d'une grande utilité. Tes lettres à lui seront pour moi aussi, et puis les lettres d'Eudoxie seront dicteés par toi. Ты будешь писать рецензію между строкъ. Но главное то, что мое сердце пойметъ, чего нельзя будетъ написать. О! счастье — наше! — я это говорю за полтора дни

до разлуки съ тобою: стало быть я его *предчувствую* (вопреки всему).

Ангелъ мой! Богъ тебя благословитъ! Я не имѣю силъ сказать: *прощай*! Да и не должна! мы не разстанемся.—Je te benis, je prie pour toi à tous les instants du jour! *Ma vie!* Perseverance.

(Стр. 3)[45]). Не недовѣрчивость къ промыслу[46]), мой другъ а забвеніе самаго себя, естественное слѣдствіе смущенія и горести. Я видѣлъ, сколько печальнаго ожидало тебя въ будущемъ; многое можетъ быть и увеличивалъ, — когда подумаю объ этомъ и теперь, то такое же смущеніе; но теперь имѣю твое письмо—оно ото всего защита! Я его перечитываю и всякой разъ имѣетъ оно на меня вліяніе *добраго дѣла*,—я готовъ прыгать; чувствую себя легче и живѣе. Но знаешь ли, что я не даю себѣ воли часто читать это безцѣнное письмо. Я откладываю его нарочно, какъ радость, чтобы имѣть и наслажденіе ожиданія.

L'amour parfait chasse la crainte. Вотъ въ чемъ твое совершенство. Ты имѣешь такую спокойную вѣру. Она даетъ и любви твоей большую высокость. Ты лучше меня любить умѣешь, и я въ самой моей къ тебѣ привязанности долженъ принять тебя же за образецъ.

Такъ, мой другъ, будемъ смотрѣть на разлуку, какъ на срокъ — будемъ надѣяться. Мы сдѣлали условіе съ *тѣми*, кто объ нашемъ счастіи будетъ заботиться болѣе насъ самихъ. Будемъ увѣрены, что все хорошее будетъ и не позже, не ранѣе какъ нужно. Готовить[ся] *въ ожиданіи*. Въ этомъ словѣ теперь для насъ жизнь. Но все это не было бы для меня такъ понятно, когда бы я говорилъ тебѣ отъ одного себя; но и тутъ милость ко мнѣ провиденія. Я долженъ былъ на минуту забыться, чтобы

---

45) Отсюда начинаемъ печатаніе отвѣтныхъ замѣчаній В. А. Жуковскаго на письмо М. А. Протасовой. Они вписаны на нечетныхъ страницахъ тетради, а въ концѣ, по окончаніи письма Протасовой, — идутъ уже подрядъ до конца тетради.

46) Слова: «къ промыслу»—внесены поверхъ строки.

мой ангелъ изъяснилъ мнѣ мою должность — и какимъ языкомъ! — самый языкъ совести никогда не будетъ для меня такъ убѣдителенъ. — Языкъ утѣшенія, радости, однимъ словомъ — языкъ моей Маши. Наканунѣ и въ самый день отъѣзда, я сказалъ отъ сердца, что жизнь прекрасна, — это твое дѣло. Ты представила мнѣ въ будущемъ столько прекраснаго. Своему проступку обязанъ я тѣмъ, что началъ еще болѣе тебя уважать, началъ чувствовать твое превосходство надо мною, а какъ весело его чувствовать! Твои наставленія кажутся мнѣ чѣмъ то святымъ! И кто имѣетъ то, что я имѣю? Стоитъ о тебѣ вспомнить, чтобы обрадоваться что я живъ; стоитъ развернуть твое письмо, что бы во всякое время жизни имѣть утѣшеніе; ободреніе для хорошаго дѣла, защиту отъ дурнаго; поощреніе къ прекрасному; — всемъ, *(Стр. 5)* всемъ я обязанъ тебѣ; какъ весело въ этомъ признаваться! Знаешь ли что я перечитываю это письмо съ восхищеніемъ, но не даю себѣ этого удовольствія каждый день, что бы оно было дороже отъ ожиданія. Вѣчныя мечты! Ты мнѣ велела назвать тебя *своею матерью*, за ту нѣжную заботу о моей судьбѣ, которую ты имѣешь. Нѣтъ, мы не разстаемся — вся наша жизнъ будетъ тѣснымъ сношеніемъ другъ съ другомъ, une correspondance intime. Все что ни здѣлаю въ жизни — все для тебя, ты будешь знать обо мнѣ и будешь радоваться.

(Я не пишу того, что было писано о Воейковѣ. Несправедливость!)

Райское *вмѣстѣ* поручимъ Богу. Теперь одно, *мы живы* и другъ для друга. Заслуживать! При этомъ словѣ всѣ силы душевныя возбуждаются et il me semble déjà voir le royaume de Cachemire. Съ маменькою можешь обо мнѣ говорить свободно; теперь имѣемъ на это право; никто, кромѣ нея не можетъ насъ сблизить.

Ты говоришь: *ta vie doit être active*. Надобно было все это слышать *отъ тебя*, что бы сильно пожелать исполнить. Безцѣнное завѣщаніе моего друга, какъ его преступить! Мой примѣръ

для тебя нуженъ! нѣтъ, я могу только подражать тебѣ! Oui! montons la montagne! жизнь впереди! Какое счастіе: resignation et courage! Si tu veux mon exemple, tu l'aura. Теперь мое правило (и даю слово его исполнить!): *жить какъ ты велишь! какъ тебѣ нужно*! У меня баронесса [Черкасова?] спросила: какія же теперь мои намеренія? — Я ей отвѣчалъ: никакихъ! жить, какъ ей надобно! Въ этомъ все! (Милой другъ, прости! я не утерпѣлъ, что бы ей не сказать о своемъ предложеніи; мнѣ хотѣлось, что бы она знала въ совершенствѣ *что ты*! И какое для меня наслажденіе видѣть, какъ добрыя сердца тебѣ удивляются! Вотъ истинное мое достоинство: быть любимымъ такою душою, какъ твоя!)

Теперь слово о томъ, что ты отъ меня требуешь!—Требуешь, милой другъ: какое счастіе тебѣ повиноваться. Бездѣйствіе! Нѣтъ! оно было не отъ тебя. Теперъ мы розно, и чтоже влечетъ меня къ дѣятельности? Ты! Что же когда бы мы были вмѣстѣ и вмѣстѣ счастливы? И такъ вини не себя, а тѣхъ, которые наше вмѣстѣ разрушили.

(Стр. 7). Вотъ мой *кодексъ*. *Писать* (и при этомъ правило— жить какъ пишешь, что бы сочиненія были не маска, а зеркало души и поступковъ). Это будетъ моею съ тобой корреспонденціею. Слава моя будетъ твоею. Мнѣ сладко теперь думать о уваженіи, которое могу заслужить отъ отечества и котораго причиною будешь *ты*. Эта мысль даетъ мнѣ гордость и силу. Слава моя будетъ чистая и достойная моего ангела, *моей Маши*. Я буду писать много и безпрестанно.

Воспитаніе дѣтей. Это занятіе будетъ посвящено тебѣ же. Но какъ же я радъ, что ты угадала мои мысли. Я самъ хотѣлъ употребить на это часть времени. Темъ лучше, что это занятіе будетъ исполненіемъ твоей воли.

Владиміръ будетъ написанъ. Мы не розно. Мой Ангелъ вдохновенія всегда со мною. Мои милѣйшія желанія исполнены въ твоей любви. Остальное провидѣнію. Нѣтъ моя бѣлая книга не останется пустою, — *я бѣлой книги не страшусь*. Провиденіе твоею рукою начертало въ ней невидимыя черты, видимыя сер-

ну: — *жить для Маши, для всего добраго, быть ея достойнымъ, и этимъ заслужить счастіе, которое вѣрно.* Ты получишь ее изъ моихъ рукъ, и полную, полную, и во всякой часъ. Все недостойное тебя забыто или будетъ отброшено. Съ такимъ предметомъ я счастливъ.

Вотъ мои ежедневныя занятія:

1. *Собраніе понятій о религіи.* Надобно сдѣлать тебѣ мою исповѣдь. Я не могу быть передъ тобой лицемѣромъ. Я не имѣю того, что называется полнымъ понятіемъ о религіи. Но желаю вѣрить и буду имѣть чистую, достойную человѣка и Бога вѣру, Въ этомъ ты мнѣ порука. Искренность въ этомъ желаніи и довольно. Душевно буду искать убѣжденія, той вѣры, которая нужна для счастія, которая совершенствуетъ сердце. Что бы ни было, но жить по правиламъ христіанства. Это ведетъ къ небу. И такъ: чтеніе свящ[еннаго] писанія, книгъ о религіи, и твоей книжки. Свои мысли объ этомъ предметѣ и для тебя особенное собраніе этихъ мыслей.

(Стр. 9) 2. *Чтеніе моралистовъ.* Хочу непремѣнно дѣлать *свои прививки*, то есть каждой день къ какой нибудь хорошей чужой мысли прививать нѣсколько своихъ. Собраніе этихъ мыслей для тебя. Надобно, чтобы каждой день былъ означенъ своею особенною мыслію.

3. *Каждый день двѣ или три страницы прозы* о чемъ бы то ни было. Это составитъ современемъ порядочный матеріалъ для журнала. Особенный списокъ для тебя. На это уже готовъ альбомъ.

4. *Всякой день непремѣнно писать въ стихахъ*, и все будетъ для тебя переписано.

5. *Чтеніе книгъ о воспитаніи.* Прежде нежели приняться за дѣло, надобно понабраться мыслей и чужихъ естьли нѣтъ своихъ. Изъ этихъ матеріаловъ современемъ составить письма о воспитаніи и письма къ Дуняшѣ о ея дѣтяхъ. Можетъ выйти прекрасная *книжка (?).*

6. *Записывать свой день.* Это для тебя. Дурное и хорошее безъ закрышки передъ моимъ другомъ, передъ моею совестію,

передъ вторымъ провиденіемъ моимъ. Видишь ли, какая куча занятій, и при всемъ этомъ оживотворитель, ободритель, свидѣтель ты, мой другъ, моя благодѣтельница. Вотъ и расположеніе часовъ, что бы ты знала чѣмъ я въ какую минуту занятъ.

6 *часъ*. Чтеніе Св. Писанія и т. под. и твоей книжки.

7, 8 } Проза (письма).

9 Ходить.

10, 11, 12 } Стихи (письма)

1, 2 } Матеріалы для Владиміра

3, 4, 5 } произвольное занятіе. Не худо и поспать.

6 ход.

7, 8, 9 } Чтеніе мор[алистическихъ] книгъ и о воспитаніи.

10. Записки дня.

(Стр. 10)[47]) Отъ тебя желалъ бы, что бы ты дѣлала 1, 2 и 6 для меня, какъ я для тебя. Кажется, что это возможно. Сдѣлай книжку, въ которую бы записывать лучшее изъ Святаго Писанія и духовн[ыхъ] писателей. Къ этому прибавлять свои замѣчанія. Другую книжку для записыванія лучшихъ мыслей изъ всѣхъ книгъ и къ нимъ такъ же свои замѣчанія. Наконецъ, каждый день въ десяти строкахъ записать въ журналъ (въ голуб[ую] книжку) все это для меня. Этотъ журналъ будетъ вмѣсто писемъ. При случаѣ отдавать на почту, что будетъ легко. Мнѣ же особенно писать къ тебѣ будетъ нельзя. Но въ Дуняшиныхъ письмахъ все подчеркнутое будетъ мое

---

47) Отсюда продолжаются замѣтки В. А. Жуковскаго безъ перерыва.

Что же касается до денегъ, то вотъ мое требованіе (поздно я вздумалъ требовать!). Могутъ случиться весьма затруднительныя обстоятельства — ты не имѣешь объ нихъ понятія; *но вѣрь мнѣ*. Можетъ случиться то, что деньги вамъ будутъ спасеніемъ. 1000 Дуняшины и еще другая 1000, которую получишь отъ меня, должны у тебя храниться какъ залогъ. Обѣщайся мнѣ до этихъ денегъ ни въ какомъ случаѣ не касаться и беречь ихъ *на черный день*. Есть ли рѣшишься исполнить мою просьбу, то успо[ко]ишь меня совершенно. Я боюсь вашихъ нуждъ. Не имѣть денегъ въ такой дальней сторонѣ есть быть невольникомъ и самымъ жалкимъ. (а ты обо мнѣ не подумала и раздала безъ нужды свои деньги. Это меня очень огорчило и огорчаетъ). Береги эти деньги, какъ маменькино добро. Условіе: не тратить ихъ ни на что, а беречь про черный день. — Есть ли дашь слово исполнить это условіе, то я буду спокоенъ.

Теперь послѣднее слово. Другъ мой, perseverence, твердость и дѣятельность въ горѣ; вѣра къ будущему. — Однимъ твоимъ словомъ: *devant Dieu* ты дала мнѣ все: силу, надежду и даже счастіе. Мысль, что ты *(Стр. 11)* призовешь меня на помощь, когда нельзя будетъ ни чего другаго сдѣлать, замѣняетъ для меня все. Все прочее заключено для насъ въ одномъ: *будемъ достойны своего счастія*.

---

26 сентября.

Все это было написано 15 сентября. Милой ангелъ, кто бы могъ ожидать такой перемѣны!

Ein einziges Augenblick kann alles umgestalten.

Маша, дай руку на счастіе. Мы будемъ вмѣстѣ; *вмѣстѣ*! какъ мило это слово послѣ двухъ мѣсяцевъ горькой мысли, что мы разстались. Теперь нечего и нѣкогда тебѣ сказать. Прости, другъ безцѣнной! Безъ васъ буду много думать о нашей будущей жизни, о нашемъ миломъ вмѣстѣ; какого объ этомъ напишу и для тебя. Это будетъ послѣднимъ моимъ письмомъ къ тебѣ и единственнымъ,

какое ты имѣть будешь. Между тѣмъ чтобы ты знала, что буду безъ тебя дѣлать, то вотъ рапортъ.

1. Написать планъ *нашей жизни* (ангелъ, нашей). 2. Переслать къ Тургеневу мои сочиненія. 3. Собраться въ Дерптъ. 4. Посланіе къ Государю и перевести Библію.

Все то, что ты читала здѣсь было бы планомъ моей жизни *безъ тебя*.—Оно останется такимъ же, но къ этому прибавится только милое, одушевительное *съ тобою*. Надобно сдѣлать, чтобы наше вмѣстѣ было какъ можно яснѣе и спокойнѣе, но чего не снесешь для этого *вмѣстѣ*. Ты будешь моимъ ободрителемъ, моею наставницею. Боюсь только какъ бы Авд[отья] Никол[аевна] всего не разстроила. *(Стр. 12)* Но это уже твое дѣло. Другъ мой, будь моею защитницею. А я постараюсь обогатить себя такими мыслями, которыя бы утвердили, а не разтроили наше счастіе. Прости, душа, радость, жизнь!

[1815 годъ]. [48])

[Апрѣль.]

(На обложкѣ): Und trennen uns gleich Meer und Land,
Vereinigt uns doch Freundschaft band?
Und fester knüpft nach *kurzer Zeit*
Es einst die Ewigkeit!

Дерптъ. Апрѣля 14-го.

---

48) Обозначенія года и мѣсяца прибавлены отъ редакціи.

14 апрѣля.

(Стр. 1) Милой другъ, поняла ли ты то чувство, которое меня рѣшило къ тебѣ написать: *позволь мнѣ отъ тебя отказаться и самому найти человѣка, который бы могъ тебя сдѣлать счастливою*! Это самое лучшее чувство въ жизни моей и въ эту минуту я былъ счастливъ! Маша, въ эту минуту я точно тебѣ доказалъ, что я тебя люблю. Чемъ я жертвовалъ? Тѣмъ что было мнѣ всего дороже! Не одною надеждою, но вмѣстѣ и тѣмъ, что ее замѣняло, своею привязанностію, отъ которой готовъ былъ отказать[ся] и которую надобно было совсемъ перемѣнить, которой надобно было дать совсемъ другой характеръ! Ты должна знать, что заставило меня на это рѣшиться, — я хотѣлъ быть увѣреннымъ въ твоемъ счастіи, въ томъ, что тобою не пожертвуютъ, что ты будешь зависить и отъ меня! Мнѣ надобно было съ тобою разстаться и покинуть тебя подъ власть человѣка, который не умѣетъ тебя ни щадить, ни утѣшать. Въ эту минуту мысль *пожертвовать собою* (точно *собою*, то есть всемъ, что наиболѣе было *я*,) представилась мнѣ какъ вдохновеніе Божіе. Съ этою мыслію новая жизнь для меня открылась: *моя* семья, *мои* связи семейственныя, и что всего дороже ты, въ зависимости отъ меня, мой другъ, моя сестра, съ полною свободою любить другъ друга любовью родныхъ. Какъ за это не отдать всего съ наслажденіемъ. Но *первое* движеніе было право безкорыстное — слѣдствіе его представилось мнѣ *послѣ*. Ахъ! милая, какъ въ эту ночь я радовался жизнію. Я видѣлъ въ ней все новое. Но моимъ чувствомъ не умѣли воспользоваться, нашли способъ даже его охолодить. Какъ опытъ ни научилъ меня, что все мнѣ кажущееся возможнымъ одному, дѣлается невозможнымъ съ ними; но я не послушался и еще написалъ! Письмо прочтено было холодно; но жить стали со мною лучше — но въ чемъ же это *лучшее*, котораго лучше уже вѣрно не будетъ? Что мнѣ дали за мое счастіе, за мои сокровища: которыми я такъ рѣшительно пожертвовалъ? Одну наружность! Лице ласковое — а все прочее тоже. Я перемѣнилъ самое мнѣніе, рѣшился перемѣнить даже и чувство, рѣшился хо-

тѣть, чтобы и ты его перемѣнила—*(Стран. 2)*. Для этаго нужно большое надъ собою усиліе, большое постоянство и постоянная помощь съ ея стороны и съ твоей — это общее наше дѣло! А она что дѣлаетъ съ своей стороны! Какое усиліе беретъ надъ собою! Есть ли мнѣ можно обѣщать и стараться[49]) изтребить такое чувство въ сердце, къ которому я привязанъ — что весьма трудно — то почему же она не можетъ изтребить недовѣрчивости, которая мнѣ только мѣшаетъ исполнить мое обѣщаніе! Она требуетъ, что бы я былъ постояннымъ, а сама не можетъ и пяти дней выдержать такого характера, который для нее долженъ быть легокъ; требуетъ отъ меня искренности, что бы я внуттренно желалъ того, что обѣщалъ (и я на это рѣшился) а сама и не думаетъ, что ей нужна такая же искренность, дабы насъ обоихъ съ тобою поддержать. Я думалъ все сдѣлать для своего и еще болѣе для твоего счастія своею жертвою и вижу, что ничего не сдѣлалъ, а только наложилъ на себя жестокую неволю. Изъ того чистаго позволеннаго счастія, на которое теперь лично имѣю право, выходитъ одна тяжелая должность. Все что прежде меня съ тобою соединяло, должно быть разорвано — а что же на его мѣстѣ! Ничего! Въ душѣ ужасная пустота, на которою даже и жаловаться нельзя, потому что сдѣсь и сожаленіе не позволено. Все что прежде наполняло душу, естьли не изчезло, то сдѣлалось запрещеннымъ — надобно было его замѣнить! А какъ замѣнить, когда меня съ тобою, не смотря на обѣщаніе, разлучаютъ подозрѣніемъ? Я видѣлъ, что ты грустила, — это меня мучило, а какъ было помочь? Мысль, что ты воображаешь меня и холоднымъ, и равнодушнымъ, меня терзала — естьли бы я могъ говорить съ тобою свободно, какъ другъ, какъ родной, мы бы вѣрно согласились, мы оба любимъ доброе, а вмѣстѣ его любить весело — ты бы меня послушалась, а я видя твою рѣшимость могъ бы имѣть всю нужную мнѣ твердость и никогда бы не боялся слабости! Но какъ *(Стран. 3)*

---

49) Слова «и стараться» — приписаны тѣмъ же почеркомъ, или нѣсколько мельче поверхъ строки между строками.

же ждать, что бы теперь что нибудь для насъ перемѣнилось! Никто не подумаетъ о томъ, чего я себя лишаю, чего мнѣ должно стоить себя и тебя передѣлать! Они только требуютъ жертвы, а сами не хотятъ подумать, что значитъ эта жертва и сколько нужно съ ихъ стороны участія! Теперешнее обращеніе со мною войдетъ въ привычку; все будущее останется похожимъ на настоящее. Мы будемъ всегда розно и сверхъ того наша обязанность будетъ разлучиться и въ сердцѣ, потому что ты дала слово! Не только по прежнему будемъ мы—подъ тѣмъ же принужденіемъ, которое уже сдѣлало насъ виноватыми въ скрытности, но еще и въ самой привязанности другъ ко другу не найдемъ ни какого утѣшенія, ибо сохранить эту привязанность такою, какова она была прежде, запрещаетъ намъ наша должность. Моею любовію къ тебѣ я могъ только пожертвовать для твоего счастія.—Она была моею жизнію; я могъ промѣнять ее только на другую жизнь, на любовь къ тебѣ безъ примѣси собственнаго, на свободную любовь друга, брата, товарища! Дано ли мнѣ это счастіе? нѣтъ, и никогда оно дано не будетъ! Есть ли теперь не могли обрадоваться брату, то уже ему никогда обрадоваться не могутъ! Вообразятъ, что *все* для насъ сдѣлали! а какъ имъ доказать, что они не сдѣлали ничего? Это можно только чувствовать! Кто же принудитъ это почувствовать? Нашего положенія они не понимаютъ и понимать не могутъ! И живучи вмѣстѣ мы будемъ несчастнѣе нежели когда нибудь! И такъ необходимость велитъ уѣхать—и я беру *свое* назадъ! По крайней мѣрѣ розно съ тобою мнѣ своего лучшаго чувства изтреблять нѣтъ нужды! Но *съ нимъ* я не могу и не долженъ *здѣсь* остаться! Здѣсь я могу только быть братомъ, не по одному имени, а съ чувствами, *(Стран. 4)* съ обязанностями и есть ли хочешь съ счастіемъ брата. Розно съ тобою, я никому, кромѣ Бога, отчета въ своихъ чувствахъ не отдаю, а я увѣренъ, что онъ не отвергнетъ того, что у меня въ сердцѣ.

Ты не поняла меня, мой милый другъ! Это натурально! На твоемъ мѣстѣ и я можетъ быть такъ же бы тебя не понялъ! Намъ не дали и не дадутъ говорить другъ съ другомъ откровенно!

Есть ли бы мы имѣли эту свободу, мы согласились бы на то, что намъ теперь должно и вмѣстѣ бы рѣшились его исполнять и вѣрно были бы счастливы исполненіемъ, хотя оно и дорого бы намъ стоило. Но мы бы вмѣстѣ учились добродѣтели—это связь другаго рода и самая чистая и самая счастливая! Самое тяжкое въ моемъ положеніи было то, что я замѣчалъ твою грусть и чувствовалъ, что ты обвиняла меня тогда, когда я истинно стоилъ твоего уваженія и всей помощи со стороны твоей. Въ то время когда ты думала, что я пожертвовалъ всемъ au plaisir de je ne sais quoi, всемъ, даже и возможностію показывать къ тебѣ дружбу, когда уходила, что бы давать мнѣ грустныя минуты съ маменькою, когда воображала, что я *все забывъ* радовался дружбою своею къ Воейкову, въ то время когда онъ тебя такъ нѣжно утѣшалъ, *говоря что я не хочу тебя любить, а хочу только поскорѣе выдать, замужъ* (и ты даже считала нужнымъ въ *угожденіе* мнѣ кинуться первому на шею) въ то время когда была *одна* и даже въ самой себѣ не находила отрады — мнѣ было право не легче. Безпрестанное мучительное бореніе съ собою, котораго ни что не обле[г]чало и съ которымъ соединялась мысль, что ты должна обвинять меня. Имя брата, которое я одинъ взялъ на себя и за которое мнѣ ничего не давали, обязывало меня перемѣнить, вырвать изъ сердца всѣ прежнія чувства; При воспоминаніи о Красов- *(Стран. 5)* скомъ душа хотѣла вспыхнуть, но я себя удерживалъ и твердилъ себѣ, что такого роду движеніе не должно быть мнѣ свойственно. Часто, смотря на тебя, былъ готовъ забыться, но останавливался, уходилъ къ себѣ, и все опять возвращалось въ надлежащій порядокъ. Часто однако и съ самимъ собою не находилъ утѣшенія. Что было для меня прежде прибѣжищемъ—мыслью о твоей ко мнѣ любви, надежда на нее, для меня болѣе не существовала, потому что не должно было существовать болѣе! Этой мысли, этой надежды я долженъ былъ бояться! И свою любовь къ тебѣ—лучшее свое чувство—я долженъ былъ есть ли не уничтожить, то перемѣнить! Я запрещалъ себѣ это чувство, потому что назвался братомъ твоей матери и долженъ былъ имъ быть не

по одной только наружности. Вообрази же мое положеніе! — *Съ тобой*[50])—я былъ отъ тебя далеко, не только тѣмъ принужденіемъ, которое насъ рознило, но даже своею обязанностію, которая не только мнѣ [51]) на тебя запрещала смотрѣть преж[н]ими глазами, но и въ тебѣ такъ же искать и желать прежняго ко мнѣ чувства, мы сдѣлались совершенно *чужи* другъ для друга; *одинъ*—я былъ лишенъ всѣхъ своихъ воспоминаній и надеждъ, которыя давали мнѣ прежде бодрость и *думать* о тебѣ такъ, какъ прежде почиталъ не позволеннымъ, словомъ прежней Маши для меня уже не было, той, которая была соединена въ душѣ моей со всякимъ чувствомъ, а той, которая должна была заступить ее мѣсто, я еще не имѣлъ и слабо надѣялся имѣть, видя то принужденіе, которымъ, не смотря на наши жертвы, насъ разлучали! Я былъ въ уныніи, но право ни разу не поколебался въ своемъ пожертвованіи. И чтобы впередъ не поколебаться вотъ что для себя написалъ. (Но *для себя*, а вѣдь *ты* этого не знала — и никому въ голову не приходило того, что дѣлалось въ моей душѣ. Имъ только можно требовать пожертвованіе; величаться своимъ великодушіемъ, а понять человѣка не умѣютъ и не хотятъ). [52])

(Стран. 6). Апрѣля 11. (Надобно тебѣ знать, что я для собственнаго утѣшенія, оправданія и, естьли хочешь, для того, что бы хотя съ бумагою быть искреннимъ хочу непремѣнно, во всѣ трудныя минуты писать свои мысли—это и облегчаетъ и даетъ твердость! Пусть дѣлаютъ что хотятъ, пусть думаютъ обо мнѣ какъ хотятъ! Моя книга про меня знаетъ—и вотъ что я написалъ въ своей книгѣ:) «Прежде я имѣлъ цѣлію быть счастливымъ *вмѣстѣ* «съ Машею. Это *вмѣстѣ* было бы *средствомъ къ прекрасному*. «Прекрасное состояло бы не въ одномъ наслажденіи собствен«нымъ счастіемъ, но въ томъ что составляетъ настоящую жизнь,

---

50) Передъ этими двумя словами стояло зачеркнутое слово, похожее на «Розно» (?).

51) Слово «мнѣ» внесено сверхъ строки.

52) Такъ въ скобки заключено и въ подлинникѣ, тоже и далѣе по мѣстамъ.

«въ исполненіи ея обязанностей, въ добрѣ на дѣлѣ, въ нравственномъ своемъ усовершенствованіи. Отъ этаго теперь должно отказаться. Совсемъ другое должно теперь быть *средствомъ къ прекрасному*. Оно состоитъ въ пожертвованіи самимъ собою, въ совершенномъ забвеніи собственнаго и все *для нее*. Для этаго рѣшительно отказаться отъ невозможнаго (а что бы отказаться рѣшитель[но], то и перемѣнить свое къ ней чувство на лучшее, безкорыстное, братское), все употребить для сбереженіе семейнаго «покоя, твердо покориться судьбѣ или лучше своей должности, и не слабѣть въ исполненіи труднаго. Я назвался братомъ не для того что бы подъ этимъ именемъ имѣть непозволенныя чувства и желанія. Нѣтъ! но для того, что бы она была *мною* счастлива, что бы она принадлежала мнѣ какъ дочь моей сестры, что бы судьба ея зависѣла и отъ меня, что бы я имѣлъ въ ея матери настоящую сестру, товарища и друга, съ которымъ ея счастіе было бы общимъ нашимъ дѣломъ. Спокойствіе на счетъ ея судьбы и сладкая мысль что я имѣю участіе въ ея счастіи и еще болѣе сладостная объ немъ забота будутъ моею наградою. Съ именемъ брата должна разрушиться вся прежняя связь между нами, но начаться другая тѣсная и самая чистая. Надобно *сказать* себѣ и пріучить себя *думать*, что *(Стран. 7)* она не должна любить меня, какъ прежде, но любить какъ родного, какъ брата или лучше какъ отца, и заботиться о своемъ отдѣльномъ счастіи, не сливая его, какъ прежде, съ моимъ, но съ твердою увѣренностію, что дѣлая свое счастіе она въ то же время дѣлаетъ и мое. Не только должно это сказать самому себѣ, но и исполнить на дѣлѣ, *ее самое* пріучить къ этой мысли, изъ ея счастія вырвать все собственное, основанное на одномъ эгоизмѣ, все что было прежде общаго (несогласнаго съ нашимъ обѣщаніемъ) уничтожить, сдѣдовательно не желать, что бы и она имѣла то чувство, котораго я имѣть не долженъ, не только не желать, но и ее заставить не имѣть его— (а какъ заставить, Маша, когда мы не только не можемъ говорить другъ съ другомъ, но и глядѣть другъ на друга боимся) заставить ее ко мнѣ перемѣниться и утѣшать себя однимъ только

одобреніемъ сердца, что все сдѣлано, все принесено въ жертву должности и тому, что всего было[53]) дорожѣ, что теперь еще стало дороже. Однимъ словомъ мнѣ должно быть истиннымъ братомъ ея матери и поступать такъ, какъ бы долженъ былъ поступать истинной братъ! Теперь спрашиваю: въ чемъ счастіе Маши? Въ спокойствіи и свободѣ сердца, въ согласіи съ матерью и со всею семьею, слѣдовательно, и со мной въ увѣренности, что я счастливъ! Наконецъ, естьли такъ быть должно, еще и въ замужствѣ по сердцу, то есть чтобы съ другимъ имѣть то, чего надѣялась со мною! Мое же счастіе состоитъ теперь въ томъ, что бы Маша это все имѣла, что бы я видѣлъ, что она все это имѣетъ, что бы я былъ во всемъ этомъ участникъ! Стремленіе къ этому есть то, что теперь для меня прекрасное въ жизни. Что нужды, что трудно, что даже и вопреки себѣ! Самая трудность, самое страданіе есть средство къ прекрасному! Та минута, въ которую, для этой цѣли, я рѣшился пожертвовать собою была[54]) восхитительна! Но это чувство восхищенія часто пропадаетъ и я прихожу въ уныніе! Что нужды! Не дол(ж)но терять бодрости! Что чувство произвело въ одну минуту, то твердость должна исполнять въ теченіе жизни. Гдѣ жь было бы достоинство добродѣтели, когда бы она была и легка и пріятна? Надобно смотрѣть не на удовольствіе, а на достоинство внутреннее! Знать, естьли не чувствовать. *(Стран. 8)* Всякое исполненіе отдѣльной должности есть дорога по утесамъ, кончи ее—небо надъ головою и кашемиръ передъ глазами. Мое небо *ея счастіе*—и такъ унывать не должно. Что прежде наполняло душу, то разрушено—свои надежды замѣнить ея надеждами; чего желалъ для себя передать ей и изъ ея будущаго сдѣлать свое будущее! А для себя беречь настоящую минуту, которую посвятить дѣятельности и добру. Мы съ нею въ этомъ случаѣ не раздѣлимся; она будетъ увѣрена, что ея будущее есть мое и станетъ объ немъ думать, какъ о моемъ, и между тѣмъ

---

53) Слово «было» вставлено надъ строкою.

54) Начато было *пре*, но зачеркнуто.

будетъ видѣть, что я счастливъ настоящимъ, все имѣя въ настоя-«щемъ—свою работу, ея дружбу, одобреніе сердца, и надежду для «*нея одной* такого счастія, какого прежде желалъ для *насъ двоихъ*. «Но это все равно».

Вотъ что, милой другъ, я думалъ и, для своего ободренія, записалъ для себя въ то время, когда тебя утѣшали съ насмѣшкою, говоря, что я не хочу тебя любить и брежу тѣмъ, какъ бы тебя поскорѣе выдать замужь! А ты огорчилась, думала что ты мнѣ въ тягость, и богъ знаетъ что еще тебѣ приходило въ голову. Но это все отъ того, что ты не могла со мною объясниться. Естьли бы, я могъ быть твоимъ товарищемъ такъ какъ бы это теперь было должно—ты бы мнѣ повѣрила, ты бы со мною во всемъ согласилась, и мнѣ и тебѣ было бы легче исполнить общую должность. Мы бы сдѣлали другъ друга счастливыми. Въ этомъ я увѣренъ; ни кто не можетъ такъ успокоить и рѣшить на все доброе моего сердца, какъ ты; и ни кто не можетъ сдѣлать того на душѣ твоей, что я могу сдѣлать. Мы бы возвратили другъ другу спокойствіе, когда бы намъ дана была воля и надлежащая довѣренность. Жить вмѣстѣ съ такою цѣлію, какую я себѣ предписалъ, было бы сначала труднѣе, но послѣ гораздо лучше—мы бы вели другъ друга прямо къ добродѣтели, путемъ пожертвованія и должности и были бы счастливы взаимнымъ другъ къ другу уваженіемъ. Я исполнялъ бы à la lettre то, что себѣ предписалъ, а ты, *(Стран. 9)* согласившись во всемъ со мною, первая и лучше всехъ мнѣ бы помогала. И ты бы должна была сказать себѣ тоже, что я: мнѣ надобно смотрѣть на него другими глазами. Чего онъ хочетъ? Моего счастія! *И я хочу его!* Въ чемъ полагаетъ онъ это счастіе? Въ свободѣ и спокойствіи сердца, въ согласіи съ моею матерью? Въ моей увѣренности, что онъ счастливъ? Въ довѣренности къ нему, которая не иное что какъ мысль (которой ни чьи слова перемѣнить не могутъ), что онъ мое счастіе всему предпочитаетъ, что онъ стоитъ хочетъ моего уваженія, столько, сколько самъ меня уважаетъ, на конецъ и въ томъ, что бы я была счастлива за мужемъ! *я помогу ему найт-*

ти это счастіе. Но какія же для этаго средства? *Что бы имѣть спокойствіе и свободу сердца* ты бы должна была не только сказать себѣ, но и пріучить себя къ мысли, что я твой братъ, твой родной другъ и непремѣнно смотрѣть на меня совсемъ другими глазами, и дать совсемъ другой характеръ своей ко мнѣ привязанности (не сдѣлавъ этаго или не стараясь искренно этаго дѣлать, намъ теперь жить вмѣстѣ не льзя — мы дали слово! Но намъ иначе нельзя этаго будетъ сдѣлать, какъ имѣя полную свободу другъ съ другомъ, говоря другъ другу все что на сердцѣ, а не быть разлученными, какъ теперь, подозрѣніемъ, которое только что напоминаетъ о прежнемъ и лишаетъ силы себя перемѣнить!) Съ этимъ неразлучно и твое *согласіе съ матерью а мое съ моею сестрою.* Что можетъ лучше согласить, какъ не съ ея стороны полная довѣренность? ибо тогда она все для насъ сдѣлаетъ и будетъ имѣть право на нашу благодарность, а съ нашей стороны[55]) искренняя жертва и стараніе ее поддержать. Тогда бы и ты и она взаимно другъ другу были всемъ обязаны и это стѣснило бы нашу дружбу и мы точно бы другъ друга любили, точно бы жили другъ для друга. Чтобъ быть *увѣренною въ моемъ счастіи* тебѣ только нужно заботиться о своемъ! ибо мнѣ точно ничего не надобно кромѣ его, кромѣ исполненія своей должности[56]) и мысли что и ты такъ же ее охотно исполняешь, какъ я, кромѣ нужнаго покоя для своихъ работъ, которыя при мысли о твоемъ счастіи полетѣли бы прямо на крыльяхъ! Когда все это будетъ, то есть, твое счастіе, работа, и любовь моей *(Стран. 10)* семьи, искренняя а не по одной наружности, то уже мнѣ право желать ничего не останется. И естьли ты можешь воображать, что мнѣ еще что ни будь нужно, то очень ошибешься и только сама все разстроишь. Въ этомъ случаѣ ты должна à la lettre быть со мною согласна и эта статья самая легкая. Для полной *довѣренности къ моему сердцу* (довѣренности, которая теперь должна быть совсемъ

55) Зачеркнуты: «не тольк».

56) Далѣе слова: «и мысли, что и ты такъ же ее охотно исполняешь, какъ я»—мелкимъ почеркомъ вписаны сверху между строкъ.

другаго рода) тебѣ должно только помнить, что я всемъ пожертвовалъ для твоего счастія и что эта жертва еще болѣе меня къ тебѣ привязала, слѣдовательно перемѣниться къ тебѣ не могу иначе какъ въ лучшее, что эта привязанность, теперь совсемъ иная, всегда будетъ главнымъ моимъ чувствомъ и теперь еще болѣе причиною всего добраго; что слово *être à charge à moi* есть жестокое, убійственное для тебя и для меня слово; что я не могу не хотѣть любить тебя, чтобы ни говорили тѣ, которые не знаютъ, что такое любить; что теперь для меня любить тебя значитъ быть добродѣтельнымъ и предпочитать всему на свѣтѣ святую должность; что желаніе выдать тебя за мужь въ моемъ сердцѣ есть высочайшая степень къ тебѣ привязанности, самой безкорыстной, забвеніе не о самомъ себѣ, но обо всемъ, что[57]) принадлежитъ къ эгоизму; что это слово: выдать за-мужъ только на языкѣ нечувствительнаго человѣка, который хотѣлъ позабавиться надъ твоимъ страданіемъ оскорбительно, а на моемъ языкѣ значитъ: твоя семейная жизнь, твои семейныя радости, все прекрасное для чего ты рождена и что ты должна имѣть, и что дать тебѣ съ человѣкомъ тебя достойнымъ было бы верхъ моего счастія! Желать тебѣ такого счастія никто болѣе меня не можетъ; я знаю ему цѣну и потому то, что знаю ему цѣну, желаю, что бы оно было твоимъ — а этаго желать тебѣ можно и совершенно забывъ о себѣ, не будучи ни холоднымъ къ тебѣ, ни равнодушнымъ и что бы исполнить такое желаніе, тебѣ не должно бросаться *къ первому на шею*, а на противъ стараться всѣ тѣ условія выполнить съ которыми *я*, а не другой кто, могу имѣть его во глубинѣ сердца. Милой другъ, вспомни для чего я совершенно отъ тебя отказался? для того что бы имѣть полную безпечность *(Стран. 11)* на счетъ твоей судьбы, что бы радоваться мыслію: теперь нечего за нее бояться! по крайней мѣрѣ могу быть увѣренъ, что прежняя ея ко мнѣ привязанность будетъ хранителемъ ея сердца, что она будетъ за мужемъ только за тѣмъ, кто замѣнитъ для нее

57) Зачеркнуто слово: «есть».

меня, кто лучше меня дастъ ей счастіе, кому она такъ же захочитъ себя повѣрить, какъ мнѣ! Это давало моему сердцу полное спокойствіе на счетъ твоей будущей судьбы и къ этому то счастію желалъ бы я быть твоимъ проводникомъ — я бы шелъ къ нему вмѣстѣ съ тобою какъ къ своему. И точно мнѣ бы ничего желать не осталось, ибо при этомъ все что мнѣ нужно, у меня бы было: трудъ, семья и одобреніе сердца. Однимъ словомъ мы бы шли по дорогѣ добродѣтели вмѣстѣ. Она трудна; за то лучше всѣхъ прочихъ. А ты, не понявши меня и повѣривъ толкователямъ моихъ чувствъ, которыя не постигаютъ ихъ, сама хочешь лишить меня плода моего пожертвованія! То, для чего именно все сдѣлано, хочешь уничтожить. Но всему причиною то, что мы не можемъ говорить другъ съ другомъ — что насъ стерегутъ! Намъ не вѣрятъ! Не даютъ намъ никакого счастія вмѣстѣ даже и добродѣтели вмѣстѣ.

До сихъ поръ я написалъ, когда получилъ твою послѣднюю записку. Такъ точно! *Для дружбы все что въ мірѣ есть*! Ничего другаго не прошу, какъ только счастія исполнить это на дѣлѣ и отдать мое *все* для моего *друга*, для моей сестры, для той, которой всѣмъ хорошимъ обязать и теперь еще лучшимъ буду обязанъ — *добромъ на опытѣ*. Но это *добро на опытѣ* возможно только съ прямою довѣренностію. Безъ нея ничему быть невозможно. Есть ли ее не будетъ, то я осуждаю и тебя и себя на прямую гибель— у насъ все возьмутъ и намъ никакого утѣшенія не останется. Въ *ея* довѣренности вся подпора. Я хочу лично быть счастливъ моею жертвою и видѣть что ты ею счастлива будучи розно съ тобою, буду не въ состояніи съ тобою объясниться, будемъ ли понимать другъ друга, и что насъ можетъ подкрѣпить? Развѣ отказавшить отъ тебя я перемѣнился? Развѣ можно все изъ себя сдѣлать однимъ словомъ? Нужно постоянство, нужна твердость! А какъ ихъ имѣть, когда принужденіе и подозрѣніе всякой часъ будутъ отымать силы! У насъ въ душѣ будутъ однѣ чистыя намѣренія, *(Стран. 12)* а все вокругъ насъ будетъ слу(жи)ть къ тому только, чтобы эти намѣренія ослаблять! Какъ же за себя ру-

чаться? Послѣ такого рѣшительнаго обѣщанія измѣнить себя не будетъ ли ужаснымъ несчастіемъ, которое отравитъ всякую минуту жизни! Одинъ дурной шагъ—и прости спокойствіе! Излишней на себя надежды имѣть не должно и въ хорошихъ обстоятельствахъ; а какъ на себя надѣяться, когда для насъ только что обременяютъ исполненіе обязанности! Прежде мы иное себѣ позволяли, потому что не давали слова перемѣнить свои чувства, а теперь, обѣщавъ это, и въ самомъ сердцѣ должны согласоваться съ обѣщаннымъ. По настоящему въ трудныхъ обстоятельства(хъ) и должно удержаться на прямой дорогѣ — болѣе было бы достоинства! Но я опять скажу, себѣ не должно слишкомъ вѣрить! Прибавлю къ этому еще одно — будучи не въ состояніи съ тобою говорить, я буду видѣть твою грусть и это только у меня отыметъ бодрость! Надобно будетъ не только бороться съ собою но и съ чувствомъ твоей горести, видѣть что ты отъ меня страдаешь и не имѣть возможности тебѣ помочь! Между тѣмъ и самая борьба будетъ безъ успѣха — нѣсколько времени будешь себя удерживать, стараться переломить и вдругъ одна минута все снова разстроитъ! Опять начинай снова и уже съ большею слабостью и съ меньшею надеждою! Это уже и случилось, было, со мною! Отъ такого безполезнаго усилія потеряешь и самое къ себѣ уваженіе, и даже то, что казалось добродѣтелью, потеряешь свою прелесть. Они не думаютъ какъ это трудно, и какъ нужна съ ихъ стороны помощь. Что открыло тебѣ глаза, что привлекло тебя ко мнѣ въ тайнѣ, что и тебя и меня заставило наконецъ скрываться? Подозрѣніе и принужденность! Почему же и теперь нельзя того же бояться? Почему она объ этомъ не подумаетъ. Я имѣлъ силу сказать себѣ: перемѣни все и всемъ пожертвуй! имѣлъ силу желать этаго искренно! имѣлъ силу даже нѣсколько времени искренно себя превозмогать — а она не имѣетъ силы сказать себѣ: буду любить брата какъ сестра и совершенно ввѣрившись ему, дать ему все возможное счастіе! То что я теперь дѣлаю, есть дѣло жертвы и жертва свободная, но весьма трудная— *(Стран. 13)* то что ей должно сдѣлать, совсемъ не есть жертва,

напротивъ ей же самой счастіе! Развѣ трудно повѣрить своей дочери и своему брату и быть между нами безъ всякаго подозрѣнія! Она говоритъ мнѣ: будь твердъ, а сама ни какой твердости не имѣетъ въ своей довѣренности! Два дни хорошо, а десять дурно! — Наше вмѣстѣ, съ тою прекрасною цѣлію, какую я себѣ предположилъ, было бы прекрасно, но безъ довѣренности ему быть не можно. Ея къ намъ не имѣютъ—и намъ *разстаться*. Такъ и быть, естьли уже ничего имѣть не должно. Разлука все мое мнѣ возвращаетъ. Я все отдавалъ, что мнѣ дорого, отдавалъ искренно, и ты бы тоже сдѣлала. Мое письмо у маменьки. Она знаетъ, что могла бы изъ меня и для меня сдѣлать. Но въ этомъ же письмѣ я говорю, что могу быть братомъ только вмѣстѣ съ нею, что розно она не имѣетъ ни какого права на мое сердце, ни на тѣ чувства, которыя въ немъ; что я жертвую ими не потому, что считаю ихъ беззаконными, а потому что искреннее пожертвованіе считаю необходимымъ для общаго счастія. И такъ я передъ нею правъ—правъ самыми чувствами. Разлука избавитъ насъ отъ опасности нарушить данное слово. Все будущее другъ для друга и для добра. Теперь ты въ своей горницѣ не будешь одинокою—твой вѣрной товарищь будетъ съ тобою, а мой ни когда меня не покинетъ. Теперь не буду бояться своего чувства; оно по прежнему будетъ во мнѣ источникомъ всего прекраснаго. Я нашелъ для себя правило, котораго теперь не отдамъ за миліоны: *все въ жизни къ великому средство*. Это правило можно легко примѣнить какъ къ цѣлой жизни, такъ и къ каждому отдѣльному обстоятельству! Стоитъ только спросить у себя: къ чему великому или прекрасному оно можетъ быть средствомъ. Этому правилу я уже обязанъ многими добрыми минутами и съ нимъ нигдѣ и никогда не пропадешь. Нужды терпѣть не буду — я одинъ! Вспомни Эверса и скажешь себѣ, что бѣдности нѣтъ на свѣтѣ. Не воображай меня несчастнымъ, — у меня есть твое уваженіе, твоя дружба, воспоминанія, друзья, прекрасная цѣль и твердость! Я буду вѣрить твоему сердцу; это значитъ, что ты все употребишь для своего счастія и ни когда имъ не пожерт-

вуешь изъ воспоминанія о своемъ братѣ и благодарности за его къ тебѣ любовь! Этой только вѣрности отъ тебя требую и на этомъ только условіи *все* обѣщаю. *(Стран. 14)* Я желалъ бы, что бы ты была болѣе съ собою, съ своими мыслями, съ своимъ Фенелономъ; что бы ты записывала для себя свои мысли, чувства и опыты, такъ какъ это уже начала было дѣлать. Знаешь ли какъ это утѣшительно, особливо тогда, когда бы желалъ и не можешь кому нибудь передать сердце. Пусть этотъ *кто нибудь* будетъ бумага. Думать и выражать мысли есть облегченіе. Я же смотрю на жизнь теперь совсемъ другими глазами — человѣкъ не долженъ быть несчастливъ, естьли только онъ можетъ быть добрымъ! Эверсъ одинъ на свѣтѣ и бѣденъ! На что будущее? Вся жизнь въ настоящей минутѣ, посвященной добру! За такою доброю минутою слѣдуетъ другая ей подобная — слѣдовательно и счастливая, изъ минутъ дни, изъ дней жизнь, а за жизнью вѣчность и вмѣстѣ. Такъ не примѣтно отъ одной доброй минуты переходя къ другой очутимся вмѣстѣ съ прекраснымъ прошедшимъ, въ которомъ такъ же были не розно, потому что были равно добры. Прости. Perseverence.

15 апрѣля.

Вчера, въ то время когда ты была у вечерни — я прошелъ въ низъ и нашелъ маменьку одну съ Сашею. Я говорилъ съ нею опять и искренно. Сказалъ ей, что не говѣю отъ того что она не позволила бы мнѣ ходить въ церковь вмѣстѣ съ тобою и что такого рода осторожность совсемъ не годиться; что я хочу имѣть ту же свободу съ тобою, какъ съ Сашею; что мнѣ больно теперь бояться и говорить съ тобою и смотрѣть на тебя, теперь, когда я ей братъ; что ей нельзя требовать чтобы[58]) слова были дѣло— что я имѣю искреннее намереніе все перемѣнить, но что перемѣнится все отъ постоянства, а не вдругъ однимъ словомъ, и что для этаго нужна съ ея стороны помощь; что я всегда замѣчалъ, что принужденность только ослабляла меня, и что я при ея со

58) Далѣе зачеркнуты два слова.

мною перемѣнѣ самъ мѣнялся; — окончаніе разговора было, что тебя *надобно выдать за мужъ* (это она сказала) — я прибавилъ: *надобно что бы ты была счастлива.* — Послушай, другъ! Нѣтъ ничего лучше семейственнаго счастія и ты должна его имѣть. Я одного только боюсь, именно, что бы не случилось то, от(ъ) чего я своимъ пожертвованіемъ тебя хотѣлъ избавить. Естьли тебѣ сдѣлаютъ насиліе и ты выдешь замужь не только безъ склонности, но еще и сохранивъ противное чувство—и естьли я еще долженъ буду этаго быть свидѣтелемъ—тебѣ должно освободить сердце для счастливаго *(Стр. 15)* замужства; отдать себя другому съ надеждою, что будешь съ нимъ счастлива — однимъ словомъ сдѣлать изъ себя все то, что бы быть готовою для семейнаго счастія, но никакъ не жертвовать собою! Эта жертва не только безполезна но, можно сказать, и преступная. Для чего можетъ быть необходима она! Что бы имѣть эту готовность *быть счастливою* съ другимъ, ты должна пріучить себя смотрѣть на меня другими глазами, видѣть во мнѣ брата, друга, который этаго же счастія за тебя желаетъ, но для меня же и изъ уваженія къ своей должности ты должна стараться, чтобы[59]) замужство было для тебя счастіемъ драгоцѣннымъ, а не бѣдствіемъ, съ которымъ ничего на свѣтѣ не сравнится. Особливо для тебя это бѣдствіе будетъ несносно. Что же я буду, естьли за все, что у меня взято, еще надобно будетъ быть его свидѣтелемъ!

Однимъ словомъ опять, имѣю надежду, что сестра моя будетъ моею сестрою и что мнѣ дано будетъ право любить мою Машу и жить для ея счастія. Но я желалъ бы чтобы и ты посмотрѣла безпристрастными глазами, основательна ли моя надежда? Не лучше ли я сдѣлаю, когда съ вами разстанусь? Живучи вмѣстѣ, не будемъ ли мы только нарушать другъ другу спокойствіе?

16 апрѣля.

Вчера утро было прекрасное. У насъ у всѣхъ было на душѣ свободно. Мнѣ кажется, что есть начало той довѣренности, кото-

---

59) Далѣе было написано: «это было», но зачеркнуто.

рой я желаю и которая одна все намъ дать можетъ. Когда я принесъ цвѣты, то *объявилъ*, что одинъ горшокъ для тебя — это не сдѣлало дурнаго впечатленія. Когда дѣлалъ приготовленія къ обѣду — то ихъ не приняли въ дурную сторону. Добрый знакъ. Вчера еще, безъ васъ, но при ней, побранилъ я Воейкова, за его стихи ко мнѣ въ Альбомъ, въ которыхъ онъ хвастаетъ своею дружбою ко мнѣ, которая будто *гладила меня противъ шерсти* и сказалъ ему довольно рѣзко, что я отъ него ни когда не слыхалъ жестокой правды и что мнѣ совсемъ не нужно напоминать, что тотъ другъ, который говоритъ правду, хотя и непріятную. Это не имѣло дурнаго впечатленія. Но объ этихъ стихахъ Воейкова ко мнѣ знаетъ моя книга. Они служатъ новымъ[60]) доказательствомъ, что онъ вездѣ хочетъ быть въ виду, всемъ казаться. И здѣсь онъ хотѣлъ дать почувствовать, что теперешняя моя перемѣна есть плодъ той жестокой правды, которую онъ мнѣ сказалъ—хорошій плодъ хорошаго разговора. Я спросилъ у него, *(Стран. 16)* когда онъ говорилъ мнѣ такого рода правду? И напередъ угадалъ его отвѣтъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: *а третьяго дня*? Именно то, чего я ожидалъ. Это тотъ день, въ который я написалъ у него въ альбомѣ. Черта негодная. Есть ли бы онъ зналъ настоящую причину! Но что ему до настоящихъ причинъ! Ему хочется только *казаться*! Не *жить*, а только заставить другихъ думать, что онъ *живетъ*! Оставимъ это. Я не могу быть оскорбленъ и униженъ тѣмъ, что могутъ подумать, что я только потому, что Воейковъ доказалъ мнѣ, что надобно *исправиться*, рѣшился на перемѣну образа чувствовать! Голосъ и оправданія сердца всего лучше! А ты моя Маша, мой двадцатилѣтній Эверсъ, знаешь что у меня въ душѣ—чего же болѣе! Можно жить прекрасно! Стоитъ только теперь стараться о нашемъ счастіи и сказать себѣ въ чемъ оно состоитъ.

Докончу сперва исторію вчерашняго дня и нынешняго — а тамъ слова два и о будущемъ. — Вчера послѣ причастія ты об-

---

60) Слово: «новымъ» приписано надъ строкою.

няла маменьку, и она заплакала вмѣстѣ съ тобою. Напрасно я взялъ ее за руку—этимъ я напомнилъ ей только о прошедшемъ. А, въ эту минуту, естьли бы она тоже насъ понимала, мы бы должны были думать объ одномъ прекрасномъ будущемъ[61]) и на всю жизнь, *другъ другу повѣрить*. Мысль, что она не поняла меня, стѣснила и даже охолодила мнѣ сердце на минуту—но perseverence! и все будетъ. Ввечеру, когда я возвратился домой и нашелъ васъ всѣхъ вмѣстѣ и тебя такою веселою, не знаю отъ чего стало мнѣ грустно—нѣтъ! знаю отъ чего! Я вообразилъ, что кто ни будь другой уже на моемъ мѣстѣ, а еще сердце не такъ привыкло къ этой мысли! И поутру проснулся съ этою же грустью—но утро всегда возвращаетъ хорошія мысли. Ты не огорчайся, есть ли будешь видѣть меня въ иныя минуты и унылымъ и мрачнымъ! Можно ли не быть теперь этимъ минутамъ! и они будутъ еще можетъ быть долго! Только не бойся ихъ и для нихъ не перемѣняй того, что должно быть не на минуту, а на всегда. Когда старое возвращается — я грустенъ! Эта грусть вѣрный товарищъ эгоизма! Хорошее, доброе, безкорыстное, то что есть настоящая любовь къ моей милой сестрѣ, единственно ея достойная, то всегда весело, ясно и чисто! Я знаю, каковъ[62]) я теперь *быть долженъ*—понятіе объ этомъ во всякую минуту, и хорошую, и дурную, *одинаково*; но я еще не сдѣлал(ся) тѣмъ *что должно*; я еще ни какъ не дошелъ до той высоты, на которой быть *должно*—вѣдь, я отказываюсь отъ тебя не изъ равнодушія, не изъ холодности! Дать другое свойство моей привязанности къ тебѣ я долженъ и рѣшился! Но этаго не сдѣлаешь *(Стран. 17)* въ одну минуту! и ты должна мнѣ помогать! По старой привычкѣ я называю *моимъ* то, что не должно быть *моимъ*, или что будетъ моимъ, но не такъ, какъ прежде! Развѣ я потеряю тебя, тогда когда ты будешь *счастлива* съ другимъ? и счастлива нѣкоторымъ образомъ отъ меня? Нѣтъ! милая, повѣрь, что мое сердце привыкнетъ предпо-

---

61) Зачеркнуто тщательно другими чернилами одно слово въ 3—4 буквы.
62) Неясно читается слово съ поправкою въ 4 буквы: «чѣмъ (?)».

читать это счастіе прежнему! Только ты будь моею помощницею! Смотри на это такъ какъ мнѣ должно; не огорчайся моими тяжелыми минутами! Иди впередъ, за тобою и мнѣ будетъ легко; есть ли же и надъ тобой что нибудь грустное будетъ имѣть силу, не поддавайся; всякую противную мысль удаляй отъ себя, а есть ли трудно, жди чтобы доброе опять возвратилось и оно вѣрно возвратится, такъ какъ я уже это испыталъ на себѣ. Жди того, что скажетъ доброй шептунъ, который всегда умѣетъ дать бодрость душѣ. Что бы грустныя минуты не приводили въ отчаяніе и не мешали бодрости! Это минуты, которыя проходятъ, а доброе не мѣняется. Когда увидишь меня грустнымъ, думай, что это не на долго; когда увидишь веселымъ, знай, что я доволенъ собою, что въ эти минуты наиболѣе люблю тебя и что въ душѣ у меня свѣтлыя мысли о твоемъ счастіи, что я воображаю себя его причиною, что съ этой минуты все низкое пропадаетъ и все хорошее беретъ верхъ! Милой другъ, и въ грусти и въ радости помню тебя,—но въ грусти я болѣе эгоистъ; а въ радости я весь принадлежу тебѣ. Послѣднее лучше и ты должна желать, что бы послѣднее сдѣлалось постояннымъ. Оно даетъ мнѣ прямое счастіе. Съ *прежнимъ*, я не могу ни чемъ заняться. *Послѣднее* напротивъ оживляетъ во мнѣ все; занятіе становится и пріятнее и успѣшнее, а все хорошее — еще лучше. Прекрасныя мысли и чувства теперь имѣютъ еще болѣе цѣны для меня. Давича это мѣсто въ проповѣди мнѣ[63]) понравилось такъ, какъ бы прежде не могло понравиться. *Пусть время промчится надъ ихъ гробами—лишь бы не унесло объ нихъ воспоминанія! Они живы!* Вообразимъ же, что въ прошедшемъ умерло для насъ только то, что не должно жить всегда; но чистое, вѣчное осталось! Пусть проходитъ время — оно не умертвитъ того, что вѣчно! Оно живо! Мы живемъ для другаго и лучшаго! Разставшись во всемъ томъ, что не должно быть нашимъ *вмѣстѣ*, мы ближе другъ къ другу въ томъ, что теперь прямо *наше*. Теперь *прекрасное* состоитъ

63) Далѣе было слово «болѣе», но зачеркнуто.

для насъ въ побежденіи себя. Для тебя *побѣдить* себя значитъ[64]) все сдѣлать для своего счастія и совершенно увѣриться, что въ немъ и *мое*, слѣдовательно, пріучить себя думать объ немъ такъ, какъ бы ничего прежде не было. Для меня *(Стран. 18)* побѣдить себя значитъ совсемъ не имѣть прежн[ихъ] желаній и надеждъ, все что было вдвоемъ, передать тебѣ одной—однимъ словомъ жить въ будущемъ за *тебя*. О! въ этомъ будущемъ много прелестнаго! Развѣ трудно желать его и надеяться съ такою же живостью за одну тебя, какъ прежде за насъ двоихъ! Не отыми же у меня этой надежды и будь мнѣ въ ней товарищемъ. *Средство* къ этому *прекрасному* есть искреннее пожертвованіе тѣмъ, что ему противно. А что бы было пожертвованіе, нужна твердость! нужно, чтобы мы другъ съ другомъ были согласны. Я уже сказалъ, въ чемъ твое счастіе и ты должна въ этомъ себя увѣрить! Не думай ни какъ, что желая его ты нарушишь любовь и ей измѣнишь! Напротивъ, теперь измѣною будетъ есть ли будешь дѣлать не то, что должно! Ты должна имѣть прекрасныя надежды, ты стоишь того, чтобы они были исполнены, а для меня не должно ли быть счастіемъ когда онѣ исполнятся! Что же касается до моего собственнаго, то и объ это[мъ] ты должна имѣть мои же понятія! Ты говорила маменькѣ, что желала бы видѣть меня отцемъ семейства; милая, я могу прожить безъ этаго—мнѣ же надобно *искать самому*, а тебя напро[тивъ] — *искать будутъ*! Это большая розница! И мое положеніе совсемъ другое, чѣмъ твое — я имѣю занятія, имѣю кругъ дѣйствія; для тебя же другаго нѣтъ, какъ въ семействѣ. Но главное, чтобы ты была счастлива въ семействѣ. Этаго то счастія хочу, чтобы ты надѣялась, этого счастія желалъ бы тебѣ дать—сколько еще много мнѣ останется. Мысль что ты все имѣешь, твоя дружба, работа полезная и одобреніе сердца.

Прошу все это переписать и такъ, какъ переписана прежняя голубая книжка — то есть страница твоя, страница моя. Себѣ

64) Далѣе стояло «увѣриться», но зачеркнуто; *запятая* же послѣ его осталась.

не такъ вѣрю какъ тебѣ. А то что скажешь мнѣ ты то будетъ свято; я буду тогда твердъ и все исполню. Съ этой минуты я твой другъ, твой братъ — и въ этомъ perseverence.

Вотъ тебѣ и тетрадка, въ которую переписать.

Назначить *правила* обхожденія съ каждымъ особенно, съ маменькой, Воейковымъ, тобою и — съ собою.

NB. Я никогда не говорилъ Воейкову, что ты мнѣ сказала о Красовскомъ; онъ солгалъ; онъ поступилъ съ тобою, какъ полиціймейстеръ съ колодникомъ; — мое NB. стерто! видно онъ его видѣлъ.

28 апрѣля.

(Стран. 19) Милая моя волшебница! Прочитавъ то, что ты мнѣ написала, я сталъ веселъ, бодръ — горя и слѣду нѣтъ. Между тѣмъ мы съ тобою разстаемся! Что *будетъ* впередъ неизвѣстно! Но намъ теперь да *будетъ* дѣла нѣтъ! Настоящее и прошедшее — вотъ наше! А оно у насъ есть и, право, самое богатое. Мы выдержали много изпытаній, есть ли иное и можно бы опорочить, то все въ цѣломъ хорошо? Не надобно надежды — на что этотъ обманщикъ, который мѣшаетъ быть добрымъ? Сама вообрази, можетъ ли быть что нибудь для насъ дурнаго? Тѣ, которые намъ вредятъ или, лучше сказать, вредили, сами не счастнѣе насъ! Имъ у насъ отнять теперь нечего—а что они въ своемъ сердцѣ? Захотимъ ли быть на ихъ мѣстѣ? Я говорю: *тѣ*—нѣтъ! Это несправедливо! *Тотъ*! Милая твое письмо помирило меня съ маменькою! Я опять чувствую къ ней нѣжную благодарность,—она за тебя заступилась. Мой отъѣздъ свяжетъ все крѣпкими узами и она будетъ самымъ усерднымъ твоимъ защитникомъ — теперь въ этомъ я увѣренъ. Прочитавъ твое письмо, я сошелъ въ низъ и отъ души пожалъ ей руку — она несчастна! Несчастнѣе насъ въ иныя минуты! Повѣрь, милая, что теперь тебѣ будетъ легко быть съ нею искренною! А я, будучи отъ нее далеко, буду ей дорожѣ; она можетъ быть отдастъ мнѣ болѣе справедливости и уже ничто не будетъ ей мешать меня любить. Мысль, что она тебя защищаетъ, даетъ мнѣ большое спокойствіе; привязываетъ

меня къ ней и въ эти два остальные дни, которые пробуду я съ вами, мнѣ будетъ легко ее любить. За себя уже нечего досадовать—прошедшему забвенье! а въ будущемъ вижу въ ней одну твою защитницу! Будь я съ вами — она будетъ меня бояться! Будь я далеко отъ васъ—она будетъ видеть все наше пожертвованіе, отдастъ намъ справедливость, и есть ли не открыто, то въ тайне будетъ одно съ тобою ко мнѣ чувствовать—вотъ еще благодѣянія разлуки! Вы будете понимать другъ друга! молча будете обо мнѣ говорить!

(Стран. 20). Переписываю то что тебѣ надобно:

Что намъ до той пустыни, въ которой нашъ голосъ раздается? Не ей насъ слышать! А слышитъ насъ Богъ! Милая Маша, скажемъ рѣшительно другъ другу, что наше прекрасное для насъ теперь въ разлукѣ—намъ не дадутъ быть добродѣтельными и мы даромъ отдадимъ все свое лучшее, свою привязанность другъ къ другу, которая здѣсь потеряетъ всю для насъ прелесть и всѣ свои отрады: Въ словѣ: разлука—и свобода, и добродѣтель, и всѣ наши утѣшенія Надобно было все то испытать, что мы испытали, чтобы живо почувствовать какъ это справедливо. Что выигрываемъ мы, будучи вмѣстѣ? Самое то, что дѣлаетъ разлуку несносною, *чувство, что мы розно*; разставшись, напротивъ, мы возвратимъ себѣ ободрительное увѣреніе, что мы вмѣстѣ *и мыслью и сердцемъ и жизнью!* Розно это чувство, это увѣреніе намъ запрещено не будетъ. Неужели значитъ быть *вмѣстѣ* — видѣть другъ друга и не имѣть способа сказать другъ другу искренняго слова! Боже мой! тебѣ и мнѣ бояться говорить другъ съ другомъ и кого же бояться—Воейкова! Неужели значитъ быть *вмѣстѣ* — страдать, не имѣя способа облегчить другъ другу страданія? Значитъ-ли быть *вмѣстѣ* — затруднять другъ для друга исполненіе обязанностей? Значитъ-ли быть *вмѣстѣ*—напоминать только другъ другу своимъ присутствіемъ, что мы розно? О нѣтъ! мы можемъ быть вмѣстѣ безъ этого жестокаго напоминанія: вмѣстѣ однимъ добрымъ чувствомъ, воспоминаніемъ, добромъ, желаніемъ хорошаго, вѣрою другъ въ друга! Въ какое время

жизни и гдѣ ты будешь не со мною? Здѣсь только это не возможно. Милая, не бойся этого слова — разлука! Я вижу теперь въ ней благодѣтельнаго ангела! Она и мнѣ и тебѣ все *наше* возвращаетъ. Скроемся въ глубину нашего сердца—тамъ наше *все?* Все спокойствіе, вѣрная взаимная любовь, свобода чувствовать, желаніе прекраснаго, твердость въ достиженіи къ нему. Энтузіазмъ, довѣренность другъ къ другу и къ себѣ самимъ—вмѣстѣ мы не воспользуемся ни какимъ средствомъ къ прекрасному — у насъ оторвутъ руки, естьли мы ихъ къ нему протянемъ. Розно мы свободны и жизнь совершенно наша. Я когда то написалъ: *счастіе не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, слѣдующихъ просто одно за другимъ; (Стран. 21) но изъ удовольствій съ воспоминаніемъ* и эти удовольствія сравнилъ я съ фонарями, зажженными на улицѣ ночью—между ими есть пустые промежутки, но эти промежутки освѣщены и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта. Такъ и счастье жизни. Удовольствіе—фонарь, зажженный на дорогѣ жизни, воспоминаніе — свѣтъ, а счастіе рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всѣ сливаются въ одно общее тихое ясное чувство, и которыя всю жизнь озаряютъ. Чѣмъ чаще фонари — тѣмъ свѣтлѣе дорога! Я сказалъ *надежда лишнее!* лучше сказать: *надежда пустое, вредное слово* Это слово имѣетъ прелесть для одной неопытности, для которой эта прелесть заключена въ непостижимости этого слова. Что такое надежда? Ожиданіе чего то въ будущемъ? всегда неясное? часто безпокойное? Часто и веселое! такое ожиданіе болѣе вредно, нежели полезно! Оно всегда уничтожаетъ настоящее. Есть ли весело, то дѣлаетъ къ настоящему по крайней мѣрѣ равнодушнымъ; есть-ли печально, то его отравляетъ. Позабудемъ о будущемъ, чтобы жить какъ должно! Милой другъ, пользуйся настоящею минутою, ибо она только есть средство и самое вѣрное къ прекрасному! Зажигай *свой* фонарь, не заботясь ни мало объ тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ. Въ свое время ты оглянешься и за тобою будетъ прекрасная свѣтлая дорога—между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣстимъ не *надежду*, а *про-*

виденіе. Переходъ отъ одной хорошей минуты къ другой *нечувствительно*—дойдемъ до этого предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее! Объ этомъ будущемъ можно думать безъ сомнѣнія—оно не мѣшаетъ жизни. Но здѣшнее будущее есть настоящій врагъ всего *прекраснаго*! Что въ немъ! Приходитъ ли оно когда нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что же ему вѣрить и объ немъ заботиться? а прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ. Il ne faut pas s'avancer dans la vie en detournant la tete, mais il ne faut pas du tout attacher ses yeux sur un lointain incertain! Tout cela empeche de *voir autour de soi.* Надобно имѣть въ прошедшемъ вѣрнаго, добраго товарища настоящему. *Для сердца прошедшее вѣчно*—а наше съ тобой прошедшее есть самый необходимый другъ нашъ. Только съ нимъ будетъ и настоящее для насъ прелестно. Увѣряю тебя, что у меня теперь на душѣ такъ ясно, какъ никогда не бывало. Всѣ проклятыя цѣпи, мѣшавшія всему доброму, сброшены; я остался съ моею чистою вѣчною къ тебѣ привязанностію, съ довѣренностію къ жизни, въ которой уже ничего дурнаго *(Стран. 22)* быть не можетъ (одна мольба: не укради!) съ беззаботностію о будущемъ и съ твердою привязанностію къ настоящему, которое не иное что какъ желаніе употребить его на прекрасное. Повѣрь, что мнѣ всегда будетъ хорошо—въ Петербургѣ, въ Долбинѣ, въ тюрьмѣ,—только не здѣсь, гдѣ я не . . . . . въ силахъ буду ничего добраго сдѣлать, гдѣ всѣ наружности будутъ противъ меня, гдѣ мы же будемъ обвинены при самыхъ прямыхъ намѣреніяхъ и мысляхъ, гдѣ и къ самимъ себѣ довѣренности имѣть невозможно. Тебѣ же безъ меня будетъ здѣсь спокойнѣе—и съ собою и съ ними: не нужно будетъ ничего таить! Полная независимость! Маменька сама будетъ къ тебѣ ближе! Теперь ни тебя, ни меня обвинять будетъ не въ чемъ! Разлука подружитъ меня съ нею! Мы будемъ другъ ко другу писать—я къ нимъ, но ты узнаешь свои мѣста; а тебѣ вѣрно будетъ позволено писать много. Ты пользуйся—пиши о постороннемъ, но искренно. Петербургской жизни бояться нечего—я буду имѣть

время и что весьма важно, тамъ настоящіе мои друзья, съ которыми сердцу легко и свободно! Петербургъ полонъ людьми, которые имѣютъ обо мнѣ хорошее понятіе! Стоитъ только это поддержать! Я не буду искать многаго, слѣдовательно и труднаго писанія не будетъ. А Тургеневъ? Нѣтъ! не бойся ничего—я буду работать съ энтузіазмомъ! Во всякую минуту жизни можно быть человѣкомъ и радовать этою мыслію! Только здѣсь эти *минуты* въ которыя можно бы быть добрымъ, будутъ употреблены единственно на то чтобы избѣжать отъ зла! C'est indigné! Est-ce la vivre? А что ежели избѣжать не удастся? Намъ не дадутъ избѣжать—но они будутъ въ сторонѣ! А виноваты передъ собою и передъ ними будемъ мы! Гдѣ бы я ни былъ, у меня будетъ хорошее настоящее и свобода имъ воспользоваться! *Хорошее* — не значитъ счастливое, значитъ болѣе—доброе! Тоже и для тебя! Прошедшаго у насъ никто не отниметъ, а будущаго не надобно! Одно только условіе: не дай собою пожертвовать! Чтобы твой другъ, твой братъ не могъ тебя упрекнуть, что ты изъ доброй воли истребила все его счастіе!

Рѣшиться быть опекуномъ—была минута энтузіазма! Но это надобно хорошенько обдумать! Можетъ быть еще полезнѣе *не быть* быть опекуномъ, чѣмъ *быть*.

(Стран. 23)—Видишь-ли, мы можемъ доказать другъ другу какъ геометрическую задачу, что для насъ разлуки нѣтъ! У насъ одинъ шептунъ! Что думалъ я въ хорошую минуту, то пришло въ голову и тебѣ—однѣ и тѣ же мысли; одни и тѣ же слова. Прости же, другъ! *Настоящее* и *все въ жизни къ прекрасному средство.* Съ этими двумя подпорами забудемъ легко о томъ промежуткѣ, который отдѣляетъ насъ отъ той границы, за которой начнется наша родина, отъ того будущаго въ которомъ мы будемъ вмѣстѣ и неразлучно. Теперь твердость, постоянство, спокойствіе души и неизмѣнная вѣрность другъ другу! Есть ли бы могла ты вообразить, какъ у меня теперь на душѣ ясно! Безъ страха смотрю на жизнь! Въ ней tout est consequent! Все влечетъ за собой свои естественныя слѣдствія. Испытаніе — приготовленіе къ утѣше-

нію! Разлука—условіе соединенія! Одинакая сдѣшняя жизнь—приготовленіе къ одинакой вѣчности! Ничто не пропало! Все лучшее наше! Гдѣ бы я ни былъ, вездѣ свѣтъ Божій — Вездѣ настоящее наше и можетъ быть прекрасно! Можно даже иногда подумать, что и то будущее началось для насъ здѣсь! Разница между той и здѣшнею жизнью только въ томъ, что здѣсь могутъ быть горы и лѣса между нами, а тамъ нѣтъ этого непроницаемаго пространства! Все остальное для насъ и здѣсь то же какъ и тамъ! Чего же унывать? Жизнь прекрасна! Прости!

Внѣшность дневниковъ.

Всѣхъ писемъ-*дневниковъ* В. А. Жуковскаго имѣлось въ распоряженіи Редакціи пять. Это небольшія тетрадочки, сшитыя изъ бѣлой и съ покрышкою изъ синей бумаги. Самъ Жуковскій ихъ назвалъ «*синенькія* книжки» (см. стран. 163 или «*голубая*» книжка 184, 205). Одна тетрадь, предположительно относящаяся къ *Сентябрю* мѣсяцу 1814 года, украшена наклеенными восьмиугольными пластинками бѣлой бумаги съ рисунками, исполненными сепіею. (См. на снимкѣ). Форматомъ всѣ тетрадочки 9,5 см. × 10,1 см. Одна тетрадочка за *Апрѣль 1815 г.*(?) безъ обложки: на верхнемъ листочкѣ нарисованъ «фонарикъ» (см. стр. 186 снимокъ; ср. стран. 208.).

Дневникъ за *Май 1814 г.* въ футлярчикѣ для сбереженія вложенныхъ въ листы тетради засушенныхъ цвѣтовъ, можетъ быть, дорогихъ по какимъ-либо воспоминаніямъ. На тетради наклеенъ красный ярлыкъ и полоска такой же бумаги по корешку. Бумага, судя по знаку на ней, относится къ 1811-му году.

На первыхъ двухъ страницахъ записаны чернилами и карандашомъ лишь первыя 2 страницы. *(Ср. стр. 156).* Приводимъ текстъ:

«Жизнь и для счастія—въ этомъ увѣреніе, великая отрада. Жизнь для души! Много непонятнаго въ судьбѣ человѣческой, но словомъ: душа существуетъ все объясняется. Жизнь для души—не одна . . . . , но жизнь, здѣсь и тамъ.

«Да не смущается сердце ваше, вѣруите въ Бога и въ мя вѣруите. Въ дому отца моего обители многи суть: аще ли же ни реклъ быхъ вамъ, иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю

На Нижней обложкѣ.

На Верхней обложкѣ.

Рисунки на обложкѣ „Дневника за *Сентябрь*“.

Къ стран. 212.

мѣсто вамъ паки приду и поиму вы къ себѣ да идеже есмь азъ и вы будете. Каможе азъ иду вѣсте и путь вѣсте.

Іоаннъ XIV, 1—4.

Отвѣщавъ же Іисусъ рече ей: Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнози. Едино же есть на потребу. Марія же благую часть избра, яже не отымется отъ нея. Лук. гл. X. 42.

Блаженни плачущіе яко тіи утѣшатся. Матв. V. 4. ||

Вѣчность для человѣка: прошедшее, обратившееся въ настоящее для будущаго

Колумбъ[1]) угадалъ Америку, хотя и не былъ увѣренъ въ ея существованіи—компасъ и рѣшимость.

Утѣшеніе есть убійство. Въ потерѣ милаго . . . . нельзя утѣшиться какъ въ потерѣ чело(вѣка).

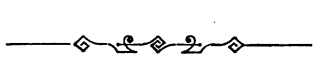
Красота . . . . .

Пріидите[2]) ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы. Возмите иго мое на себе и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашымъ. Иго бо мое благо и бремя мое легко есть.

Матѳ. Глав. 11—28 и пр.»

На одной изъ дальнѣйшихъ пустыхъ страницъ въ срединѣ тетради отмѣчено карандашомъ: «13 Іюля» и тутъ же вложенъ засушенный цвѣточекъ.

При изданіи текста «Дневниковъ» были соблюдаемы всѣ орѳографическіе пріемы автора и даже описки и недомолвки. Въ ломанныхъ скобкахъ заключены предположительныя дополненія.



1) Отсюда писано карандашомъ.

2) Опять писано черниломъ, но не тѣми, что было выше, а почернѣе.

В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году.

(Новые матеріалы).

Бо́льшую часть 1837 года, отъ мая до декабря, Жуковскій провелъ въ предпринятомъ его Августѣйшимъ Питомцемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ В. К. Александромъ Николаевичемъ путешествіи по Европейской и Азіатской Россіи. Это историческое путешествіе, въ теченіе котораго, какъ извѣстно, неоднократно имѣли случай проявиться и отозваться благотворными для многихъ послѣдствіями добрыя и возвышенныя чувства нашего поэта, его гуманность, человѣколюбіе и добросердечіе[1]), обогатило его чуткую и воспріимчивую душу множествомъ новыхъ разнообразныхъ и сильныхъ впечатлѣній, не только свѣтлыхъ и утѣшительныхъ, но порой и грустныхъ, которыя не могли не отразиться въ дальнѣйшихъ стадіяхъ его духовнаго развитія, въ его послѣдующей поэтической дѣятельности. Какъ суровый востокъ Россіи и Сибирь, такъ особенно теплый и поэтическій югъ, впервые посѣщенные имъ Кіевъ и Крымъ должны были оставить въ умѣ и сердцѣ его яркіе, неизгладимые слѣды.

1) См. письма его съ пути къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Срв. П. Загарина «В. А. Жуковскій и его произведенія», М. 1883, стр. 507 и сл. Также статью П. А. Плетнева «Путешествіе В. А. Жуковскаго по Россіи». Соч. и Переп. Плетнева, 1885, т. I, стр. 404—415.

Въ это же путешествіе Жуковскому удалось побывать и на своей родинѣ, въ родномъ своемъ Мишенскомъ, въ Бѣлевѣ, и пожить въ кругу родныхъ; но это оживленіе воспоминаній о давно-минувшемъ, о счастливыхъ, но не безмятежныхъ годахъ юности,— воспоминаній, смѣшанныхъ съ горестнымъ чувствомъ по поводу понесенныхъ утратъ и найденныхъ въ родномъ гнѣздѣ перемѣнъ, навѣяло на него глубоко-грустное, меланхолическое настроеніе, довольно замѣтное въ его письмахъ къ друзьямъ въ это время.

Зато много истинно-отрадныхъ минутъ и утѣшеній, много свидѣтельствъ высокаго уваженія, общественнаго признанія и сердечнаго сочувствія и дружбы выпало на долю В. А. въ этотъ разъ—въ Москвѣ, въ которой онъ въ два пріема провелъ недѣли по двѣ: сперва съ 23 іюля по 9 авг., когда Наслѣдникъ пріѣхалъ въ Первопрестольную, возвращаясь съ Востока и изъ центральной Россіи, и имѣлъ здѣсь свиданіе съ императрицей Александрой Ѳеодоровной; а затѣмъ съ конца октября до половины декабря — уже на обратномъ пути съ юга Россіи, когда Государь съ семьей и весь дворъ возвращались въ Петербургъ.

Изъ переписки самого Жуковскаго, изъ писемъ и показаній нѣкоторыхъ современниковъ, литераторовъ и друзей поэта, изъ Дневника Погодина[1]) мы имѣемъ лишь самое общее понятіе о дняхъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, о чествованіи его москвичами и вообще о его тамошнихъ впечатлѣніяхъ.

Нынѣ я имѣю возможность обнародованіемъ новаго небольшого матеріала, именно отрывковъ изъ дневника извѣстнаго друга нашего поэта, А. М. Тургенева[2]), и одного письма Жуковскаго къ князю П. А. Вяземскому, пополнить имѣющіяся свѣдѣнія о пребываніи В. А. въ Москвѣ лѣтомъ и осенью 1837 г., при чемъ — надо замѣтить — въ этихъ новыхъ документахъ чрезвычайно живо и симпатично рисуется идеальный образъ нашего

1) См. Н. П. Барсукова, Ж. и Т. Погодина, кн. V, стр. 1—13.

2) Этотъ дневникъ былъ, по всей вѣроятности, тогда-же переданъ авторомъ—В. А. Жуковскому.

славнаго писателя и человѣка, «чистой души Андреевича», какъ его фамильярно звалъ его московскій пріятель [1]).

Замѣтки А. М. Тургенева, не представляя никакихъ особенно крупныхъ и важныхъ фактическихъ данныхъ для біографіи В. А., но изображая его привлекательный нравъ, его замѣчательную простоту и скромность въ общежитіи, даютъ намъ интересныя бытовыя картинки, рисуя многіе типы и черты времени, рядомъ съ описаніемъ примѣчательныхъ мѣстъ и портретами нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, а потому во всякомъ случаѣ прочтутся съ любопытствомъ. Весьма характерно также «обращеніе» Тургенева къ Жуковскому, какъ къ наставнику Наслѣдника русскаго престола.

Что касается помѣщаемаго здѣсь интереснаго письма Жуковскаго, то оно писано по поводу кончины И. И. Дмитріева, случившейся какъ разъ въ промежутокъ между обоими посѣщеніями Москвы Жуковскимъ, именно 3 окт., и все посвящено памяти этого дорогого В—ю А—чу и душевно-любимаго имъ учителя и перваго руководителя на поэтическомъ поприщѣ. Оно принадлежитъ къ тому собранію бумагъ, относящихся къ кончинѣ И. И. Дмитріева, которое только-что издано мною въ статьѣ «Къ біографіи И. И. Дмитріева» [2]).

---

1) См. ниже «Дневникъ» Тургенева, а также сохранившіяся его письма къ Жуковскому. Русск. Старина, 1893, янв., стр. 249.

2) Извѣстія Отд. русск. языка и слов. И. А. Н., 1901, кн. 4-я.

I.

А. М. Тургеневъ о В. А. Жуковскомъ.

(Дневникъ А. М. Тургенева).

Александръ Михайловичъ Тургеневъ[1]) (род. 26 окт. 1772 г., умеръ 18 іюня 1862), герой Бородина, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ дѣятелей первой половины прошлаго вѣка — сперва на военномъ, а потомъ на гражданскомъ поприщѣ, былъ близокъ со многими выдающимися современниками, какъ литераторами, такъ и государственными людьми (напр. Сперанскимъ, Канкринымъ, граф. Строгановымъ), и былъ въ искренней, тѣсной дружбѣ съ В. А. Жуковскимъ, съ которымъ состоялъ въ постоянной перепискѣ и котораго горячо любилъ и высоко цѣнилъ. Нашъ поэтъ платилъ ему такою же сердечною привязанностью и искреннимъ уваженіемъ и постоянно надѣлялъ его въ письмахъ самыми нѣжными и дружески-фамильярными эпитетами. Нельзя не согласиться, что въ этихъ отношеніяхъ къ нему Жуковскаго заключается лучшая характеристика его высокихъ нравственныхъ свойствъ и благороднаго характера. Въ подтвержденіе сказаннаго достаточно привести нѣсколько строкъ В. А. къ Тургеневу по поводу своего брака: «Я еще не писалъ къ тебѣ о томъ, что было со мною, къ тебѣ, который принималъ въ судьбѣ моей такое живое братское участіе, къ тебѣ, котораго люблю какъ вѣрнаго друга, уважаю, какъ лучшаго и самаго

---

1) Эта вѣтвь рода Тургеневыхъ очень давно отдалилась какъ отъ той, къ которой принадлежали братья А. И. и Н. И. Тургеневы, такъ и отъ той, изъ которой происходитъ И. С. Тургеневъ, а потому о родствѣ А. М. съ послѣдними трудно и говорить.

чистаго изъ людей, какъ это могло случиться — пойми самъ.... Одно только знай, что не проходило дня, въ который бы я о тебѣ не думалъ съ любовью, въ который бы не желалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы ты былъ свидѣтелемъ моей семейной жизни.... До сихъ поръ я все твой по прежнему, и на всю остальную жизнь...»[1])

Извѣстно, что Тургеневъ, смолоду проникнутый свободолюбивыми идеями, всю жизнь мечталъ объ освобожденіи крестьянъ, и судьба дала ему на склонѣ дней дождаться этого великаго событія, которое онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ и умиленіемъ.

Интересно и то, что А. М., переживъ почти всѣхъ своихъ современниковъ, явился живымъ, связующимъ звеномъ между писателями стараго поколѣнія и литераторами второй половины вѣка, въ средѣ которыхъ онъ поддерживалъ лучшія преданія пережитой старины: въ его домѣ въ 50-хъ годахъ собирались и читали свои произведенія такіе корифеи нашей литературы, какъ И. С. Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, И. А. Гончаровъ, Я. П. Полонскій и другіе.

А. М. Тургеневъ оставилъ интересныя записки о событіяхъ конца XVIII и начала XIX вѣка, часть которыхъ была напечатана въ Русской Старинѣ 1885—1889 г. (см. томы 47, 48—1885 г.; т. 49 и 52—1886 г.; т. 53—1887 и т. 61 и 62—1889 г.) и 1895, т. 84 и которымъ былъ предпосланъ краткій біографическій очеркъ объ авторѣ ихъ, сообщенный внукомъ его, А. С. Сомовымъ[2]).

Въ 1837 г. Тургеневъ жилъ въ Москвѣ уже въ отставкѣ, оставивъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ службу, а именно послѣд-

---

1) Письмо отъ 12 окт. 1841. См. «Русск. Стар.» 1885, ноябрь, стр. 428. Переписка Жуковскаго съ А. М. Тургеневымъ, главнымъ образомъ письма перваго помѣщены въ «Русск. Старинѣ» 1892 г., ноябрь, стр. 361—397 (Письма Жуковскаго 1833—1851 гг.) и 1893, янв., стр. 249—253 (6 писемъ Тургенева и замѣтка его о смерти Жуковскаго).

2) У Александра Мих. Тургенева отъ брака его съ П. Х. Литке была единственная дочь Ольга, крестница В. А. Жуковскаго, вышедшая замужъ за С. Н. Сомова (нынѣ Управл. Госуд. Имущ. въ Херсон. и Бессар. губ.) и рано умершая.

нюю свою должность директора Медицинскаго Департамента, по которой безвинно терпѣлъ гоненія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго. Жуковскій, сопровождая Наслѣдника во всѣхъ его экскурсіяхъ по московскимъ окрестностямъ, пользовался тою значительною свободою, которая ему предоставлялась, для самостоятельныхъ передвиженій, прогулокъ и для любимаго своего дорожнаго занятія — срисовыванія видовъ и эскизовъ въ свой альбомъ. Обычнымъ спутникомъ его при этомъ былъ А. М. Тургеневъ, который затѣмъ описывалъ эти прогулки и свои впечатлѣнія живыми чертами и красками по большей части въ игривомъ и шутливомъ тонѣ, сопровождая свои разсказы историческими коментаріями, воспоминаніями и анекдотами. Этотъ-то дневникъ его съ 27 іюля по 4 августа и дошелъ до насъ и здѣсь цѣликомъ печатается [1]).

Ему предшествуетъ маленькое обращеніе къ Жуковскому, какъ къ наставнику В. К. Наслѣдника, съ слѣдующей на немъ надписью:

«Ермолафія, собственно до тебя относящаяся».

Въ поясненіе этого заглавія скажемъ, что этимъ семинарскимъ словомъ (означающимъ «многословная болтовня, чепуха, дребедень» [2]) Тургеневъ озаглавилъ и свои упомянутыя Записки и что сообразно съ этимъ и онъ самъ себя и Жуковскій его называлъ (и въ разговорахъ, и въ письмахъ) *«ермолафомъ»*. Вотъ это обращеніе.

«На тебя смотритъ вся Россія, вся Европа! Первая утѣшаетъ себя мыслію упованія наслаждаться благоденствіемъ, уготованнымъ трудами и попеченіемъ твоими при развитіи душевныхъ качествъ высокаго Питомца твоего. Вторая знаетъ тебя какъ знаменитаго автора. Ты не принадлежишь самъ себѣ; имя твое

1) Съ благосклоннаго разрѣшенія семьи Сомовыхъ.

2) См. Я. К. Гротъ, Филологич. Разысканія («Труды», т. II), кн. I. стр. 92. У Крылова есть «Похвальная рѣчь Ермолафиду». Въ приводимыхъ далѣе словахъ Тургенева о В. А. «Ермолафіей» называетъ онъ въ шутку и родословную, генеалогическую роспись.

будетъ извѣстно въ позднѣйшемъ потомствѣ. Роль твоя à peu près роль Адашева. Въ этихъ отношеніяхъ ты ходишь, какъ говорятъ, по ножевому острею. Ты всѣмъ извѣстенъ добротою души и сердца твоего. Всѣ знаютъ, что душа твоя свѣтла какъ зеркало, съ котораго и малѣйшее дуновеніе мгновенно исчезаетъ. Но знай, что ты имѣешь много людей недоброжелательствующихъ тебѣ. Всѣмъ тѣмъ, которыхъ называютъ у насъ родовыми, ты не угоденъ потому, что у тебя нѣтъ трехсаженной поколѣнной ермолафіи. Въ 60 лѣтъ жизни мнѣ довелось видѣть одного въ большомъ табунѣ родовыхъ, который не принадлежалъ къ роду, а прочіе всѣ носили отпечатокъ наслѣдниковъ Тараса Скотинина.

«Сколько разъ слышалъ я восклицанія насчетъ выбора твоего! Чему быть доброму? Что можемъ у него занять? Чему научиться? Стихи писать! — и вслѣдъ за сими восклицаніями панегирикъ Е. П-ой за премудрое избраніе Н. І. С.[1])!....

«Кто не помнитъ? Кто не знаетъ? Многіе видѣли своими глазами, какъ наканунѣ П. З.[2]) раболѣпно стоялъ въ толпѣ поклонниковъ въ прихожей Н. І. С. и какъ на другое утро раболѣпно ожидалъ Н. І. С. выхода П. З. изъ кабинета своего!

«Я увѣренъ въ томъ, какъ знаю, что я Ермолавъ *(т. е. ермолафъ)*, что ты скорѣе согласишься умереть, нежели сдѣлать какую-либо подлость. — Но суди-жъ о людяхъ, и именно родовыхъ, которые до того и глупы и дерзки, что осмѣливаются тебя ставить въ параллель съ Н. І. С.....

«И потому, повторяю тебѣ, ты ходишь по ножевому острею. Помни, родовая сволочь на все способна!

. . . . . .

«Питомца твоего масса любитъ и обожаетъ. Родовая сволочь видитъ въ немъ направленіе, не сообразное съ ея желаніями.

1) Кн. Ник. Ив. Салтыковъ (1736—1816), ген.-фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи, а съ 1812 предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Съ 1783 г. онъ руководилъ воспитаніемъ вел. князей Александра и Константина Павловичей. К. Г.

2) Кн. Платонъ Ал. Зубовъ (1767 — 1822), выдвинувшійся благодаря Салтыкову, противъ котораго потомъ интриговалъ. К. Г.

Она будетъ всячески стараться, употреблять всѣ ухищренія, чтобы завладѣть грунтомъ и истребить добрыя сѣмена насажденныя. Уповаю на Бога! Это ей не удастся».

Дневникъ А. М. Тургенева.

27 іюля 1837 г. Москва.

Вчера условились мы какъ можно ранѣе отправиться на Воробьевы горы. Въ четвертомъ часу по полуночи 27 числа (вторникъ) я былъ уже въ Кремлевскомъ дворцѣ и комнатахъ чистой души Андреевича; сказалъ слугѣ его разбудить молодца: это правду сказать помедлилось нѣсколько. В. А. легъ поздно спать, однакоже въ 5 часовъ съ четвертью мы уже стояли на верху Воробьевыхъ горъ. Столь раннее путешествіе предпринято въ намѣреніи снять московскіе виды. Кто не знаетъ величественнаго, прелестнаго вида съ Воробьевыхъ горъ на Москву, того можно назвать жалкимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но мы были много опечалены. Густое, непроницаемое облако коричнаго изъ-свѣтла цвѣту покрывало Москву Бѣлокаменную — какъ пеленою. Что дѣлать — утро пропало! Ожидая, что облако это восходящее солнце разложитъ, мы послали въ селеніе на Горахъ за молокомъ и чернымъ хлѣбомъ. Скоро принесли намъ кувшинъ свѣжаго, холоднаго и вкуснаго молока, два ломтя чернаго хлѣба, два стакана; мы съѣли по куску хлѣба, выпили по стакану молока. Между тѣмъ густое облако кое-гдѣ прорѣдѣло, обнаружилось нѣсколько предметовъ; чистая душа усѣлся въ тѣни столѣтняго вяза и началъ снимать видъ, а я, не умѣя рисовать, любовался прекрасными видами, смотрѣлъ на Москву погруженный въ задумчивость съ какимъ-то неизъяснимымъ душевнымъ удовольствіемъ и вспомнилъ о прошедшемъ, вспомнилъ о своей молодости, о бывшихъ

со мною на Воробьевыхъ горахъ случаяхъ и о томъ, что я былъ здѣсь въ 1800 г. Тридцать семь лѣтъ протекло съ того времени! А кажется какъ будто все вчера только было!

День былъ прежаркій, солнце начало несносно палить и было еще надобно въ 9-мъ часу В. А. быть въ Донскомъ Монастырѣ.

Въ девять часовъ Государь Наслѣдникъ обѣщалъ въ монастырь пріѣхать. Чистая душа сказалъ мнѣ: «Ну братъ Михалычъ, ѣдемъ въ Донской; надобно будетъ сюда еще пріѣхать и думаю, послѣ обѣда, подъ вечеръ снимать видъ лучше, — теперь нельзя рисовать: всѣ предметы кажутся въ туманѣ, красками это было бы превосходно». Сѣли въ карету и покатили въ Донской монастырь. Пріѣхавъ, мы нашли братію у Св. Воротъ: два іеромонаха были въ облаченіи: одинъ держалъ большое серебряное блюдо и на немъ животворящій крестъ, прочіе въ черной одеждѣ, но опрятной и у всѣхъ бороды были хорошо расчесаны и вычесаны; святіи отцы ожидали Владыку—милостиваго архипастыря, преосвященнѣйшаго митрополита московскаго Филарета.

Мы не успѣли молвить десяти словъ съ преподобными, какъ длинноногій и поджарый послушникъ, поставленный на Средней Донской подзоромъ, чтобы благовременно увѣдомить братію о шествіи и приближеніи архипастыря, бѣжалъ въ длиннополой своей свитѣ, махалъ скинутымъ съ головы чернымъ кокуемъ и кричалъ во все горло: «ѣдетъ, ѣдетъ, звони Ермошка!»

Черезъ нѣсколько минутъ увидѣли мы четырехмѣстную карету, запряженную шестью вороными конями, которые тяжело на пескѣ прыгали, разсыпался въ ушахъ трескъ бѣга, густая пыль клубилась подъ ногами коней и предшествовала святителю. Когда остановились у всхода на рундукъ, преосвященный минутъ пять не позволилъ служкѣ отворить дверцы кареты, дожидаясь, пока пыль разложится. Наконецъ изволилъ вытти, весь чинъ монашескій подвигнулся на встрѣчу архипастырю, пѣли, кадили, звонили, и смиренно шли передъ нимъ. Владыка увидѣлъ В. А., благословилъ его, началъ съ нимъ говорить и мимоходомъ мнѣ также далъ благословеніе. Шелъ въ храмъ, обычно тамъ молился

и, приложась къ святымъ иконамъ, всѣхъ бывшихъ тутъ благословилъ. Потомъ пошелъ смотрѣть всѣ храмы и въ кельи братій заглянулъ. Извѣстили о приближеніи Цесаревича.

Тогда митрополитъ, облекшись въ мантію, въ рукѣ съ крестомъ животворящимъ, со всею братіей и клиромъ пошелъ Наслѣдника встрѣчать. Въ святыхъ вратахъ, къ кресту святому приложась, Царевичъ шелъ въ соборный храмъ съ митрополитомъ. По совершеніи краткаго молебствія, провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и всей Августѣйшей фамиліи, митрополитъ повелъ Цесаревича показывать достойныя замѣчанія вещи и разсказывалъ Его Высочеству разныя историческія событія, до монастыря Донского относящіяся.

По осмотрѣ всего Государь Цесаревичъ въ сопровожденіи архипастыря изволилъ отправиться въ Даніиловъ монастырь на берегу Москвы рѣки, гдѣ опочиваютъ мощи святаго князя Даніила, сына св. великаго князя Александра Невскаго, гдѣ митрополитъ съ архимандритомъ и братіею встрѣтилъ Государя Цесаревича такимъ же образомъ, какъ было въ монастырѣ Донскомъ. Прибытія Его Высочества въ Донской монастырь ожидали болѣе получаса сверхъ назначеннаго времени. Въ этотъ промежутокъ я замѣтилъ собирателя вѣстей — уже преклонныхъ лѣтъ, сѣдовласаго господина, котораго я непремѣнно долженъ знать потому, что онъ по всѣмъ его пріемамъ, поступи и разговору долженъ быть москвичъ; а все то, что за 40 лѣтъ въ Москвѣ случилось, кто за 40 лѣтъ въ Москвѣ жилъ и дѣйствовалъ, мнѣ извѣстно потому, что свѣдѣнія эти составляли за 40 лѣтъ мою обязанность, отъ меня требовали, чтобы я все случившееся вѣдалъ и каждаго дѣйствующаго въ обществѣ зналъ[1]). Но протекшія сорокъ лѣтъ насъ совершенно раззнакомили. Сѣдоголовый очень увивался около придворнаго лакея, служившаго Василію Андреевичу, спрашивая, распрашивая, кто онъ таковъ. Лакей удовлетво-

1) Съ 1799 г. Тургеневъ нѣсколько лѣтъ состоялъ адъютантомъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, гр. Салтыковѣ. К. Г.

рилъ его любопытство, но относительно меня, кто я, оставилъ его въ неизвѣстности. Сѣдая голова нѣсколько разъ ходилъ вокругъ меня, наводилъ лорнетъ, протиралъ себѣ глаза и все не могъ узнать, кто бы это былъ, кто такъ съ Жуковскимъ вольно-дружески въ присутствіи Его Высочества обращается.

Въ Даниловомъ монастырѣ опять увидѣлъ я сѣдую голову, которая вокругъ меня обхаживаетъ. Было чрезвычайно жарко: я не пошелъ въ церковь и сѣдая голова осталась на монастырѣ (?) и сдѣлавъ около меня круга два-три, осклабилась и заговорила: «Позвольте васъ спросить, вы—родственникъ Его Превосходительства г. Жуковскаго?» «Нѣтъ», отвѣчалъ я. Сѣдая голова вынула изъ кармана большую серебряную круглую съ медаліономъ Екатерины II табатерку, понюхала сам-пан-тре и осклабляясь, заговорила: «Позвольте васъ спросить, вы конечно также находитесь въ свитѣ Его Императорскаго Высочества-съ?»—«Нѣтъ». Сѣдая голова вытаращила глаза, разинула большой ротъ, въ которомъ не было ни одного жильца, отступила шага на два отъ меня, понюхала сам-пан-тре и, уклоня немного туловище свое впередъ, заговорила: «Дозвольте-жъ васъ спросить, кто вы?»—«Ты видишь—человѣкъ», отвѣчалъ я. Съ послѣднимъ словомъ моего отвѣта сѣдая голова затряслась, начала моргать глазами, повернулась и пошла отъ меня скорыми шагами, что-то бормотавъ, чего я не разслушалъ.

Когда я сѣлъ съ В. А. въ карету, сѣдая голова торчала противъ дверца каретнаго; надобно было видѣть ужасную рожу, какую голова сѣдая сочинила, услышавъ отвѣтъ мой придворному лакею на вопросъ, куда прикажете? — въ Александріинскій дворецъ! Не могу утверждать, а припоминая лицо сѣдой головы, котораго быть можетъ я не встрѣчалъ лѣтъ 30 или болѣе, это былъ единый изъ князей Б — хъ, рязанскихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ записныхъ и подрѣзныхъ карточныхъ игроковъ, существовавшихъ въ Москвѣ въ 1798 — 1799 и 1800 годахъ,—ихъ было два брата, совѣсть у обоихъ была подъ каблукомъ. Они были великіе профессоры изящнаго и благороднаго

искусства лѣпить и передергивать и если который изъ нихъ еще (существуетъ), то конечно, широкое мое лицо и короткое мое туловище въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю ему во снѣ представляется. Игроки помянутаго времени во сто лѣтъ А. Т. не забудутъ. Они меня и я ихъ (т. е. игроковъ) весьма нежаловали!

Государь Наслѣдникъ изволилъ изъ Даніиловскаго монастыря поѣхать осматривать Голицынскую больницу, а оттуда Его Высочество изволилъ отправиться въ манежъ Александріинскаго дворца, гдѣ Его Высочеству было благоугодно выбрать и испытать себѣ коня на манёвры. Времени было много. Чистая душа Андреевичъ усѣлся въ саду въ тѣни и началъ чертить карандашемъ виды. Къ счастью явился къ нему главный садовникъ дворцовыхъ оранжерей и садовъ, deutscher Mann und zwar aus Bamberg gebürtig. Щедрый нѣмчинъ въ мигъ представилъ русскій самоварецъ и пошло пированье! —чай со сливками, бѣлымъ хлѣбомъ, сухарями былъ намъ очень по душѣ, — и мнѣ и Андреевичу и ѣсть и пить не шутя хотѣлось.

Мы благодарили нѣмца и нѣмецъ насъ за сдѣланную ему честь и извинялся нѣсколько разъ, что его Мари Ивановна «не тогадалса прислалъ малинка шашка». Я увѣрялъ гостепріимнаго нѣмца, что малинка шашка намъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, труда не сдѣлаетъ и съ своей стороны доказалъ ему это на дѣлѣ: я выпилъ 8 чашекъ чаю. Пріѣхалъ Наслѣдникъ во дворецъ. В. А. поднялся съ мѣста, остановилъ свое рисованье, пошелъ съ великимъ княземъ и, скоро возвратясь, сказалъ мнѣ: «Ну Михалычъ, мы можемъ пробыть здѣсь до 3-хъ часовъ». — Потомъ пошли мы къ домику, въ которомъ графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, бывшій владѣлецъ дома и сада, нынѣшняго александріинскаго дворца, утопая въ богатствѣ, нѣжилъ чувства свои и находилъ земное блаженство въ сладострастіи. Орловы, сколько ихъ ни было, жили просто физически, скотоподобно. Чувственныя наслажденія, удовлетвореніе требованій—были единственнымъ для нихъ блаженствомъ. Кто изъ нихъ оставилъ что на память себѣ? Ничего!

Въ жизнь ихъ утѣхою имъ были—кулачный бой, медвѣжья травля, рысаки, фабричныя, цыгане, дураки! Извѣстно, когда послѣдній часъ въ жизни гр. Алексѣя Григорьевича Орлова Чесменскаго наступилъ, графъ потребовалъ стаю цыганъ и духъ оставилъ тѣло графское съ напутствіемъ въ жизнь вѣчную, сопровождаемый пѣснью ихъ: «На что-жъ было городъ городить, во сыромъ бору по ягоды ходить!» которую цыгане орали во все горло вкругъ смертнаго одра его сіятельства.—Услужливый gefälliger нѣмчинъ-садовникъ принесъ тарелку черныхъ превкусныхъ вишень. Какъ онѣ были кстати, какъ я ихъ ѣлъ! Признаюсь пографски,—да я, сказать правду, болѣе 20 лѣтъ такихъ крупныхъ, вкусныхъ вишень, какія далъ нашъ бамбергскій уроженецъ, не ѣлъ! Не много изъ нихъ досталось чистой душѣ Андреевичу. Ему и некогда было—онъ рисовалъ. Вишни почти всѣ за мной остались.

Въ три часа кончилъ Андреевичъ свое рисованіе, и мы отправились въ городъ. На другой день, т. е. 28-го числа (среда) назначили ѣхать въ Коломенское, Симоновъ Монастырь, въ Новоспасскій, куда Его Высочество изволилъ ѣхать осмотрѣть мѣстоположеніе и древности, какія гдѣ еще остались.

28 Іюля. Среда. Москва.

Въ 4 часа по полуночи 28-го числа разбудилъ я камердинера Андреевича, который сказалъ мнѣ: «дайте уснуть В. А., Его Превосходительство изволилъ поздно лечь почивать». На 28-ое во всю ночь лилъ сильный дождь, все въ природѣ освѣжилось, отдохнуло отъ жаровъ, простоявшихъ безпрерывно 10 дней и доходившихъ до 27—28 градусовъ въ тѣни; на солнцѣ, сказывали мнѣ, было 35 и до 37. Это по нашему, по-астрахански. Жажда меня не томила въ жаръ; я не знаю что такое томиться отъ жажды, какъ то видно надъ другими, однако-же замѣтилъ, что я поутру и вечеру пилъ чаю почти вдвое обыкновенной моей мѣры. Все небо было еще покрыто облаками, вѣтеръ дулъ сильно

съ юга, казалось—безъ дождя не обойдется, и я думалъ, что путешествіе наше будетъ отложено.

Въ 5 часовъ слуга разбудилъ Андреевича, карета была уже готова, чистая душа скоро прихолился, одѣлся, и мы отправились черезъ коломенскую заставу. Ѣхали менѣе часа.

Я увидалъ село Коломенское ровно черезъ 37 лѣтъ, а Василій Андреевичъ видѣлъ это прелестное, очаровательное мѣсто, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни. Къ несчастью исторіи, поэзіи, любителей древности, къ сокрушенію народа русскаго, которому ничего не оставляютъ старины его, какъ-будто бы хотятъ, чтобы народъ русскій не зналъ ничего о себѣ самомъ, навсегда забылъ свою древность, славное знаменитое свое происхожденіе! наконецъ скажу, къ стыду правленія, — ахъ! горестно мнѣ вымолвить, но что дѣлать, правду сказать должно: это случилось въ царствованіе великаго, незабвеннаго, благословеннаго Александра I, государя неусыпно стремившагося народы, ввѣренные Богомъ его управленію, просвѣтить, прославить, возвысить, облагородить. Вандалъ невѣжда, подлый пройдоха, пролазъ, шатавшійся по всѣмъ переднямъ у всѣхъ временщиковъ, Петръ Степановичъ Валуевъ — кто его не зналъ! — вскорѣ по воцареніи Александра I, былъ назначенъ начальникомъ Грановитой и Оружейной палатъ и всѣхъ дворцовъ царскихъ въ Москвѣ и внѣ города. Что-жъ варваръ надѣлалъ? сломалъ дворецъ Коломенскій! колыбель рода царскаго Романовыхъ! памятникъ священной древности для ученаго, памятникъ изящнаго зодчества, украшенія, убранства, прямо русскаго! что ваши рококо и всѣ коко—никуда не годятся и дрянь въ сравненіи съ стариною нашею! И все это Валуевъ учинилъ, чтобы набить себѣ карманъ! Я помню какъ онъ въ Кремлѣ продавалъ съ молотка разныя утвари царскія, одежды, мебели; при мнѣ купилъ путешественникъ англичанинъ желѣзныя кресла царя Алексѣя Михайловича съ его вензелемъ и, какъ тогда говорили, что царь сидѣлъ на этихъ креслахъ въ соборѣ въ день вѣнчанія его на царство, — за 800 рублей и какихъ же? бумажныхъ! и ни

одного не сыскалось вельможи-богача русскаго перекупить кресла царскія, оставить ихъ потомству! Валуевъ былъ наглый корыстолюбецъ; для него ничего не было священнаго. На первой башнѣ съ правой стороны, когда идешь изъ Кремля въ Спасскія ворота, висѣлъ вѣчевой колоколъ Великаго Новогорода, взятый у новогородцевъ и привезенный въ Москву по велѣнію Грознаго царя Ивана Васильевича, послѣ конечнаго разоренія Новагорода и уничтоженія правъ и свободы новогородцевъ, когда гражданъ новогородскихъ въ присутствіи Грознаго царя опричники его убивали долбнями, какъ бьютъ передъ Рождествомъ свиней, и бросали съ моста въ Волховъ. Хитрые раскольники, желая имѣть у себя вѣчевой колоколъ, разгласили, что въ вѣчевомъ колоколѣ было болѣе серебра по вѣсу его, нежели мѣди. Молва эта была пущена для того, что бы склонить скорѣе Валуева на удовлетвореніе желанія ихъ.

Г. Валуевъ подъ предлогомъ тѣмъ, что сокровища царскихъ дворцовъ, Оружейная палата и прочее ввѣрены ему, разсудилъ за благо и вѣчевой колоколъ включить въ мягкую царскую рухлядь и успѣлъ уже стащить колоколъ съ башни на землю. Незабвенный и благороднѣйшихъ правилъ человѣкъ, бывшій въ то время комендантомъ ген.-маіоръ Иванъ Христьяновичъ [1]) Гессе прискакалъ въ большомъ смущеніи и огорченіи къ фельдмаршалу Ивану Петровичу Салтыкову, бывшему тогда въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ съ рапортомъ.

«Ваше сіятельство, я, московскій комендантъ, честь имѣю доложить вашему сіятельству, что г. тайный совѣтникъ Валуевъ съ башни новогородскій колокольчикъ укралъ. Я заарестовалъ колокольчикъ и поставилъ двухъ часовыхъ, чтобы тайный совѣтникъ Валуевъ ночью не увезли колокольчикъ.» О происшествіи этомъ было донесено Государю Императору; высочайшее повелѣніе послѣдовало—вѣчевой колоколъ оставить неприкосновеннымъ на прежнемъ мѣстѣ. Кстати о Иванѣ Христьяновичѣ Гессе: Гессе былъ вызванъ изъ Дрездена въ Гатчино къ великому князю

1) Тургеневъ пишетъ: *Крестьяновичъ.* К. Г.

Павлу Петровичу въ качествѣ садовника и садоводство очень хорошо зналъ. Неизвѣстно, по собственному ли своему расположенію, или понравившись великому князю, — по предложенію его высочества, вступилъ въ Гатчинѣ въ военную россійскую службу, въ баталіоны тогда у великаго князя въ Гатчинѣ бывшіе и составлявшіе особенное во всемъ отъ армейскихъ полковъ войско, одѣтое въ мундиры по прусскому покрою. Гессе прибылъ въ Москву при восшествіи Императора Павла на царство въ чинѣ маіора съ назначеніемъ плацъ-маіоромъ въ Москвѣ; получилъ слѣдующіе чины до генералъ-маіора и былъ не только въ кругу высшаго сословія любимъ и уважаемъ, но и всѣмъ вообще народомъ; послѣ нашествія непріятеля въ 1812 году, по изгнаніи французовъ Иванъ Христьяновичъ, возвратясь въ Москву по прежнему въ званіи коменданта, вскорѣ умеръ[1]).

1) Еще о Иванѣ Христьяновичѣ: прискорбно прямо русскому человѣку и видать и воспоминать о томъ, что нѣмцы—чуждые для насъ, водворившись въ Россіи, болѣе насъ, природныхъ россіянъ, уважаютъ, чтятъ и сохраняютъ старину русскую.—При воцареніи Павла I умножилось карауловъ конечно въ 5 разъ болѣе, сколько ихъ существовало; шахматные будки часовыхъ на всѣхъ углахъ въ Кремлѣ торчали. Кого боялись—кого стерегли,—про то знаетъ блаженной памяти императоръ Павелъ I!—4000 солдатъ выходило каждый день въ караулъ! Москва, казалось, была въ осадѣ. Въ главный караулъ, т. е. гауптъ-вахту ходила цѣлая рота. Солдатъ русскій, хотя всегда довольствуетъ себя пищею Св. Антонія, но слѣдствія пищи болѣе нежели воздержной—однѣ и тѣже, какія бываютъ и у тѣхъ, которые ѣдятъ самыя лакомыя кушанья. Кому придетъ на мысль, чтобы потомокъ, хотя дальнѣйшій и позднѣйшій, перваго основателя Москвы, князь Долгорукій (Юрій Владиміровичъ), бывшій въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ, назначилъ устроить необходимое мѣсто для солдатъ главнаго караула — да гдѣ же? въ Патріаршемъ Домѣ, подлѣ храма Господня во имя двухнадесять апостолъ!!! Повѣрятъ ли? Кто требовалъ и настоялъ на томъ, чтобы сказанное мѣсто было уничтожено? Иванъ Христьяновичъ Гессе!!!! Ничтожный князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій не постыдился разсказывать, какъ ему Гессе рапортовалъ о непристойномъ назначеніи необходимаго мѣста, и именно: «В. Сіятельство, честь имѣй рапортовать главна гауптвахтъ на караулъ солдата на двѣнадцать апостолъ с...., негодно Ваше Сіятельство такой мѣсто—патріаршій домъ». Всѣ хохотали. Чему? что иностранецъ не умѣетъ по-русски объясниться! но не стыдились того, что иностранецъ первый указалъ князю русскому о непростительномъ неуваженіи св. храма, неблагопристойности, однимъ словомъ. О, невѣжество, свинство, какого едва ли увидишь у дикарей! Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, увы! къ стыду Россіи, жилъ болѣе ста лѣтъ и прожилъ вѣкъ свой, слывя всегда м.....мъ; но былъ генералъ-аншефъ и кавалеръ всѣхъ орденовъ Россійскихъ!!!!

Любезный другъ, чистая душа Андреевичъ, и я съ нимъ помянули вандала Валуева по-свойски. Если при поминовеніи — усопшіе также вчутъ, какъ говорятъ, когда кто начнетъ икать — что его поминаетъ кто-либо, то Петръ Степановичъ Валуевъ навѣрное отъ поминовенія нашего замучился икотою въ аду, гдѣ онъ — безъ всякаго сомнѣнія — находится и служитъ у князя тьмы церемоніймейстеромъ.

Василій Андреевичъ въ Коломенскомъ снималъ виды съ двухъ мѣстъ, былъ доволенъ своею работою и прохладною погодою. По милости его и мое короткое туловище узритъ позднѣйшее потомство! Онъ заставлялъ меня становиться два или три раза въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, чтобы и мой прекрасный станъ помѣстить въ рисунокъ.

Въ Коломенскомъ мнѣ было хорошо — fideles Leben! Услужливый нѣмчинъ садовникъ явился съ самоваромъ и heute, aber in allem acurat und richtig чайныя чашки, какъ миски суповыя, сливочное свѣжее масло, превкусный бѣлый хлѣбъ, густыя сливки! — fideles Leben! и это каково? мы пили чай, мы ѣли Butterbrod, роскошествовали, прохлажались подъ дубомъ, въ тѣни котораго великій Петръ съ дѣтьми боярскими въ лапту игралъ!

За полдень, въ часъ съ четвертью, а много въ половинѣ двухъ, мы поднялись и поѣхали въ Симоновъ монастырь, въ которомъ былъ еще слышенъ звонъ во всѣ колокола въ честь отъѣзжавшаго изъ обители Государя Наслѣдника.

Минутъ черезъ двадцать слуга отворилъ дверцу, мы стояли уже у вратъ обители. Вышли. Андреевичъ спросилъ: «куда же пойдемъ, Михалычъ, все заперто». «Пойдемъ къ отцу архимандриту», я отвѣчалъ. Вошли, гостей не ожидали. Отецъ Мельхиседекъ, архимандритъ, въ подрясникѣ люстрина голубого, застегнутомъ однимъ въ верху крючкомъ, низъ на распашку, такъ что орты было можно зрѣть смиреннаго монаха. Среди палаты тоялъ столъ, на немъ десятокъ блюдъ, на нихъ въ росолѣ стерляди, бѣлужина и осетрина, донской балыкъ, уральская икра.

Среди стола, на превеликомъ блюдѣ высокая какъ пуховикъ господствовала кулебяка. Въ углу сидѣла дамина лѣтъ тридцати— неболѣе, не такъ чтобы красива, не такъ чтобъ и дурна. По комнатѣ, какъ тѣнь, фигурой гнусный по указу, съ Владимірскимъ за 35 годовъ, шагалъ увялый кавалеръ. Еще какой-то фифукусъ лѣтъ молодыхъ и вѣроятно строкулистъ съ крестомъ *стойслава*, виталъ вокругъ архимандрита, юлилъ предъ даминой и табакерку подносилъ страдавшему удушьемъ господину. — Отецъ архимандритъ зело былъ пьянъ! подумалъ я: когда успѣлъ отецъ насуслиться до сыта? у Спаса Новаго еще гудѣли колокола, едва-ли было полчаса — Его Высочество присутствовать изволилъ здѣсь и архипастырь также былъ съ Царевичемъ у Мельхиседека! Лишь возрился въ Андреевича преподобный, въ другую комнату спѣшилъ главу всунуть въ клобукъ и рясу черную накинуть; явился въ мигъ обратно и громко возгласилъ: «шампанскаго сюда!» Андреевича благословлялъ, лобзалъ его плеча, въ знакомые изъ давнихъ лѣтъ втирался и часто повторялъ: «Андрей Васильевичъ, припомни, какъ меня ты отстоялъ». Я видѣлъ, мой Андреевичъ, что́ пьяный архимандритъ вралъ, ни слова въ томъ не понималъ! Хвалами до небесъ превозносилъ онъ обличиху. Вино намъ подали: его во славу Божью Мельхиседекъ въ себя послалъ необинуясь. Мнѣ кубокъ подали. «Отецъ, сказалъ я пьяному монаху, вина не пью». Архимандритъ кивнулъ мнѣ бородой и кубокъ опорожнилъ. Потомъ завелъ разсказъ о строющейся колокольнѣ: 43 сажени будетъ въ вышину. Синодъ святѣйшій поднесъ Царю докладъ и строить мнѣ разрѣшено — кому какое дѣло! Блаженной памяти купецъ Игнатьевъ, мой другъ, 500 мнѣ тысячъ рублей далъ и завѣщаніе самъ написалъ высокую построить колокольню.

Купецъ Игнатьевъ былъ извѣстная шельма, ограбилъ родственниковъ своихъ сиротъ Колосовыхъ, и богатѣйшаго отца дѣтей пустилъ по міру, — а чего изъ награбленнаго не прожилъ, передалъ другу своему архимандриту на построеніе колокольни в 43 сажени! Все это и всѣмъ извѣстно. Сироты по совершенно

лѣтіи своемъ просили, обнаружили, доказали неоспоримо, что завѣщанный капиталъ 500 тысячь рублей и усвоенныя Симонову монастырю, кажется, 70 лавокъ — есть ихъ достояніе, похищенное у нихъ во время малолѣтства и сиротства родственникомъ и опекуномъ ихъ Игнатьевымъ. Дѣло было обсужено у юристъ-консультовъ, въ сенатѣ, въ святѣйшемъ синодѣ и кончено безъ сомнѣнія — въ ресторацiи, гдѣ деньги и вино юристъ-консультовъ съ синодомъ согласили! Все отдали по завѣщанію разбойника монастырю, а Колосовыхъ по міру съ сумой пустили!!!

Часъ битый пьяница насъ задержалъ. Въ Симоновѣ мы ничего не видали, да сказать правду, не знаю, что есть любопытнаго видѣть? Если что и было древняго въ обители, рука времени и не менѣе того бывшіе настоятели монастыря не менѣе вандала Петра Степановича Валуева все изгладили, изглодали, какъ черви могильные, которые, уничтоживъ гробницу и тѣло, сами исчезаютъ.

Вырвавшись отъ высокопреподобнаго отца архимандрита, Андреевичъ пріютился съ карандашемъ и картономъ на буграхъ подъ соснами, близь пороховыхъ погребовъ. Я растянулся во всю мою длину также на бугрѣ подъ сосною. Мнѣ пришло на память, что вѣка 4, а можетъ быть и 5 тому вѣковъ, Симоновъ праотцы мои татары держали долгое время въ осадѣ, что было чудо: осажденные иноки весь запасъ съѣстной употребили, отцамъ святымъ нечего было ѣсть; по благодати Божіей каждое утро въ обитель падали съ неба рыбы, которыми братія и народъ, укрывшійся отъ непріятеля въ монастырѣ, питались до освобожденія своего. Событіе это было изображено на ставняхъ паперти соборнаго храма, — не знаю, существуетъ ли оно нынѣ. Мысль о томъ, что я, потомокъ ченгисъ-хана или по крайней мѣрѣ Батыя, Тургень-Золотая орда,—лежу, катаюсь на бугрѣ, можетъ быть скрывающемъ котораго-нибудь изъ величайшихъ))варовъ, почтенныхъ моихъ предковъ, передалъ я Андреевичу. (ь согласился съ мнѣніемъ моимъ и сказалъ: «можетъ быть». — ‹ скудная вѣточка, но все того же корня, который питалъ и

державу, дубъ, скрывавшій вершину свою въ облакахъ! я лежу роскошно и валяюсь на прахѣ ужаснаго злодѣя, предка моего, и подлѣ кого-же, въ чьихъ глазахъ это великое событіе совершается? Слава русской поэзіи, другъ мой Жуковскій сидитъ съ карандашемъ подъ сосною и чертитъ каракули въ десяти шагахъ отъ меня!!! Wunder, wunder—grosser Gott! Неужели достопамятная среда... въ жизни моей 28 іюля, день, въ который было столь много воспоминаній о великомъ, о старинѣ нашей, — день, въ который мы видѣли село Коломенское, отыскивали подъ угломъ церкви надгробный камень Осляби и Пересвѣта, были, сидѣли и рисовали у Лизина пруда и были въ гостяхъ у пьянаго архимандрита! неужели объ этомъ не узнаетъ потомство?

Совсѣмъ было забылъ: У Лизина пруда Андреевичъ, сидѣвши подъ березой, снималъ видъ съ церкви стараго Симонова, въ которой подъ угломъ заложены два камня предлинные и пребольшіе, покрывающіе прахъ двухъ богатырей, посланныхъ князю Димитрію Донскому святымъ архимандритомъ Сергіемъ, нынѣ чудотворцемъ Радонежскимъ на битву съ Мамаемъ на полѣ Куликово.

. . . . . .

Отъ Лизина пруда поѣхали мы въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь подъ церковью осматривали гробницы предковъ царскаго рода Романова. Тутъ же погребены князья Сицкіе и царевичи и царевны сибирскіе, да митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Въ древнія времена между Новоспасскимъ монастыремъ и Крутицами и недоѣзжая Новоспасскаго монастыря отъ Москвы протекали два ручья: одинъ назывался Сара, другой — Подонъ. По названіямъ этихъ ручьевъ именовался архіерей Сарскимъ и Подонскимъ, проживалъ на Крутицахъ. Не знаю, существовала ли Сарская и Подонская эпархія и какой былъ удѣлъ ея. Но это извѣстно: Сарскій и Подонскій архіерей впослѣдствіи именовался Крутицкимъ и была составлена Крутицкая эпархія, которой удѣломъ были города Коломна и Кашира. Эпархія Крутицкая долго существовала и, если не ошибаюсь, — до времени на-

значенія въ Москву въ архіепископы знаменитаго нашего Платона. Нынѣ здравствующій еще архіепископъ, послѣднѣ бывшій Ярославскимъ и Ростовскимъ, Авраамій, проживающій на покоѣ въ Толнскомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ Ярославля на луговой сторонѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ былъ рукоположенъ въ дьяконы Крутицкимъ архіереемъ, и именно въ храмѣ на Крутицахъ. Преосвященный Авраамій былъ 25 лѣтъ призримъ въ сиропитательномъ домѣ протоіереемъ, потомъ принялъ монашескій чинъ, былъ долгое время архимандритомъ въ Андроніевѣ монастырѣ въ Москвѣ въ 1822 году:—я свелъ съ преосвященнымъ знакомство въ Астрахани,—тогда владыка прибылъ туда на эпархію, на мѣсто архіепископа Іоны, воззваннаго въ Экзархи Грузіи, Карталиніи и Кахетіи.

Съ преосвященнымъ Авраамiемъ въ Астрахани мы пріятельски жили: архипастырь благочестивый, умный, трезвый и, дозволю себѣ сказать, много и лучше ученый многихъ нынѣ новоученыхъ! Въ 1822 году въ іюлѣ я оставилъ Астрахань, освободившись отъ несносной для меня таможенной службы! Ровно 10 лѣтъ — malgré moi — я былъ мытаремъ подъ начальствомъ биреч-мытаря (sic), т. е. министра финансовъ. Тогда былъ м. ф. претолстый человѣкъ, Д. А. Гурьевъ. Въ Астрахани пробылъ я 5 годовъ, благодарю Бога, очень счастливо, былъ любимъ и уважаемъ цѣлымъ астраханскимъ обществомъ. Ко мнѣ ходили на судъ и разборъ мой добровольно торговаго сословія люди, имѣвшіе между собой пререканія — въ сотняхъ тысячахъ рублей, съ тѣмъ, какъ я разберу и обсужу, — такъ тому и быть безъ поворота. Не гордясь, смѣю сказать, — гордымъ Богъ противится, — ни одинъ министръ юстиціи и прочихъ названій, конечно, не имѣлъ такого довѣрія въ обществѣ, какимъ я былъ осчастливленъ въ Астрахани! Всегда воспоминаю Астрахань съ неизъяснимымъ удовольствіемъ.

Съ почтеннѣйшимъ старцемъ Авраамiемъ (ему, сказалъ онъ [illegible]ѣ, 87-ой годъ или уже 87) видѣлся я сего 1837-го года въ [illegible]лѣ мѣсяцѣ, ровно черезъ 15 лѣтъ послѣ послѣдняго моего

свиданія съ нимъ въ Астрахани. Разстались мы на берегу Волги и свидѣлись на берегу той-же рѣки. Велитъ-ли Богъ намъ, сказали мы другъ другу прощаясь, въ этомъ мірѣ еще увидѣться!

Подъ сводами храма, гдѣ покоится прахъ предковъ царскаго рода Романовыхъ, монахи, вѣроятно по приказанію мудраго, тонкаго и знающаго дворъ и свѣтъ митрополита Филарета, повѣсили лампады и засвѣтили ихъ елеемъ. Безъ приказанія архипастыря, святіи отцы не догадались бы это сдѣлать. Прости Господь мнѣ согрѣшеніе, но отцы наши черноризцы большей частью бываютъ весьма свиноваты, грубы и наглы.

Когда мы были въ Новоспасскомъ монастырѣ,—это было послѣобѣденное время, половина 4-го часа пополудни. Но при насъ привезли погребать тѣло г-жи Глѣбовой, урожденной Новосильцовой.

Она была дочь Петра Александр. Новосильцова, извѣстнаго въ свое время чудака въ Москвѣ. Онъ былъ великій искусникъ верховой ѣзды, страстный лошадиный охотникъ: каждый день утромъ ѣздилъ на конѣ съ трубкой въ зубахъ; табакъ курилъ, можно сказать, безпрестанно. За нимъ и передъ нимъ всегда ѣзжало по нѣскольку слугъ, предъѣхавшимъ ему дѣлалъ онъ наставленіе въ верховой ѣздѣ и объѣздкѣ лошадей; слѣдовавшіе за нимъ имѣли каждый свое назначеніе. Одинъ везъ боярину питье, другой курительный табакъ, чубуки и трубки, зрительную трубку, съ шинелью или плащемъ, одинъ велъ лошадей заводныхъ боярскаго сѣдла, и наконецъ ѣздовой велъ вьючнаго коня, покрытаго красивою попоною, которая скрывала отъ зрителей судно боярина. Въ Вѣнѣ видѣлъ я герцога Альберта, прогуливающагося на конѣ съ такимъ же кортежемъ.

Я былъ знакомъ съ покойнымъ Новосильцовымъ. Знакомство завязалось у насъ въ манежѣ фельдмаршала Салтыкова. Я умѣлъ тогда хорошо управлять конемъ. Петръ Александровичъ полюбилъ меня. Я довольно часто ѣзжалъ къ нему обѣдать. Новосильцовъ ѣлъ и пилъ славно. Опрятность служителей, чистота комнатъ, придуманныя симетрія и украшенія въ домѣ заста

вляли восхищаться; но супруга его, дѣти, даже гости, не упоминая уже о служителяхъ, что называется — ходи по стрункѣ! Покойный обыкновенно садился за обѣдъ въ 2 часа по полудни. Сѣвши на кресла, онъ начиналъ съ хоромъ пѣвчихъ, который составляли служители, молиться Отче нашъ, потомъ по данному отъ хозяина знаку, всѣ за столомъ сидѣвшіе снимали съ тарелокъ салфетки и развертывали ихъ. Въ углу залы сидѣли музыканты, которые всѣ были уроды или увѣчные, какъ-то: хромые, горбатые, кривые, криворотые, косоглазые и т. п. Послѣ горячаго, по произволу и сигналу хозяина, начинали чающіе движенія воды симфонію въ своемъ углу, или стоявшіе за стульями слуги начинали пѣсню и хозяинъ съ ними вмѣстѣ. Новосильцовъ пѣлъ 2-ой басъ и умѣлъ прекрасно пѣть. По окончаніи стола, не вставая со стула, отправлялъ съ хоромъ пѣвчихъ благодарственную молитву. Говорили про него, что онъ былъ тиранъ съ подданными своими.

Слѣдующее событіе заставило меня отстать отъ Петра Александровича. Обѣдая у него видѣлъ я какого-то среднихъ лѣтъ господина, котораго онъ называлъ сосѣдомъ, и дѣйствительно гость былъ по деревнямъ ему сосѣдъ, большой пріятель. Новосильцовъ обращался съ гостемъ искренно, дружески. Послѣ стола, послѣ кофе предложилъ хозяинъ гостю не помню что-то пропѣть вмѣстѣ. Вѣроятно гость также былъ любитель музыки. Началось пѣніе, все шло хорошо, да гость не въ тонъ взялъ ниже,— какъ нашъ хозяинъ могучимъ кулакомъ хлопъ гостя по виску! Какъ снопъ другъ съ ногъ долой: лежитъ безъ чувствъ вдоль протянувшись. Вотъ гостю прыскаютъ водой въ лицо и спиртомъ оттираютъ, за лѣкаремъ шлютъ, за попомъ! Насилу черезъ часъ сосѣдушка очнулся. Признаюсь, я какъ только могъ скорѣе отъ Новосильцова убрался.

Какую отвратительную, гадкую сцену видѣли мы въ святыхъ ратахъ Новоспасскаго монастыря! Когда принесенное тѣло лѣбовой, по прочтеніи послѣдней литіи, опустили въ могилу и есь обрядъ погребенія былъ оконченъ, толпа нищихъ мужчинъ

и женщинъ, покрытые лохмотьями, съ разбитыми лицами, пьяные, въ развращеннѣйшемъ видѣ, кинулась къ Святымъ вратамъ, гдѣ имъ подавали денежную милостыню. Шумъ, гамъ, ругательства, драка этихъ развращенныхъ до того омерзительны и несносны, что я впалъ въ большое прегрѣшеніе, подумавъ: неужели эти мерзавцы достойны называться человѣками! Проѣзжая отъ Симонова въ Новоспасскій монастырь, дорога ведетъ мимо бывшаго Крутицкаго монастыря, который въ царствованіе Екатерины II-ой упраздненъ, и бывшій главнокомандующимъ въ Москвѣ ген.-анш. князь Александръ Александровичъ Прозоровскій испросилъ дозволеніе обратить зданія монастырскія въ казармы и конюшни для сформированныхъ Городскихъ гусаръ, начальникомъ которыхъ былъ любимецъ князя Прозоровскаго, полковникъ, грузинскій князь Филиппъ Семеновичъ Жеваховъ. Князь Прозоровскій и князь Жеваховъ были плохіе археологи, не любили древностей и все что только было въ монастырѣ древняго зодчества, все разрушили! Остались однѣ ворота или галлерея надъ воротами, складенная изъ изразцовъ. Храмъ обращенъ въ амуничники, въ амбары для овса! Ce n'est pas mieux ce que faisaient les français pendant leur séjour à Moscou!

Чтобы вамъ дать ясное понятіе о князьяхъ Прозоровскомъ и Жеваховѣ, читайте со вниманіемъ: кому не извѣстны гоненія на Н. И. Новикова. Князь Прозоровскій угождалъ Катеринѣ Романовнѣ Дашковой, злобствовавшей на Новикова за то, что онъ въ типографіи своей напечаталъ въ 6 недѣль словарь Чулкова о внутренней въ Россіи торговлѣ, гдѣ, чѣмъ и въ которое время существуютъ ярмарки, бываютъ съѣзжіе торги, дневные, недѣльные и т. д. (книга и нынѣ еще преполезная, а тогда единственная), которую Чулковъ поднесъ Императрицѣ. Государыня мислостивѣйше удостоила принять посвященіе Ей книги, тотчасъ наградила трудъ сочинителя собственно изъ своихъ рукъ золотою большою табакеркою, наполненною червонцами и повелѣла Президенту Россійской Академіи Наукъ немедленно напечатать книгу на счетъ казны въ пользу сочинителя. Чулковъ былъ въ это

время придворнымъ актеромъ. За что княгиня К. Р. Дашкова не благоволила къ Чулкову, мнѣ неизвѣстно, но три года книга его валялась въ Академіи и напечатать ее не было соизволенія Романовны. Одни говорили: она злобствовала за то, что Чулковъ сочиненіе свое осмѣлился помимо ея представить Государынѣ. La cronique scandaleuse en parle autrement, что Чулковъ не пошелъ къ Романовнѣ ее утѣшить. Я зналъ Чулкова, когда онъ уже былъ оберъ-секретаремъ сената въ московскихъ департаментахъ.... Вы спросите — да Новиковъ какъ замѣшался? Чулковъ, видѣвъ сочиненіе свое обреченное Романовною валяться въ прахѣ на полу, быть съѣденнымъ крысами, взялъ отъ театра отпускъ, пріѣхалъ въ Москву: Новиковъ напечаталъ ему сочиненіе его; Чулковъ схватилъ 5-6 экземпляровъ, поскакалъ въ Петербургъ и поднесъ напечатанное сочиненіе Императрицѣ. Государыня, принявъ книгу, изволила сказать: «ну насилу-то Катерина Романовна поворотилась, — я три года ждала твоего сочиненія». Чулковъ упалъ на колѣни: Виноватъ, всемилостивѣйшая Государыня, я напечаталъ книгу на свой счетъ въ вольной типографіи.—Гдѣ? спросила Екатерина.—Въ Москвѣ, въ типографіи Новикова. — Въ какое время? — Въ 6 недѣль, Ваше Величество, я для этого отпускъ испросилъ. — Спасибо тебѣ, Чулковъ, — ты меня утѣшилъ, изволила сказать Государыня. Еще пожаловала ему награжденіе и, отпуская Чулкова, милостиво сказала ему: «Чулковъ, ты годишься и на лучшее дѣло, нежели быть скоморохомъ. Ты бы вступилъ въ службу гражданскую. Чулковъ, ободренный милостивымъ ласковымъ словомъ Государыни, не замедлилъ разстаться съ театромъ и изъ гистріона превратился въ преполезнаго и почтеннаго оберъ-секретаря сената.

Когда Шишковскій, Степанъ Ивановичъ, главный начальникъ тайной канцеляріи, прибылъ въ Москву произвесть слѣдствіе въ ложѣ масонской и разыскать мартинистовъ, — это было, если не ошибаюсь, въ 1790—1791 или 1792 году, не помню твердо года, — онъ пересѣкъ многихъ, какъ-то дураковъ князей Никитичей Трубецкихъ, Татищева Петра Алексѣевича, Ив. Влади-

мировича Лопухина, кажется и Ив. Петровичу Тургеневу досталось, и многихъ еще, всѣхъ не припомнишь. Шишковскій этою продѣлкою, т. е. сѣченіемъ недѣль шесть занимался. Всѣ книги напечатанныя, всѣ манускрипты, подготовленные къ печати въ типографіи Новикова, и всѣ найденныя у него бумаги были секвестрованы. Было велѣно ихъ разобрать. Шишковскій, окончивъ всѣ сѣченія обряды, отправился въ С. Петербургъ, а князь Прозоровскій поручилъ разборъ книгъ и манускриптовъ любимцу своему, князю Филиппу Жевахову. Жеваховъ во всю жизнь свою ничего не читалъ и ничего другого не могъ разобрать, кромѣ утренней рапортички вахмистра о состояніи эскадрона!

Прошелъ мѣсяцъ, прошло можетъ быть и два послѣ порученія, сдѣланнаго Жевахову. Князь Прозоровскій, увидѣвъ Жевахова, спросилъ: «А сиречь (любимая рѣчь князя Прозоровскаго, которую онъ въ разговорѣ приставлялъ къ каждому слову) сиречь князь Филиппъ, чтожъ сиречь ты не рапортовалъ мнѣ сиречь долго времени, сиречь отобралъ-ли ты сиречь годныя отъ негодныхъ книги? А сиречь чтожъ ты сиречь не шьешь, не порешь». «Да, кажу ваше сіятельство, я исполнилъ въ точности, кажу, повелѣніе вашего сіятельства». «А какъ это сиречь?» «Да кажу, ваше сіятельство, мы въ троемъ съ капитаномъ да съ вахмистромъ поворочали, поворочали стопы то и печатныхъ и не печатныхъ, кажу, вахмистръ пыталъ и читать—онъ письменный; да кажу, говоритъ, такая де гиль напорота, что и не поймешь. Я кажу, ваше сіятельство, вывезъ все на Воробьевы горы, кажу сгрудилъ все въ кучи да и зажегъ. Кажу, часа полтора горѣли, ваше сіятельство, да уже, смѣю доложить Вашему сіятельству, кажу всѣ до словичка сгорѣли».—«А, сиречь, князь Филиппъ, ты умно и поступилъ!»

Новиковъ былъ посланъ въ заточеніе, гдѣ и дождался воцаренія Императора Павла. Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ сосланъ въ свои деревни; дураковъ князей Никитичей Трубецкихъ, помнится, послали въ Кострому; Лопухинъ и Татищевъ отдѣлались спинами и были оставлены въ Москвѣ.

Изъ Новоспасскаго поѣхали мы обѣдать, — намъ ѣсть захотѣлось, и я, не зная въ Москвѣ гастрономическихъ заведеній, завезъ чистую душу Андреевича въ ресторацію Печкина противу Александровскаго саду. Андреевичъ обѣдомъ былъ недоволенъ, да и я бы не поблагодарилъ г. Печкина, еслибы свѣжепросольная съ ботвиньей осетрина не заставила молчать въ моей утробѣ ворковавшаго желудка.

Послѣ обѣда Андреевичъ поѣхалъ къ себѣ отдохнуть, а я по образу пѣшаго хожденія стопы мои направилъ на Тверскую.

29-го іюля.

Встрѣтилъ Андреевича, шедшаго съ крыльца. «Мы ѣдемъ завтра въ Воскресенскъ, — тебѣ со мной нельзя, мнѣ навязали Муравьева[1]) со мной ѣхать». «Въ добрый часъ тебѣ—ступай благополучно, сказалъ я другу и пошелъ къ себѣ писать Ермолафію.

Муравьевъ, высокій ростомъ, статный мужчина, съ пригожимъ лицомъ насильно лѣзетъ въ рай! Грѣшу и можетъ быть много грѣшу, но святости его я худо вѣрю. Двѣ пуговки онъ носитъ на кафтанѣ сзади и ключъ есть у него, да этимъ онъ ключемъ въ рай дверь не отомкнетъ. Къ нему, какъ говорятъ, молиться ѣздятъ въ будуаръ. Всѣ бабы вѣры той, что онъ алтарь привезъ къ намъ на святую Русь изъ Іерусалима! Не знаю, какъ могло это случиться! Навѣрное, что бабы врутъ.

30-ое іюля.

Праздникъ, балъ, иллюминація и фейерверкъ у князя богача, князя Сергія Голицына въ деревнѣ, отъ города Кремля въ тринадцати верстахъ. Мнѣ сказывали людей тамъ семь десятковъ тысячъ было! Не знаю, кто и какъ могъ сосчитать. Не знаю,

---

1) Андрей Николаевичъ, извѣстный писатель, авторъ «Путешествія ко Святымъ мѣстамъ». К. Г.

правдаль-то, каретъ и дрожекъ много переломили, ушибленныхъ было много людей, но это знаю вѣрно: на барышнѣ породы знатной все платье изорвали, а она сидѣла въ ужинѣ за тѣмъ столомъ, гдѣ Цесаревичъ былъ!

31-го іюля.

Отправился въ 9-мъ часу утра къ Андреевичу и встрѣтилъ въ каретѣ на Тверской его вслѣдъ за великимъ княземъ во всю рысь ѣхавшаго — куда не знаю.

1-е августа 1837 г. Москва.

Въ 8 часовъ по полуночи сегодня, 1-го августа, былъ я у друга Андреевича въ Кремлѣ. Высоко живетъ — двѣ большія лѣстницы прежде должно влѣзть, чтобы до него добраться. Видно 60 мои годовъ начинаютъ требовать къ себѣ уваженія; войдя къ другу, я почувствовалъ въ 1-й разъ, что вѣрноподданные крѣпостные мои ноги очень хотѣли, чтобы я сѣлъ и тѣмъ освободилъ отъ ноши.

Великій князь завтра изволитъ ѣхать въ Троицкую Лавру: «Если что не помѣшаетъ, Михалычъ, мы ѣдемъ вмѣстѣ». «Хорошо, ѣду», сказалъ я. Андреевичъ облекся во вся тяжкая, то есть мундиръ и всѣ ордена, отправился въ Николаевскій дворецъ къ Цесаревичу, и я спустился на площадь предъ Грановитою Палатою, хотѣлъ итти въ Успенскій соборъ, да не пустили: насъ отставныхъ on traite en canaille. — Что дѣлать? Толпа народа занимала все пространство площади и ежеминутно умножалась; народъ все подходилъ. Я пріютился на лѣстницѣ церкви, которая у западнаго входа въ соборъ, гдѣ образъ явленный Печерской Богоматери; мнѣ было очень покойно, меня не толкали, не тѣснили, не жали, не давили, и я сидѣлъ на ступенькахъ лѣстницы препокойно. Народъ на площади походилъ на волнующееся море, толпа была въ безпрестанномъ движеніи—и у каждаго выражалось желаніе протѣсниться, стать поближе, стать у самаго ка-

ната, которымъ означено свободное мѣсто для хода духовенства съ крестомъ и шествія Его Высочества.

Смотря на это движеніе, думалъ я, какое перо, какое краснорѣчіе можетъ описать живо любовь и преданность народа русскаго къ его Государямъ! Нѣтъ, это невозможно, — какъ объяснить это русское радованіе, нетерпѣніе увидѣть царя, счастіе поклониться ему и отъ всей души прокричать ура! Какой иностранный виватъ поравняется съ русскимъ ура! — слышалъ я и нѣмецкій и французскій виватъ, — наше русское *ура* выше всего.

Всемилостивѣйшій указъ Государя Императора о дарованіи преступникамъ помилованія, уменьшенія ихъ наказанія, дарованіи нѣкоторымъ права загладить преступленія содѣянныя усерднымъ снова служеніемъ и честнымъ поведеніемъ, данный по ходатайству Его Императорскаго Высочества изъ Тобольска, произвелъ въ народѣ великую радость; всѣ и вездѣ толкуютъ, говорятъ о добродушіи Наслѣдника, о милосердіи Государя.

Но вѣроятно написать указъ было поручено строкулисту! Указъ читаютъ и перечитываютъ, — и надо сказать правду — не ясно понимаютъ.

Если бы въ указѣ были помѣщены слова «*я всегда буду миловать во имя твое!*»—это обрадовало бы несказанно сердце русское! Это выраженіе родителя, показывающее нѣжную любовь къ сыну, радованіе о его человѣколюбіи и милосердіи напомнило бы старину нашу, нашъ бытъ русскій! — Какъ говоривали цари русскіе? Что спасло Россію въ 1812 году? Слова Александра I-го: *не положу меча моего доколѣ будетъ хотя одинъ солдатъ непріятельскій на землѣ русской!* Это было сказано по-царски! Изъ лагеря на Двинѣ Александръ прибылъ въ Москву объявить народу своему о предстоявшей опасности государству. Что сказалъ Александръ въ собраніи дворянства и купечества, въ залѣ лагороднаго собранія? «Отечество въ опасности, мы должны пасти его». Эти слова въ одно мгновеніе, какъ электрическая сила, проникли въ душу каждаго и воспламенили сердце. Мы

русскіе любимъ краснорѣчіе сильное! Фразы — для насъ не годятся и фраза есть пататри - пататри, — словъ много, а силы никакой!

Какимъ молодцомъ шелъ за митрополитомъ въ крестномъ ходу Наслѣдникъ! Всѣ пришли въ восхищеніе! Въ народѣ слышенъ былъ говоръ: вотъ надежда наша; герой, кавалеръ, красавецъ, молодецъ. Дай Богъ ему многія лѣта здравствовать! Нѣтъ сомнѣнія, что молитва къ Богу о долгоденствіи Государю Цесаревичу у всѣхъ и каждаго восходила отъ чистаго сердца! Я видѣлъ, могу сказать, тысячи людей, у которыхъ катились изъ глазъ слезы, и самъ плакалъ съ неизъяснимымъ радованіемъ сердечнымъ. Не умѣю дать отчета, что происходило во мнѣ въ это время.

Какой случай: жена московскаго купца Соколова, пришедшая, какъ и всѣ прочія, увидѣть Государя Цесаревича, вдругъ занемогла. Ее провели за церковь, на крыльцѣ которой я стоялъ. Пособіе сдѣлать ей было, отъ большого стеченія народа, невозможно, — нельзя было достать стакана воды. Когда прошелъ крестный ходъ на виду, видѣлъ я, что священникъ уже исповѣдовалъ ее. Не знаю, осталась ли въ живыхъ, но тогда казалась при послѣдней минутѣ жизни своей.

2-ое августа 1837 г. Москва.

Понедѣльникъ, 2-го августа, по полуночи въ 3 часа и три четверти взобрался я къ другу Андреевичу въ кремлевскомъ дворцѣ: карета дорожная, шестью конями запряженная, стояла у крыльца; у ямщиковъ нашиты номера на шляпахъ и смотритель почталіонъ при нихъ сказалъ мнѣ: все готово. Комнатный слуга и постельникъ (камердинеръ) еще спали; взбудивъ народъ, велѣлъ подать себѣ огня и расположился на креслахъ съ сигарою въ зубахъ. Андреевичъ легъ спать въ 2 часа, кряхтѣлъ, когда его будили, однако скоро всталъ, скоро снарядился. Ему подали кофе, а мнѣ чай; въ половинѣ шестого часа, благословяся, мы покатили въ Лавру Троицкую къ Святому Сергію чудотворцу.

Вмѣсто трехъ перемѣнъ было три прибавлено и мы въ три часа двадцать минутъ пріѣхали въ Сергіевскій Посадъ — отъ Москвы 61 да отъ Кремля до заставы вѣрно 7 верстъ, итого 68 въ три часа двадцать минутъ: семнадцать верстъ въ часъ — быстро ѣхали; двадцать минутъ времени прошло при перемѣнахъ лошадей. На козлахъ съ кучеромъ торчалъ лакей придворный и поэтому во всѣхъ селахъ по дорогѣ священники въ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ, со хоругви намъ выходили, осѣняли насъ святымъ крестомъ, а эклезіярхи звонили во всѣ колокола безъ пощады! Въ селѣ Рахмановѣ стоялъ на конѣ служка монастырскій и едва завидѣлъ нашу карету, во всю прыть пустился скакать въ монастырь подать вѣсть о прибытіи Цесаревича въ село Рахманово.

Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ спѣшилъ возложить одежды, облаченіе и съ архимандриты, и іереи и всѣмъ соборомъ пошелъ къ святымъ вратамъ ожидать прибытія Его Высочества. Мы догадались, что скакунъ-служка надѣлаетъ въ лаврѣ кутерьму, думали — придумывали, какъ бы это упредить; да какъ? косматый послушникъ летѣлъ предъ нами вихремъ! Скоро вскакали мы въ посадъ и не безъ затрудненія могли заставить ямщиковъ остановиться потому, что во всѣхъ церквахъ звонили во всѣ колокола и изъ всей силы. — Мы вышли изъ кареты и поспѣшили къ стоящему предъ церковью священнику съ святымъ крестомъ — діаконъ съ кадиломъ, усердствующіе православные держали хоругви — сказать, что великій князь едва-ли еще черезъ часъ изволитъ прибыть. Не тутъ-то было. Священникъ осѣнялъ крестомъ, діаконъ кадилъ, дьячокъ и пономарь пѣли. Что было дѣлать? Дожидаться пока окончатъ всю продѣлку? Наконецъ умолкло пѣніе, но колокола звонили. Андреевичъ толковалъ священнику, что мы — не великій князь, что Его Высочество не прежде изволитъ прибыть, какъ черезъ часъ. Уймитесь звонить, отцы святые. На это со всею простотою ...ши сказалъ діаконъ: «да уймись звонить, слышишь въ лаврѣ ...ь царь звонятъ».

Каретѣ велѣли тихо спускаться съ горы, сами пошли пѣшкомъ, стараясь увѣрить, что Его Высочество еще не прибылъ. Но смотримъ: чины всей ратуши въ мундирахъ насъ встрѣчаютъ! Съ этими господами было не трудно изъясниться: у нихъ не было колоколовъ. Пошли мы далѣе. Сойдя съ горы, другъ чистая душа увидѣлъ уголокъ, сказалъ мнѣ: «Михалычъ, вотъ здѣсь бы порисовать—прекрасный видъ, да гдѣ бы пріютиться?» Я указалъ ему лавку подлѣ будки: «садись здѣсь, сказалъ ему, тебя и солнце печь не будетъ». Онъ пріютился, а я пошелъ въ лавру увѣдомить митрополита, что прибылъ г. Жуковскій, а его Высочество Государь Наслѣдникъ изволитъ прибыть не прежде, какъ черезъ часъ.

Въ святыхъ вратахъ нашелъ я высокопреосвященнаго митрополита во всемъ архипастырскомъ облаченіи, сидящимъ на своемъ стулѣ: вокругъ его стояли архимандриты, іеромонахи также во всемъ облаченіи, протодіаконъ, діаконы съ кадилами, діаконы съ рипиды, и иподіаконы съ трекили,—вся братія въ мантіяхъ. Испросивъ у архипастыря благословенія, я доложилъ его высокопреосвященству, что Государь Наслѣдникъ изволитъ прибыть не прежде какъ чрезъ часъ. «Да какъ же намъ дали вѣсть, что Его Высочество изволилъ уже пріѣхать въ Рахманово и тамъ его Его Высочество встрѣчали со кресты».—«Ваше Высокопреосвященство, звонили по ошибкѣ, — увидѣвъ придворный экипажъ, въ которомъ ѣхалъ В. А. Жуковскій». — «А вы какъ это знаете?» спросилъ митрополитъ меня. — «Я съ нимъ сюда пріѣхалъ». — «Гдѣ же В. А.?» Расположился внизу горы снимать видъ Лавры. Съ лѣвой стороны архипастыря стоялъ московскій граждан. губернаторъ Никол. Авдот. Небол., усталый отъ трудовъ: потъ градомъ съ него лилъ. Намѣстникъ священно-архимандрита-митрополита въ Лаврѣ Троицкой, архимандритъ Антоній, державшій крестъ святый на блюдѣ, началъ со мною разговоръ. — Благородный видъ инока, прекрасныя черты лица, выражающія чувства души нѣжной, умѣющей любить, способной и чувствовать и мыслить благородно,—всѣ формы его обращенія, самый голосъ

заставили меня Антонія любить! Халтурою Антоній не вонялъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ—сердечною тоскою изнуренный, искалъ убѣжище въ стѣнахъ монастыря! Смотрѣвъ на Антонія, мысль о тщеславіи, что оно нарядило его въ черную рясу, гонишь прочь.

Черезъ часъ и 15 минутъ послѣ звонкаго нашего пріѣзда изволилъ прибыть въ Лавру Высокій Путешественникъ, Государь Цесаревичъ. На площади не умолкало радостное народа русскаго *ура!* Колокола звонили, всѣ и вся были въ движеніи. Митрополитъ съ крестомъ въ рукѣ привѣтствовалъ Наслѣдника престола рѣчью; но шумъ народа, звонъ колоколовъ не позволили ничего разслушать. А какой-то изступленный послушникъ съ косматыми волосами, протягивавшій долгую свою шею у меня изъ-за плеча съ одной стороны, а съ другой — длинный, святой уже до половины, съ ключемъ златымъ къ низу спины, боляринъ комнатный Андрей — мнѣ надоѣли до крайности: первый космами своими царапалъ по лицу, а другой, перегнувшись, шепталъ Антонію, что ему въ проѣздъ его вездѣ звонили; вѣрно онъ скоро будетъ самъ архіереемъ, и просилъ архимандрита приказать отвесть ему комнату, гдѣ бы ему сдѣлать туалетъ свой! — Подумалъ я — онъ мѣтитъ въ архіереи, а первая забота — туалетъ! Антоній дернулъ надоѣдавшаго мнѣ космача и вдругъ оба исчезли. Я былъ доволенъ несказанно и тогда только разслушалъ слова митрополита къ Наслѣднику: «и мы нынѣ съ тобой пойдемъ во храмъ молиться!»

Наслѣдникъ, приложась къ животворящему кресту Христа Спасителя, съ смиреніемъ христіанина шествовалъ за митрополитомъ. Толпа двинулась, и я въ минуту былъ въ 50 шагахъ сзади, — отъ давленія кости у меня хрустѣли! По счастью моему какой-то строкулистъ въ мундирѣ съ бѣлыми пуговицами, слышавшій, что я пріѣхалъ съ Жуковскимъ въ придворной каретѣ, быть можетъ прочитавшій на козлахъ у кареты надпись: *Его Императорскаго Высочества*, принялъ меня за преважное, преважущее лицо; послѣдняя догадка строкулиста и не совсѣмъ была

ошибочна,—во всей толпѣ круглѣе и шире моего не было ни одного лица! Но что бы то ни было почтенный строкулистъ, схвативъ меня за руку, началъ въ толпѣ тузить кого какъ попало: прочь невѣжды, дай дорогу, кого вы оттерли! раздвинулись и я пошелъ, поднявши морду величаво. Другая остановка: дверь въ храмъ была заложена запоромъ. Мой благодѣтель строкулистъ шепнулъ что-то сквозь щель дверей—чтó я не разслышалъ. Мгновенно отняли запоръ и въ храмъ меня впустили. — Ужъ пѣли запричастный стихъ,—услышали гвалтъ мы у дверей — и голосъ громкій прокричалъ: пусти, я камергеръ Андрей Муравьевъ—свиты Его Императорскаго Высочества:—отверзлася церковна дверь и молодецъ франтомъ явился.

По совершеніи литургіи Его Высочество, сопровождаемый митрополитомъ, изволилъ шествовать во всѣ храмы обители, гдѣ почиваютъ святыя мощи угодниковъ, — для поклоненія, потомъ отправился въ Виѳанію.

Митрополитъ поѣхалъ въ каретѣ намѣстника Антонія въ Виѳанію. Лошади были запряжены—четыре въ рядъ. Неискуство-ли кучера управлять, или долго кони не были ѣзжены,—начали бить и понесли. Рѣшительная, но дерзкая отважность слуги Надежды Алексѣевны Шереметевой спасла митрополита. Увидѣвъ, что лошади несутъ и кучеръ не въ силахъ удержать ихъ, слуга бросился предъ лошадей и повисъ на дышлѣ и тѣмъ спасъ жизнь митрополиту.

Въ Виѳаніи митрополитъ затомилъ Наслѣдника, показывая Его Высочеству всѣ углы новопостроенной имъ семинаріи, въ которой, сказать правду, глядѣть нечего и неначто! По моему лучшаго митрополитъ не показалъ Наслѣднику, онъ не повелъ Его Высочество на балконъ, съ котораго виды прелестные!

Что это значитъ? — Не мною былъ балконъ построенъ!

По возвращеніи изъ Виѳаніи въ Лавру, Андреевичъ передалъ меня архимандриту Антонію, чтобы меня накормили. Почтенный архимандритъ ввѣрилъ меня отцу Саватію, который отвелъ меня въ кельи намѣстника. Едва успѣли мы войти, какъ при-

бѣжалъ святый до половины камергеръ—причесывать, крутить хохолъ по модѣ, лицо и руки умывать, жабо вновь завязывать и пр. и пр.

Мнѣ принесли стерляжью уху — хоть бы и въ Астрахани! Потомъ ботвинью съ осетриной виноградной—чудо-рыба! какъ янтаремъ подернута.

Отблагодаривъ отца Саватія, пошелъ я на монастырь, гдѣ множество было народа, гдѣ много видѣлъ я прекрасныхъ дамъ, которыхъ святіи отцы всѣхъ знаютъ. Между ними увидѣлъ я одну чудесной, разительной красоты. Въ ней все: осанка, взглядъ, глазъ въ маслѣ голубой, бровь черная дугой и бѣлоснѣжная грудь, и ножки стройныя съ крутымъ подъемомъ, какъ персикъ мягкая рука,—въ ней все обворажало! спросилъ отца святого — кто она? новорожденница — 18 минуло ей лѣтъ, живетъ съ родителями здѣсь лѣтомъ. Другую увидалъ: была одѣта въ платьѣ черномъ, какъ ангелъ хороша, — сказали, что она недавно овдовѣла. Подумалъ я — конечно, неутѣшная вдова утѣшится здѣсь скоро! и подлинно, съ отцомъ лѣтъ подъ тридцать вдова, какъ мнѣ казалось, условіе заключала! — Какъ вдругъ монахъ въ заношенномъ подрясникѣ мнѣ по-нѣмецки говоритъ. Ба! это что за чудо? — Ich bin aus dem neuen Finland, bin Probstes Sohn, mir nicht hier wohl im Kloster; ich will nicht mehr hier bleiben, bin arm, hier liebt man nur die Reichen. — Онъ принялъ вѣру греческаго исповѣданья, вступилъ сюда въ монахи и кажется во всемъ монастырѣ здѣсь только два монаха: если не ошибаюсь, намѣстникъ Антоній и монахъ-пасторскій сынъ изъ новой Финляндіи (онъ былъ теологъ въ Абовскомъ университетѣ); а прочихъ можно раздѣлить на два разряда. Ученые монахи академисты помышляютъ, какъ-бы поскорѣй пробиться въ архіереи; надѣть побольше орденовъ, да въ сытную эпархію попасть владыкой, а тамъ живи и проклажайся. Неученые—чтобъ пить, ѣсть и — хорошо....

4 августа 1837 г.

Вчера въ 6 часовъ пополудни изволила прибыть Государыня императрица Александра Ѳеодоровна съ великою княжною Ма-

ріею Николаевною. Государь Цесаревичъ ѣздилъ Ея Величество встрѣчать, далеко-ли не знаю. Хотя и живу на Тверской улицѣ, по которой Государыня изволила проѣзжать, но мнѣ не удалось видѣть. За четверть часа пришелъ ко мнѣ слуга тётки моей Воронцовой увѣдомить меня, что тётушка вдругъ сдѣлалась нездорова. Почтенной тётушкѣ безъ малаго 90 лѣтъ. Пошелъ старушку навѣстить. Разстроился у тётушки желудокъ: сырыхъ груздей покушала родная, огурчиковъ, да подали малины ей стоявшей въ погребѣ на льду. Вотъ и поднялась съ тётушкой потѣха!

Сегодня (4-ое число) въ 9-мъ часу пришелъ я къ чистой душѣ: онъ только что проснулся. Ему вчера московскіе писаки дали въ Сокольникахъ пирушку[1]). Все было прекрасно, хорошо, пристойно, благородно; но власть ихъ авторская — цыганское гузновертѣнье въ бесѣдѣ литераторовъ, хула изящнаго.

Чистая душа Андреевичъ одѣлся во всѣ орнаменты и отправился въ Николаевскій дворецъ къ Государынѣ, предлагалъ мнѣ доѣхать съ нимъ до крыльца и тамъ пріютить меня посмотрѣть шествіе Царицы. Убоявшись толпы, я сказалъ, что лучше стану на Красномъ крыльцѣ. Но меня туда не пропустили: строгое было дано повелѣніе, чтобы никого и ни подъ какимъ предлогомъ на Красное крыльцо не пропускать. Куда-жъ дѣваться, думалъ я. Пойду на площадь посмотрѣть на народъ. Иду мимо Архангельскаго собора съ Москворѣцкой стороны и слышу: псаломщикъ ведетъ торгъ съ купецкой бабой—пустить ее въ соборъ. Псаломщикъ требуетъ цѣлковый, а баба говорила: «Ахъ! батька мой, да за что? вѣдь намъ лишь поглядѣть—довольно четвертакъ». Я далъ чтецу псалмовъ рубль серебра и былъ очень доволенъ, надѣясь безъ толчковъ имѣть счастіе увидѣть всемилостивѣйшую Государыню! На Ивановской Колокольнѣ начали звонить во всѣ колокола, въ соборѣ у Архангела духовенств

---

1) Объ этомъ чествованіи поэта см. Н. Барсукова «Ж. и Тр. Погодина» кн. V, стр. 8—9. К. Г.

начало пѣть молебень, который былъ скоро совершенъ, и ожидали Ея Величество. Увы! пропалъ мой рубль. Государыня Императрица не изволила въ соборъ къ Архангелу зайти; пошла изъ Успенскаго Собора по Красному крыльцу—въ Грановитую палату. Рубля псаломщикъ не отдаетъ. Я заставилъ его указать мнѣ, что́ есть въ Соборѣ древняго—достойнаго примѣчанія.—Извольте, покажу.—Онъ мнѣ показалъ портретъ Царя Алексѣя Михайловича, написанный на доскѣ въ видѣ образа: въ старину царей причисляли къ лику святыхъ и писали ихъ на образахъ: портретъ или образъ этотъ много отъ сырости повредился; однако же можно еще хорошо разсмотрѣть черты лица и вѣроятно портретъ большое имѣетъ сходство, судя по абрису и чертамъ лица. Другой портретъ указалъ мнѣ брата царя Ивана Васильевича Грознаго, который хорошо сохранился и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ сходствѣ оригинала. Римскихъ съ горбомъ носовъ и красивыхъ ястребиныхъ глазъ идеальнымъ ликамъ святыхъ на иконахъ не пишутъ. Я спросилъ псаломщика, нельзя ли списать копіи съ портретовъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: не мало объ этомъ хлопоталъ Полевой, да не дозволили. Есть-ли псаломщикъ сказалъ мнѣ правду, то въ какомъ еще сильномъ невѣжествѣ глушится наше духовенство!»...

На этомъ, къ сожалѣнію, прерывается дневникъ Тургенева. Жуковскій оставался въ Москвѣ еще 4 дня (до 9 августа), но вслѣдствіе пріѣзда Императрицы — загородныя экскурсіи Наслѣдника вѣроятно прекратились, и Жуковскій не могъ уже пользоваться прежней свободой: время его было болѣе занято пріёмами у высочайшихъ особъ, тѣмъ болѣе, что повѣствованія о путешествіи изъ его устъ должны были особенно интересовать Императрицу-мать. Кромѣ того, числа 5-го или 6-го вернулся в Петербурга И. И. Дмитріевъ, котораго Жуковскій ждалъ

съ нетерпѣніемъ, и оба поэта, учитель и ученикъ, ловили часы и минуты, чтобы быть вмѣстѣ... Они не подозрѣвали конечно, что это было ихъ послѣднее свиданіе[1]). При такихъ условіяхъ Жуковскій едва-ли могъ эти дни удѣлять сколько-нибудь времени своему другу А. М. Тургеневу. Быть можетъ потому прервался и дневникъ послѣдняго.

---

1) См. ниже, слѣдующую замѣтку. Также нашу ст. «Къ біографіи И. И Дмитріева», Изв. Отд. Имп. Ак. Наукъ, 1901, т. VI, кн. 4.

II.

В. А. Жуковскій объ Ив. Ив. Дмитріевѣ.

(Неизданное письмо Жуковскаго).

О самыхъ близкихъ, искренно дружескихъ и проникнутыхъ глубокимъ взаимнымъ уваженіемъ отношеніяхъ Жуковскаго и Дмитріева достаточно извѣстно, и распространяться здѣсь о томъ не представляется надобности.

Кто не знаетъ, что Дмитріевъ наставлялъ Жуковскаго съ первыхъ шаговъ его поэтическаго развитія и что послѣдній, послѣ Карамзина, считалъ себя ему всего болѣе обязаннымъ. Никогда ни малѣйшая тѣнь или недоразумѣніе не нарушало ихъ задушевной пріязни: Жуковскій, поддерживая непрерывно то личныя, то письменныя сношенія съ И. И., любилъ дѣлиться съ нимъ своими самыми интимными мыслями и впечатлѣніями, отдавать ему на судъ свои работы и свои замыслы. Дмитріевъ ему платилъ тою же искренностью и не менѣе восторженнымъ сочувствіемъ: полученіе произведеній своего славнаго ученика было для него всегда праздникомъ. Вспомнимъ напр. ихъ обмѣнъ поэтическими изліяніями въ концѣ 1831 года.

Осенью этого года Дмитріевъ получилъ отъ Василія Андреева два его стихотворенія по случаю взятія Варшавы (именно тарая пѣсня на новый ладъ» и «Русская Слава»). Это вдохнуло И. И. къ слѣдующему извѣстному посланію:

В. А. Жуковскому[1]).

Была пора, питомецъ русской славы,
И я во слѣдъ Державину пѣвалъ
Фелицы мощь, погромъ и стонъ Варшавы,—
Рекла и бысть — и Польши тронъ упалъ.

Пришла пора... увянулъ, сталъ безгласенъ
И лиру прахъ въ углу моемъ покрылъ;
Но прочь свое! мой вечеръ тихъ и ясенъ:
Побѣды звукъ меня одушевилъ.

Взыграй же духъ! Жуковскій, дай мнѣ руку!
Пускай съ пѣвцомъ воскликнетъ патріотъ:
Хвала и честь Екатерины внуку!
Съ нимъ русскій лавръ цвѣсть будетъ въ родъ и родъ.

Отвѣтомъ на это посланіе были прекрасные стихи Жуковскаго «Къ Ив. Ив. Дмитріеву», начинающіеся такъ:

Не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ...[2])

Въ тотъ же день, когда были написаны эти стихи, т. е. 16 окт., Жуковскій писалъ Дмитріеву: «Ваши стихи расшевелили всю мою душу: примите мою искреннюю благодарность за то чувство, которое вы во мнѣ пробудили. *Жуковскій, дай мнѣ руку:* въ этихъ словахъ, сказанныхъ мнѣ Дмитріевымъ, такъ много магическаго;

---

1) Стихотвореніе это вмѣстѣ съ отвѣтомъ Жуковскаго было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г. Мы печатаемъ его съ тѣми исправленіями автора (*Побѣды звукъ* вм. Побѣды гласъ, и *цвѣсть будетъ* вм. прозябнетъ), которыя онъ просилъ сдѣлать въ письмѣ къ Ж. отъ 21 окт. 1831 г. и которыя почему-то до сихъ поръ не приняты въ изданіи сочиненій Дмитріева.

2) Недавно въ найденномъ мною автографѣ этого стихотворенія — оказались еще двѣ новыя строфы (т. е. варіанты), заслуживающія вниманія. См. статью «Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго» въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. т. VI, кн. 2.

они мнѣ кажутся подписью всей прошедшей моей жизни, въ лучшихъ годахъ которой Дмитріевъ и Карамзинъ играютъ такую свѣтлую роль. Какъ весело подать Вамъ руку въ такую минуту, когда слава отечества опять вспыхнула яркимъ свѣтомъ». (Письмо изъ Петерб. 16 окт. 1831)[1]...

Въ послѣдній разъ Жуковскій и Дмитріевъ обмѣнялись письмами въ мартѣ 1837 г., слѣдовательно за полгода до смерти послѣдняго, по поводу посылки Жуковскимъ своему учителю-другу — «Ундины». Это было вскорѣ послѣ постигшей Россію великой литературной утраты, трагической смерти Пушкина, — и не удивительно, что скорбнымъ размышленіямъ о ней посвящены въ значительной части эти письма[2]). Собираясь между тѣмъ въ путешествіе съ Наслѣдникомъ по Россіи и имѣя въ виду быть въ Москвѣ, В. А. прибавлялъ въ своемъ письмѣ (12 марта): «Надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ имѣть счастье васъ увидѣть. Тогда поговоримъ подробно о Пушкинѣ»... Это свиданіе дѣйствительно состоялось въ первыхъ числахъ августа, но, къ сожалѣнію обоихъ друзей, было очень кратко. И. И. Дмитріевъ провелъ іюль мѣсяцъ въ поѣздкѣ въ остзейскій край и въ Петербургъ и вернулся въ Москву лишь за три дня до выѣзда оттуда Жуковскаго въ свитѣ Наслѣдника на югъ (9-го авг.). Онъ былъ все-же очень счастливъ, что засталъ его, какъ не менѣе былъ этимъ доволенъ и Василій Андреевичъ, и оба они старались насладиться обществомъ другъ друга. Это было послѣднее ихъ свиданіе, о которомъ такъ трогательно повѣствуетъ Жуковскій въ ниже печатаемомъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому. Друзья разстались въ надеждѣ вновь скоро увидѣться, но уже 3-го октября, послѣ краткой, но тяжкой болѣзни, И. И. Дмитріева не стало[3]). В. А. Жуковскій, пріѣхавъ затѣмъ въ

1) Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-ое, т. 6, стр. 432.

2) Тамъ же, стр. 437—39 и Соч. И. И. Дмитріева (ред. Флоридова) Спб. 5, т. II, стр. 329.

3) О послѣднихъ мѣсяцахъ жизни И. И., о его болѣзни и обстоятельствахъ ;чины см. въ моей статьѣ въ Извѣстіяхъ отд. р. яз. и сл. И. А. Н. (1901, т. , кн. 4) «Къ біографіи И. И. Дмитріева».

Москву, въ свитѣ Государя, въ концѣ октября, могъ только навѣстить могилу и поклониться праху своего дорогого учителя въ Донскомъ монастырѣ. Подъ грустнымъ впечатлѣніемъ этой неожиданной утраты имъ и написано настоящее письмо.

Письмо къ кн. П. А. Вяземскому.

30 октября, Москва.

Вотъ мы и въ Москвѣ, проглотивъ около 20,000 верстъ. Скоро увижусь съ тобою, мой милый другъ, мнѣ къ вамъ — моимъ очень хочется; здѣсь въ Москвѣ безъ Ивана Ивановича пусто: онъ былъ для меня здѣсь представителемъ прошлой жизни. Проѣзжая черезъ Тулу, гдѣ я началъ жить, гдѣ были и первые мои уроки, и первая любовь, и первые стихи, гдѣ я въ первый разъ въ жизни услышалъ и полюбилъ имя Дмитріева вмѣстѣ съ именемъ Карамзина, я нашелъ въ трактирѣ на столѣ тотъ № газеты, гдѣ напечатана статья о немъ Шевырева [1]), — какой интервалъ между этими двумя эпохами! Вся жизнь быстро предо мною пробѣжала воспоминаніемъ; потомъ приближаясь къ Москвѣ черезъ Подольскъ, я проѣхалъ въ виду Астафьева, вспомнилъ немногіе, но прекрасные, свѣжіе, чистые дни астафьевскіе — въ нашемъ прошедшемъ два самыя яркія для насъ лица: Карамзинъ и Дмитріевъ. Около нихъ сосредоточиваются всѣ тѣ дни, въ которые и мы сами какъ-то были лучше и все около насъ было лучше. Пустоты, которая послѣ нихъ въ нашемъ быту осталась, ничѣмъ не наполнишь. Первый визитъ мой въ Москвѣ былъ на погребенье — ужъ не предсказанье ли это какое? Ужъ и меня не придется ли вамъ хоронить въ нынѣшнемъ году? Оно было бы и кстати: представитель лучшаго стараго времени въ литературѣ

---

1) Московскія Вѣдомости, 1837, 16 октября, № 83. Отзывъ о ней кн. П. А. Вяземскаго въ письмѣ его къ Шевыреву, Р. Архивъ, 1885, № 6, стр. 305; также въ письмѣ его къ А. А. Краевскому, см. Прилож. къ Отчету И. П. Библ. за 1895 г., стр. 67. См. «Ж. и Тр. Погодина» кн. V, стр. 124. К. Г.

и представитель лучшаго новаго времени сошли со сцены; я стою въ промежуткѣ, какъ-будто ни на что не опираясь — по неволѣ надобно повалиться. — Знаешь ли, на кого у меня главная надежда для будущей генераціи? Но надежда, еще ни на чемъ положительномъ не основанная? На Карамзина II, на Андрея (котораго поздравляю съ возвращеніемъ на родину[1]). Въ немъ

1) Андрей Николаевичъ Карамзинъ родился 24 окт. 1814 г., убитъ 16 мая 1854 года въ Каракальскомъ дѣлѣ, съ Турками. Это былъ человѣкъ выдававшійся умомъ, образованностью и благородствомъ; характеромъ прямымъ и симпатичнымъ (о смерти его см. ст. П. Вистенгофа «А. Н. Карамзинъ» въ Рус. Стар. 1878, т. 22, стр. 193 и д., и поправки къ ней кн. Васильчикова и Дика, тамъ же, т. 23, стр. 155 и 710, и А. Вязмитинова «Каракальское дѣло», тамъ же, 1879, т. 26, стр. 125). Съ 1846 г. онъ былъ женатъ на Аврорѣ Карл. Демидовой, рожд. Шернваль, извѣстной своимъ умомъ и красотой финляндкѣ. См. частыя упоминанія объ этой четѣ въ «Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», Спб. 1896. Плетневъ очень любилъ А. Карамзина и усердно рекомендовалъ его Я. К. Гроту. «Ты въ Андреѣ, пишетъ онъ, найдешь что-то восхитительно-благородное и умное». (Переписка, II, стр. 810). «Если представится случай, не уклонись сблизиться съ нимъ, ты ему нужнѣе, нежели онъ тебѣ, — поэтому-то и хорошо явиться готовымъ на душевную помощь. Онъ у васъ прямо въ пустынѣ». (тамъ же, стр. 827). «Конечно, слишкомъ свѣтская его наружность не заманчива для нашего съ твоимъ вкуса; но у него въ душѣ много теплоты, а въ умѣ — идей» (тамъ же, III, 270). Однакожъ эта внѣшняя свѣтскость и манера дѣйствительно не понравились Я. К. (тамъ же, III, стр. 549—50, 554). Какъ бы то ни было А. Н. при всѣхъ своихъ способностяхъ и литературныхъ склонностяхъ, не оправдалъ надеждъ Жуковскаго, хотя въ ту пору, въ 30-хъ годахъ видимо подавалъ ихъ. Отправляясь передъ тѣмъ по болѣзни за границу, онъ писалъ И. И. Дмитріеву: «....я уже подалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ за границу на полтора года. Если Богъ дастъ, я отправлюсь сперва по слѣдамъ Русскаго Путешественника въ Германію и Швейцарію, а потомъ на зиму въ Италію. Италія! какъ это имя звучитъ гармонически моему воображенію! Много есть привлекательнаго для меня въ этихъ планахъ, но горькая мысль о разлукѣ все покрываетъ черною тѣнью....». («Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» Спб. 1866, стр. 440). Въ словахъ о немъ Жуковскаго слышится какъ-будто отголосокъ мнѣній и отзывовъ о немъ семьи Карамзиныхъ. 2 мая 1837 г. сестра его Екатерина Николаевна писала къ Дмитріеву же: «Братъ Андрей нѣсколько разъ просилъ въ письмахъ своихъ напомнить Вамъ о немъ, и нѣжно благодарить за ваше, нами ему переданное, воспоминаніе. Какъ живо наслаждается онъ своимъ путешествіемъ и какъ часто *письма его поражаютъ насъ сходствомъ мыслей и чувствъ съ папеньными. Онъ конечно всѣхъ болѣе похожъ на него душой и умомъ*, и къ тому же ѣетъ очень счастливый, веселый характеръ» (курсивъ нашъ). Тамъ же, стр.). Желая ему бросить военную службу, Жуковскій какъ-будто предчувствовалъ, что эта карьера станетъ для него роковою. К. Г.

таится высокость и чистота отца. Какъ отецъ началъ онъ письмами и такими же письмами. Желаю ему и дороги отца, съ его высокою, *смиренною* мудростію. Но чортъ побери пушки. Сидя на лафетѣ, не приготовишься продолжать исторію государства россійскаго; и не пушками застрѣлишь Булгариныхъ et comp., обратившихъ въ торжище храмъ словесности и п.... изъ своихъ н.... на свѣтъ большой и малый.

Мы проживемъ здѣсь съ мѣсяцъ и болѣе[1]). Я просилъ Солнцева[2]) написать къ наслѣднику Дмитріева[3]), чтобъ поспѣшилъ пріѣхать: я бы желалъ разобрать оставшіяся бумаги. Надобно издать полное собраніе сочиненій его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ самъ ихъ въ послѣдній разъ издалъ. Но все выключенное можно приложить въ Аппендиксѣ. Я бы желалъ присоединить къ старому: Записки и переписку съ Карамзинымъ[4]). Цѣлы ли письма И. И. у Екатерины Андреевны? Сбираюсь взглянуть на его свѣжую могилу. Проѣзжая черезъ Сызрань, я (съ в. к.[5]) посѣтилъ его деревню[6]), видѣлъ мѣсто, гдѣ онъ родился, и изъ оконъ построеннаго имъ самимъ дома срисовалъ это мѣсто. Какое счастье, что онъ пріѣхалъ въ Москву дня за три до моего отъѣзда. Я былъ у него, потомъ мы обѣдали вмѣстѣ въ Англійскомъ клубѣ[7]), потомъ были вмѣстѣ на вечерѣ у Императрицы, и на другой день онъ нарочно для меня пріѣхалъ въ концертъ,

---

1) Это предположеніе не осуществилось, такъ какъ уже 17 дек. путешественники вернулись въ Петербургъ. К. Г.

2) Ѳедоръ Григорьевичъ, археологъ-живописецъ, † 1891 г. К. Г.

3) М. А. Дмитріевъ, бывшій тогда въ Симбирскѣ. К. Г.

4) Мысль Жуковскаго, къ сожалѣнію, не была осуществлена. Новое изданіе сочиненій Дмитріева, первое по его смерти, вышло лишь въ наши дни (1893—5 г., подъ ред. А. А. Флоридова). Записки его («Взглядъ на мою жизнь») изданы М. А. Дмитріевымъ въ 1866 г. (М.). Изъ переписки съ Карамзинымъ сохранились лишь письма Карамзина къ нему, которыя и изданы И. Академіей Наукъ (Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ) тоже въ 1866 г. К. Г.

5) Съ великимъ княземъ Наслѣдн. Александромъ Николаевичемъ. К. Г.

6) Село Богородское, Симбирск. губ., въ 25 верстахъ отъ Сызрани. К. Г.

7) «Погодинъ ужасно досадовалъ «изъ самолюбія» ,что ему не удалось вмѣстѣ съ И. И. Дмитріевымъ и Жуковскимъ побывать въ Англійскомъ Клубѣ». Н. П. Барсуковъ, «Ж. и Тр. Погодина»; кн. V, стр. 8. К. Г.

гдѣ мы и простились. Онъ былъ какъ-то особенно ко мнѣ во все это время нѣженъ.

Напиши ко мнѣ, прошу тебя, обо всѣхъ нашихъ, о своихъ, о Карамзиныхъ. Поблагодари мою милую Іосифовну[1]) за то, что пріѣхала здоровая, съ запасомъ новой для всѣхъ насъ жизни. Обними Вьельгорскаго[2]), а его заставь обнять за меня графиню[3]); да скажи Іосифу[4]), чтобы ко мнѣ написалъ о себѣ подробный отчетъ. Ну Слава Богу! скоро буду опять со всѣми вами. Лишь бы только не здѣсь сбылось со мною предсказаніе. Живу такъ тѣсно, что и гроба негдѣ будетъ уставить, а отпѣвать не будетъ и мѣста. Правда и въ Петербургѣ трудно будетъ спустить вамъ меня съ моей лѣстницы, да все ужъ лучше, нежели здѣсь[5]).

(*Приписка:*) «Навѣсти Козлова[6]), онъ въ ужасномъ положеніи. Пальцы уже одеревенѣли; и языкъ начинаетъ нѣмѣть. Слухъ давно ослабѣлъ. А душа какъ будто живѣетъ».

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого письма Жуковскій уже покинулъ Москву, и 17 дек. уже подъѣзжалъ къ Петербургу. Верстъ за 50 отъ столицы онъ увидѣлъ большое зарево, а не до-

---

1) Александра Осиповна Смирнова.

2) Гр. Михаилъ Юрьевичъ.

3) Гр. Луиза Карловна, жена предыдущаго.

4) Гр. Іосифъ Михайловичъ, ихъ сынъ, сотоварищъ Наслѣдника В. К. Александра Николаевича, начавшій путешествіе съ ними, но вернувшійся съ дороги, умеръ отъ чахотки въ 1839 г. К. Г.

5) Любопытно, что въ то самое время, какъ Жуковскому, подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ утратъ, приходили въ голову мысли о смерти, которая, по его словамъ, «была бы даже кстати»,—другъ его, Гоголь, въ тотъ же самый день, 30 окт. 1837 г. пишетъ ему изъ Рима письмо, въ которомъ читаемъ: «Я веселъ, душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни! Я ничего еще не сдѣлалъ, что̀ было бы достойно Вашего трогательнаго расположенія»... и заключаетъ письмо словами: «Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу!» К. Г.

6) Ив. Ив. Козловъ, извѣстный нашъ поэтъ-слѣпецъ прожилъ еще два года слишкомъ и скончался 30 янв. 1840 года. Горячая дружба Жуковскаго была лучшимъ его утѣшеніемъ въ испытаніи. По смерти его В. А. посвятилъ ему прочувствованныя строки въ статьѣ «О стихотвореніяхъ И. И. Козлова» въ «Современникѣ» 1840 г. т. XVIII, стр. 83. К. Г.

ѣзжая до города узналъ, что горитъ Зимній Дворецъ, гдѣ находилась и квартира Жуковскаго... Однакожъ по пріѣздѣ оказалось, что она не пострадала, что все осталось на своемъ мѣстѣ. По свидѣтельству П. А. Плетнева, Жуковскій «съ трогательнымъ простодушіемъ говорилъ по этому поводу: мнѣ было какъ-то стыдно...» [1]).

К. Я. Гротъ.

1) П. А. Плетневъ. О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, «Соч. и Переп. Плетнева», т. III, Спб. 1888, стр. 107.

Чешскіе переводы произведеній В. А. Жуковскаго и статьи о его жизни и литературной дѣятельности.

Вл. А. Францевъ.

Изъ русскихъ поэтовъ немного знакомъ чехамъ по переводамъ В. А. Жуковскій. Въ этомъ отношеніи ему посчастливилось значительно меньше другихъ русскихъ писателей, иногда даже второстепеннаго значенія. О Жуковскомъ вообще и въ чешскихъ литературныхъ журналахъ, и въ частныхъ письмахъ главнѣйшихъ представителей возрожденія находимъ весьма незначительныя упоминанія. Шафарикъ въ своей Geschichte der slaw. Sprache und Lit. (1826 г.) отводитъ Жуковскому всего лишь одиннадцать строчекъ; къ музѣ Жуковскаго и Батюшкова, съ которыми онъ знакомъ только по отзывамъ русской критики, онъ относится съ какимъ-то недовѣріемъ, когда пишетъ Коллару (21 янв. 1824 г. Cf. Časop. Česk. Mus., 1873, str. 384): «Žukovský a Baťuškov trůní teď na Ruském Parnasu; a jestli všickni ruští kritikové nelhou, mohou směle Sophoclesa, Pindara, Shakespeara a Schillera do kola svého zavolat, aby s nimi vodkovali a sklenicemi brnkali». Въ 1827 году съ нашимъ поэтомъ встрѣтился въ Лейпцигѣ Фр. Палацкій, впослѣдствіи знаменитый чешскій историкъ. О своемъ знакомствѣ съ Жуковскимъ онъ писалъ Коллару: ъ маѣ я познакомился въ Лейпцигѣ и, такъ сказать, подрулся съ нѣкоторыми знаменитыми русскими, между прочимъ Жуковскимъ. Оба наши журнала будутъ исправно ему по-

сылаться. Онъ мнѣ пришелся очень по сердцу и обѣщалъ мнѣ давать журналы русскіе. Онъ состоитъ воспитателемъ цесаревича Александра, — человѣкъ остроумный, ученый, очень любезный, скромный и притомъ серьезный, любящій своихъ славянъ». (Č. Č. Mus., 1879, 392). Но съ музой Жуковскаго Палацкій едва-ли былъ знакомъ, хотя самъ былъ въ юные годы поэтомъ. Для чешской литературы это личное знакомство его съ Жуковскимъ ничего не принесло. Заслуга перваго перевода принадлежитъ, если не ошибаемся, Фр. Л. Челаковскому, который напечаталъ въ журналѣ Česká Včela (1834, № 11 — 13) «Pohádku o králi Kojatovi, o synu jeho králeviči Milanovi, o čarodějníku Černuchovi a o dceři jeho Velence» (См. также Fr. L. Čelakovského Sebrané spisy, sv. III, 403. Praha, 1877). Поэтъ нашелъ большое сходство между сказкой, обработанной Жуковскимъ, и чешскими народными пѣснями. Съ произведеніемъ Жуковскаго Челаковскій познакомился въ альманахѣ «Новоселье».

Остальные извѣстные намъ переводы произведеній Жуковскаго относятся къ болѣе позднему времени. «Свѣтлану» перевелъ на чешскій языкъ Іосифъ Коларжъ въ журн. Světozor, II, 1868, 484; переводъ этотъ вошелъ впослѣдствіи въ сборникъ «Slovanská poezije» (изд. Fr. Vymazal, v Brně, 1874, I, 78). Изъ мелкихъ стихотвореній Жуковскаго въ чешскомъ переводѣ намъ извѣстны слѣдующія: «Pomsta» (Месть), — перевелъ І. Б. Пихль (Společenský krasořečník český. Díl III, 11 — 12. Praha, 1853); «Slavnost Borodinská» — перевелъ М. Яндикъ (Šumavan, 1871); «Noc» («Den znaven už se v lesku svém»...), «Listek» («Od větve družné odloučený...») и «Píseň» («Zaniklých dnů čarovná zdání...») —перевелъ І. В. Сладекъ (Lumír, IX ,1881, 347, 364); «Pěvec v taboře ruských vojínů» (отрывокъ) — перевелъ І. Калашъ (Zličan, 1883, № 3); стихотворенія: «Večer» («Stružko, vinoucí se žlutavou písčinou...»), «Noc» («Již nad plamenný vody klín...») и «Píseň» («Kéž jsem ptáčkem, který libě zpívá») — перевелъ Фр. Халупа (Ruch, V, 1883, 68, 70); онъ же перевелъ стихотворенія: «Hádanka» (Загадка) и «Vánoce» (Крещенскій вс

черъ, отрывокъ изъ «Свѣтланы») въ сборн. Kvítí z ruských luhů, Praha, 1885, стр. 22, 99. Стихотвореніе «Moře» («Nemluvné ty moře, lazurné ty moře») перевелъ Руд. Покорный (Květy, 1886, II, 153).

Статья В. А. Жуковскаго о И. И. Козловѣ (изъ «Сѣв. Пчелы») по-чешски напечатана была въ журн. Časopis Česk. Mus., 1840, sv. II, 198—199. «V kruhu rodinném» («Въ семейномъ кругу») переводили: a) V. L. въ газ. Krakonoš, 1884 г.; b) И. Ваня, въ своемъ сборникѣ «Světem, kniha knih», v Praze, 1883, и c) неизвѣстный въ журн. Domací hospodyně, 1887, № 4.

Либретто оперы П. И. Чайковскаго «Орлеанская дѣва», представленной въ первый разъ на сценѣ чешскаго Народнаго театра 28 іюля 1882 г., перевелъ В. I. Новотный (Panna Orleanská. Velká zpěvohra ve 4 dějstvích. Dle Schillera od Žukovského, издана въ «Bibl. operních a operetn. textů», Serie II, seš. 13).

Изъ біографическихъ и критическихъ статей и очерковъ, посвященныхъ В. А. Жуковскому, можемъ отмѣтить: замѣтку J. W. P. о «новомъ» произведеніи Жуковскаго «Ундинѣ», въ приложеніи къ журналу «Květy», 1838, № IX, стр. 35, гдѣ Жуковскій, какъ поэтъ, поставленъ рядомъ съ Пушкинымъ. «Ундину», появившуюся послѣ продолжительнаго молчанія поэта, авторъ замѣтки называетъ «цвѣткомъ русской поэзіи» и хвалитъ изданіе Смирдина. Нѣсколько замѣчаній о Жуковскомъ находимъ въ статьѣ: «Novější básníci ruští» (по Кенига: «Litterarische Bilder aus Russland»), въ приложеніи къ журн. «Květy», 1840, № XV, XVIII. Литературный очеркъ: «Žukovský a Gogol» помѣщенъ въ журн. Vesna, 1852, № 29 (ve Vídni); здѣсь же находимъ замѣтку: «O literárních pracích pozůstalých po V. A. Žukovském» (1852, № 32). Нѣсколько замѣчаній о литературной дѣятельности Жуковскаго сообщается въ статьѣ I. Б. Коржинка: «Lermontov a prědní básníkové ruští» (Časopis Česk. Mus., XXVII, 1853, 275). іографическій очеркъ: «Ze života ruského básníka V. A. Žuovského. Dle serbského» (sic!) написалъ Фр. Ржига (Květy, 871, 214); краткія біографическія свѣдѣнія сообщены въ сб.

«Slovanská poesie» (Fr. Vymazal, т. I, 78). Наиболѣе полную и обстоятельную характеристику поэтической дѣятельности В. А. Жуковскаго и русскаго романтизма представилъ на основаніи русскихъ пособій А. Дурдикъ (въ журн. Světozor, X, 1876, стр. 419, 432, 443, 458, 470, 478). Къ столѣтней годовщинѣ рожденія Жуковскаго вышли двѣ статьи: «Žukovského jubilejní slavnosť» Эд. Елинка въ журн. Slovanský Sborník (II, 1883, 208) и Фр. Халупы: «Stoleté jubileum narozeniu V. A. Žukovského» (Ruch, V, 1883, 79). Чешскій поэтъ Святополкъ Чехъ къ столѣтнему юбилею рожденія Жуковскаго написалъ стихотвореніе: «Жуковскому» (Žukovskému), посвятивъ его «Кружку любителей русскаго языка въ чешской Прагѣ» (напечатано въ программѣ торжественнаго собранія Русскаго Кружка въ Прагѣ, 3 (15)-го февраля 1883 года). Такъ какъ стихотвореніе это, насколько намъ извѣстно, не появлялось нигдѣ, кромѣ названной программы, то мы приводимъ его здѣсь въ оригиналѣ.

ŽUKOVSKÉMU.

Když Rusi ňadro nadšením se dmulo
a mečem bleskla ruka hrozebná;
když posvátným jí žárem zaplanulo
to srdce zlaté, Moskva velebná;
když odrážela valný světa voj,
jak hrdá skála moře vzteklý příval:
tu v jejích stanech vojín-pěvec sníval,
na srdce tiskna varito i zbroj;
on vlasť i krásu kochal duší junou,
on jaře zvonil čepelem i strunou
a ve válečný ryk, děl temný řev
svůj mísil jasný bohatýrský zpěv.

Boj minul. Harfa otčiny se chvěla
větérkem svěžím, dechem jarních tuch —
tu Tvoje, Žukovský, dlaň umná, vřelá

ji probudila v nový čarný ruch.
Tvá duše vssála kouzlo cizích květů,
však zachovala vlastní vděk i pel,
zpěv ruský v ether idealních světů
Svým křídlem duhovým Jsi povznášel.

Ve stopách Tvých se pevců zástup sbíral,
šíř' perutě duch ruský rozestíral,
a vzešel Puškin jako slunce skvoucí
i Lermontov jak luna čarosnivá...
Však Ty jsi nezašel. Tvá píseň živa.
Na ruském nebi září nehynoucí
plát budeš dále v zoři červánkové,
jak luzná jitřní hvězda doby nové. (Sv. Čech)

Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ.

Печальнымъ выдался для русской литературы тысяча восемьсотъ пятьдесятъ второй годъ: 21-го февраля этого года она оплакала крупнѣйшую утрату — Гоголя, въ апрѣлѣ — схоронила Жуковскаго, а въ іюнѣ скончался Загоскинъ. «Я не запомню такого ужаснаго високоса!» съ скорбью писалъ С. Т. Аксаковъ И. С. Тургеневу. Столь же печальнымъ былъ этотъ роковой високосъ и для литературы чешской, потерявшей въ этомъ году сразу двухъ замѣчательнѣйшихъ своихъ поэтовъ: пѣвца славянской взаимности Яна Коллара († 24 янв. 1852) и симпатичнѣйшаго автора «Отголоска русскихъ пѣсенъ» Ф. Л. Челаковскаго († 5 авг. 1852). «Текущій годъ и для васъ и для насъ очень несчастливъ: вы потеряли Гоголя, Жуковскаго и Загоскина, а мы Коллара и Челаковскаго», писалъ Ганка Бодянскому (1 авг. 1852 г.). Кончина Гоголя вызвала въ кругахъ чешскихъ писателей чувства искренняго соболѣзнованія русской литературѣ. Прага видѣла великаго русскаго писателя въ своихъ стѣнахъ, здѣсь у него были друзья и почитатели, а многія произведенія его сдѣлались значительно раньше 1852-го года достояніемъ чешской литературы.

Гоголя знали и читали въ Прагѣ и въ Чехіи раньше, чѣмъ появились въ печати первые чешскіе переводы произведеній его. Уже въ 1838 году въ приложеніи къ чешскому литературному журналу Kwěty (str. 58) встрѣчаемъ небольшую замѣтку о Го-

голѣ, въ коей говорится слѣдующее: «Послѣ смерти Пушкина и Марлинскаго среди русскихъ писателей особенно замѣчательнымъ является Гоголь. Его новеллы и романы (sic) являются мастерскими произведеніями, ибо въ нихъ чрезвычайно правдиво изображаются характеры русской жизни. Новѣйшее его произведеніе составляетъ комедія, пользующаяся въ Петербургѣ большимъ успѣхомъ. Нынѣ Гоголь пребываетъ въ Римѣ, и о немъ ничего не слышно». Въ томъ же журналѣ въ 1840 г. (прилож. къ № XVII), въ очеркѣ К. Сабины «Nowelisté ruští», составленномъ по извѣстной книгѣ Кенига (Litterarische Bilder aus Russland, v. H. Koenig. Stuttgart, 1837) Гоголю посвящено уже значительно болѣе мѣста.

Раннему знакомству чешскихъ писателей съ твореніями Гоголя должны были способствовать въ извѣстной степени и непосредственныя отношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Гоголю во время пребыванія его въ Прагѣ. Еще въ началѣ іюля н. с. 1838 года Бодянскій въ письмѣ къ Погодину высказываетъ надежду встрѣтиться съ Гоголемъ въ Карлсбадѣ. Собравшись вмѣстѣ съ Шафарикомъ въ Карлсбадъ и Теплицы для лѣченія ревматизма, Бодянскій предполагалъ провести въ этихъ мѣстахъ недѣль пять и здѣсь думалъ свидѣться съ Гоголемъ. Возможность такой встрѣчи допускалъ, очевидно, и Погодинъ. 1-го іюля (18-го іюня) 1838 года, наканунѣ выѣзда въ Карлсбадъ, Бодянскій, которому надлежало передать Гоголю какое-то письмо, пишетъ Погодину изъ Праги: «Касательно письма къ Гоголю, я оставляю оное до Карлсбада: мнѣ что-то шепчетъ, что я его найду тамъ; а если это не случится, тотчасъ же отправлю по адресу въ Римъ; можетъ быть, напишу и отъ себя нѣсколько строкъ къ нему». Встрѣча, какъ видно изъ письма Бодянскаго отъ 6 (18) августа того же года, не состоялась. «Письмо къ Гоголю отправлено мной тотчасъ по пріѣздѣ въ Карловары», извѣщалъ онъ Погодина.

Письма Бодянскаго къ Погодину за 1840-ой годъ свидѣтельствуютъ, что въ началѣ 1839-го года Гоголя ожидали въ Прагѣ. Въ письмѣ отъ 7 (19)-го мая 1840-го года Бодянскій вы-

сказываетъ сожалѣніе, что ему «не удалось еще разочекъ сойтись съ Гоголемъ». «...Я все надѣялся», говоритъ Бодянскій далѣе, «авось, оправившись, гдѣ-нибудь сойдусь съ нимъ въ Италіи, Маріенбадѣ, Прагѣ или Вѣнѣ». Но свиданіе нашего славяновѣда съ великимъ своимъ землякомъ, къ огорченію Бодянскаго, не состоялось. Повидимому, однако, Гоголь въ этомъ году былъ въ Прагѣ или гдѣ-либо въ Чехіи и познакомился здѣсь съ Шафарикомъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мѣста писемъ Бодянскаго къ Погодину даютъ основаніе для такого предположенія. Правда, 1-го іюня 1840 года Шафарикъ въ письмѣ къ Погодину заявляетъ: «Gogol war bis Dato nicht in Prag», но значитъ ли это, что Гоголь вообще до этого времени не былъ въ Прагѣ, или же эти слова относятся только къ 1840-ому году, когда его тоже могли ожидать здѣсь? 6 (18)-го октября 1839-го года Бодянскій изъ Вѣны сообщаетъ Погодину: «Третьяго дня получилъ письмо отъ Шафарика... Онъ пишетъ, что Николай Васильевичъ Гоголь взялъ у него малороссійскія и польскія пѣсни, изданныя Вацлавомъ изъ Олеска, обѣщаясь послать назадъ ему изъ Вѣны, но онъ донынѣ не получалъ этой книги. Если онъ ея не получитъ, то очень трудно будетъ достать другой экземпляръ, потому что въ самой Галичинѣ изданіе это теперь чрезвычайно рѣдко»...

Библіотека Шафарика, несомнѣнно, заключала много поучительнаго и новаго для Гоголя. Многія книги этой сокровищницы, нынѣ составляющей собственность Чешскаго Національнаго Музея, являются нѣмыми свидѣтелями живыхъ связей Шафарика съ русскимъ ученымъ и литературнымъ міромъ. Упоминанія о томъ, что Гоголь въ разное время, надо думать, чрезъ чье-либо посредство пользовался книгами библіотеки Шафарика, встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ письмахъ Шафарика къ Погодину. Такъ, 19-го іюля 1839 года Шафарикъ пишетъ Погодину въ Маріенбадъ: «Von Hrn von Gogolj erhielt ich ein Schreiben und die ihm geliehenen Bücher über Wien richtig und schon lange». Очевидно, это не тѣ книги, о коихъ писалъ выше Бодянскій. Спустя три дня (22 іюля 1839 г.) Шафарикъ, вѣроятно, въ исполненіе

просьбы Погодина, извѣщаетъ его: «Heute schicke ich Ihnen die verlangten Bücher und wünsche herzlich, dass Hr. von Gogol' recht viel für seine Zwecke darin finden möge».

Въ эти годы связей съ Прагой Гоголь познакомился ближе съ знаменитыми «Славянскими Древностями» Шафарика. Книга произвела на бывшаго профессора исторіи сильное впечатлѣніе. Замѣтимъ, что Гоголя вообще занимали вопросы славянской исторіи. 15-го апрѣля 1838 г. онъ проситъ Н. Я. Прокоповича прислать ему книгъ отъ Смирдина, «особенно книгъ относительно исторіи славянской и русской»[1]). 3-го мая 1839 года Гоголь писалъ Погодину изъ Рима о «Славянскихъ Древностяхъ»: «Я ихъ читалъ и удивляюсь ясности взгляда и глубокой дѣльности. Кое-гдѣ я встрѣчалъ мои собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался втайнѣ, какъ открытіями, и которыя, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались прежде моего»[2]). О размѣрахъ и значеніи ученой и литературной дѣятельности Гоголя Шафарикъ составилъ себѣ вполнѣ вѣрное сужденіе по отзывамъ Погодина, который усердно, какъ извѣстно, знакомилъ искренняго друга и многочисленныхъ знакомыхъ своихъ въ Чехіи съ произведеніями русской литературы вообще и нашего писателя въ частности. Въ набросках и замѣткахъ Шафарика, извлеченныхъ изъ бумагъ его проф. Е. В. Пѣтуховымъ, о Гоголѣ со словъ Погодина записано: «Gogol', grosser Kenner Kleinrusslands, schreibt Gesch. v. Kleinrussland. Hist. Künstler, kein grosser Forscher. Ein junger Mann, ein der ersten Schriftsteller»[3]).

Шафарикъ, какъ мы замѣтили выше, благодаря Погодину, уже рано имѣлъ возможность познакомиться съ произведеніями Гоголя. При крайней затруднительности непосредственной выписки русскихъ книгъ изъ Россіи, взаимный обмѣнъ ученыхъ рус-

1) См. Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу, изд. Е. В. Пѣтуховъ, Кіевъ 1895, стр. 24.

2) Сочин. Гоголя, V, 369. Cf. А. А. Кочубинскій, Гр. С. Г. Строгоновъ, Вѣстн. Евр., 1896, авг., 482.

3) Зап. Юрьевск. Унив., 1896, № 1, стр. 52.

скихъ и чешскихъ и добровольныя подношенія русскихъ ученыхъ путешественниковъ были единственными путями, коими русская литература проникала въ родственныя славянскія земли. Насколько велика была въ Прагѣ потребность въ русской книгѣ вообще, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что Шафарикъ беретъ на себя роль посредника между пражскимъ книгопродавцемъ И. Г. Кальве и Москвой и въ январѣ 1841 года пишетъ Погодину обширное письмо о желаніи Кальве вступить въ непосредственныя сношенія съ московскими книгопродавцами, дабы новыя русскія книги кратчайшимъ путемъ и возможно скорѣе могли получаться въ Прагѣ. Прося Погодина оказать содѣйствіе этому дѣлу, Шафарикъ отмѣчаетъ далѣе, что именно слѣдуетъ присылать въ Прагу. «Такъ какъ русскія книги,—говоритъ онъ,—читаютъ здѣсь только ученые и образованные люди, то поэтому слѣдуетъ высылать въ числѣ научныхъ и спеціальныхъ изданій и выдающіяся произведенія изящной словесности: романы и стихотворенія». Шафарикъ имѣлъ въ виду удовлетворить духовнымъ интересамъ своихъ соотечественниковъ, не состоявшихъ въ столь близкомъ, какъ онъ, общеніи съ русскими учеными. Пребываніе въ самомъ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ Бодянскаго въ Прагѣ и Чехіи въ извѣстной степени облегчило эти связи съ Россіей, и подъ вліяніемъ Бодянскаго могъ создаться особенный интересъ къ твореніямъ Гоголя. Въ апрѣлѣ 1838 года Бодянскій проситъ Погодина: «Захватите, пожалуйста, съ собой сочиненія Гоголя, Марлинскаго и другихъ, кого можно, изъ новѣйшихъ нашихъ лучшихъ писателей для Шафарика,—онъ хотѣлъ бы познакомиться съ ними[4]); кромѣ того, здѣсь нашлись бы многихъ изъ нихъ пе-

4) Сочиненія Гоголя были въ рукахъ Шафарика значительно раньше, но, повидимому, онъ не обратилъ на нихъ вниманія, будучи занятъ главнымъ трудомъ своимъ—Славянскими Древностями. Извѣщая Ант. Марка (15 ноября 1836 года) о полученіи изъ Москвы русскихъ книгъ, Шафарикъ посылаетъ ему списокъ тѣхъ произведеній, которыя онъ желалъ бы переуступить любителямъ русскаго языка. Здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ: Gogol, Mirgorod, povjesti, St PBg., 8⁰, 2 díly.

ревести». Такимъ переводчикомъ, насколько намъ извѣстно, прежде всего предполагалъ быть Ф. Л. Челаковскій. Въ декабрѣ (20-го) 1837 года Бодянскій, сообщая Погодину нѣкоторыя свѣдѣнія о переводахъ Челаковскаго произведеній русскихъ поэтовъ, замѣчаетъ, что Челаковскій собирается перевести также нѣкоторыя повѣсти Гоголя. Но намѣреніе Челаковскаго не осуществилось.

Первымъ переводчикомъ повѣстей Гоголя въ Чехіи, какъ слѣдуетъ заключать изъ писемъ Бодянскаго, явилась жена Шафарика. Въ мартѣ 1838 года Бодянскій проситъ Погодина отъ имени Шафарика прислать въ Прагу для больной жены его сочиненія Гоголя и, если можно, Пушкина, а 1-го іюля н. ст. того же года Бодянскій спѣшитъ сообщить Погодину: «Нѣкоторыя изъ повѣстей Гоголя и вашихъ переводятся на чешскій языкъ». Въ дополненіе къ прежней своей просьбѣ онъ еще разъ повторяетъ: «Потрудитесь вмѣстѣ съ прочими книгами послать Шафарику для его жены, если можно достать еще, Ревизора, Арабески и Вечера на хуторѣ».

Были ли переводы жены Шафарика гдѣ-либо напечатаны, и переводила ли она Гоголя на *чешскій* языкъ, мы не можемъ сказать достовѣрно, но самъ Шафарикъ свидѣтельствуетъ о томъ, что жена его переводами съ русскаго языка занималась. «Моя Юлія[5]), покончившая теперь съ Гоголемъ, переводитъ вашъ «Сокольницкій садъ», сообщаетъ онъ Погодину 5-го января н. ст. 1841 года. Изъ напечатаннаго въ «Русской Мысли» (1896, V, 179) Itinerarium'а путешествія Гоголя видно, что Гоголь, какъ свидѣтельствуетъ отмѣтка на паспортѣ его, былъ въ Прагѣ 30-го іюня 1842 года[6]). Къ сожалѣнію, объ этомъ, вѣроятно, весьма кратковременномъ, пребываніи Гоголя въ Прагѣ мы ничего болѣе опредѣленнаго сказать не можемъ: чешскія газеты совершенно молчатъ о семъ фактѣ; никакихъ упоминаній о немъ нѣтъ и въ письмахъ современниковъ; никакихъ семъ Шафарика за лѣтніе мѣсяцы 1842 года ни къ Погодину,

5) Урожденная Julie Ambrózy de Séden или Zséden.
6) Cf. Шенрокъ, Матеріалы, IV, 136—137.

ни къ Бодянскому не сохранилось. Нѣтъ сомнѣнія, что Гоголь уже знакомый съ Шафарикомъ, хотя бы по трудамъ его, не преминулъ бы посѣтить его. Замѣтимъ здѣсь, что нѣсколько лѣтъ спустя Гоголь явился посредникомъ между Погодинымъ и Шафарикомъ по личнымъ дѣламъ перваго. Гоголь долженъ былъ передать Шафарику деньги за купленныя у него Погодинымъ книги. Объ этомъ говоритъ самъ Погодинъ въ письмѣ къ Шафарику отъ 2 (14) авг. 1847 г.: «Вамъ могъ я послать только 800 р. съ чѣмъ-то асс., пополамъ съ Пештомъ за книги, но не знаю еще, дошелъ ли до васъ вексель. Больше никакъ не могъ, а просилъ Гоголя помочь мнѣ, и онъ обѣщалъ доставить вамъ остальное непремѣнно». Вскорѣ послѣ этого, въ письмѣ отъ 21 авг. (2 сент.) 1847 г. Погодинъ спрашиваетъ Шафарика: «Получили ли вы деньги чрезъ Гоголя? Мнѣ было тяжело въ послѣднее время, — вотъ почему прислалъ я такъ поздно свой долгъ, или часть своего долга...»[7]). Но предположенное свиданіе Гоголя съ Шафарикомъ но состоялось. На оба отмѣченныя выше письма Шафарикъ отвѣчалъ Погодину 25 сент. 1847 г.: «Вы спрашиваете въ послѣднихъ двухъ письмахъ, не получилъ ли я чего-либо отъ Гоголя. Я отъ него не только ничего не получалъ, но даже не говорилъ съ нимъ, не видалъ его и рѣшительно ничего не знаю, гдѣ онъ обрѣтается».

Болѣе опредѣленныя данныя о пребываніи Гоголя въ Прагѣ относятся къ 1845 году. Въ іюнѣ этого года Гоголь былъ въ Карловыхъ Варахъ, а въ августѣ мы встрѣчаемъ его въ Прагѣ, куда онъ прибылъ проѣздомъ изъ Грефенберга. Здѣсь[8]) Гоголь обратилъ особенное вниманіе на Національный Музей, завѣдываемый Ганкою[9]), приходилъ туда нѣсколько разъ и разсматри-

7) Письма—въ библіотекѣ Чешскаго Музея въ Прагѣ.

8) По свидѣтельству «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя», т. II, стр. 50.

9) Ганка имѣлъ о Гоголѣ кое-какія извѣстія отъ своего ученика и друга. впослѣдствіи профессора Дерптскаго университета, А. С. Жиряева. 8(20)-го мая 1845 г. онъ писалъ Ганкѣ: «Русскую Пасху встрѣчалъ въ русской церкви въ Висбаденѣ, гдѣ познакомился съ двумя русскими знаменитостями: Жуковскимъ и Гоголемъ. Оба пріѣхали изъ Франкфурта говѣть и разговляться. По-

валъ хранящіяся въ немъ сокровища славянской старины. Для Ганки, усердно и съ удивительнымъ вниманіемъ слѣдившаго за всѣми явленіями русской духовной жизни, Гоголь былъ уже старымъ знакомымъ; произведенія его онъ читалъ, несомнѣнно, раньше этой первой встрѣчи съ нимъ въ Музеѣ. Въ 1842 году Василій Алексѣевичъ Пановъ поднесъ Ганкѣ сочиненія Гоголя, сдѣлавъ на книгѣ слѣдующую надпись: «Какъ творческое истинное изображеніе Русской жизни приноситъ эту книгу въ даръ вполнѣ умѣющему цѣнить эту жизнь Вячеславу Вячеславичу Ганкѣ одинъ изъ чтителей—Русскій Славянинъ. Прага, 1842 г. сент. 8-го — авг. 27-го»[10]). Ганка создалъ въ своемъ воображеніи собственный образъ Гоголя, котораго онъ зналъ по портретамъ, и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гоголь, сочиненія котораго онъ изучалъ съ такою любовью: такъ наружность Гоголя, его пріемы и разговоръ мало выказывали того, что было заключено въ душѣ его; наконецъ Ганка спросилъ у самого поэта, не онъ ли авторъ такихъ-то сочиненій.

«И, оставьте это!» сказалъ ему въ отвѣтъ Гоголь.

«Ваши сочиненія», продолжалъ Ганка, «составляютъ украшенія славянскихъ литературъ».

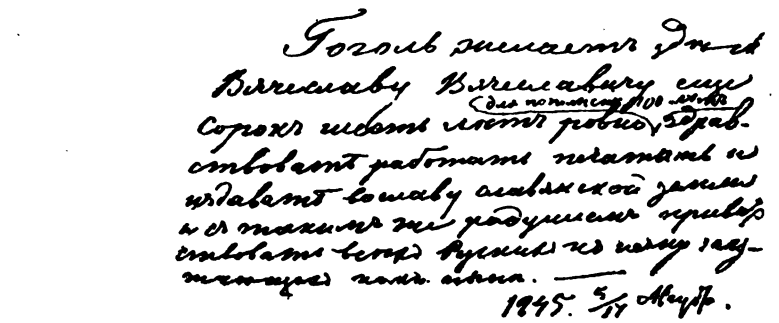
«Оставьте, оставьте!» повторялъ Гоголь, махая рукой, и ушелъ изъ Музея. Столько мы знаемъ о пребываніи его въ Прагѣ. Въ книгѣ посѣтителей Чешскаго Музея онъ расписался 5 (17) августа[11]) и тогда же написалъ въ альбомъ Ганкѣ слѣдующія строки: «Гоголь желаетъ здѣсь Вячеславу Вячеславичу еще сорокъ шесть лѣтъ ровно, для пополненія 100 лѣтъ, здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянской земли и съ

слѣдній намѣренъ ѣхать въ Италію и Португалію: онъ въ природѣ своей — прямая противоположность тому, какимъ онъ является въ своихъ уморительныхъ повѣстяхъ и комедіяхъ: гипохондрикъ въ высшей степени. Впрочемъ, онъ дѣйствительно не совсѣмъ здоровъ, хотя болѣзнь свою онъ уже слишкомъ преувеличиваетъ въ своемъ воображеніи».

10) Это тотъ самый Пановъ, который вызвался сопровождать Гоголя въ его поѣздкѣ за границу въ 1840 г.

11) Дата приписана рукой Ганки.

такимъ же радушіемъ привѣтствовать всѣхъ Русскихъ, къ нему заѣзжающихъ, какъ нынѣ»[12]).


Гоголь пишетъ Ганке
Вячеславу Вячеславичу еще
Сорокъ шесть лѣтъ роднымъ
ставать работать печатать и
издавать сокровища славянской
и съ такимъ же радушіемъ привѣ-
ствовать всѣхъ Русскихъ къ нему за-
ѣзжающихъ какъ нынѣ.
1845. 5/17 Август.

Насколько намъ извѣстно, первымъ появившимся въ печати въ чешскомъ переводѣ произведеніемъ Гоголя былъ «Тарасъ Бульба». Переводъ этотъ принадлежитъ К. В. Запу и былъ помѣщенъ въ журналѣ Kwěty за 1839 годъ (стр. 125 и сл.) Впослѣдствіи, въ 1847-омъ году, переводъ К. В. Запа вышелъ отдѣльнымъ, исправленнымъ и дополненнымъ,—по всей вѣроятности, при содѣйствіи Гавличка,—изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Taras Bulba. Obraz starého kozactva na Ukrajině», въ сборникѣ: M. Gógola Zábavné spisy, v Praze, u Pospíšila, 1847, и отдѣльнымъ выпускомъ въ 202 стр.[13]).

Слѣдующіе по времени переводы относятся уже къ сороко-

12) Эта запись Гоголя была сообщена, къ сожалѣнію, невѣрно и неполно, въ альманахѣ Libussa, 1852 г., въ жизнеописаніи Ганки, составленномъ его другомъ Легисъ-Глюкзелигомъ, а оттуда перешла въ томъ же видѣ и въ «Записки о жизни Н. В. Гоголя...», т. II, стр. 50—51. Одновременно съ Гоголемъ въ Прагѣ пребывалъ знаменитый хорватскій поэтъ Станко Вразъ. Страннымъ образомъ оба писателя не встрѣтились другъ съ другомъ.

13) Въ послѣднее время «Тараса Бульбу» переводили на чешскій языкъ: Іос. Конерза («Taras Bulba. Historická kozacká pověst», въ изданіи Besedy Slovanské, díl I, v Brně, 1892. Отзывъ объ этомъ переводѣ въ газетѣ Čas, VI, 1892, 614) и И. Гошекъ (въ коллекціи Ruská knihovna, т. XVI, 1893, стр. 29—154. Рецензія въ газетѣ Národní Listy, 1896, № 271). И. С. Гинекъ передѣлалъ повѣсть Гоголя въ драму («Taras Bulba. Obraz kozackého života na Ukrajině, v 5 odděl.». Dle romanu M. Gogola pro české divadlo vzdělal I. S. Hynek), представленную въ первый разъ на чешской сценѣ 20-го декабря 1865 года. Cf. Národní Listy, 1865, № 291. Здѣсь названъ Фричъ, какъ авторъ этой драмы.

вымъ годамъ и принадлежатъ извѣстному чешскому публицисту и поэту Карлу Гавличку-Боровскому (1821—1856).

Такимъ образомъ, чешское общество рано начало знакомиться съ произведеніями Гоголя. Едва ли поэтому справедливо утвержденіе В. И. Ламанскаго[14]), который говоритъ, что не только въ сороковыхъ годахъ, но и гораздо позже у западныхъ славянъ читали, переводили, любили Мицкевича, совсѣмъ мало знали Пушкина и почти вовсе не переводили и не читали Гоголя. Задолго до кончины Гоголя чехи читали на родномъ языкѣ и «Мертвыя души» и многія изъ повѣстей нашего писателя. Съ Пушкинымъ они тоже познакомились рано и во многихъ переводахъ[15]). Иной вопросъ, насколько они понимали произведенія корифеевъ нашей новой литературы, и въ какой мѣрѣ знакомство съ ними отразилось въ тогдашней чешской литературѣ. По справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, непониманію Пушкина и особливо Гоголя способствовало вообще малое знаніе или совершенное незнаніе русской жизни[16]), но интересъ къ твореніямъ ихъ существовалъ несомнѣнно. Особенно сильно было увлеченіе всѣмъ славянскимъ вообще послѣ бурнаго 1848-го года. Въ провинціяхъ, въ разныхъ чешскихъ гимназіяхъ въ пятидесятыхъ годахъ образовались кружки учениковъ, которые, насколько это было возможно, старались изучать славянскіе языки и литературы. Въ числѣ любимыхъ авторовъ молодежи чешской былъ и Гоголь[17]).

Въ 1842-омъ году Гавличекъ, по рекомендаціи Шафарика, приглашенъ былъ въ Россію Погодинымъ въ качествѣ воспитателя дѣтей его, но по пріѣздѣ въ Москву Гавличекъ поступилъ на ту же должность въ семью С. П. Шевырева. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Гавличекъ не случайно попалъ въ Россію. Перебирая средства, которыя могли бы служить къ избранной имъ цѣли

14) «И. И. Срезневскій», стр. 7.

15) Ср. В. Францевъ, Пушкинъ въ чешской литературѣ, Спб., 1899.

16) А. Н. Пыпинъ, Ист. русск. этногр., III, 97.

17) О. Первольфъ, Славянское движеніе въ Австріи. Русская Рѣчь, 1879, августъ, 100.

служенія чешскому народу, Гавличекъ пришелъ къ мысли, что поприще журналиста, издателя популярной газеты, есть самое полезное и плодотворное для проведенія въ массу идей, необходимыхъ для ея благосостоянія. Хорошо изучивъ свое отечество, онъ пожелалъ узнать бытъ и другихъ народовъ. Это рѣшеніе раздѣляли съ нимъ еще два чешскіе патріота, которые рѣшились отправиться въ разныя страны Европы съ тѣмъ, чтобы результатами своего пребыванія за границей воспользоваться по возвращеніи въ отечество. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ отправиться въ Англію, другой во Францію, третій въ Россію. Россію избралъ Гавличекъ [18]).

Общество, въ которомъ юный Гавличекъ очутился въ Москвѣ, должно было весьма благодѣтельно повліять на расширеніе знакомства его съ русской литературой. «Я имѣлъ счастье», говоритъ Гавличекъ, «попасть въ общество людей, которыми могла бы гордиться Русь, если бы только умѣла цѣнить ихъ, а не смотрѣла бы, какъ деревенская женщина, на одинъ блескъ и шумиху. Я живу не у Погодина, какъ предполагалъ, а у Шевырева... Въ нашемъ домѣ и у Погодина—средоточіе всѣхъ горячихъ народныхъ стремленій къ усовершенствованію русской литературы. Хомяковъ (поэтъ), Павловъ, Снегиревъ, Кирѣевскій постоянно бываютъ у насъ. Гоголь не живетъ въ Москвѣ, но зато у насъ (у Шевырева) складъ его сочиненій, и отъ насъ они продаются книгопродавцамъ. Сбытъ ихъ громадный. «Мертвыя души» уже распроданы, хотя экземпляръ (NB. одна только часть) ихъ стоитъ 14 гульденовъ...» [19]).

Но, къ сожалѣнію, знакомство Гавличка съ русской литера-

18) М. И. Сухомлиновъ, изъ Праги, въ Русск. Вѣстн., т. XXIII, стр. 118. «Dobře víte, писалъ Гавличекъ 27 апр. 1844 г. изъ Москвы, že jsem tyto peprné cesty své na sv. Rus předsevzal hlavně v společnosti s dvěma spolužáky Ga. (=dr. Vilém Gabler) a Gi. (Fr. Girgl). Rozdělili jsme si Evropu na tři díly a mně se dostala do cestování a studování východní». Korrespondence, vyd. L. Quis, str. 177; см. еще стр. 20 и 25.

19) Въ письмѣ изъ Москвы, отъ 3-го мая 1843 г., къ Запу. Havlička Sebr. spisy, str. 233; Слав. Ежегод., II, 1877, стр. 185; то же въ новѣйшемъ изданіи переписки Гавличка подъ ред. Л. Квиса, стр. 101—102.

турой не отличалось ни особенной глубиной, ни широтой. Гавличекъ обѣщалъ другу своему Запу посылать изъ Москвы рефераты о русской литературѣ для задуманнаго послѣднимъ повременнаго изданія «Зерцало» [20]).

Запъ искалъ «на востокѣ Европы», у ближайшихъ соплеменниковъ, новыхъ источниковъ литературной жизни, которая въ Чехіи пробуждалась нынѣ отъ долгаго сна. Въ предисловіи къ первому выпуску «Зерцала» онъ ясно высказалъ свой взглядъ на значеніе для чешской литературы ближайшаго общенія съ литературами этихъ единоплеменниковъ. «За недостаткомъ удачныхъ оригинальныхъ трудовъ, говорилъ онъ, мы постоянно питаемся переводами плодовъ духа и жизни чужихъ, неславянскихъ народовъ. Это денаціонализируетъ насъ больше, нежели кому-либо при первомъ взглядѣ можетъ казаться. Гибельная чужеземщина вкрадывается въ жизнь, изъ жизни въ литературу. Поэтому такъ мало народнаго духа, такъ мало самостоятельнаго самосознанія замѣчается въ нашей литературѣ. Обратимъ вниманіе на обильные и прекрасные плоды литературъ нашихъ восточныхъ побратимовъ: какой полетъ фантазіи, какое богатство и свѣжесть духа! Мы должны пользоваться ими, черпать изъ нихъ переливающуюся въ нихъ силу, и древо нашей собственной литературы навѣрно прекрасно зазеленѣетъ, и мы сами отвернемся отъ запада, нынѣ поставляющаго намъ объѣдки своей истощенной жизни».

Отчеты о главнѣйшихъ явленіяхъ тогдашней русской литературы, писанные у непосредственныхъ источниковъ ея, могли бы сослужить великую службу чешскому просвѣщенному обществу. Темъ для такихъ рефератовъ безъ труда можно было найти изобиліе. Но вотъ что̀ писалъ Гавличекъ тому же Запу уже въ маѣ мѣсяцѣ 1843 года, т. е. спустя всего три мѣсяца по прибытіи въ Москву. «Русская литература вовсе не въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ мы обыкновенно думаемъ; пе-

20) Zrcadlo žiwota na wýchodní Ewropě. Sw. I a II. W Praze, 1843. Во второмъ выпускѣ въ чешскомъ переводѣ напечатана была «Projížďka do Bessabii» Н. И. Надеждина.

редъ нашей чешской она имѣетъ лишь то преимущество, что она — богатая дама, что у нея есть деньги; если бы у насъ было столько золота, мы сумѣли бы вытряхнуть изъ рукава столько же плохихъ книгъ, какъ и господа русскіе. Зато русской литературѣ недостаетъ одной малой вещи, но столь драгоцѣнной и угодной Богу, что я увѣренъ, что она поможетъ нашей убогой литературѣ достигнуть Парнаса,— я имѣю въ виду безкорыстіе, настоящій, искренній и упорный трудъ и любовь къ народу своему. Сомнѣваюсь, чтобы во всемъ шестидесятимилліонномъ русскомъ царствѣ было столько искреннихъ патріотовъ, сколько ихъ въ одной Прагѣ. Богатство портитъ людей».

Отзывъ нельзя не назвать страннымъ. Русская литература, записавшая уже на скрижали свои имена Пушкина и Лермонтова, не удовлетворила юнаго славянскаго гостя. Еще рѣзче и еще несправедливѣе были его сужденія въ письмѣ къ Запу отъ 24-го октября 1843 года.

«Я только потому не послалъ вамъ до сихъ поръ реферата о русской литературѣ», извинялся Гавличекъ, «что совѣсть не позволяетъ мнѣ лгать». «Kdo si nechce hubu spalit, musí mlčet, nebo chvalit», оправдывается онъ. «Вамъ, какъ знатоку дѣла, я говорю, что намъ, чехамъ, хотя бы намъ нечего было и ѣсть, все-таки чрезъ нѣкоторое время, что касается основательности и оригинальности, не въ чемъ будетъ завидовать русскимъ. Доселѣ я знаю только одного Гоголя: всѣ прочіе (и съ Пушкинымъ) составляютъ только, такъ сказать, imitatorum pecus!»

Такимъ образомъ, вся тогдашняя русская литература для Гавличка не представляла ничего достойнаго вниманія, за исключеніемъ одного Гоголя. Собираясь покинуть къ осени 1844 года Москву, онъ пишетъ 30 апрѣля Запу: «Я насытился уже русскими полушубками... жаль времени! По-русски я уже знаю, Москву изучилъ, еще больше научусь нынѣшнимъ лѣтомъ, а этого пока будетъ достаточно. Много, конечно, я уже не успѣю просмотрѣть, но для меня, какъ для будущаго преимущественно беллетриста, даж русская литература не имѣетъ цѣны; всю премудрость, котора

мнѣ нужна, я могу унести съ собой на спинѣ». Еще одно доказательство, какъ мало знакомъ былъ Гавличекъ съ корифеями нашей новой письменности, какъ незначительна была программа его изученій и задачъ, которыя онъ имѣлъ въ виду выполнить во время пребыванія своего въ Россіи.

Подобный скороспѣлый приговоръ надъ представителями всей новой русской литературы, съ Пушкинымъ во главѣ, произнесенный недолговременнымъ гостемъ Бѣлокаменной, свидѣтельствуетъ больше о его критической отвагѣ, чѣмъ о дѣйствительномъ знакомствѣ и истинномъ пониманіи произведеній русской литературы. Замѣчательно, что въ письмахъ своихъ изъ Москвы Гавличекъ ни единымъ словомъ не обмолвился ни о Грибоѣдовѣ, ни о Лермонтовѣ, ни о Жуковскомъ, ни о Крыловѣ, ни о пріобрѣвшемъ уже въ тѣ годы литературную извѣстность Достоевскомъ, ни о многихъ другихъ выдающихся нашихъ писателяхъ, которыми русская литература того времени могла по праву гордиться. И это молчаніе и приведенные отзывы о главнѣйшихъ представителяхъ русской литературы являются тѣмъ болѣе странными, что, по признанію Гавличка (въ письмѣ къ Запу отъ 3 мая 1843 г.), у него было достаточно времени для занятій, а библіотека Шевырева, богатая произведеніями всѣхъ вообще литературъ, Погодина, изобиловавшая книгами историческими и старыми русскими, славянская библіотека Бодянскаго и, наконецъ, университетская — всѣ были къ его услугамъ.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что Гавличку прежде всего, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву, пришлось познакомиться съ твореніями Гоголя. Это знакомство произошло само собой. Домъ Шевырева, какъ выше свидѣтельствовалъ самъ Гавличекъ, былъ складомъ изданій Гоголя. Познакомившись съ произведеніями Гоголя, Гавличекъ немедленно приступаетъ къ переводу нѣкоторыхъ повѣстей его на чешскій языкъ. Уже въ октябрѣ (24-го) 1843 года онъ обѣщаетъ выслать Запу [21])

21) Korespondence K. Havlíčka, str. 112—113.

переводъ трехъ повѣстей Гоголя, при чемъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи ихъ.

«Въ двухъ повѣстяхъ, — говоритъ Гавличекъ,—комически изображена жизнь мелкопомѣстнаго малорусскаго дворянства въ деревнѣ («Старосвѣтскіе помѣщики», или, какъ Гавличекъ переводитъ, «Filemon a Baucis») и въ городѣ («Matěj a Matouš», т. е. «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»), а третья—рисуетъ бытъ бурсаковъ». Эти переводы, согласно обѣщанію Гавличка, предназначались для Zrcadla, задуманнаго Запомъ. Гавличекъ въ томъ же письмѣ преподаетъ Запу слѣдующій совѣтъ, въ извѣстной степени опредѣляющій взглядъ его на указанныя произведенія Гоголя: «Если вы желаете помѣстить въ «Зерцалѣ» что-либо сухое, незанимательное, тогда прибавьте это къ тому выпуску, въ коемъ будутъ напечатаны эти повѣсти Гоголя: онѣ весьма забавны, — какъ бы публика не разлакомилась».

Только къ концу января 1844 года обѣщанные переводы Гавличекъ надѣялся окончить, при чемъ извѣщалъ Запа, что изъ «Вія» онъ переведетъ только часть (а именно: «popsání kijevských bursakův»), такъ какъ предлагать чешскому читателю переводъ всей повѣсти было бы противно задачамъ «Зерцала»; съ другой стороны, и самая повѣсть, хотя и основанная на народномъ преданіи, казалась Гавличку сильно переиначенной, ненародной и имѣющей весьма малую беллетристическую цѣну.

Въ то же самое время Гавличекъ выражалъ желаніе дополнить и исправить, согласно новому изданію[22]), «Тараса Бульбу», переведеннаго К. В. Запомъ для журнала Kwěty еще въ 1839 году, но такъ какъ единственный экземпляръ этого журнала, имѣвшійся въ библіотекѣ Бодянскаго, проданной имъ университету, былъ недоступенъ, ибо библіотека лежала неразобранной, и пользоваться ею не позволялось, то это намѣреніе Гавличку пришлось отложить. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ Запу

22) 1 мая ст. ст. 1843 г. онъ пишетъ Запу: «Gogola spisy vyšly ve 4 dílech; Taras Bulba velmi zdokonalen a skoro o polovic větší».

изъ Москвы. онъ прямо говоритъ о томъ, что дополненія эти онъ сдѣлаетъ, если будетъ нужно, уже въ Чехіи, т. е. по возвращеніи на родину. Въ Чехіи же спустя нѣсколько лѣтъ сдѣланъ былъ Гавличкомъ и переводъ «Мертвыхъ душъ».

Относительно переводовъ Гавличка вообще можно замѣтить, что всѣ они отличаются большою близостью къ оригиналу, хотя не всюду переводчикъ надлежащимъ образомъ понимаетъ русскій текстъ. Гавличекъ переводитъ обыкновенно слово за словомъ, вообще чрезвычайно точно, не обходя болѣе трудныхъ мѣстъ, какъ это дѣлали позднѣйшіе переводчики; конструкція его предложеній поразительно близка къ русской, и этимъ переводы его сильно и выгодно отличаются отъ позднѣйшихъ. Все это можно сказать о внѣшней сторонѣ переводовъ Гавличка.

Но едва ли можно утверждать, что Гавличекъ понималъ истинное значеніе Гоголя для русской литературы и умѣлъ дать своимъ соотечественникамъ вѣрное опредѣленіе творчества его, а между тѣмъ такого рода утвержденія мы встрѣчаемъ въ жизнеописаніяхъ Гавличка. Такъ, редакторъ послѣдняго изданія переписки Гавличка Л. Квисъ утверждаетъ, что Гавличекъ правильно понималъ значеніе Гоголя и для русской и для чешской литературы: «Třeba i podceňoval Puškina, házeje jej nemilosrdně do koše s ostatními napodobiteli západu, přece dlužno se podiviti tomu, jak správně vystihuje význam Gogolův pro ruské a spolu hned pro české písemnictví» [23]). Но это утвержденіе ничѣмъ не поддерживается и никакъ не вытекаетъ изъ того, что сказано было Гавличкомъ о Гоголѣ.

«Неподражаемый ключъ къ уразумѣнію современной русской жизни», «Мертвыя души» остались непонятыми Гавличкомъ.

Односторонность пониманія Гавличкомъ произведеній Гоголя констатировалъ уже Шевыревъ въ одномъ изъ писемъ къ Погодину [24]). Упрекая Гавличка въ полномъ отсутствіи интереса къ русскимъ лѣтописямъ, древней письменности, писателямъ эпохи до на-

23) Korespondence K. Havlíčka, str. 86.

24) Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VIII, стр. 452—454.

чала сороковыхъ годовъ, вообще ко всему тому, что необходимо было изучить для пониманія русской жизни, Шевыревъ утверждаетъ, что Гавличекъ довольствовался знакомствомъ лишь съ однимъ Гоголемъ, при чемъ понималъ въ немъ одну только комическую сторону, которая приходилась по сердцу его наклонности къ смѣшному. Свой взглядъ на «Мертвыя души» Гавличекъ выразилъ въ нѣсколькихъ строкахъ предисловія, предпосланнаго переводу ихъ: называя безсмертную поэму «замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ перваго русскаго юмориста», онъ видитъ въ ней прежде всего чрезвычайную zábavnosť, которая не позволитъ читателямъ скучать. Такими же «забавными» произведеніями, какъ было указано выше, онъ считалъ и повѣсти Гоголя. Такого рода сужденія, отзывы о необыкновенно яркомъ юморѣ Гоголя, какъ исключительномъ дарованіи его, не чужды были, правда, и тогдашней русской литературной критикѣ, и молодой славянскій гость нашъ легко могъ поддаться вліянію чужихъ взглядовъ и вкусовъ.

Великое соціальное значеніе «Мертвыхъ душъ», вліяніе этого произведенія на русскую литературу и литературныя понятія, глубокое проникновеніе художника-мыслителя въ тайники души русскаго человѣка,—все это осталось для Гавличка закрытой книгой, открыть которую онъ не сумѣлъ. Смѣсь слезъ и смѣха, «внѣшній смѣхъ и тайный плачъ», — основныя черты творчества Гоголя, были не замѣчены Гавличкомъ, и Гоголь въ изображеніи его представляется лишь юмористомъ, «забавнымъ пересмѣшникомъ», безъ той «думы скорби на челѣ», которая неразлучна съ вѣрнымъ его портретомъ.

По возвращеніи на родину Гавличекъ продолжаетъ знакомить своихъ соотечественниковъ съ произведеніями Гоголя. Раньше всего появились въ печати сдѣланные Гавличкомъ еще въ Москвѣ переводы «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» («Starosvětská šlechta») и «Носа»; переводы эти вышли въ изданіи Biblioteka zábavného čtení (Nový běh, svazek V, str. 33, 102) за 1845 годъ[25]).

25) Въ 1893 году оба перевода Гавличка вышли въ новомъ изданіи Фр. Бачковскаго. Второй переводъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» сдѣланъ Яномъ

Въ 1846 году Гавличкомъ былъ изданъ въ журналѣ Česká Včela (№ 35, подписано: H. B., т. е.: Havlíček Borovský) отрывокъ изъ «Вія», подъ заглавіемъ: «Kyjevští študenti, jak byli před časy»[26]).

Къ 1847-му году относятся переводы Гавличка: «Шинели» (подъ заглавіемъ: «Plášť'») и «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ (Pověst o tom, kterak se rozhněvali pan Matěj s panem Matoušem»), вышедшіе въ сборникѣ: M. Gógola Zábavné spisy (Praha, 1847) и отдѣльнымъ изданіемъ[27]).

Радостно привѣтствовалъ это первое, въ видѣ самостоятельнаго сборника, изданіе избранныхъ сочиненій Гоголя литературный критикъ журнала Kwěty[28]): «Гоголь! Одна изъ первѣйшихъ звѣздъ на небосклонѣ русской литературы, одинъ изъ главнѣйшихъ столповъ храма русской романтики. Творенія его, вышедшія въ прошломъ году въ французскомъ переводѣ, стали достояніемъ всего просвѣщеннаго міра, а отнынѣ будутъ украшеніемъ и въ сокровищницѣ нашей переводной литературы».

Выразивъ похвалу переводчикамъ за ихъ симпатичное начинаніе, чешскій критикъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ

Гербеномъ (Zora, 1882); третій—Л. Шкорпиломъ (Moravská Orlice, 1885); четвертый—Яномъ Вагнеромъ (Česká bibl. rodinná, R. II, sv. 5) и пятый—И. Гошкомъ (Ruská knih., 1893, XVI, 5—28). Гошку принадлежитъ и послѣдній переводъ повѣсти «Носъ» (Ruská knih., XVI, 249—275).

26) Вслѣдъ за Гавличкомъ тотъ же отрывокъ «Вія» въ 1847 году перевелъ Христіанъ Стефанъ въ сборникѣ повѣстей Гоголя: M. Gógola Zábavné spisy, подъ заглавіемъ: «Kyjevští školáci». Отрывокъ, переведенный Гавличкомъ, перепечатанъ былъ въ 1857 году въ календарѣ «Prorok» (стр. 65 и сл.). Полный переводъ «Вія», сдѣланный И. Гошкомъ, вышелъ въ «Русской библ.» (т. XVI, 155—194), а подъ заглавіемъ «Král duchů», въ переводѣ П. Изерской, онъ былъ напечатанъ въ газетѣ Plzeňské Listy въ 1893 г. (№ 93 и сл.).

27) Вторымъ изданіемъ этотъ переводъ «Шинели» вышелъ у Фр. Бачковскаго въ Прагѣ въ 1892 г., а «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»—въ 1893 г. Новый переводъ ихъ принадлежитъ И. Гошку (Ruská knih., т. XVI, 333—364, 195—248).

28) 1847, str. 344. Краткая библіографическая замѣтка объ этомъ изданіи появилась въ этомъ журналѣ уже въ № 36, стр. 143.

творчество Гоголя: «Перо Гоголя подобно волшебному жезлу, при помощи котораго дѣйствительная, неподдѣльная жизнь разнообразной Россіи переносится на бумагу, безъ нарушенія оригинальности этой жизни, безъ ослабленія силы ея красокъ. Геній Гоголя подобенъ проказнику-гному, который играетъ то маленькимъ зернышкомъ чистаго золота, то мишурными блестками и такъ искусно вращаетъ ихъ, что каждый разъ онѣ иначе сіяютъ, и каждый разъ на нихъ увидишь нѣчто новое».

Приводимъ здѣсь интересные, свидѣтельствующіе о вдумчивомъ пониманіи произведеній Гоголя, отзывы критика о вышедшихъ въ этомъ сборникѣ переводахъ. О «Тарасѣ Бульбѣ», переведенномъ, какъ выше было отмѣчено, К. В. Запомъ, по поводу употребленныхъ переводчикомъ двухъ различныхъ опредѣленій повѣсти: «Obraz starého kozáctva» и «Pověst kozácká», критикъ замѣтилъ: «Если бы мы вздумали приложить къ произведенію Гоголя обычную форму повѣстей, то въ самомъ дѣлѣ не знали бы, какъ съ нею приступить къ нему, и едва-ли какое-либо изъ мѣрилъ пришлось бы по немъ. Но въ этомъ нѣтъ бѣды. При помощи параграфовъ эстетики не создавалось еще ни одно художественное произведеніе, и наоборотъ — изъ истинно-художественныхъ произведеній возникло много эстетическихъ параграфовъ... Назовемъ ли мы «Тараса Бульбу» «казацкой повѣстью», или «картиной стараго казачества»,—это не можетъ повліять на цѣну самаго произведенія, которое навсегда останется замѣчательнымъ явленіемъ русской беллетристики, величественнымъ и могучимъ дубомъ на рубежѣ поэзіи и прозы, озареннымъ сіяніемъ заходящаго солнца, огненной картиной бьющей ключемъ жизни, не знающей никакихъ узъ, полной разнообразнѣйшихъ фигуръ и цѣлыхъ группъ удалыхъ искателей приключеній, такъ что глазъ не знаетъ даже, на чемъ прежде всего остановить свое вниманіе. Главное здѣсь—не внутренняя основа творенія, не совершенное и прочное соединеніе всѣхъ частей его, впередъ выдвигается не столько причина, сколько слѣдствіе—и притомъ со всею силою пластики. Увлеченные живымъ потокомъ дѣйствія, развивающагося предъ

нашими очами, мы сосредоточиваемъ взоры на томъ, что несется мимо насъ, не доискиваясь источника, изъ коего все это истекаетъ. Къ этой «картинѣ казачества» мы невольно должны приложить иную мѣрку, чѣмъ къ обыкновенной повѣсти».

Не менѣе восторженно отзывается о повѣсти Гоголя и современный критикъ, который желалъ бы видѣть и въ чешской литературѣ историческую повѣсть, подобную «Тарасу Бульбѣ». «Тарасъ Бульба — прелестная историческая картинка. Попробуйте взять любой образчикъ исторической беллетристики, процвѣтавшей въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, напримѣръ въ Германіи, и убѣдитесь, въ состояніи ли будете дочитать до конца болѣе обширную повѣсть. Прочитавъ нѣсколько страницъ, вы положите книгу въ сторону. Безсодержательность разсказа, безцвѣтность формы и матеріи утомятъ васъ тотчасъ же. «Тараса Бульбу» прочитаете съ удовольствіемъ до послѣдней строки и съ любопытствомъ будете искать еще продолженія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, коими произведеніе это связано съ своей эпохой (романтизмъ дѣйствія и героевъ, связь Андрія съ польской красавицей, картины сношеній влюбленныхъ и нѣкоторыя преувеличенія въ изображеніи характеровъ и военнаго счастія казаковъ), повѣсть о казацкой жизни въ Запорожьѣ, дикой жизни степи, необузданности нравовъ Сѣчи, военномъ движеніи въ окрестностяхъ осажденнаго Дубна и прочія главы казацкаго романа читаются какъ нѣчто свѣжее, вчера только появившееся. Произведеніе это отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ современному повѣствовательному искусству: оно имѣетъ свой особенный ароматъ, мѣстный колоритъ и множество поэтически использованныхъ деталей времени и мѣста. Приблизительно такую картину военнаго лагеря мы желали бы видѣть у нашихъ гуситовъ подъ Вышеградомъ или подъ Пльзенью:.. Удивительно, откуда авторъ тридцатыхъ годовъ набралъ красокъ и матеріала для своей кипящей жизнью исторической картины! Въ ней нѣтъ ни тѣни кропотливыхъ студій, тщательнаго собиранія замѣтокъ и записокъ. Все это какъ бы схвачено

въ дыханіи воздуха, въ самой природѣ тѣхъ давно минувшихъ временъ»...[29]).

Первый критикъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на повѣстяхъ: «Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ...» и «Шинель». Авторъ, говоритъ онъ о Гоголѣ, какъ бы играетъ кускомъ нѣжной фарфоровой глины, которая въ рукахъ великаго художника пріобрѣтаетъ все новыя и новыя формы. Подобный остроумный разсказъ о столь ничтожныхъ предметахъ могло создать только геніальное перо Гоголя. Критикъ находитъ, что повѣсть, которую можно было бы назвать комической идилліей, если бы подобное опредѣленіе существовало въ какой-либо словесности, написана въ сильномъ Хоггартовскомъ стилѣ, кое-гдѣ даже слишкомъ яркими, крикливыми красками[30]).

Относительно содержанія обѣихъ онъ говоритъ слѣдующее: «Можно ли найти предметъ проще и незамысловатѣе? Это—повѣствованіе безъ всякой завязки и развязки, и какое тутъ множество игриваго юмора и шутливой ироніи! Какова сила наблюдательности и мелкихъ, правда, но чрезвычайно удачныхъ узоровъ, чертъ и точекъ, постепенно создающихъ въ общемъ блестящую картину извѣстной части русской жизни. Въ этомъ отношеніи Гоголь обладаетъ геніальною изобрѣтательностью и столь вѣрно расчитанными словами, что всегда попадаетъ ими въ цѣль; каждый оборотъ его заключаетъ нѣчто знаменательное, язвительно затрагивающее то общественные нравы, то отношенія частныя и общественныя. Читателя увлекаетъ не столько предметъ разсказа, сколько самый способъ изложенія. Въ этомъ Гоголь недостижимъ!»

Нельзя не признать остроумными сужденія чешскаго критика о «Портретѣ». По мнѣнію критика, Гоголь представляется намъ здѣсь, какъ поэтъ, одаренный необычайной фантазіей, дикой, наполняющей насъ ужасомъ; здѣсь онъ обнаруживаетъ то демоническое настроеніе (infernalní rozmar), какимъ, напримѣръ,

29) Národní Listy, 1896, № 271.
30) Kwěty, 1847, стр. 352, 379—380.

отличается Гоффманнъ. Такимъ характеромъ проникнута уже въ извѣстной степени «Шинель», но тамъ онъ скрывается хоть частью подъ покровомъ дѣйствительной жизни. Критикъ справедливо замѣчаетъ, что, кромѣ элемента чисто фантастическаго, повѣсть имѣетъ нѣсколько тенденціозныхъ, касающихся вопросовъ искусства, орнаментовъ, придающихъ всему произведенію своеобразный, оригинальный характеръ.

«Носъ» чешскій критикъ называетъ «взрывомъ необузданнѣйшей, лишенной всякаго удержу фантазіи, не обращающей вниманія на то, чтó скажетъ о созданіяхъ ея строгая дѣйствительность». «Казалось бы, говоритъ критикъ, что для подобной мелочи не стоитъ обмакивать перо, а между тѣмъ Гоголь сумѣлъ украсить ее удивительнымъ богатствомъ юмора и оживить блескомъ красокъ дѣйствительности». Не менѣе восторженнымъ является и отзывъ о «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Критикъ прежде всего находитъ, что повѣсть поражаетъ читателя чрезвычайной легкостью разсказа, текущаго плавно безъ всякихъ усилій со стороны разсказчика, безъ всякихъ лишнихъ словъ. «Это истинный шедевръ стиля!» замѣчаетъ онъ. По его мнѣнію, «Старосвѣтскіе помѣщики» являются восхитительной идилліей, далеко превосходящей десять книгъ неестественныхъ идиллій Геснера, съ ихъ безжизненными маріонетками, силящимися казаться людьми изъ крови и тѣла.

Въ 1849-мъ году вышелъ наконецъ и переводъ «Мертвыхъ душъ» («Mrtvé duše»), печатавшійся въ редактированной Гавличкомъ газетѣ Národní Noviny съ № 156 (20-го іюля н. ст.) по № 207 (11 сентября н. ст.). Въ № 221 той же газеты напечатана была въ переводѣ Н. В. (т. е.: Гавличка-Боровскаго) «Лакейская» («Lokajství» [31]).

Переводъ «Мертвыхъ душъ» не отличался однако полнотой и

31) Издатель корреспонденціи Гавличка Л. Квисъ ошибочно утверждаетъ, въ примѣчаніи на стр. V, что эта сцена не была никогда напечатана и сохранилась только въ рукописи, въ бумагахъ Гавличка, въ библіотекѣ Чешскаго Музея.

точностью, и Гавличекъ, сознавая недостатки его, приготовилъ впослѣдствіи болѣе полный, исправный и тщательнѣе отдѣланный текстъ перевода, которому не суждено было однако появиться въ печати при жизни переводчика. Переводу своему Гавличекъ предпослалъ въ Národních Novinách слѣдующія строки: «Надѣюсь, что именно въ настоящее время я пріобрѣту благодарность нашего общества, познакомивши его съ этимъ замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ перваго русскаго юмориста, особенно потому, что въ этомъ произведеніи прекрасно изображены разнообразные русскіе характеры. Хотя произведеніе это довольно длинно и, по моему расчету, можетъ печататься въ газетѣ нашей около мѣсяца, однако необыкновенная занимательность его (zábavnost') никому не позволитъ скучать, и мнѣ кажется, что этимъ хорошо восполнится нынѣшняя скудость политическихъ статей». Дополненнымъ и исправленнымъ переводомъ[32]) «Мертвыхъ душъ» Гавличка[33]) воспользовался впослѣдствіи д-ръ В. Ржезничекъ, напечатавшій его въ своемъ изданіи Modrá knihovna[34]). Гавличекъ перевелъ только первую часть поэмы Гоголя. Не желая присоединять къ этому переводу какой-либо чужой переводъ отрывковъ второй части и основываясь на мнѣніи Гавличка, что

---

32) Однако, и этотъ дополненный и исправленный переводъ Гавличка никакъ нельзя назвать полнымъ и всегда вѣрнымъ. Гавличекъ почему-то и въ этой позднѣйшей переработкѣ своего перевода избѣгаетъ лирическихъ и описательныхъ мѣстъ. Мы не будемъ перечислять здѣсь эти пропуски, а ограничимся только указаніями на нѣкоторыя неточности въ переводѣ Гавличка. Такъ «на закускѣ послѣ обѣдни» онъ переводитъ: «na svačině», понимая выраженіе «послѣ обѣдни» въ смыслѣ «послѣ обѣда» (svačina=нѣм. Jause); «казенная палата» Гавличекъ переводитъ «zemský soud», «подмигивающій глазъ»—«šilhavé oko» (т. е. косой); «ключница»—«kuchařka»; «слишкомъ два часа»—неправильно переведено: «zrovna (т. е.: именно, какъ разъ) dvě hodiny»; «изъ-за избъ тянулись.... огромныя клади хлѣба» — не понято и переведено: «za chalupami táhly se veliké kusy polí s obilím» и т. д.

33) Вырѣзки изъ Národních Novin съ собственноручными поправками и дополненіями Гавличка хранятся въ библіотекѣ Чешскаго Музея. Приложенный здѣсь снимокъ есть одна изъ страницъ позднѣйшихъ дополненій къ первоначальному переводу «Мертвыхъ душъ».

34) Ročn. III, № 5—6, 1894 года. Замѣтку объ этомъ изданіи см. въ газетѣ Čas 1894, str. 569.

F [Starý, obšírný sad, táhnoucí se za domem, zasahující až za selo, a tratící se pak v polích, zarostlý a zhustnatělý, obcestvoval jak se zdálo sám jediný tuto obštrnou ves, a sám jediný byl maleben se svou krásnou prostotou: jako zelená oblaka a nepravidelné listnaté báně ležely na nebeském horizontě spojené vršky vybujnělých na svobodě stromů. Bílý, ohromný peň břízy, bez vrchole uraženého buď bouří neb hromem čněl z této zelené houště jako pravidelný mramorový, ~~[illegible]~~ blyštící-se sloup; živá ostrokonečná zlomenina jeho, kterou se končil ~~[illegible]~~ na hoře místo vrcholu, černěla se v sněžné bělotě ~~[illegible]~~ jako čepice anebo jako černý pták. Chmel zapletený dole v křovinách jeřábových, bezových a v ~~[illegible]~~ ořešů, ~~[illegible]~~ probíhající pak po vršcích celého plotu, vyběhl konečně vyhůn a obvinul do polovice zlomenou břízu. Dosáhnuv na ní do polovice spustil se odtamtud zase dolů, a nachytal se na vršky jiných stromů, sem tam visel jen se větvemi v kotoučích upevněných ~~[illegible]~~ tenkými, vazovými háčky zhlerka se políbaje vzduchem. Místem se otvíraly zelené houště jiných, ozářených sluncem, a ukazovaly neosvětlený kostek, jako temnou pastí, on byl celý stínem pokryt a sotva že se jen v černé hlubině jeho mihly úzká stezička, povalené zábradlí, kotící se besídka starý, zbrilý ~~[illegible]~~ peň jívy, uschlé v tavové hmotině, listí a větve spletené a zmotané, a konečně mladá

Автографъ Карла Гавличка-Боровскаго.

(Описаніе сада Плюшкина: «Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ...»)

первая часть сама по себѣ является вполнѣ законченнымъ цѣлымъ, издатель ограничился перепечаткой приготовленной Гавличкомъ первой части «Мертвыхъ душъ». Такое отношеніе къ переводу Гавличка имѣетъ свое основаніе, но никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ издателя, что отрывки второй части «Мертвыхъ душъ» могутъ имѣть интересъ только для русскаго историка литературы, но никакъ не для чешской публики.

Вторично переведены были «Мертвыя души» Е. Ваврой въ изданіи И. Кобра Slovanské Besedy (Ročník II, Praha, 1862) и вышли въ трехъ частяхъ (I-ая—208 стр., главы I—VII; II-ая—182 стр., главы VII—XII; III-я, посмертная,—143 стр., главы XIII—XVI).

Лучшимъ и единственно полнымъ переводомъ поэмы Гоголя слѣдуетъ, несомнѣнно, признать переводъ И. Гошка, вышедшій въ 1891 году въ Русской Библіотекѣ (Ruská knihovna, томъ XI), издаваемой И. Отто, подъ редакціей извѣстнаго чешскаго публициста и переводчика произведеній русской литературы Я. К. Грубаго. Переводъ этотъ сдѣланъ по десятому изданію сочиненій Гоголя 1889 года, вышедшему подъ ред. И. С. Тихонравова. Первая часть — есть точный переводъ той редакціи, которая помѣщена въ изданіи Тихонравова, въ томѣ III-мъ, стр. 3—249. «Относительно перевода второй части», говоритъ редакторъ чешскаго изданія, «у насъ возникали нѣкоторыя сомнѣнія, но мы рѣшились все-таки перевести и эту часть «Мертвыхъ душъ», на томъ основаніи, что и въ отрывкахъ ея, хотя и не столь обработанныхъ и совершенныхъ, какъ этого желалъ самъ авторъ, заключается столько возвышенной красоты, такъ много глубокихъ мыслей, что и чешскій читатель съ благодарностью прочтетъ эти незначительные обломки великолѣпной эпопеи и пожалѣетъ о невознаградимой потерѣ всего творенія». При переводѣ второй части переводчикъ придерживался, по его словамъ, такъ называемаго исправленнаго текста, напечатаннаго Тихонравовымъ въ IV-мъ томѣ (стр. 287—408), при чемъ позволилъ себѣ сдѣлать два отступленія отъ этого текста, а именно: въ главу вторую переводчикъ

включилъ анекдотъ Чичикова о «черненькихъ» и «бѣленькихъ»[35]) и въ главу пятую — два эпизода: разговоръ Чичикова съ адвокатомъ и конецъ бесѣды Муразова съ Хлобуевымъ. Обѣ эти вставки заимствованы чешскимъ переводчикомъ изъ первой редакціи второго тома «Мертвыхъ душъ», помѣщенной въ изданіи Тихонравова въ томѣ III-мъ, на стр. 279—411. Кромѣ того, для большей связности текста первыхъ четырехъ главъ, переводчикъ дополнилъ нѣкоторыя части второго тома по воспоминаніямъ тѣхъ лицъ, коимъ Гоголь читалъ его; такъ, вторая глава дополнена въ чешскомъ переводѣ на основаніи воспоминаній Арнольди (въ изд. Тихонравова т. III, стр. 556—561), пропуски въ главахъ третьей и четвертой — по замѣткамъ Шевырева (въ изд. Тихонравова т. IV, стр. 577 и 582).

Отмѣтимъ далѣе всѣ прочіе, извѣстные намъ, чешскіе переводы произведеній Гоголя. Къ сороковымъ годамъ относится еще полный переводъ «Записокъ сумасшедшаго» («Zápisky blázna»), появившихся впервые въ ж. Kwěty (№ 13) за 1846 г. Впослѣдствіи, подъ заглавіемъ «Z denníka šílence», перевелъ «Записки» А. В. Экъ въ ж. Lumír въ 1873 году (т. I, стр. 273); отрывки изъ нихъ, читавшіеся на сценѣ В. Н. Андреевымъ-Бурлакомъ, перевелъ д-ръ Павелъ Дурдикъ въ очеркѣ: «Scény z Gogolových «Bláznových zápisek», které představuje herec V. N. Andrejev-Burlak» (Světozor, 1886, стр. 523 и сл., съ 8-мью иллюстраціями); въ 1892 г. въ газетѣ Český Jih (приложеніе къ № 16 и сл.) «Записки» напечатаны были въ переводѣ неизвѣстнаго лица, подъ заглавіемъ: «Z denníku blázna» и, наконецъ, въ названной уже нами Русской Библіотекѣ (т. XVI, стр. 418—441) онѣ вышли въ послѣдній разъ въ переводѣ И. Гошка.

Въ 1847 году вышелъ журналѣ Česká Wčela (1847, № 95—97) переводъ «Коляски» («Kočárek»), сдѣланный, какъ можно предполагать на основаніи внѣшнихъ признаковъ, самимъ редак-

35) По-чешски извѣстное выраженіе: «Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ», переведено: «Měj nás rád neumyté, umyté má nás rád každý». Едва ли можно признать эту передачу удачной.

торомъ журнала Карломъ Гавличкомъ-Боровскимъ. Вторично, подъ заглавіемъ: «Kočár», перевелъ этотъ разсказъ И. Гудецъ въ юмористическомъ журналѣ Paleček (1879 г.); въ журналѣ Jitřenka 1888 г. (№ 23 и 24) помѣщенъ былъ третій переводъ Яна Новака (подъ заглавіемъ «Koleska»); наконецъ, четвертый переводъ принадлежитъ И. Гошку (Ruská knihovna, т. XVI, str. 365—380).

Къ тому же 1847-му году относится появленіе въ переводѣ Хр. Стефана «Портрета» («Podobizna») и «Невскаго проспекта» (въ сборникѣ M. Gógola Zábavné Spisy и отдѣльно). И. Гошку принадлежитъ новѣйшій переводъ обоихъ разсказовъ (Ruská knih., т. XVI, стр. 276—322, 381—417). Кромѣ того, «Портретъ» вышелъ нѣсколько раньше въ переводѣ И. К. Шляйса въ газетѣ Klatovské Listy (1883 г., № 1 и сл.).

Въ періодъ времени съ 1849 года, когда Гавличекъ напечаталъ отмѣченный выше переводъ «Лакейской», до 1852 года, т. е. до смерти Гоголя, новые переводы произведеній Гоголя, насколько намъ извѣстно, не появлялись, и только смерть великаго писателя пробудила вновь интересъ чешскаго общества къ его безсмертнымъ твореніямъ.

Въ теченіе 1852 года появились слѣдующіе переводы: въ журналѣ Lumír (т. I, стр. 361): «Майская ночь» («Majová noc»), въ переводѣ F. B. K.; въ газетѣ Pražské Noviny, выходившей подъ редакціей поэта В. Яроміра Пицка, тотъ же переводчикъ (F. B. K.) помѣстилъ: 1) «Сорочинскую ярмарку» («Trh v Soročíně», № 202—210) и 2) «Страшную месть» («Strašná pomsta», № 212, 214—223, 225). Редакція Пражскихъ Новинъ предпослала переводу второй повѣсти слѣдующее примѣчаніе: «Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту, у насъ до сего времени еще неизвѣстную, повѣсть. Гигантскія фигуры, нарисованныя здѣсь мастерскимъ перомъ недавно скончавшагося Гоголя, напоминаютъ намъ титановъ-героевъ мрачныхъ скандинавскихъ сагъ. Повѣсть эта является полною противоположностью «Майской ночи».

«Майскую ночь» впослѣдствіи переводили на чешскій языкъ:

1) В. Ржига въ журналѣ Světozor 1877 года (т. XI, 6); 2) неизвѣстный переводчикъ—въ календарѣ Česko-Moravská pokladnice на 1883 г. (стр. 83—104, съ иллюстраціями); 3) И. Илька въ газетѣ Krakonoš въ 1885 г. и 4) И. Гошекъ въ Русской Библ. (т. XIII, 56—85). Здѣсь же отмѣтимъ и переводъ либретто оперы Н. А. Римскаго-Корсакова «Майская ночь», сдѣланный для чешской сцены В. И. Новотнымъ (См. Zlatá Praha, 1886, 540).

«Сорочинская ярмарка» извѣстна намъ еще въ слѣдующихъ переводахъ: 1) въ 1855 году ее перевелъ д-ръ И. П. для журнала Lumír (т. I, 242), подъ заглавіемъ «Soročinsky trh»; 2) въ переводѣ М. («Trh Soročinský») она появилась въ 1865 году въ газетѣ Lužničan (Tábor); 3) переводъ В. Р. вышелъ въ 1875 г. въ журналѣ Světozor (т. IX, стр. 197, 210, 220, 236); 4) подъ заглавіемъ: «Výroční trh v Soročincích» Янъ Вагнеръ издалъ эту повѣсть въ коллекціи Česká bibl. rodinná (Ročník II, sv. 5); 5) послѣдній переводъ сдѣланъ И. Гошкомъ для Русской Библ. (въ 1892 г., т. VIII, стр. 7—38). Замѣтимъ кстати, что въ пражскомъ нѣмецкомъ журналѣ Ost und West эта повѣсть вышла еще въ 1847 году (№ 83—88) въ переводѣ I. E. Шнейдера, подъ заглавіемъ: «Der Jahrmarkt zu Sorotschin». «Страшную месть» вторично перевелъ въ 1890 году въ газетѣ Slovacké Noviny (№ 69 и сл.) А. В. Верекинъ, а въ третій разъ она переведена И. Гошкомъ въ Русской Библ. (т. XIII, стр. 152—194).

Въ 1855 году въ журналѣ Lumír (т. I, стр. 315) появилась «Ночь передъ Рождествомъ» («Noc před Vánocemi») въ переводѣ Либишанскаго; вторично перевелъ ее В. Покъ въ изданіи И. Л. Кобра Ustřední knihovna (вып. 73); третій переводъ, подъ заглавіемъ: «Štědrý večer», принадлежитъ Руд. Бѣгалу (въ газетѣ Moravská Slovač, 1888, № 87), четвертый — Яну Вагнеру (Česká bibl. rodinná, R. II, sv. 5) и пятый — И. Гошку (Ruská knih., т. XIII, стр. 105—151).

Значительно позже сдѣлался достояніемъ чешской литературы «Ревизоръ». Комедія Гоголя впервые была представлена на сценѣ пражскаго «Временнаго театра» («Prozatimní divadlo»)

21 апрѣля 1865 года, въ переводѣ И. Гуттара: «Revisor, ruská národní komedie v 5 jednáních»[36]). На сценѣ чешскаго Національнаго театра (Národní Divadlo) она была поставлена только 20 октября 1891 года и имѣла, какъ свидѣтельствуютъ театральные отчеты, несомнѣнный успѣхъ (См. Národní Listy, 1891, № 298; Zlatá Praha, № 50, str. 600; Světozor, № 49, str. 587—589; Čas, str. 698—699; Česká Thalie, str. 359 и сл.). Второй переводъ, сдѣланный I. S., носитъ заглавіе: «Revisor, aneb: «Nehněvej se na zrcadlo, máš li křivou hubu», veselohra v 5 jednáních», и вышелъ въ двухъ изданіяхъ: 1) въ журналѣ Česká Thalie въ 1867 г., и 2) въ коллекціи Divadelní ochotník (вып. 4-й) въ 1882 г. Изъ журнальныхъ сообщеній мы знаемъ, что «Ревизора» перевелъ на чешскій языкъ и В. Ч. Бендль, извѣстный переводчикъ произведеній Пушкина, но переводъ его остался неизданнымъ (См. Lumír, 1865, 175; Rozhledy literární, 1886, 112). Новѣйшій (1892 г.) переводъ «Ревизора» сдѣланъ И. Гошкомъ (Ruská knih., т. XIII, 231—341; рец. Vlasť, 1893, № 5), присоединившимъ впервые къ переводу комедіи Гоголя и «Развязку Ревизора» («Rozuzlení Revisora»). Въ 1902 году переводъ Гошка съ вступительной статьей д-ра К. Кольмана вышелъ въ популярномъ изданіи Světová knihovna (вып. 271—272). Съ шестидесятыхъ годовъ и до настоящаго времени «Ревизоръ» встрѣчаетъ всегда сочувственное отношеніе чешской публики и изрѣдка появляется на сценахъ небольшихъ загородныхъ театровъ, такъ называемыхъ пражскихъ «аренъ». Въ послѣдній разъ мы имѣли случай видѣть его на сценѣ такого театра (Pištěkovo divadlo na Král. Vinohradech) лѣтомъ 1901 года. «Ivan Fedorovič Špoňka» перевелъ Ц. Фричъ въ юмористическомъ журналѣ Palecěk (1882 г.); второй переводъ принадлежитъ В. М. Имрамовскому, въ ж. Zlatá Praha (I. 1884, 198 и сл.), и третій — И. Гошку (Ruská knih., т. XIII, 195—221).

«Игроки» («Hráči. Obraz z ruského života v 1 jednání») перевелъ

36) Ср. «Ревизоръ на чешскомъ языкѣ», Книжн. Вѣстн., 1865, № 10, 205. ъ іюнѣ 1902 г. «Ревизоръ» опять поставленъ на сценѣ Нац. театра.

д-ръ Павелъ Дурдикъ и издалъ въ 1885 г. въ собраніи Ochotnické divadlo (вып. 12-й). «Игроки» представлены были въ первый разъ на сценѣ чешскаго Національнаго театра 9-го января 1885 года. Произведеніе Гоголя, по отзывамъ театральныхъ рецензентовъ (Slovanský Sborník, IV, 1885, стр. 111. Ср. еще отчетъ о первомъ представленіи въ газ. Národní Lísty, 1885, № 11), имѣло несомнѣнный успѣхъ на чешской сценѣ. «Игроковъ» нельзя назвать новинкой, замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ, тѣмъ не менѣе они явились лакомымъ блюдомъ, поднесеннымъ чешской публикѣ. Пьеса эта, представляющая въ сущности драматизированный анекдотъ, не понравилась бы, если бы ее написалъ писатель чешскій, но она имѣла успѣхъ, благодаря своему русскому характеру, и произвела бы сенсацію, если бы была написана какимъ-нибудь французскимъ писателемъ»...

Отрывокъ, «Noc na Ukrajině» (Украинская ночь) напечатанъ былъ въ газетѣ Český Jih въ 1891 г. (№ 5, приложеніе). Въ XIII-мъ томѣ Русской библіотеки въ переводѣ И. Гошка помѣщены еще: «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» («Svatojanský večěr», стр. 39—55), «Пропавшая грамота» («Ztracený list», стр. 86 — 98) и «Заколдованное мѣсто» («Začarované místo», стр. 222—230). Въ нѣмецкомъ переводѣ послѣдняя повѣсть стала извѣстна чешскому обществу значительно раньше, а именно уже въ 1847 г., когда она появилась въ переводѣ I. E. Шнейдера («Der verzauberte Ort») въ пражскомъ журналѣ «Ost und West» (№ 95 и 96).

* * *

Смерть Гоголя вызвала въ Чехіи неподдѣльное, искреннее огорченіе. Одну изъ первыхъ замѣтокъ о смерти популярнаго уже въ Чехіи русскаго писателя встрѣчаемъ въ № 73-емъ газеты Pražské Noviny 1852-го года. Здѣсь сообщалось: «Знаменитый русскій писатель Николай Васильевичъ Гоголь, произведенія котораго въ переводѣ и въ Чехіи пользуются большими симпатіями (кто не знаетъ, напримѣръ, его «Тараса Бульбы» и другихъ пре-

красныхъ сочиненій!), скончался въ Москвѣ 5 марта с. г., въ 8 ч. утра, послѣ непродолжительной болѣзни на 44 году жизни».

Подробныя извѣстія о послѣднихъ минутахъ, кончинѣ и похоронахъ Гоголя вскорѣ сообщилъ Ганкѣ, имѣвшему счастье лицезрѣть великаго русскаго писателя и бесѣдовать съ нимъ, московскій корреспондентъ его, переводчикъ Краледворской рукописи Н. В. Бергъ [37]). «Драгоцѣнный Вячеславъ Вячеславичъ!» писалъ онъ своему пражскому другу 19 апрѣля 1852 года, «вы конечно знаете, что мы лишились нашего великаго Гоголя. Это поразило насъ всѣхъ ужасно. До сихъ поръ не можемъ опомниться. Все, что у него оставалось не напечатаннымъ, онъ сжегъ, а равно и второй томъ Мертвыхъ Душъ. Въ сороковой день по кончинѣ его были поминки въ Даниловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ положенъ рядомъ съ Языковымъ, Валуевымъ и Венелинымъ, и трапеза для сорока человѣкъ бѣдныхъ. Это было въ понедѣльникъ на Святой. Ст. П. Шевыревъ прочелъ за нашимъ обѣдомъ (который былъ тамъ же, въ покояхъ архимандрита) Свѣтлое Воскресеніе Гоголя. Всѣ были тронуты до слезъ. Немного такихъ мгновеній, какія мы прожили тамъ, дается человѣку на землѣ! Миръ праху твоему, великій человѣкъ!... На памятникѣ, который хотятъ поставить ему друзья, будетъ (какъ говорили на поминкахъ) написано слѣдующее: Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся. Не помню, откуда это. Чуть ли не изъ книги I. Сына Сирахова. На поминкахъ присутствовали Шевыревъ, Погодинъ, Хомяковъ, П. Кирѣевскій, Елагинъ, Грановскій, Соловьевъ, Островскій (замѣчательный изъ молодыхъ писателей) и др., — всего около сорока человѣкъ. На похоронахъ его была, можно сказать, вся Москва. Я имѣю лишнюю гипсовую маску, снятую съ лица Гоголя; увѣдомьте, какъ бы мнѣ вамъ ее переслать, я бы переслалъ»...

По случаю кончины Гоголя Н. В. Бергъ написалъ для «Москвитянина» (1852, № 8, апрѣль, кн. 2-ая, стр. 273) стихотво-

37) Впослѣдствіи лекторъ русскаго языка въ Имп. Варшавскомъ университетѣ. Скончался въ 1884 году.

реніе, которое сообщилъ Ганкѣ въ этомъ же письмѣ. Ганка не замедлилъ перевести на чешскій языкъ и приведенный нами отрывокъ изъ письма Берга и самое стихотвореніе и подѣлиться съ чешскимъ читателемъ скорбной вѣстью о кончинѣ великаго русскаго писателя, ставшаго уже хорошо извѣстнымъ въ Чехіи. Стихотвореніе Н. В. Берга въ оригиналѣ и чешскомъ переводѣ и отрывокъ изъ письма напечатаны были въ приложеніи къ журналу Lumír 1852 г. (№ 8, 20 мая н. ст.) [38]).

НАДЪ ГРОБОМЪ ГОГОЛЯ.

Ударилъ часъ — и нѣтъ у насъ Его!
Пытливое еще закрылось око!
Еще у насъ не стало одного,
Кто вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко.

И онъ, какъ тѣ, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И всѣ сердца исполнились печали
И поняли, кого межъ нами нѣтъ,
Кого мы безвозвратно потеряли!

А между тѣмъ, тогда, какъ съ нами жилъ
И дѣйствовалъ, и мыслилъ этотъ геній,
Исполненный живыхъ, чудесныхъ силъ
И тайныхъ неразгаданныхъ видѣній, —

Тогда вполнѣ его не понималъ
Никто изъ насъ, по своему толкуя
О томъ, что́ онъ въ душѣ своей скрывалъ,
Одинъ за всѣхъ страдая и тоскуя.

И малодушно былъ онъ осужденъ,
И много въ немъ увидѣли пороковъ,
И много нареканій вынесъ онъ
И горько-оскорбительныхъ упрековъ.

---

38) Приводимъ здѣсь оба текста какъ они напечатаны въ названномъ журналѣ.

Но все молчалъ, таясь отъ всѣхъ вдали;—
И умеръ онъ... и вдругъ намъ грустно стало,
Что мало жизнь мы эту берегли
И — можетъ — ей сочувствовали мало.

И суетясь ко гробу мы спѣшимъ,
Гдѣ скрылся онъ, борьбою утомясь,
И плачемъ тамъ, склоняясь передъ нимъ
И за душу покойнаго молясь.

Какъ будто смерть разоблачила намъ
Его нераздѣленныя страданья,
И шутки со слезами пополамъ,
И вѣчное, упорное молчанье;

Какъ будто намъ теперь лишь уясненъ
Великій духъ, и мы должны сознаться,
Что въ правѣ былъ задумываться онъ
И въ самого себя уединяться.

NAD HROBEM GOGOLOVÝM.

Udeřil čas — i není Ho u nás!
Zpytavé ještě zakrylo se oko!
Ještě nepovstal ani jeden z nás,
Kdoby znal Rus' v životě tak hluboko!

On jako ti uhas ve květu let,
Všecka srdce naplnila se smutkem
I poňala, koho ztratil náš svět,
Koho jsme měli slovem, koho skutkem!

A mezi tím, tehda když s námi žil,
I působil, i myslil tento Genij,
Naplněn jsa živých, podivných sil
I tajných, nerozhodnutých vidění,

Tehda vplně jeho neponímal
Nižádný z nás, jak sám znal vykládaje
To, co v duše své hloubi ukrýval,
Sám za všecky stesk veda i strádaje.

I malodušně byl odsouzen on,
I mnoho v něm viděli chyb vzdorů,
I mnoho naříkání vynes on,
I hořce urážlivých napřekorů.

Než vždy mlčel, taje se všech vdáli,
I umřel on — i hned se smutno stalo,
Že málo jsme život ten chránili,
I snad též jej spolucítili málo.

I na překot k hrobu jsme spěchali,
Kde skryl se on, zápasem v unavení,
I pláčem sklánějíc se v pečali
Za duši nebožtíka v modlení.

Jakoby smrt rozoblačila nám
Jeho nerozdělené utrpení,
I žerty se slzami kanou nám,
I věčné — i tvrdošijné mlčení.

Jakoby nám teď teprv objasněn
Veliký duch — i dlužni jsme přiznat se,
Že právo měl tak býti zahluben
I v samého v sebe ustraňovat se.

Получивъ отъ Ганки переводъ своего стихотворенія, Бергъ писалъ ему (11 іюня 1852 г.): «Переводъ вашъ сдѣланъ съ поразительною вѣрностью. Я позволю себѣ замѣтить только одно мѣсто: въ концѣ предпослѣдней строфы въ вашемъ переводѣ какъ будто сказано не совсѣмъ то, что у меня по-русски: «И шутки со слезами пополамъ, И вѣчное упорное молчанье», т. е. и шутки,

перемѣшанныя со слезами, и вѣчное молчаніе его (смерть какъ будто разоблачила). Извините, если я ошибся, но думаю, что вы меня не поняли»... Дѣйствительно, Ганка не понялъ этого мѣста стихотворенія Берга, какъ легко убѣдиться изъ сравненія указанныхъ стиховъ оригинала и перевода. Тогда же Бергъ сообщалъ Ганкѣ, въ добавленіе къ извѣстіямъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, еще нѣсколько подробностей. «Когда сильно занемогъ Гоголь,— писалъ Бергъ,— вся Москва приняла въ этомъ участіе. Всѣ при встрѣчахъ другъ съ другомъ спрашивали: «А что слышно объ Гоголѣ?» «Каковъ онъ?» Въ четвергъ 21-го февраля разнеслась по городу ужасная вѣсть о его кончинѣ. Онъ умеръ на квартирѣ графа Толстого, въ домѣ Талызина на Никитскомъ бульварѣ. Всѣ бросились поклониться покойному. Комната, гдѣ стояло тѣло, была постоянно полна народомъ. Маску сняли немедля. 22-го февраля, въ пятницу, въ 8 часовъ вечера, назначена была панихида и выносъ тѣла въ университетскую церковь. Между посѣтителями были попечитель Московскаго учебнаго округа Его Прев. Генералъ-Адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. По выслушаніи паннихиды, тѣло вынесли на рукахъ и несли вплоть до церкви друзья и знакомые покойнаго. На другой день было двѣ паннихиды, при чемъ въ церковь стекалось множество народа. Въ день погребенія (воскресенье, 24 февраля) вся церковь наполнилась народомъ, а также сѣни, крыльцо и часть улицы. Было до четырехъ тысячъ человѣкъ. Тутъ замѣтили лежащій въ головахъ покойнаго свѣжій лавровый вѣнокъ, принесенный неизвѣстно кѣмъ. Къ концу обѣдни прибылъ г. Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Его Сіят. графъ Арсеній Андр. Закревскій. Всѣ должностныя лица были въ мундирахъ. По окончаніи обѣдни и отпѣванія тѣло вынесли изъ церкви на рукахъ профессора Грановскій, Соловьевъ, Кудрявцевъ и др. и передали внизу, на улицѣ, народу. Много было желавшихъ нести тѣло, и такъ оно было донесено до монастыря, несмотря на дурную дорогу и снѣгъ по колѣна и на значительное разстояніе,— отъ университета до Даниловскаго монастыря вѣр-

ныхъ пять верстъ,— всѣ шли пѣшкомъ, не чувствуя усталости... Экипажи тянулись безконечной вереницей сзади... Такъ мы похоронили нашего великаго Гоголя! И никто не запомнитъ такихъ похоронъ, никогда не было такого общаго сочувствія къ писателю (кромѣ, разумѣется, похоронъ Пушкина въ Петербургѣ), такой общей печали... По прошествіи шести недѣль былъ распечатанъ шкапъ его и тамъ найдено нѣсколько тетрадей разныхъ неизвѣстныхъ сочиненій: пять главъ (несовсѣмъ отдѣланныхъ) 2-го тома «Мертвыхъ душъ», внутренняя біографія и нѣкоторыя другія. Все это будетъ издано въ свѣтъ при первой возможности. С. П. Шевыреву поручено Академіей Наукъ составить біографію покойнаго, для чего Степанъ Петровичъ ѣдетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Полтавскую губернію, гдѣ родился Гоголь, и гдѣ живы еще его мать и три сестры».

И этими строками Ганка поспѣшилъ подѣлиться съ своими соотечественниками. Переводъ приведеннаго здѣсь отрывка изъ письма Берга сдѣланъ былъ извѣстнымъ переводчикомъ Пушкина Бендлемъ (псевд.: Ченекъ Страницкій), очевидно, по порученію Ганки, и напечатанъ былъ въ томъ же журналѣ Lumír (1852, прилож. № 11), подъ заглавіемъ: «Poslední doby N. Gogola a pozůstalé spisy jeho». Въ дополненіе къ сообщеніямъ Берга переводчикъ присоединилъ извлеченіе изъ статьи Погодина (въ «Москвитянинѣ») о послѣднихъ минутахъ Гоголя, посланной Бергомъ Ганкѣ одновременно съ упомянутымъ письмомъ. Оба извлеченія изъ писемъ Берга перепечатаны были тотчасъ же въ газетѣ Pražské Noviny (1852, № 123 и № 165—166), уже раньше сообщившей читателямъ своимъ краткій очеркъ жизни и обзоръ литературнаго наслѣдія Гоголя (1852, № 98—100). Въ томъ же 1852-мъ году принесла нѣсколько замѣчаній о взаимныхъ отношеніяхъ Жуковскаго и Гоголя («Žukovský a Gogol») вѣнская чешская газета Vesna (№ 29).

Обстоятельный біографическій очеркъ и характеристику литературной дѣятельности Гоголя представилъ Е. Вавра къ его переводу «Мертвыхъ душъ» (Slovanské Besedy, R. II—III, str.

145—164). О значеніи Гоголя въ исторіи русской литературы говоритъ Antal Stašek въ статьѣ: «Ruské básnictví a Turgenèv» (Osvěta, III, 1873, leden, 65—66), но сужденія его довольно поверхностны; I. V. разсуждаетъ о томъ же въ ж. Světozor 1881 г. (т. XV, 281, 290). Въ замѣткѣ: «Pěstouni Gogolovi» (по Скабичевскому) разсказывается о злоключеніяхъ Гоголя съ цензурой (Slovanský sborn., V, 1886, 283). Статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ перевелъ В. Мрштикъ («Bělinskij o Gogolovi», въ ж. Rozhledy literární, 1887, № 11). Ему же принадлежитъ замѣтка «Gogol ve Vídni» (въ ж. Česká Thalie, 1887, str. 201), по поводу постановки «Ревизора» на Вѣнской сценѣ. Нѣсколько словъ къ пятидесятилѣтію «Ревизора» написалъ д-ръ К. Кадлецъ (въ ж. Literární listy, IX, 1888, 55—57). Драматическимъ произведеніямъ Гоголя посвящаетъ нѣсколько замѣчаній неизвѣстный авторъ статьи: «Ruské hry, realismus na jevišti a české národní drama» въ ж. Literární Listy, X, 1889, str. 64, 97. Іос. Конерза по лекціямъ О. Ѳ. Миллера составилъ очеркъ отношеній русской критики къ Гоголю: «Několik slov o Gogolovi a kritice občasí Gogolovského» въ ж. Liter. listy, XI, 1890, 172, 191, 221.

Исторію затрудненій при постановкѣ «Ревизора» на сценѣ разсказываетъ К. Штепанекъ въ очеркѣ: «K dějinám Gogolova «Revisora» (въ ж. Česká Thalie, 1891, стр. 341); ему же принадлежитъ обстоятельная біографія Н. В. Гоголя въ чешскомъ Энциклопедическомъ словарѣ (Ottův Slovník Naučný, X, 252). Къ своему переводу «Мертвыхъ душъ» (1891 г.) присоединилъ И. Гошекъ краткое жизнеописаніе и очеркъ дѣятельности Гоголя (стр. 393—400). Критическія статьи и замѣтки по поводу изданія сочиненій Н. В. Гоголя въ чешскомъ переводѣ («Ruská knihovna») появлялись въ многочисленныхъ журналахъ въ разное время; отмѣчаемъ болѣе значительныя изъ нихъ: въ ж. Zlatá Praha, 1891, str. 588; 1892, 588; 1893, 576; Čas, 1891, 714; Hlídka literární, 1892, № 5 (о «Мертвыхъ душахъ»), 1893, str. 63—65 (A. Vrzal), 1894, 18—20, 58—59 (A. Vrzal). По поводу выхода въ свѣтъ одиннадцатаго русскаго изданія сочиненій

Н. В. Гоголя — замѣтка въ ж. Vlasť, X, 1893—94, 449, 561. Рефератъ о статьѣ Н. Василькова въ «Вѣстникѣ воспитанія» (1893, № 5) — «Typy vychovatelův a vychování ve spisech Gogolových» (Na pamět «Mrtvých duší», r. 1842—1893) находимъ въ чешскомъ педагогическомъ журналѣ Paedagogické Rozhledy, VII, 1894, seš. II. Отрывки изъ статьи Гоголя «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ» переведены въ очеркѣ: «Z kritických článků Bělinského a Gogola o Puškinovi» (Rozhledy, VIII, 1899, № 17). О заслугахъ Гоголя въ исторіи новой русской литературы говоритъ И. Махалъ въ обширной статьѣ: «O ruském románu novodobém» (Česká Revue, III, 1899). Замѣчательнѣйшій изъ современныхъ чешскихъ поэтовъ Ярославъ Врхлицкій въ сборникѣ «Dojmy a rozmary» (1880 г., str. 226) посвятилъ нашему писателю сонетъ, озаглавленный «Gogol», въ коемъ въ поэтической формѣ попытался опредѣлить основные мотивы творчества Гоголя:

Vše objal duchem, byltě jak svět celý,
vše lidi znal v jich ctnostech a jich hříchu,
a nad vším rozpoutal bouř svého smíchu,
jak bůh rozházel svého hněvu střely.

On smál se dál—a lidé kol se chvěli,
on klidně všecku velkost jich a pýchu,
v nic svážil—ale při tom trpěl v tichu,
nes všecky jejich bludy, moloby, žely.

Jak titan chytal směle skály slov
a stavěl v stálém smíchu kolos bájný,
jak s bohem o závod kdo více stvoří.

A lesů ruch a stepi smutek tajný,
vše dýše z jeho básně rovné moři,
z níž na vás «bratře» volá Čičikov.

Вл. Францевъ.

3 2044 012 696 373

2-10

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.

REC'D FEB 24 1983

FEB 14 1983

7371793

SMALL STUDY
CHARGE